А. ПОЗДНЕЕВ.

ОБРАЗЦЫ
НАРОДН. ЛИТЕР. МОНГОЛ
ПЛЕМЕН в 1.

33
447

XII 1879
Экземпляръ П. А. Скрыдлова
14 февраля 1881 г. от автора.
Д 462
О 33
447

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МОНГОЛОВЪ.

СОБРАНЫ И ИЗДАНЫ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПРИМѢЧАНІЙ О ХАРАКТЕРѢ НАРОДНОЙ ПѢСЕННОЙ ПОЭЗІИ МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПРІЕМАХЪ СТИХОСЛОЖЕНІЯ У МОНГОЛОВЪ

А. Позднѣевымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1880.

О 33/447

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МОНГОЛОВЪ.

§ 1 2/X 54

СОБРАНЫ И ИЗДАНЫ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПРИМѢЧАНІЙ О ХАРАКТЕРѢ НАРОДНОЙ ПѢСЕННОЙ ПОЭЗІИ МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПРІЕМАХЪ СТИХОСЛОЖЕНІЯ У МОНГОЛОВЪ

А. Позднѣевымъ.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
ф. 32-4649

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1880.

Печатано по опредѣленію факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго Университета, 4-го февраля 1880 г.

Деканъ *В. Васильевъ.*

2007096202

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I — VI
Возстановленный текстъ халхаскихъ, ӧлётскихъ и бурятскихъ пѣсенъ, представляемыхъ въ изслѣдованіи	1— 43
Предварительныя замѣчанія о значеніи и общемъ характерѣ пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ	45— 74
Пѣсни Халхаскихъ Монголовъ	74—134
Пѣсни Ӧлётовъ	134—185
Пѣсни Бурятъ забайкальскихъ	185—263
Пѣсни Бурятъ добайкальскихъ	263—297
Замѣтка о литературныхъ стихотвореніяхъ монгольскихъ племенъ	297—319
Различные пріемы монгольскаго стихосложенія	319—346

Habent sua fata libelli.

Предлагаемая книга силою обстоятельствъ является предъ читателями совершенно не въ той формѣ, въ которой должна была она явиться по моему первопачальному плану. Дѣло въ томъ, что, составивъ во время путешествія своего по Монголіи, Чжунгаріи и степямъ Забайкалья сборникъ образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ, я, намѣреваясь предпринять изъ Иркутска обратный путь въ Россію по Монголіи же, счелъ за лучшее не подвергать свои коллекціи всѣмъ неудобствамъ тяжелаго восьми-мѣсячнаго передвиженія подъ открытымъ небомъ и на спинѣ верблюда, а передалъ ихъ Восточно-Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Географ. Общ. для пересылки въ Петербургъ Возвратившись изъ Монголіи, я надѣялся найти свои коллекціи уже въ Петербургѣ, но вмѣсто нихъ меня ожидало здѣсь извѣщеніе, что переданныя мною книги и рукописи были своевременно отправлены въ Петербургъ, затѣмъ почтовымъ вѣдомствомъ возвращены снова Отдѣлу и 24 іюня сгорѣли вмѣстѣ съ зданіемъ Отдѣла въ стражный пожаръ г. Иркутска. Такимъ образомъ, вмѣсто обширнаго сборника, который давалъ значительныя средства къ уясненію характера народной литературы и могъ служить богатымъ матеріаломъ для изслѣдованій современной намъ живой рѣчи монголовъ, у меня осталось въ рукахъ не болѣе полусотни пѣсенъ, да около ста пословицъ, поговорокъ и загадокъ, записанныхъ во время обратнаго пути по Монголіи. Зная одна-

ко, что и этотъ сборникъ превосходитъ своею величиною и достоинствомъ все извѣстное намъ количество памятниковъ устнаго, народнаго творчества монголовъ, я тогда же рѣшился обнародовать его въ печати, приложивъ къ тексту и переводу пѣсенъ краткій литературный очеркъ пѣсенной поэзіи монголовъ вообще и, въ видѣ примѣчаній, замѣтки объ особенностяхъ народнаго языка монголовъ, насколько выясняли то представляемыя мною пѣсни. Было уже готово около двухъ-третей моего изслѣдованія въ означенномъ планѣ, какъ получилъ я новое увѣдомленіе изъ Иркутска, которымъ давали мнѣ знать, что мои «случайно уцѣлѣвшія отъ пожара» коллекціи представлены Отдѣлу и въ непродолжительномъ времени будутъ высланы въ Петербургъ снова. Въ февралѣ я получилъ эти сборники народной литературы халхаской, ӧлӧтской, и бурятской и нѣсколько прежде того древнѣйшій памятникъ монгольской письменности — Юань-чао-ми-ши. Это обогащеніе побудило меня на первыхъ же порахъ разширить свое изслѣдованіе особливо въ изложеніи наблюденій надъ составомъ языка монгольскихъ племенъ: текстъ Юань-чао съ его обширностію и, хотя нѣсколько своеобразною, но отмѣнною опредѣлительностію китайскаго іероглифическаго письма, извѣстные намъ памятники квадратной письменности монголовъ, принадлежащій библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета богатый сборникъ монгольской литературы XVIII вѣка, наконецъ пріобрѣтенныя мною позднѣйшія литературныя произведенія монголовъ вмѣстѣ съ собранными образцами ихъ устнаго творчества давали къ тому полную возможность. Я разширилъ свои примѣчанія и увеличилъ количество образцевъ, представляемыхъ мною пѣсенъ; но въ апрѣлѣ, когда былъ уже напечатанъ монгольскій текстъ этой книги, я получилъ еще часть своихъ коллекцій, при чемъ мой сборникъ народной литературы обогатился главнымъ образомъ по отдѣлу пословицъ, поговорокъ и загадокъ халхаскихъ и бурятскихъ (всего 515 образцовъ). Понятно, что въ это время, когда начато уже было печатаніе книги, новая передѣлка изслѣдованія была невозможна, — я рѣшился оставить его та-

кимъ, какимъ оно тогда представлялось; желая же обнародовать массу имѣющагося у меня матеріала, который долженъ былъ послужить какъ основою для моихъ собственныхъ изслѣдованій по языку, такъ и могъ представить для другихъ средство къ изученію народной литературы и языка монголовъ, я положилъ измѣнить планъ всего своего труда. Habent sua fata libelli; — книга, вмѣсто того чтобы быть моимъ законченнымъ изслѣдованіемъ о народной литературѣ монгольскихъ племенъ, обратилась только въ часть его и, по отношенію къ преслѣдуемой мною цѣли, пожалуй, не можетъ быть названа иначе какъ введеніемъ.

Согласно этому, вновь составленному плану, я намѣренъ издать свое изслѣдованіе и матеріалы для онаго въ четырехъ выпускахъ. Первый изъ нихъ, нынѣ представляемый читателямъ, заключаетъ въ себѣ образцы пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ въ количествѣ 85 и характеристику этого рода твореній у монголовъ вообще. Я старался выяснить здѣсь общій духъ пѣсенной поэзіи монголовъ, изложить основные мотивы монгольской пѣсни, указать способы ихъ развитія и опредѣлить какимъ образомъ извѣстный мотивъ могъ найти свою основу въ народной жизни того или другаго монгольскаго племени, а равно въ силу какихъ обстоятельствъ получилъ онъ ту или другую сторону развитія. Чтобы придать возможно большую полноту своему очерку, я выбиралъ самыя характерныя черты изъ всего, имѣвшагося у меня матеріала для сужденій о пѣсенной поэзіи монголовъ и такимъ образомъ построилъ свое зданіе не на однихъ представляемыхъ образцахъ, но и на тѣхъ, изданіе которыхъ войдетъ въ составъ втораго выпуска этого изслѣдованія Читатели поэтому не найдутъ новыхъ темъ въ пѣсняхъ, имѣющихъ быть представленными во второмъ выпускѣ: по содержанію онѣ будутъ служить только подтвержденіемъ того, что говорится въ настоящей книгѣ и если я съ своей стороны все таки намѣренъ предпринять ихъ обнародованіе въ печати, то это потому, что остающіяся у меня неизданными пѣсни могутъ представить собою бо̀льшій матеріалъ для пожелающихъ взглянуть на пѣсенную поэзію монголовъ съ

другой какой либо стороны и во вторыхъ потому, что онѣ несомнѣнно открываютъ собою новый и богатый источникъ для монгольскаго языковѣденія. Еще болѣе цѣннымъ именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляется для меня третій выпускъ, въ содержаніе котораго войдутъ пословицы, поговорки и загадки монголовъ. Этотъ послѣдній выпускъ нынѣ почти приготовленъ мною къ печати и работы надъ нимъ болѣе всего побудили меня къ измѣненію общаго плана изданія своего труда. Такимъ образомъ богатство данныхъ для лингвистическихъ изысканій, которое представляетъ собою языкъ пословицъ и поговорокъ, побудили меня прежде всего изъять совершенно свои примѣчанія къ настоящему выпуску. Содержаніемъ ихъ было, по преимуществу, изложеніе моихъ наблюденій и изысканій о происхожденіи, существѣ и видоизмѣненіяхъ грамматическихъ формъ монгольскаго языка; но, являясь въ видѣ примѣчаній къ издаваемому тексту и находясь такимъ образомъ въ безусловной зависимости только отъ этихъ 85-ти пѣсенъ, мои изслѣдованія по языку конечно не могли быть изложенными здѣсь во всей своей полнотѣ и опредѣленности. Я сознавалъ, что каждый новый выпускъ потребовалъ бы отъ меня новыхъ примѣчаній и всѣ они вмѣстѣ имѣли бы все таки видъ безсвязной массы данныхъ, на основаніи которыхъ трудно было бы сдѣлать какіе либо лингвистическіе выводы только въ силу того, что эти данныя не имѣли у себя ни какой системы. Все это побудило меня не разбрасывать своихъ замѣтокъ по лингвистикѣ въ отдѣльныхъ выпускахъ, а собравъ ихъ въ одно цѣлое, представить въ стройной системѣ, уже послѣ изданія всѣхъ матеріаловъ, въ четвертой книгѣ этого труда, которая потому будетъ ничѣмъ инымъ, какъ историческою грамматикою монгольскаго языка.

Обращаясь теперь къ настоящему труду, я вполнѣ сознаю, что онъ, какъ по своему содержанію, такъ и по зависящей отъ содержанія формѣ изложенія, весьма во многомъ не сходствуетъ съ тѣми изслѣдованіями произведеній народнаго творчества, которыя появлялись у насъ и къ которымъ уже привыкли мы за

послѣднее время. Сочиненія этого рода обыкновенно заключаютъ теперь въ себѣ критическій разборъ народныхъ произведеній съ цѣлью опредѣлить для каждаго изъ нихъ мѣсто и время происхожденія, выяснить — принадлежитъ ли извѣстное произведеніе къ числу памятниковъ оригинальнаго народнаго творчества, или же оно заимствовано у какого либо другаго народа и у какого именно. При такихъ задачахъ современныя наши изслѣдованія народныхъ произведеній естественно должны наполняться разнаго рода историческими соображеніями и представлять собою сборники научнаго сличенія и сопоставленій разбираемыхъ образцовъ съ такими же памятниками всемірной литературы; но мнѣ казалось, что въ изслѣдованіи памятниковъ народнаго творчества монголовъ еще не приложимы, или по крайней мѣрѣ не такъ полезны и важны подобныя изыскапія. Для насъ прежде всего необходимо имѣть представленіе объ общемъ характерѣ народной поэзіи монголовъ, а между тѣмъ кто до сего времени основательно, т. е. съ изложеніемъ доказательствъ, говорилъ когда либо хотя бы то о содержаніи монгольскихъ пѣсенъ? Собравъ все, что было у насъ написано въ отрывистыхъ, короткихъ и малодоказательныхъ сказаніяхъ путешественниковъ по сему предмету, можно было думать, что любимыя темы монгольской пѣсни суть воспоминанія о минувшихъ славныхъ временахъ, воспѣваніе доблестей древнихъ героевъ и хвала вѣрному и постоянному другу монгола — коню; но на дѣлѣ оказывается, что эпическія пѣсни положительно у всѣхъ монгольскихъ племенъ можно находить только какъ рѣдкость, а воспѣваніе похвалъ коню далеко уступаетъ свое мѣсто изліяніямъ благоговѣйныхъ чувствъ передъ буддою. Вотъ почему я и счелъ нужнымъ установить правильный взглядъ на содержаніе монгольской пѣсенной поэзіи, указавъ главнѣйшія темы монгольскихъ пѣсенъ и выяснивъ отношеніе и связь ихъ съ жизнью и бытомъ народа: безъ этого знанія основнаго характера народныхъ пѣсенъ мы не могли бы, мнѣ кажется, и отличить оригинальной пѣсни отъ заимствованной и передѣланной, или даже переводной сполна.

Не могу не сказать далѣе, что при изученіи образцовъ народнаго творчества монголовъ мое вниманіе занимали главнымъ образомъ изслѣдованія по языку; оттого настоящій трудъ, равно какъ и два послѣдующіе за нимъ выпуска «образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ», представлялись для меня лично не болѣе какъ матеріаломъ, на которомъ должны основаться мои лингвистическія изслѣдованія. Читатель знаетъ теперь, что матеріалы для изученія увеличивались у меня постепенно, что прошло уже довольно времени съ той поры, какъ окончен этотъ трудъ и что въ это время мною былъ разработанъ еще цѣлый отдѣлъ народной литературы. Я не скрою, что эти новыя изслѣдованія привели меня и къ новымъ заключеніямъ, которыя уже теперь даютъ мнѣ возможность видѣть нѣкоторыя погрѣшности и опущенія въ настоящемъ трудѣ; для примѣра я укажу хоть на самую важную мою оплошность въ транскрипціи, по которой я не отмѣчалъ ничѣмъ глухихъ гласныхъ звуковъ, а между тѣмъ они играютъ важную роль въ различныхъ видоизмѣненіяхъ какъ отдѣльныхъ слоговъ, такъ и цѣлыхъ словъ и даже при взаимныхъ сочетаніяхъ словъ въ рѣчи. На эту то сторону труда, т. е. какъ на матеріалъ для лингвистическихъ изслѣдованій, я и попросилъ бы благосклонныхъ читателей, знакомыхъ съ монгольскимъ языкомъ, обратить по преимуществу свое вниманіе и всякое дѣльное замѣчаніе ихъ будетъ принято мною съ глубокою благодарностію.

А. Позднѣевъ.

25-го ноября
1880 г.

٣ ميم م ليمبيك ا سين

سسس نشسس ٭ ٦ضضبرب ٦ونوز سس ٭ كا ٣٧ م ٦ليز نسبس ٭ 1
ستصيح ٭ كا سيشب ٣٣ مرس نشاح ٭ رسيشب كرى كسب ٭ ٣٣ ٦هزيد
كس ٭ رسيشب كرى كسب ٭ ٣٣٦ مرد ٦ميم ٣٧س ٭ ٦ضضبرب كونوز
٭ ٣٥ ٦وس سسس كا نشب ٭ ٦ضضبرب نشضبضبز سشب ٭ كا ٣٧ م ٦ليز
٦ضضبرب مسوس ٦ونوز ٭ رسيشب كرى كسب ٭ كا ٣٧ م ٦ليز ٦ونوز
م ٦ليز ٥ح ٦ونوز ٭ رسيشب كرى كسب ٭ ٣٣ نس ٦ونوز ٣" ٣٥ ٦ونوز
٭ ٣٣ ٦هزيد سسس ٣٣ ٦ونوز ٭ ٦ضضبرب مسوس ٣٣ ٦ونوز ٭ كا ٣٧
٭
كسب كرى كسب ٭ رسيشب

2 ٭ ٥ح ٦ضضبرب نشضبضبز ٣٣ ٥ح مسضبح ٭ كا مسوس نشضبضبز ٭ نسسبس
نشضبضبز ٣٣ نشسوس ٭ ٥ح نسس مسوس كرسس ٦ح" ٣ضضبح ٭ ٥ح نسس ٦ليز
٣٧سوس ٭ كا نسس ٦ليز مسس ٭ نسسبس مسوس نشضبضبز ٭ كا مسوس
نس ٦وس ٭ ٦ضضبرب كسسبس ٭ كا ٣٧س مسس ٭ ٥ح ٣٣ كرسس

ﻣﺴﺘﺸﻔﻰ ﻫﻮ ﺍﻟﺬﻱ ﻳﻌﺎﻟﺞ ﺍﻟﻤﺮﺿﻰ ، ﻭﻣﺪﺭﺳﺔ ﻫﻲ ﺍﻟﺘﻲ ﻳﺪﺭﺱ ﻓﻴﻬﺎ ﺍﻟﻤﻌﻠﻤﻮﻥ ، ﻭﻣﺼﻨﻊ ﻫﻮ ﺍﻟﺬﻱ ﻳﺼﻨﻊ ﻓﻴﻪ ﺍﻟﻌﻤﺎﻝ ، ﻭﻣﺰﺭﻋﺔ ﻫﻲ ﺍﻟﺘﻲ ﻳﺰﺭﻉ ﻓﻴﻬﺎ ﺍﻟﻔﻼﺣﻮﻥ ، ﻭﻣﺤﻜﻤﺔ ﻫﻲ ﺍﻟﺘﻲ ﻳﺤﻜﻢ ﻓﻴﻬﺎ ﺍﻟﻘﻀﺎﺓ ، ﻭﻣﺠﻠﺲ ﻫﻮ ﺍﻟﺬﻱ ﻳﺠﺘﻤﻊ ﻓﻴﻪ ﺍﻟﻨﻮﺍﺏ ، ﻭﻣﺠﻠﺲ ﻫﻮ ﺍﻟﺬﻱ ﻳﺠﺘﻤﻊ ﻓﻴﻪ ﺍﻟﻮﺯﺭﺍﺀ ، ﻭﻣﺠﻠﺲ ﻫﻮ ﺍﻟﺬﻱ ﻳﺠﺘﻤﻊ ﻓﻴﻪ ﺍﻟﺸﻴﻮﺥ

ومن الأمثلة على ذلك قول الشاعر :

وما أدري أغيرهم تناء ... وطول مقامهم أم قد نأوا

وقول الآخ

:: :: ششهق لسق نيف نستت تيلوت ع "تيسيت رضح لسس ليوب تيسيق نيف ليوبت ع تيسيت
6 " :: ا رسحس ليسح ليسح تيسيت نكسسيق ع نيف ا رسق نيف تيسيت "نيف لسس ع تيسيت نكسسيق
لس سيس :: ليوب نكسس لستست ع "ا رسس سيس ع رسق "نك رضح لسس ليوب "سيت لسس نرضيس
"ن لستس ليسح لسق :: ليوب تيسيق لسس ا رس "نك لسس ا رس "نكليوب ليوب نكسس "نيسيت
ليسح "ا رضح لس نيس ليوب :: ليوب تيسيق ع رسق "ا رسق نيس ا رس "نكليوب ليوب نكسس
"نكليوب ليسح ليسح "ا رضح ليسح ع "نكسيق لسس ليوب :: ليوب تيسيق ع رسق "نكسيق
ع ا رس "تيسيت ليوب نكسس ع ا رس تيسيق :: ليوب نكسس لستست ع "ا رسس سيس ع رسق
:: "

7 " :: ليوب نكسس لستست ع "ا رسس سيس ع رسق "نكسيق لسس ليوب "سيت لسس نكسيق
سيس "نك لستست ليوب نكسس لس :: نكسس نيف ليوب تيسيق لس ع "نكسيق لسس نكسيق
لس ا رسس لس ليسح ليوب :: ا رسق نكسيق سيس "نكسيق لسس ا رسق نكسيق "نكسيق
ليسح "تيسيت نكسسيق لسس ليوب "نكسيق تيسيق ليسح ليسح "نكسيق لسس نكسيق
ا رس نكسس لستست ع "ا رسس سيس ع رسق "نكسيق لسس ليوب "سيت لسس نكسيق

 ꀀ ꀁ ꀂ ꀃ ꀄ ꀅ ꀆ ꀇ ꀈ ꀉ ꀊ ꀋ ꀌ ꀍ ꀎ ꀏ ꀐ ꀑ ꀒ ꀓ ꀔ ꀕ ꀖ ꀗ ꀘ ꀙ ꀚ ꀛ ꀜ ꀝ ꀞ ꀟ ꀠ ꀡ ꀢ ꀣ ꀤ ꀥ ꀦ ꀧ ꀨ ꀩ ꀪ ꀫ ꀬ ꀭ ꀮ ꀯ ꀰ ꀱ ꀲ ꀳ ꀴ ꀵ ꀶ ꀷ ꀸ ꀹ ꀺ ꀻ ꀼ ꀽ ꀾ ꀿ ꁀ ꁁ ꁂ ꁃ ꁄ ꁅ ꁆ ꁇ ꁈ ꁉ ꁊ ꁋ ꁌ ꁍ ꁎ ꁏ ꁐ ꁑ ꁒ ꁓ ꁔ ꁕ ꁖ ꁗ ꁘ ꁙ ꁚ ꁛ ꁜ ꁝ ꁞ ꁟ ꁠ ꁡ ꁢ ꁣ ꁤ ꁥ ꁦ ꁧ ꁨ ꁩ ꁪ ꁫ ꁬ ꁭ ꁮ ꁯ ꁰ ꁱ ꁲ ꁳ ꁴ ꁵ ꁶ ꁷ ꁸ ꁹ ꁺ ꁻ ꁼ ꁽ ꁾ ꁿ ꂀ ꂁ ꂂ ꂃ ꂄ ꂅ ꂆ ꂇ ꂈ ꂉ ꂊ ꂋ ꂌ ꂍ ꂎ ꂏ ꂐ ꂑ ꂒ ꂓ ꂔ ꂕ ꂖ ꂗ ꂘ ꂙ ꂚ ꂛ ꂜ ꂝ ꂞ ꂟ ꂠ ꂡ ꂢ ꂣ ꂤ ꂥ ꂦ ꂧ ꂨ ꂩ ꂪ ꂫ ꂬ ꂭ ꂮ ꂯ ꂰ ꂱ ꂲ ꂳ ꂴ ꂵ ꂶ ꂷ ꂸ ꂹ ꂺ ꂻ ꂼ ꂽ ꂾ ꂿ ꃀ ꃁ ꃂ ꃃ ꃄ ꃅ ꃆ ꃇ ꃈ ꃉ ꃊ ꃋ ꃌ ꃍ ꃎ ꃏ ꃐ ꃑ ꃒ ꃓ ꃔ ꃕ ꃖ ꃗ ꃘ ꃙ ꃚ ꃛ ꃜ ꃝ ꃞ ꃟ ꃠ ꃡ ꃢ ꃣ ꃤ ꃥ ꃦ ꃧ ꃨ ꃩ ꃪ ꃫ ꃬ ꃭ ꃮ ꃯ ꃰ ꃱ ꃲ ꃳ ꃴ ꃵ ꃶ ꃷ ꃸ ꃹ ꃺ ꃻ ꃼ ꃽ ꃾ ꃿ ꄀ ꄁ ꄂ ꄃ ꄄ ꄅ ꄆ ꄇ ꄈ ꄉ ꄊ ꄋ ꄌ ꄍ ꄎ ꄏ ꄐ ꄑ ꄒ ꄓ ꄔ ꄕ ꄖ ꄗ ꄘ ꄙ ꄚ ꄛ ꄜ ꄝ ꄞ ꄟ ꄠ ꄡ ꄢ ꄣ ꄤ ꄥ ꄦ ꄧ ꄨ ꄩ ꄪ ꄫ ꄬ ꄭ ꄮ ꄯ ꄰ ꄱ ꄲ ꄳ ꄴ ꄵ ꄶ ꄷ ꄸ ꄹ ꄺ ꄻ ꄼ ꄽ ꄾ ꄿ ꅀ ꅁ ꅂ ꅃ ꅄ ꅅ ꅆ ꅇ ꅈ ꅉ ꅊ ꅋ ꅌ ꅍ ꅎ ꅏ ꅐ ꅑ ꅒ ꅓ ꅔ ꅕ ꅖ ꅗ ꅘ ꅙ ꅚ ꅛ ꅜ ꅝ ꅞ ꅟ ꅠ ꅡ ꅢ ꅣ ꅤ ꅥ ꅦ ꅧ ꅨ ꅩ ꅪ ꅫ ꅬ ꅭ ꅮ ꅯ ꅰ ꅱ ꅲ ꅳ ꅴ ꅵ ꅶ ꅷ ꅸ ꅹ ꅺ ꅻ ꅼ ꅽ ꅾ ꅿ ꆀ ꆁ ꆂ ꆃ ꆄ ꆅ ꆆ ꆇ ꆈ ꆉ ꆊ ꆋ ꆌ ꆍ ꆎ ꆏ ꆐ ꆑ ꆒ ꆓ ꆔ ꆕ ꆖ ꆗ ꆘ ꆙ ꆚ ꆛ ꆜ ꆝ ꆞ ꆟ ꆠ ꆡ ꆢ ꆣ ꆤ ꆥ ꆦ ꆧ ꆨ ꆩ ꆪ ꆫ ꆬ ꆭ ꆮ ꆯ ꆰ ꆱ ꆲ ꆳ ꆴ ꆵ ꆶ ꆷ ꆸ ꆹ ꆺ ꆻ ꆼ ꆽ ꆾ ꆿ ꇀ ꇁ ꇂ ꇃ ꇄ ꇅ ꇆ ꇇ ꇈ ꇉ ꇊ ꇋ ꇌ ꇍ ꇎ ꇏ ꇐ ꇑ ꇒ ꇓ ꇔ ꇕ ꇖ ꇗ ꇘ ꇙ ꇚ ꇛ ꇜ ꇝ ꇞ ꇟ ꇠ ꇡ ꇢ ꇣ ꇤ ꇥ ꇦ ꇧ ꇨ ꇩ ꇪ ꇫ ꇬ ꇭ ꇮ ꇯ ꇰ ꇱ ꇲ ꇳ ꇴ ꇵ ꇶ ꇷ ꇸ ꇹ ꇺ ꇻ ꇼ ꇽ ꇾ ꇿ ꈀ ꈁ ꈂ ꈃ ꈄ ꈅ ꈆ ꈇ ꈈ ꈉ ꈊ ꈋ ꈌ ꈍ ꈎ ꈏ ꈐ ꈑ ꈒ ꈓ ꈔ ꈕ ꈖ ꈗ ꈘ ꈙ ꈚ ꈛ ꈜ ꈝ ꈞ ꈟ ꈠ ꈡ ꈢ ꈣ ꈤ ꈥ ꈦ ꈧ ꈨ ꈩ ꈪ ꈫ ꈬ ꈭ ꈮ ꈯ ꈰ ꈱ ꈲ ꈳ ꈴ ꈵ ꈶ ꈷ ꈸ ꈹ ꈺ ꈻ ꈼ ꈽ ꈾ ꈿ ꉀ ꉁ ꉂ ꉃ ꉄ ꉅ ꉆ ꉇ ꉈ ꉉ ꉊ ꉋ ꉌ ꉍ ꉎ ꉏ ꉐ ꉑ ꉒ ꉓ ꉔ ꉕ ꉖ ꉗ ꉘ ꉙ ꉚ ꉛ ꉜ ꉝ ꉞ ꉟ ꉠ ꉡ ꉢ ꉣ ꉤ ꉥ ꉦ ꉧ ꉨ ꉩ ꉪ ꉫ ꉬ ꉭ ꉮ ꉯ ꉰ ꉱ ꉲ ꉳ ꉴ ꉵ ꉶ ꉷ ꉸ ꉹ ꉺ ꉻ ꉼ ꉽ ꉾ ꉿ ꊀ ꊁ ꊂ ꊃ ꊄ ꊅ ꊆ ꊇ ꊈ ꊉ ꊊ ꊋ ꊌ ꊍ ꊎ ꊏ ꊐ ꊑ ꊒ ꊓ ꊔ ꊕ ꊖ ꊗ ꊘ ꊙ ꊚ ꊛ ꊜ ꊝ ꊞ ꊟ ꊠ ꊡ ꊢ ꊣ ꊤ ꊥ ꊦ ꊧ ꊨ ꊩ ꊪ ꊫ ꊬ ꊭ ꊮ ꊯ ꊰ ꊱ ꊲ ꊳ ꊴ ꊵ ꊶ ꊷ ꊸ ꊹ ꊺ ꊻ ꊼ ꊽ ꊾ ꊿ ꋀ ꋁ ꋂ ꋃ ꋄ ꋅ ꋆ ꋇ ꋈ ꋉ ꋊ ꋋ ꋌ ꋍ ꋎ ꋏ ꋐ ꋑ ꋒ ꋓ ꋔ ꋕ ꋖ ꋗ ꋘ ꋙ ꋚ ꋛ ꋜ ꋝ ꋞ ꋟ ꋠ ꋡ ꋢ ꋣ ꋤ ꋥ ꋦ ꋧ ꋨ ꋩ ꋪ ꋫ ꋬ ꋭ ꋮ ꋯ ꋰ ꋱ ꋲ ꋳ ꋴ ꋵ ꋶ ꋷ ꋸ ꋹ ꋺ ꋻ ꋼ ꋽ ꋾ ꋿ ꌀ ꌁ ꌂ ꌃ ꌄ ꌅ ꌆ ꌇ ꌈ ꌉ ꌊ ꌋ ꌌ ꌍ ꌎ ꌏ ꌐ ꌑ ꌒ ꌓ ꌔ ꌕ ꌖ ꌗ ꌘ ꌙ ꌚ ꌛ ꌜ ꌝ ꌞ ꌟ ꌠ ꌡ ꌢ ꌣ ꌤ ꌥ ꌦ ꌧ ꌨ ꌩ ꌪ ꌫ ꌬ ꌭ ꌮ ꌯ ꌰ ꌱ ꌲ ꌳ ꌴ ꌵ ꌶ ꌷ ꌸ ꌹ ꌺ ꌻ ꌼ ꌽ ꌾ ꌿ ꍀ ꍁ ꍂ ꍃ ꍄ ꍅ ꍆ ꍇ ꍈ ꍉ ꍊ ꍋ ꍌ ꍍ ꍎ ꍏ ꍐ ꍑ ꍒ ꍓ ꍔ ꍕ ꍖ ꍗ ꍘ ꍙ ꍚ ꍛ ꍜ ꍝ ꍞ ꍟ ꍠ ꍡ ꍢ ꍣ ꍤ ꍥ ꍦ ꍧ ꍨ ꍩ ꍪ ꍫ ꍬ ꍭ ꍮ ꍯ ꍰ ꍱ ꍲ ꍳ ꍴ ꍵ ꍶ ꍷ ꍸ ꍹ ꍺ ꍻ ꍼ ꍽ ꍾ ꍿ ꎀ ꎁ ꎂ ꎃ ꎄ ꎅ ꎆ ꎇ ꎈ ꎉ ꎊ ꎋ ꎌ ꎍ ꎎ ꎏ ꎐ ꎑ ꎒ ꎓ ꎔ ꎕ ꎖ ꎗ ꎘ ꎙ ꎚ ꎛ ꎜ ꎝ ꎞ ꎟ ꎠ ꎡ ꎢ ꎣ ꎤ ꎥ ꎦ ꎧ ꎨ ꎩ ꎪ ꎫ ꎬ ꎭ ꎮ ꎯ ꎰ ꎱ ꎲ ꎳ ꎴ ꎵ ꎶ ꎷ ꎸ ꎹ ꎺ ꎻ ꎼ ꎽ ꎾ ꎿ ꏀ ꏁ ꏂ ꏃ ꏄ ꏅ ꏆ ꏇ ꏈ ꏉ ꏊ ꏋ ꏌ ꏍ ꏎ ꏏ ꏐ ꏑ ꏒ ꏓ ꏔ ꏕ ꏖ ꏗ ꏘ ꏙ ꏚ ꏛ ꏜ ꏝ ꏞ ꏟ ꏠ ꏡ ꏢ ꏣ ꏤ ꏥ ꏦ ꏧ ꏨ ꏩ ꏪ ꏫ ꏬ ꏭ ꏮ ꏯ ꏰ ꏱ ꏲ ꏳ ꏴ ꏵ ꏶ ꏷ ꏸ ꏹ ꏺ ꏻ ꏼ ꏽ ꏾ ꏿ ꐀ ꐁ ꐂ ꐃ ꐄ ꐅ ꐆ ꐇ ꐈ ꐉ ꐊ ꐋ ꐌ ꐍ ꐎ ꐏ ꐐ ꐑ ꐒ ꐓ ꐔ ꐕ ꐖ ꐗ ꐘ ꐙ ꐚ ꐛ ꐜ ꐝ ꐞ ꐟ ꐠ ꐡ ꐢ ꐣ ꐤ ꐥ ꐦ ꐧ ꐨ ꐩ ꐪ ꐫ ꐬ ꐭ ꐮ ꐯ ꐰ ꐱ ꐲ ꐳ ꐴ ꐵ ꐶ ꐷ ꐸ ꐹ ꐺ ꐻ ꐼ ꐽ ꐾ ꐿ ꑀ ꑁ ꑂ ꑃ ꑄ ꑅ ꑆ ꑇ ꑈ ꑉ ꑊ ꑋ ꑌ ꑍ ꑎ ꑏ ꑐ ꑑ ꑒ ꑓ ꑔ ꑕ ꑖ ꑗ ꑘ ꑙ ꑚ ꑛ ꑜ ꑝ ꑞ ꑟ ꑠ ꑡ ꑢ ꑣ ꑤ ꑥ ꑦ ꑧ ꑨ ꑩ ꑪ ꑫ ꑬ ꑭ ꑮ ꑯ ꑰ ꑱ ꑲ ꑳ ꑴ ꑵ ꑶ ꑷ ꑸ ꑹ ꑺ ꑻ ꑼ ꑽ ꑾ ꑿ ꒀ ꒁ ꒂ ꒃ ꒄ ꒅ ꒆ ꒇ ꒈ ꒉ ꒊ ꒋ

ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤ ᠮᠠᠨᠳᠠᠯ ᠤᠨ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠬᠡᠰᠡᠭ ᠳᠡᠭᠡᠷ ᠬᠡᠪᠯᠡᠯ ᠤᠨ ᠪᠠᠭᠤᠯᠤᠭᠤᠯᠬᠤ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠯᠠᠭ᠎ᠠ ᠶᠢᠨ ᠪᠠᠶᠢᠷ

10

11 ۞ وَإِذَا قِيلَ لَهُمْ لَا تُفْسِدُوا فِي الْأَرْضِ قَالُوا إِنَّمَا نَحْنُ مُصْلِحُونَ ۞ أَلَا إِنَّهُمْ هُمُ الْمُفْسِدُونَ وَلَٰكِن لَّا يَشْعُرُونَ ۞ وَإِذَا قِيلَ لَهُمْ آمِنُوا كَمَا آمَنَ النَّاسُ قَالُوا أَنُؤْمِنُ كَمَا آمَنَ السُّفَهَاءُ ۞ أَلَا إِنَّهُمْ هُمُ السُّفَهَاءُ وَلَٰكِن لَّا يَعْلَمُونَ ۞ وَإِذَا لَقُوا الَّذِينَ آمَنُوا قَالُوا آمَنَّا وَإِذَا خَلَوْا إِلَىٰ شَيَاطِينِهِمْ قَالُوا إِنَّا مَعَكُمْ إِنَّمَا نَحْنُ مُسْتَهْزِئُونَ ۞ اللَّهُ يَسْتَهْزِئُ بِهِمْ وَيَمُدُّهُمْ فِي طُغْيَانِهِمْ يَعْمَهُونَ ۞

12 ۞ أُولَٰئِكَ الَّذِينَ اشْتَرَوُا الضَّلَالَةَ بِالْهُدَىٰ فَمَا رَبِحَت تِّجَارَتُهُمْ وَمَا كَانُوا مُهْتَدِينَ ۞ مَثَلُهُمْ كَمَثَلِ الَّذِي اسْتَوْقَدَ نَارًا فَلَمَّا أَضَاءَتْ مَا حَوْلَهُ ذَهَبَ اللَّهُ بِنُورِهِمْ وَتَرَكَهُمْ فِي ظُلُمَاتٍ لَّا يُبْصِرُونَ ۞ صُمٌّ بُكْمٌ عُمْيٌ فَهُمْ لَا يَرْجِعُونَ ۞ أَوْ كَصَيِّبٍ مِّنَ السَّمَاءِ فِيهِ ظُلُمَاتٌ وَرَعْدٌ وَبَرْقٌ يَجْعَلُونَ أَصَابِعَهُمْ فِي آذَانِهِم مِّنَ الصَّوَاعِقِ حَذَرَ الْمَوْتِ وَاللَّهُ مُحِيطٌ بِالْكَافِرِينَ ۞

ولما رأى الشيخ أن الأمر قد استفحل، وأن الفتنة قد عظمت، وأن الناس قد ملوا من الحرب، وأن الدماء قد سالت، وأن الأموال قد نهبت، وأن الأرض قد خربت، وأن الزرع قد احترق، وأن الضرع قد جف، وأن الولد قد يتم، وأن المرأة قد ترملت، وأن الأخ قد فقد أخاه، وأن الأب قد فقد ابنه، وأن الأم قد فقدت ولدها، وأن الجار قد فقد جاره، وأن الصديق قد فقد صديقه، وأن العدو قد فقد عدوه، وأن الحرب قد أكلت الأخضر واليابس، وأن الناس قد صاروا كالأنعام، لا يعرفون ربهم ولا يعبدونه، ولا يخافون عقابه ولا يرجون ثوابه، ولا يحبون جنته ولا يكرهون ناره، ولا يؤمنون بالبعث ولا بالنشور، ولا بالحساب ولا بالميزان، ولا بالصراط ولا بالجنة ولا بالنار، ولا بالقضاء ولا بالقدر، ولا بالخير ولا بالشر، ولا بالحلال ولا بالحرام، ولا بالفرض ولا بالسنة، ولا بالإجماع ولا بالقياس، ولا بالاستحسان ولا بالاستصحاب، ولا بالاستدلال ولا بالاستقراء، ولا بالاستنباط ولا بالاستخراج، ولا بالاستنتاج ولا بالاستدراك، ولا بالاستثناء ولا بالاستغراق، ولا بالاستيعاب ولا بالاستقصاء، ولا بالاستكمال ولا بالاستتمام، ولا بالاستيفاء ولا بالاستغناء، ولا بالاستعانة ولا بالاستعاذة، ولا بالاستغاثة ولا بالاستجارة، ولا بالاستشفاء ولا بالاستطباب، ولا بالاستدواء ولا بالاستعلاج، ولا بالاستشفاء ولا بالاستبراء، ولا بالاستنجاء ولا بالاستجمار، ولا بالاستنشاق ولا بالاستنثار، ولا بالاستياك ولا بالاستحداد، ولا بالاستحمام ولا بالاستجمام، ولا بالاستراحة ولا بالاستجمام، ولا بالاستلقاء ولا بالاستناد، ولا بالاستظلال ولا بالاستكنان، ولا بالاستتار ولا بالاستخفاء، ولا بالاستكتام ولا بالاستسرار، ولا بالاستعلان ولا بالاستظهار، ولا بالاستكثار ولا بالاستقلال، ولا بالاستعجال ولا بالاستبطاء، ولا بالاستعجال ولا بالاستمهال، ولا بالاستنظار ولا بالاستدعاء، ولا بالاستجابة ولا بالاستكبار، ولا بالاستعلاء ولا بالاستكبار، ولا بالاستخذاء ولا بالاستكانة، ولا بالاستسلام ولا بالاستكانة، ولا بالاستسلام ولا بالاستكانة، ولا بالاستسلام

15 ◎ ∴ ∴ ∴

:: وهو سكسوم دم لسم ع لمحلا
:: وهو سكسوم دم لسم ع لمحلا ٥ دم ل

18 " ﴿ ﻭﻗﺎﻝ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻻ ﻳﺮﺟﻮﻥ ﻟﻘﺎءﻧﺎ ﻟﻮﻻ ﺃﻧﺰﻝ ﻋﻠﻴﻨﺎ ﺍﻟﻤﻼﺋﻜﺔ ﺃﻭ ﻧﺮﻯ ﺭﺑﻨﺎ ﻟﻘﺪ ﺍﺳﺘﻜﺒﺮﻭا ﻓﻲ ﺃﻧﻔﺴﻬﻢ ﻭﻋﺘﻮ ﻋﺘﻮا ﻛﺒﻴﺮا ﴾ ﺍﻟﻔﺮﻗﺎﻥ ٢١ ﻭﻗﺎﻝ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻻ ﻳﻌﻠﻤﻮﻥ ﻟﻮﻻ ﻳﻜﻠﻤﻨﺎ ﷲ ﺃﻭ ﺗﺄﺗﻴﻨﺎ ﺁﻳﺔ ﻛﺬﻟﻚ ﻗﺎﻝ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻣﻦ ﻗﺒﻠﻬﻢ ﻣﺜﻞ ﻗﻮﻟﻬﻢ ﺗﺸﺎﺑﻬﺖ ﻗﻠﻮﺑﻬﻢ ﻗﺪ ﺑﻴﻨﺎ ﺍﻵﻳﺎﺕ ﻟﻘﻮﻡ ﻳﻮﻗﻨﻮﻥ ﺍﻟﺒﻘﺮﺓ ١١٨ ﻭﻗﺎﻝ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻻ ﻳﺮﺟﻮﻥ ﻟﻘﺎءﻧﺎ ﻟﻮﻻ ﺃﻧﺰﻝ ﻋﻠﻴﻨﺎ ﺍﻟﻤﻼﺋﻜﺔ ﺃﻭ ﻧﺮﻯ ﺭﺑﻨﺎ ﻟﻘﺪ ﺍﺳﺘﻜﺒﺮﻭا ﻓﻲ ﺃﻧﻔﺴﻬﻢ ﻭﻋﺘﻮ ﻋﺘﻮا ﻛﺒﻴﺮا

19 ۞ وَإِذْ قَالَ مُوسَىٰ لِقَوْمِهِ يَا قَوْمِ اذْكُرُوا نِعْمَةَ اللَّهِ عَلَيْكُمْ إِذْ جَعَلَ فِيكُمْ أَنْبِيَاءَ وَجَعَلَكُمْ مُلُوكًا وَآتَاكُمْ مَا لَمْ يُؤْتِ أَحَدًا مِنَ الْعَالَمِينَ ۞ يَا قَوْمِ ادْخُلُوا الْأَرْضَ الْمُقَدَّسَةَ الَّتِي كَتَبَ اللَّهُ لَكُمْ وَلَا تَرْتَدُّوا عَلَىٰ أَدْبَارِكُمْ فَتَنْقَلِبُوا خَاسِرِينَ ۞ قَالُوا يَا مُوسَىٰ إِنَّ فِيهَا قَوْمًا جَبَّارِينَ وَإِنَّا لَنْ نَدْخُلَهَا حَتَّىٰ يَخْرُجُوا مِنْهَا فَإِنْ يَخْرُجُوا مِنْهَا فَإِنَّا دَاخِلُونَ ۞

20 ۞ قَالَ رَجُلَانِ مِنَ الَّذِينَ يَخَافُونَ أَنْعَمَ اللَّهُ عَلَيْهِمَا ادْخُلُوا عَلَيْهِمُ الْبَابَ فَإِذَا دَخَلْتُمُوهُ فَإِنَّكُمْ غَالِبُونَ وَعَلَى اللَّهِ فَتَوَكَّلُوا إِنْ كُنْتُمْ مُؤْمِنِينَ ۞ قَالُوا يَا مُوسَىٰ إِنَّا لَنْ نَدْخُلَهَا أَبَدًا مَا دَامُوا فِيهَا فَاذْهَبْ أَنْتَ وَرَبُّكَ فَقَاتِلَا إِنَّا هَاهُنَا قَاعِدُونَ ۞ قَالَ رَبِّ إِنِّي لَا أَمْلِكُ إِلَّا نَفْسِي وَأَخِي فَافْرُقْ بَيْنَنَا وَبَيْنَ الْقَوْمِ الْفَاسِقِينَ ۞

21 ۞ قَالَ فَإِنَّهَا مُحَرَّمَةٌ عَلَيْهِمْ أَرْبَعِينَ سَنَةً يَتِيهُونَ فِي الْأَرْضِ فَلَا تَأْسَ عَلَى الْقَوْمِ الْفَاسِقِينَ ۞ وَاتْلُ عَلَيْهِمْ نَبَأَ ابْنَيْ آدَمَ بِالْحَقِّ إِذْ قَرَّبَا قُرْبَانًا فَتُقُبِّلَ مِنْ أَحَدِهِمَا وَلَمْ يُتَقَبَّلْ مِنَ الْآخَرِ قَالَ لَأَقْتُلَنَّكَ قَالَ إِنَّمَا يَتَقَبَّلُ اللَّهُ مِنَ الْمُتَّقِينَ ۞

" אין מערכת פרסומים " נותן מקום לכל דעה שבעולם " אינה מסכימה בהכרח עם כל דעה שמובעת ב" הארץ " אבל היא מוכנה לתת מקום לכל דעה שראויה לדיון ציבורי " אין מערכת העיתון " מוכנה לקבל מכתבים שאינם חתומים " אבל היא מוכנה לשמור בסוד את שמו של הכותב " אין ב" הארץ " מדור מיוחד לתגובות לכתבות שהתפרסמו בעיתון " אבל כל מכתב שראוי לתשומת לב הציבור יתפרסם בעיתון בדרך זו או אחרת

"

22 " (ב) " מי שמבקש לפרסם ב" הארץ " מודעה שיש בה משום לשון הרע או שהיא מכילה דברים שאינם הגונים " אין המערכת מתחייבת לפרסם את המודעה " אבל היא רשאית לפרסמה אם תמצא לנכון " אין המערכת מתחייבת לפרסם מודעות שנתקבלו בדואר " אבל היא רשאית לפרסמן אם תמצא לנכון " אין המערכת מתחייבת לפרסם מודעות שנתקבלו בדואר " אבל היא רשאית לפרסמן אם תמצא לנכון

"

23 " (ג) " המפרסם מודעה ב" הארץ " לא יהיה רשאי לבטל את המודעה " אחרי שנתקבלה במערכת " אלא אם כן הסכימה לכך המערכת " המפרסם מודעה ב" הארץ " לא יהיה רשאי לבטל את המודעה " אחרי שנתקבלה במערכת " אלא אם כן הסכימה לכך המערכת " אין ב" הארץ " מדור מיוחד לתגובות לכתבות שהתפרסמו בעיתון " אבל כל מכתב שראוי לתשומת לב הציבור יתפרסם בעיתון בדרך זו או אחרת

24 ۞ ״ בְּרֵאשִׁית בָּרָא אֱלֹהִים אֵת הַשָּׁמַיִם וְאֵת הָאָרֶץ ״ הַתֵּבָה הַזֹּאת הִיא הַתֵּבָה שֶׁבָּנָה נֹחַ בִּימֵי הַמַּבּוּל ׃ ׃ ׃

25 ״ וַיֹּאמֶר יְהוָה אֶל נֹחַ ״ צֵא מִן הַתֵּבָה ״ וַיֵּצֵא נֹחַ ״ וַיִּבֶן נֹחַ מִזְבֵּחַ ״ וַיִּקַּח נֹחַ מִכֹּל הַבְּהֵמָה הַטְּהוֹרָה ״ וַיַּעַל עֹלוֹת בַּמִּזְבֵּחַ ׃

״ וַיְהִי כִּי הֵחֵל הָאָדָם לָרֹב עַל פְּנֵי הָאֲדָמָה ״ וַיִּרְאוּ בְנֵי הָאֱלֹהִים אֶת בְּנוֹת הָאָדָם ״ כִּי טֹבוֹת הֵנָּה ״ וַיִּקְחוּ לָהֶם נָשִׁים מִכֹּל אֲשֶׁר בָּחָרוּ ׃

״ וַיֹּאמֶר יְהוָה ״ לֹא יָדוֹן רוּחִי בָאָדָם לְעֹלָם ״ בְּשַׁגַּם הוּא בָשָׂר ״ וְהָיוּ יָמָיו מֵאָה וְעֶשְׂרִים שָׁנָה ׃

״ הַנְּפִלִים הָיוּ בָאָרֶץ בַּיָּמִים הָהֵם ״ וְגַם אַחֲרֵי כֵן ״ אֲשֶׁר יָבֹאוּ בְנֵי הָאֱלֹהִים אֶל בְּנוֹת הָאָדָם ״ וְיָלְדוּ לָהֶם ״ הֵמָּה הַגִּבֹּרִים אֲשֶׁר מֵעוֹלָם ״ אַנְשֵׁי הַשֵּׁם ׃

״ וַיַּרְא יְהוָה כִּי רַבָּה רָעַת הָאָדָם בָּאָרֶץ ״ וְכָל יֵצֶר מַחְשְׁבוֹת לִבּוֹ רַק רַע כָּל הַיּוֹם ׃

״ וַיִּנָּחֶם יְהוָה כִּי עָשָׂה אֶת הָאָדָם בָּאָרֶץ ״ וַיִּתְעַצֵּב אֶל לִבּוֹ ׃

״ וַיֹּאמֶר יְהוָה ״ אֶמְחֶה אֶת הָאָדָם אֲשֶׁר בָּרָאתִי ״ מֵעַל פְּנֵי הָאֲדָמָה ״ מֵאָדָם עַד בְּהֵמָה ״ עַד רֶמֶשׂ וְעַד עוֹף הַשָּׁמָיִם ״ כִּי נִחַמְתִּי כִּי עֲשִׂיתִם ׃

״ וְנֹחַ מָצָא חֵן בְּעֵינֵי יְהוָה ׃

״ אֵלֶּה תּוֹלְדוֹת נֹחַ ״ נֹחַ אִישׁ צַדִּיק תָּמִים הָיָה בְּדֹרֹתָיו ״ אֶת הָאֱלֹהִים הִתְהַלֶּךְ נֹחַ ׃

״ וַיּוֹלֶד נֹחַ שְׁלֹשָׁה בָנִים ״ אֶת שֵׁם אֶת חָם וְאֶת יֶפֶת ׃

״ וַתִּשָּׁחֵת הָאָרֶץ לִפְנֵי הָאֱלֹהִים ״ וַתִּמָּלֵא הָאָרֶץ חָמָס ׃

״ וַיַּרְא אֱלֹהִים אֶת הָאָרֶץ ״ וְהִנֵּה נִשְׁחָתָה ״ כִּי הִשְׁחִית כָּל בָּשָׂר אֶת דַּרְכּוֹ עַל הָאָרֶץ ׃

״ וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים אֶל נֹחַ ״ קֵץ כָּל בָּשָׂר בָּא לְפָנַי ״ כִּי מָלְאָה הָאָרֶץ חָמָס מִפְּנֵיהֶם ״ וְהִנְנִי מַשְׁחִיתָם אֶת הָאָרֶץ ׃

״ עֲשֵׂה לְךָ תֵּבַת עֲצֵי גֹפֶר ״ קִנִּים תַּעֲשֶׂה אֶת הַתֵּבָה ״ וְכָפַרְתָּ אֹתָהּ מִבַּיִת וּמִחוּץ בַּכֹּפֶר ׃

:: ... ::

:: ... ::

ཁྱོད་ཀྱི་ཕ་ཡི་ཚེ་ཡང་ཐུབ་པ་ཡིན་ནོ། །

ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠲᠦᠷ ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠤᠨ ᠬᠤᠤᠯᠢ ᠵᠢᠨ ᠵᠢᠩᠬᠡᠨᠡ ᠬᠡᠷᠡᠭᠯᠡᠬᠦ ᠵᠦᠢᠯ ᠤᠨ ᠲᠤᠬᠠᠢ ᠬᠤᠤᠯᠢ ᠶᠡᠬᠡ ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠤᠨ ᠬᠤᠤᠯᠢ ᠵᠢᠨ ᠵᠢᠩᠬᠡᠨᠡ ᠬᠡᠷᠡᠭᠯᠡᠬᠦ ᠵᠦᠢᠯ ᠤᠨ ᠲᠤᠬᠠᠢ ᠬᠤᠤᠯᠢ ᠪᠠᠭᠠ ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠤᠨ ᠬᠤᠤᠯᠢ ᠵᠢᠨ ᠵᠢᠩᠬᠡᠨᠡ ᠬᠡᠷᠡᠭᠯᠡᠬᠦ ᠵᠦᠢᠯ ᠤᠨ ᠲᠤᠬᠠᠢ

ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠪᠢᠴᠢᠭ ᠤᠨ ᠰᠤᠷᠭᠠᠯ ᠤᠨ ᠵᠠᠭᠰᠠᠯ ᠤᠨ ᠵᠠᠷᠯᠢᠭ ᠪᠠᠷ ᠪᠦᠬᠦᠢ

31. ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂

᠃ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂

᠃ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂

᠃ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂

᠃ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂

30. ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂

᠃ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂ ᠪᠢ ᠮᠢᠨᠦ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠡᠴᠡ ᠪᠤᠰᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠂

ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠪᠢᠴᠢᠭ ᠤᠨ ᠰᠤᠷᠭᠠᠯ ᠤᠨ ᠶᠡᠬᠡ ᠰᠤᠷᠭᠠᠭᠤᠯᠢ ᠤᠨ ᠰᠤᠷᠭᠠᠯᠲᠠ ᠵᠢᠨ ᠪᠠᠭᠰᠢ ᠨᠠᠷ ᠤᠨ ᠪᠢᠴᠢᠭ ᠦᠰᠦᠭ ᠢᠶᠠᠨ ᠪᠢᠴᠢᠵᠤ ᠪᠤᠢ ᠪᠠᠶᠢᠴᠠᠭᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰ

ᠪᠣᠯᠵᠤ ᠪᠠᠢᠬᠤ ᠶᠢᠨ ᠲᠥᠯᠥᠭᠡ

ᠪᠣᠯᠣᠨ ᠲᠡᠷᠡ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠯᠠᠭᠠ ᠶᠢᠨ ᠵᠠᠭᠠᠯᠠᠨ ᠳᠤ

37 ۞ ۞ ۞

ﻣﻨﻴﺮ ﻣﺴﺘﺸﺎﺭ ﺳﻴﺎﺳﻲ ﻛﻪ ﺑﺮﺍﻱ ﺗﺤﺮﻳﻚ ﻣﺮﺩﻡ ﻣﻨﻴﺮ ﻣﺴﺘﺸﺎﺭ ﺳﻴﺎﺳﻲ ﻛﻪ ﺑﺮﺍﻱ ﺗﺤﺮﻳﻚ ﻣﺮﺩﻡ

ᏥᏌ ᎠᏂᏴᏫ ᎤᏂᏁᎵᏍᏗ ᎤᏂᏣᏘ ᏂᎦᏛᏁᎸᎯᏳᎲᏍᎬ

ولا يجوز أن يكون الشاهد أعمى ولا أصم ولا أخرس ولا أبكم ولا مغفلا ولا مجنونا ولا معتوها ولا مختلا ولا مدهوشا ولا سكران ولا مريضا ولا مبرسما ولا مجذوما ولا مقعدا ولا مفلوجا ولا مرتعشا ولا مرتجا ولا مرتجا ولا مرتج

ځکه چې موږ ټول د یو پلار اولاد یو ، نو ولې باید یو له بل سره جګړه وکړو ؟

د ګاونډي کور ته ورځه ، که هغه ستا ملګری وي ، نو ستا ملګری دی ، که دښمن وي ، نو هم ستا ملګری دی ، ځکه چې ته ورته ښه یې ، نو هغه به هم ستا ښه وي .

د ګاونډي کور ته ورځه ، که هغه ستا ملګری وي ، نو ستا ملګری دی ، که دښمن وي ، نو هم ستا ملګری دی ، ځکه چې ته ورته ښه یې ، نو هغه به هم ستا ښه وي .

د ګاونډي کور ته ورځه ، که هغه ستا ملګری وي ، نو ستا ملګری دی ، که دښمن وي ، نو هم ستا ملګری دی ، ځکه چې ته ورته ښه یې ، نو هغه به هم ستا ښه وي .

43 ۞ د ګاونډي کور ته ورځه ، که هغه ستا ملګری وي ، نو ستا ملګری دی ، که دښمن وي ، نو هم ستا ملګری دی ، ځکه چې ته ورته ښه یې ، نو هغه به هم ستا ښه وي .

د ګاونډي کور ته ورځه ، که هغه ستا ملګری وي ، نو ستا ملګری دی ، که دښمن وي ، نو هم ستا ملګری دی ، ځکه چې ته ورته ښه یې ، نو هغه به هم ستا ښه وي .

د ګاونډي کور ته ورځه ، که هغه ستا ملګری وي ، نو ستا ملګری دی ، که دښمن وي ، نو هم ستا ملګری دی ، ځکه چې ته ورته ښه یې ، نو هغه به هم ستا ښه وي .

د ګاونډي کور ته ورځه ، که هغه ستا ملګری وي ، نو ستا ملګری دی ، که دښمن وي ، نو هم ستا ملګری دی ، ځکه چې ته ورته ښه یې ، نو هغه به هم ستا ښه وي .

ᠳᠡᠭᠡᠭᠦᠷ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠬᠤ ᠶᠢᠨ ᠲᠤᠯᠠᠳ᠂ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠤᠨ ᠶᠡᠬᠡ ᠬᠤᠷᠠᠯ ᠳᠤ ᠤᠯᠠᠭᠠᠨᠪᠠᠭᠠᠲᠤᠷ ᠵᠠᠯᠠᠭᠤᠴᠤᠯ ᠬᠡᠮᠵᠢᠭᠳᠡᠵᠦ

ښځه هغه ده چې د خپل ځان او کور ساتنه کوي ∴ ښځه د کور ملکه ده ∴ ښځه د کور ساتونکې ده ∴ ښځه د کور ژوند ده ∴ ښځه د کور ګلاب ده ∴ ښځه د کور ګل ده ∴ ښځه د کور ګلدسته ده ∴ ښځه د کور ګلزار ده ∴ ښځه د کور ګلستان ده ∴ ښځه د کور ګلشن ده ∴ ښځه د کور ګلګشت ده ∴ ښځه د کور ګلګشته ده ∴ ښځه د کور ګلګشتي ده ∴ ښځه د کور ګلګشتي ده ∴ ښځه د کور ګلګشتي ده ∴

46 ∴ ښځه د کور ګلګشتي ده ∴ ښځه د کور ګلګشتي ده ∴ ښځه د کور ګلګشتي ده

48 " ﴿ ﴾ ﴿ ﴾ ﴿ ﴾

ﻭﺍﻟﻤﺴﺎﻛﻴﻦ ﻭﺍﺑﻦ ﺍﻟﺴﺒﻴﻞ ﺇﻥ ﻛﻨﺘﻢ ﺁﻣﻨﺘﻢ ﺑﺎﻟﻠﻪ ﻭﻣﺎ ﺃﻧﺰﻟﻨﺎ ﻋﻠﻰ ﻋﺒﺪﻧﺎ ﻳﻮﻡ ﺍﻟﻔﺮﻗﺎﻥ ﻳﻮﻡ ﺍﻟﺘﻘﻰ ﺍﻟﺠﻤﻌﺎﻥ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﻋﻠﻰ ﻛﻞ ﺷﻲﺀ ﻗﺪﻳﺮ ۞ ﺇﺫ ﺃﻧﺘﻢ ﺑﺎﻟﻌﺪﻭﺓ ﺍﻟﺪﻧﻴﺎ ﻭﻫﻢ ﺑﺎﻟﻌﺪﻭﺓ ﺍﻟﻘﺼﻮﻯ ﻭﺍﻟﺮﻛﺐ ﺃﺳﻔﻞ ﻣﻨﻜﻢ ﻭﻟﻮ ﺗﻮﺍﻋﺪﺗﻢ ﻟﺎﺧﺘﻠﻔﺘﻢ ﻓﻲ ﺍﻟﻤﻴﻌﺎﺩ ﻭﻟﻜﻦ ﻟﻴﻘﻀﻲ ﺍﻟﻠﻪ ﺃﻣﺮﺍ ﻛﺎﻥ ﻣﻔﻌﻮﻻ ﻟﻴﻬﻠﻚ ﻣﻦ ﻫﻠﻚ ﻋﻦ ﺑﻴﻨﺔ ﻭﻳﺤﻴﻰ ﻣﻦ ﺣﻲ ﻋﻦ ﺑﻴﻨﺔ ﻭﺇﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻟﺴﻤﻴﻊ ﻋﻠﻴﻢ ۞ ﺇﺫ ﻳﺮﻳﻜﻬﻢ ﺍﻟﻠﻪ ﻓﻲ ﻣﻨﺎﻣﻚ ﻗﻠﻴﻼ ﻭﻟﻮ ﺃﺭﺍﻛﻬﻢ ﻛﺜﻴﺮﺍ ﻟﻔﺸﻠﺘﻢ ﻭﻟﺘﻨﺎﺯﻋﺘﻢ ﻓﻲ ﺍﻷﻣﺮ ﻭﻟﻜﻦ ﺍﻟﻠﻪ ﺳﻠﻢ ﺇﻧﻪ ﻋﻠﻴﻢ ﺑﺬﺍﺕ ﺍﻟﺼﺪﻭﺭ ۞ ﻭﺇﺫ ﻳﺮﻳﻜﻤﻮﻫﻢ ﺇﺫ ﺍﻟﺘﻘﻴﺘﻢ ﻓﻲ ﺃﻋﻴﻨﻜﻢ ﻗﻠﻴﻼ ﻭﻳﻘﻠﻠﻜﻢ ﻓﻲ ﺃﻋﻴﻨﻬﻢ ﻟﻴﻘﻀﻲ ﺍﻟﻠﻪ ﺃﻣﺮﺍ ﻛﺎﻥ ﻣﻔﻌﻮﻻ ﻭﺇﻟﻰ ﺍﻟﻠﻪ ﺗﺮﺟﻊ ﺍﻷﻣﻮﺭ ۞ ﻳﺎ ﺃﻳﻬﺎ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﺁﻣﻨﻮﺍ ﺇﺫﺍ ﻟﻘﻴﺘﻢ ﻓﺌﺔ ﻓﺎﺛﺒﺘﻮﺍ ﻭﺍﺫﻛﺮﻭﺍ ﺍﻟﻠﻪ ﻛﺜﻴﺮﺍ ﻟﻌﻠﻜﻢ ﺗﻔﻠﺤﻮﻥ ۞ ﻭﺃﻃﻴﻌﻮﺍ ﺍﻟﻠﻪ ﻭﺭﺳﻮﻟﻪ ﻭﻻ ﺗﻨﺎﺯﻋﻮﺍ ﻓﺘﻔﺸﻠﻮﺍ ﻭﺗﺬﻫﺐ ﺭﻳﺤﻜﻢ ﻭﺍﺻﺒﺮﻭﺍ ﺇﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻣﻊ ﺍﻟﺼﺎﺑﺮﻳﻦ ۞ ﻭﻻ ﺗﻜﻮﻧﻮﺍ ﻛﺎﻟﺬﻳﻦ ﺧﺮﺟﻮﺍ ﻣﻦ ﺩﻳﺎﺭﻫﻢ ﺑﻄﺮﺍ ﻭﺭﺋﺎﺀ ﺍﻟﻨﺎﺱ ﻭﻳﺼﺪﻭﻥ ﻋﻦ ﺳﺒﻴﻞ ﺍﻟﻠﻪ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﺑﻤﺎ ﻳﻌﻤﻠﻮﻥ ﻣﺤﻴﻂ ۞ ﻭﺇﺫ ﺯﻳﻦ ﻟﻬﻢ ﺍﻟﺸﻴﻄﺎﻥ ﺃﻋﻤﺎﻟﻬﻢ ﻭﻗﺎﻝ ﻻ ﻏﺎﻟﺐ ﻟﻜﻢ ﺍﻟﻴﻮﻡ ﻣﻦ ﺍﻟﻨﺎﺱ ﻭﺇﻧﻲ ﺟﺎﺭ ﻟﻜﻢ ﻓﻠﻤﺎ ﺗﺮﺍﺀﺕ ﺍﻟﻔﺌﺘﺎﻥ ﻧﻜﺺ ﻋﻠﻰ ﻋﻘﺒﻴﻪ ﻭﻗﺎﻝ ﺇﻧﻲ ﺑﺮﻱﺀ ﻣﻨﻜﻢ ﺇﻧﻲ ﺃﺭﻯ ﻣﺎ ﻻ ﺗﺮﻭﻥ ﺇﻧﻲ ﺃﺧﺎﻑ ﺍﻟﻠﻪ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﺷﺪﻳﺪ ﺍﻟﻌﻘﺎﺏ ۞ ﺇﺫ ﻳﻘﻮﻝ ﺍﻟﻤﻨﺎﻓﻘﻮﻥ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﻓﻲ ﻗﻠﻮﺑﻬﻢ ﻣﺮﺽ ﻏﺮ ﻫﺆﻻﺀ ﺩﻳﻨﻬﻢ ﻭﻣﻦ ﻳﺘﻮﻛﻞ ﻋﻠﻰ ﺍﻟﻠﻪ ﻓﺈﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻋﺰﻳﺰ ﺣﻜﻴﻢ ۞ ﻭﻟﻮ ﺗﺮﻯ ﺇﺫ ﻳﺘﻮﻓﻰ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻛﻔﺮﻭﺍ ﺍﻟﻤﻼﺋﻜﺔ ﻳﻀﺮﺑﻮﻥ ﻭﺟﻮﻫﻬﻢ ﻭﺃﺩﺑﺎﺭﻫﻢ ﻭﺫﻭﻗﻮﺍ ﻋﺬﺍﺏ ﺍﻟﺤﺮﻳﻖ ۞ ﺫﻟﻚ ﺑﻤﺎ ﻗﺪﻣﺖ ﺃﻳﺪﻳﻜﻢ ﻭﺃﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻟﻴﺲ ﺑﻈﻼﻡ ﻟﻠﻌﺒﻴﺪ ۞ ﻛﺪﺃﺏ ﺁﻝ ﻓﺮﻋﻮﻥ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﻣﻦ ﻗﺒﻠﻬﻢ ﻛﻔﺮﻭﺍ ﺑﺂﻳﺎﺕ ﺍﻟﻠﻪ ﻓﺄﺧﺬﻫﻢ ﺍﻟﻠﻪ ﺑﺬﻧﻮﺑﻬﻢ ﺇﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻗﻮﻱ ﺷﺪﻳﺪ ﺍﻟﻌﻘﺎﺏ ۞ ﺫﻟﻚ ﺑﺄﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻟﻢ ﻳﻚ ﻣﻐﻴﺮﺍ ﻧﻌﻤﺔ ﺃﻧﻌﻤﻬﺎ ﻋﻠﻰ ﻗﻮﻡ ﺣﺘﻰ ﻳﻐﻴﺮﻭﺍ ﻣﺎ ﺑﺄﻧﻔﺴﻬﻢ ﻭﺃﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﺳﻤﻴﻊ ﻋﻠﻴﻢ ۞ ﻛﺪﺃﺏ ﺁﻝ ﻓﺮﻋﻮﻥ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﻣﻦ ﻗﺒﻠﻬﻢ ﻛﺬﺑﻮﺍ ﺑﺂﻳﺎﺕ ﺭﺑﻬﻢ ﻓﺄﻫﻠﻜﻨﺎﻫﻢ ﺑﺬﻧﻮﺑﻬﻢ ﻭﺃﻏﺮﻗﻨﺎ ﺁﻝ ﻓﺮﻋﻮﻥ ﻭﻛﻞ ﻛﺎﻧﻮﺍ ﻇﺎﻟﻤﻴﻦ ۞ ﺇﻥ ﺷﺮ ﺍﻟﺪﻭﺍﺏ ﻋﻨﺪ ﺍﻟﻠﻪ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻛﻔﺮﻭﺍ ﻓﻬﻢ ﻻ ﻳﺆﻣﻨﻮﻥ ۞ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻋﺎﻫﺪﺕ ﻣﻨﻬﻢ ﺛﻢ ﻳﻨﻘﻀﻮﻥ ﻋﻬﺪﻫﻢ ﻓﻲ ﻛﻞ ﻣﺮﺓ ﻭﻫﻢ ﻻ ﻳﺘﻘﻮﻥ ۞ ﻓﺈﻣﺎ ﺗﺜﻘﻔﻨﻬﻢ ﻓﻲ ﺍﻟﺤﺮﺏ ﻓﺸﺮﺩ ﺑﻬﻢ ﻣﻦ ﺧﻠﻔﻬﻢ ﻟﻌﻠﻬﻢ ﻳﺬﻛﺮﻭﻥ ۞ ﻭﺇﻣﺎ ﺗﺨﺎﻓﻦ ﻣﻦ ﻗﻮﻡ ﺧﻴﺎﻧﺔ ﻓﺎﻧﺒﺬ ﺇﻟﻴﻬﻢ ﻋﻠﻰ ﺳﻮﺍﺀ ﺇﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻻ ﻳﺤﺐ ﺍﻟﺨﺎﺋﻨﻴﻦ ۞ ﻭﻻ ﻳﺤﺴﺒﻦ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻛﻔﺮﻭﺍ ﺳﺒﻘﻮﺍ ﺇﻧﻬﻢ ﻻ ﻳﻌﺠﺰﻭﻥ ۞ ﻭﺃﻋﺪﻭﺍ ﻟﻬﻢ ﻣﺎ ﺍﺳﺘﻄﻌﺘﻢ ﻣﻦ ﻗﻮﺓ ﻭﻣﻦ ﺭﺑﺎﻁ ﺍﻟﺨﻴﻞ ﺗﺮﻫﺒﻮﻥ ﺑﻪ ﻋﺪﻭ ﺍﻟﻠﻪ ﻭﻋﺪﻭﻛﻢ ﻭﺁﺧﺮﻳﻦ ﻣﻦ ﺩﻭﻧﻬﻢ ﻻ ﺗﻌﻠﻤﻮﻧﻬﻢ ﺍﻟﻠﻪ ﻳﻌﻠﻤﻬﻢ ﻭﻣﺎ ﺗﻨﻔﻘﻮﺍ ﻣﻦ ﺷﻲﺀ ﻓﻲ ﺳﺒﻴﻞ ﺍﻟﻠﻪ ﻳﻮﻑ ﺇﻟﻴﻜﻢ ﻭﺃﻧﺘﻢ ﻻ ﺗﻈﻠﻤﻮﻥ ۞ ﻭﺇﻥ ﺟﻨﺤﻮﺍ ﻟﻠﺴﻠﻢ ﻓﺎﺟﻨﺢ ﻟﻬﺎ ﻭﺗﻮﻛﻞ ﻋﻠﻰ ﺍﻟﻠﻪ ﺇﻧﻪ ﻫﻮ ﺍﻟﺴﻤﻴﻊ ﺍﻟﻌﻠﻴﻢ ۞ ﻭﺇﻥ ﻳﺮﻳﺪﻭﺍ ﺃﻥ ﻳﺨﺪﻋﻮﻙ ﻓﺈﻥ ﺣﺴﺒﻚ ﺍﻟﻠﻪ ﻫﻮ ﺍﻟﺬﻱ ﺃﻳﺪﻙ ﺑﻨﺼﺮﻩ ﻭﺑﺎﻟﻤﺆﻣﻨﻴﻦ ۞ ﻭﺃﻟﻒ ﺑﻴﻦ ﻗﻠﻮﺑﻬﻢ ﻟﻮ ﺃﻧﻔﻘﺖ ﻣﺎ ﻓﻲ ﺍﻷﺭﺽ ﺟﻤﻴﻌﺎ ﻣﺎ ﺃﻟﻔﺖ ﺑﻴﻦ ﻗﻠﻮﺑﻬﻢ ﻭﻟﻜﻦ ﺍﻟﻠﻪ ﺃﻟﻒ ﺑﻴﻨﻬﻢ ﺇﻧﻪ ﻋﺰﻳﺰ ﺣﻜﻴﻢ ۞ ﻳﺎ ﺃﻳﻬﺎ ﺍﻟﻨﺒﻲ ﺣﺴﺒﻚ ﺍﻟﻠﻪ ﻭﻣﻦ ﺍﺗﺒﻌﻚ ﻣﻦ ﺍﻟﻤﺆﻣﻨﻴﻦ ۞ ﻳﺎ ﺃﻳﻬﺎ ﺍﻟﻨﺒﻲ ﺣﺮﺽ ﺍﻟﻤﺆﻣﻨﻴﻦ ﻋﻠﻰ ﺍﻟﻘﺘﺎﻝ ﺇﻥ ﻳﻜﻦ ﻣﻨﻜﻢ ﻋﺸﺮﻭﻥ ﺻﺎﺑﺮﻭﻥ ﻳﻐﻠﺒﻮﺍ ﻣﺎﺋﺘﻴﻦ ﻭﺇﻥ ﻳﻜﻦ ﻣﻨﻜﻢ ﻣﺎﺋﺔ ﻳﻐﻠﺒﻮﺍ ﺃﻟﻔﺎ ﻣﻦ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﻛﻔﺮﻭﺍ ﺑﺄﻧﻬﻢ ﻗﻮﻡ ﻻ ﻳﻔﻘﻬﻮﻥ ۞ ﺍﻟﺂﻥ ﺧﻔﻒ ﺍﻟﻠﻪ ﻋﻨﻜﻢ ﻭﻋﻠﻢ ﺃﻥ ﻓﻴﻜﻢ ﺿﻌﻔﺎ ﻓﺈﻥ ﻳﻜﻦ ﻣﻨﻜﻢ ﻣﺎﺋﺔ ﺻﺎﺑﺮﺓ ﻳﻐﻠﺒﻮﺍ ﻣﺎﺋﺘﻴﻦ ﻭﺇﻥ ﻳﻜﻦ ﻣﻨﻜﻢ ﺃﻟﻒ ﻳﻐﻠﺒﻮﺍ ﺃﻟﻔﻴﻦ ﺑﺈﺫﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﻣﻊ ﺍﻟﺼﺎﺑﺮﻳﻦ ۞ ﻣﺎ ﻛﺎﻥ ﻟﻨﺒﻲ ﺃﻥ ﻳﻜﻮﻥ ﻟﻪ ﺃﺳﺮﻯ ﺣﺘﻰ ﻳﺜﺨﻦ ﻓﻲ ﺍﻷﺭﺽ ﺗﺮﻳﺪﻭﻥ ﻋﺮﺽ ﺍﻟﺪﻧﻴﺎ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﻳﺮﻳﺪ ﺍﻵﺧﺮﺓ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﻋﺰﻳﺰ ﺣﻜﻴﻢ ۞ ﻟﻮﻻ ﻛﺘﺎﺏ ﻣﻦ ﺍﻟﻠﻪ ﺳﺒﻖ ﻟﻤﺴﻜﻢ ﻓﻴﻤﺎ ﺃﺧﺬﺗﻢ ﻋﺬﺍﺏ ﻋﻈﻴﻢ ۞ ﻓﻜﻠﻮﺍ ﻣﻤﺎ ﻏﻨﻤﺘﻢ ﺣﻼﻻ ﻃﻴﺒﺎ ﻭﺍﺗﻘﻮﺍ ﺍﻟﻠﻪ ﺇﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﻏﻔﻮﺭ ﺭﺣﻴﻢ ۞ ﻳﺎ ﺃﻳﻬﺎ ﺍﻟﻨﺒﻲ ﻗﻞ ﻟﻤﻦ ﻓﻲ ﺃﻳﺪﻳﻜﻢ ﻣﻦ ﺍﻷﺳﺮﻯ ﺇﻥ ﻳﻌﻠﻢ ﺍﻟﻠﻪ ﻓﻲ ﻗﻠﻮﺑﻜﻢ ﺧﻴﺮﺍ ﻳﺆﺗﻜﻢ ﺧﻴﺮﺍ ﻣﻤﺎ ﺃﺧﺬ ﻣﻨﻜﻢ ﻭﻳﻐﻔﺮ ﻟﻜﻢ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﻏﻔﻮﺭ ﺭﺣﻴﻢ ۞ ﻭﺇﻥ ﻳﺮﻳﺪﻭﺍ ﺧﻴﺎﻧﺘﻚ ﻓﻘﺪ ﺧﺎﻧﻮﺍ ﺍﻟﻠﻪ ﻣﻦ ﻗﺒﻞ ﻓﺄﻣﻜﻦ ﻣﻨﻬﻢ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﻋﻠﻴﻢ ﺣﻜﻴﻢ ۞ ﺇﻥ ﺍﻟﺬﻳﻦ ﺁﻣﻨﻮﺍ ﻭﻫﺎﺟﺮﻭﺍ ﻭﺟﺎﻫﺪﻭﺍ ﺑﺄﻣﻮﺍﻟﻬﻢ ﻭﺃﻧﻔﺴﻬﻢ ﻓﻲ ﺳﺒﻴﻞ ﺍﻟﻠﻪ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﺁﻭﻭﺍ ﻭﻧﺼﺮﻭﺍ ﺃﻭﻟﺌﻚ ﺑﻌﻀﻬﻢ ﺃﻭﻟﻴﺎﺀ ﺑﻌﺾ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﺁﻣﻨﻮﺍ ﻭﻟﻢ ﻳﻬﺎﺟﺮﻭﺍ ﻣﺎ ﻟﻜﻢ ﻣﻦ ﻭﻻﻳﺘﻬﻢ ﻣﻦ ﺷﻲﺀ ﺣﺘﻰ ﻳﻬﺎﺟﺮﻭﺍ ﻭﺇﻥ ﺍﺳﺘﻨﺼﺮﻭﻛﻢ ﻓﻲ ﺍﻟﺪﻳﻦ ﻓﻌﻠﻴﻜﻢ ﺍﻟﻨﺼﺮ ﺇﻻ ﻋﻠﻰ ﻗﻮﻡ ﺑﻴﻨﻜﻢ ﻭﺑﻴﻨﻬﻢ ﻣﻴﺜﺎﻕ ﻭﺍﻟﻠﻪ ﺑﻤﺎ ﺗﻌﻤﻠﻮﻥ ﺑﺼﻴﺮ ۞ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﻛﻔﺮﻭﺍ ﺑﻌﻀﻬﻢ ﺃﻭﻟﻴﺎﺀ ﺑﻌﺾ ﺇﻻ ﺗﻔﻌﻠﻮﻩ ﺗﻜﻦ ﻓﺘﻨﺔ ﻓﻲ ﺍﻷﺭﺽ ﻭﻓﺴﺎﺩ ﻛﺒﻴﺮ ۞ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﺁﻣﻨﻮﺍ ﻭﻫﺎﺟﺮﻭﺍ ﻭﺟﺎﻫﺪﻭﺍ ﻓﻲ ﺳﺒﻴﻞ ﺍﻟﻠﻪ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﺁﻭﻭﺍ ﻭﻧﺼﺮﻭﺍ ﺃﻭﻟﺌﻚ ﻫﻢ ﺍﻟﻤﺆﻣﻨﻮﻥ ﺣﻘﺎ ﻟﻬﻢ ﻣﻐﻔﺮﺓ ﻭﺭﺯﻕ ﻛﺮﻳﻢ ۞ ﻭﺍﻟﺬﻳﻦ ﺁﻣﻨﻮﺍ ﻣﻦ ﺑﻌﺪ ﻭﻫﺎﺟﺮﻭﺍ ﻭﺟﺎﻫﺪﻭﺍ ﻣﻌﻜﻢ ﻓﺄﻭﻟﺌﻚ ﻣﻨﻜﻢ ﻭﺃﻭﻟﻮ ﺍﻷﺭﺣﺎﻡ ﺑﻌﻀﻬﻢ ﺃﻭﻟﻰ ﺑﺒﻌﺾ ﻓﻲ ﻛﺘﺎﺏ ﺍﻟﻠﻪ ﺇﻥ ﺍﻟﻠﻪ ﺑﻜﻞ ﺷﻲﺀ ﻋﻠﻴﻢ ۞

49 ◦ ⓐ ◦ ⵜⴰⵙⵙⵓⵜ ⵏ ⵜⵎⵓⵔⵜ ◦ ⵜⵜⵓⵙⵙⵓⵔ ⵜⵜⵓⵔⵉ ◦ ⵜⵜⵓⵙⵙⵓⵔ ⵏⵜⵜ

ꠀꠀꠀ

51 " ⓒ " ⓒ " ⓒ

ما هي الأسباب التي تجعل الأشخاص يتصرفون بطريقة معينة ؟ هذا هو السؤال الذي يحاول علم النفس الإجابة عليه .

51) ما هي الأسباب التي تجعل الأشخاص يتصرفون بطريقة معينة ؟ هذا هو السؤال الذي يحاول علم النفس الإجابة عليه .

52) ما هي الأسباب التي تجعل الأشخاص يتصرفون بطريقة معينة ؟ هذا هو السؤال الذي يحاول علم النفس الإجابة عليه .

"
"
"
"
"
"
"
"
"
"
"
"

56 « (ج) ربيع أنبوبي يمر بالقرب من « ب » ويتجه نحو « ج » ؛ ربيع أنبوبي يمر بالقرب من « ج » ويتجه نحو « ب » ؛

59 = ⁵⁄₆ ما يساوي مقدار ما ينقص العدد ٦ ليساوي ٥ ؛ ٦ ناقص ما يساوي ٥ = ⁵⁄₆ ؛ ٦ ناقص ٥ = ١ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ١ = ⁵⁄₆ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ⁵⁄₆ = صفر

58 = ⁵⁄₆ ما يساوي مقدار ما ينقص العدد ٦ ليساوي ٥ ؛ ٦ ناقص ما يساوي ٥ = ⁵⁄₆ ؛ ٦ ناقص ٥ = ١ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ١ = ⁵⁄₆ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ⁵⁄₆ = صفر

مثال آخر على الطرح : ٦ ناقص ما يساوي ٥ = ⁵⁄₆ ؛ ٦ ناقص ٥ = ١ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ١ = ⁵⁄₆ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ⁵⁄₆ = صفر

مثال آخر على الطرح : ٦ ناقص ما يساوي ٥ = ⁵⁄₆ ؛ ٦ ناقص ٥ = ١ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ١ = ⁵⁄₆ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ⁵⁄₆ = صفر

مثال آخر على الطرح : ٦ ناقص ما يساوي ٥ = ⁵⁄₆ ؛ ٦ ناقص ٥ = ١ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ١ = ⁵⁄₆ ؛ ⁵⁄₆ ناقص ⁵⁄₆ = صفر

ھەم دۇست دەك بەنى ئادەم ھەم دۇشمەن بەنى ئادەم ❊ ھەم ئاسان دەك بەنى ئادەم ھەم قىيىن بەنى ئادەم ❊ ھەم ئاچچىق دەك بەنى ئادەم ھەم تاتلىق بەنى ئادەم ❊ ھەم ئاق دەك بەنى ئادەم ھەم قارا بەنى ئادەم ❊ ھەم ئاق دەك بەنى ئادەم ھەم قارا بەنى ئادەم ❊ ھەم ئاق دەك بەنى ئادەم ھەم قارا بەنى ئادەم ❊

❊

60 ❊ ﴿ ئىسمى ئۆتكۈر مىسىم ﴾ ❊ ئۇ ئىسمى ئۆتكۈر مىسىم ❊ ئۇ ئاسمان ئۈستىدە ئۇچۇپ يۈرگەن قۇشلارغا قارايدۇ ❊ ئۇلارنىڭ قانىتى يوق ❊ ئۇلار ئۇچۇپ يۈرگەن ئىشلارنى قىلمايدۇ ❊ ئۇلار ئۇچۇپ يۈرگەن ئىشلارنى قىلمايدۇ ❊ ئۇ ئۆزىنىڭ ئىچىدە ئويل

ممم ❊ ومشعم ممرمعم مسمسمعمر ❊ ص ومرمعم ممرمع مع ع مسمر ❊ ومشعم ممرمعم مسمسمعمر ❊ ممم

ممر ومعمرمعم مع ممم ❊ مع ومعمرمعم مع ممم مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم ❊ مع ومعمرمعم مع ممم

مع مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم ❊ مع ومعمرمعم مع ممم مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم

❊

ومشعم ممرمعم مسمسمعمر

61 ❊ ع مسمسمعمر مع ومشعم ممرمعم مع ممم ❊ مع ومعمرمعم مع ممم مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم

مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم ❊ مع ومعمرمعم مع ممم مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم

ممم ❊ ومشعم ممرمعم مسمسمعمر ❊ ص ومرمعم ممرمع مع ع مسمر ❊ ومشعم ممرمعم مسمسمعمر ❊ ممم

ممر ومعمرمعم مع ممم ❊ مع ومعمرمعم مع ممم مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم ❊ مع ومعمرمعم مع ممم

مع مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم ❊ مع ومعمرمعم مع ممم مسمسمعمر ❊ ممم ممر ومعمرمعم مع ممم

62	,,	,,	,,
	,,	,,	,,
	,,	,,	,,

ﻣﺎﺩﺓ ٦٣ ﴿ ﻳﺠﻮﺯ ﻟﻠﻤﺤﻜﻤﺔ ﺃﻥ ﺗﺄﻣﺮ ﻓﻲ ﺃﻱ ﻭﻗﺖ ﺑﺈﺣﻀﺎﺭ ﺍﻟﻤﺘﻬﻢ ﺍﻟﻐﺎﺋﺐ ﺃﻭ ﺑﺈﻋﺎﺩﺓ ﺍﻟﻤﺘﻬﻢ ﺍﻟﻤﻔﺮﺝ ﻋﻨﻪ ﻣﺆﻗﺘﺎً ﺇﻟﻰ ﺍﻟﺠﻠﺴﺔ ﺍﻟﺘﻲ ﺗﻌﻴﻨﻬﺎ ﻟﻨﻈﺮ ﺍﻟﺪﻋﻮﻯ ﺃﻭ ﺃﻱ ﺟﻠﺴﺔ ﺗﺎﻟﻴﺔ ﻟﻬﺎ ﻭﻟﻬﺎ ﺃﻥ ﺗﺄﻣﺮ ﺑﺤﺒﺴﻪ ﺍﺣﺘﻴﺎﻃﻴﺎً ﺇﺫﺍ ﻟﺰﻡ ﺍﻷﻣﺮ ﻭﻳﺠﻮﺯ ﻟﻬﺎ ﺃﻥ ﺗﺄﻣﺮ ﺑﺈﻓﺮﺍﺝ ﺍﻟﻤﺘﻬﻢ ﺍﻟﻤﺤﺒﻮﺱ ﺍﺣﺘﻴﺎﻃﻴﺎً ﺇﺫﺍ ﺗﺒﻴﻦ ﻟﻬﺎ ﺃﻥ ﻻ ﻣﺤﻞ ﻟﺤﺒﺴﻪ ﺍﺣﺘﻴﺎﻃﻴﺎً ﺃﻭ ﺃﻥ ﺍﻟﺤﺒﺲ ﻟﻢ ﻳﻌﺪ ﻟﺰﻭﻣﺎً ﻭﻳﺠﻮﺯ ﻟﻬﺎ ﺃﻥ ﺗﺄﻣﺮ ﺑﺈﻓﺮﺍﺝ ﺍﻟﻤﺘﻬﻢ ﺍﻟﻤﺤﺒﻮﺱ ﺍﺣﺘﻴﺎﻃﻴﺎً ﺑﻜﻔﺎﻟﺔ ﺃﻭ ﺑﺪﻭﻧﻬﺎ ﺇﺫﺍ ﺭﺃﺕ ﻣﻦ ﻇﺮﻭﻑ ﺍﻟﺪﻋﻮﻯ ﻣﺎ ﻳﺒﺮﺭ ﺫﻟﻚ ﻭﻳﺠﻮﺯ ﻟﻬﺎ ﺃﻥ ﺗﺄﻣﺮ ﺑﺤﺒﺲ ﺍﻟﻤﺘﻬﻢ ﺍﻟﻤﻔﺮﺝ ﻋﻨﻪ ﺍﺣﺘﻴﺎﻃﻴﺎً ﺇﺫﺍ ﺃﺧﻞ ﺑﺸﺮﻭﻁ ﺍﻹﻓﺮﺍﺝ ﺍﻟﻤﻘﺮﺭﺓ ﻟﻪ ﻭﻟﻬﺎ ﺃﻥ ﺗﺄﻣﺮ ﺑﺘﺸﺪﻳﺪ ﺍﻟﺤﺮﺍﺳﺔ ﻋﻠﻰ ﺍﻟﻤﺘﻬﻢ ﺍﻟﻤﻔﺮﺝ ﻋﻨﻪ ﺍﺣﺘﻴﺎﻃﻴﺎً ﺇﺫﺍ ﺭﺃﺕ ﻣﻦ ﻇﺮﻭﻑ ﺍﻟﺪﻋﻮﻯ ﻣﺎ ﻳﺒﺮﺭ ﺫﻟﻚ ﻭﻟﻬﺎ ﺃﻥ ﺗﺄﻣﺮ ﺑﺈﻳﺪﺍﻉ ﺍﻟﻤﺘﻬﻢ ﺍﻟﻤﻔﺮﺝ ﻋﻨﻪ ﺍﺣﺘﻴﺎﻃﻴﺎً ﺇﺫﺍ ﺭﺃﺕ ﻣﻦ ﻇﺮﻭﻑ ﺍﻟﺪﻋﻮﻯ ﻣﺎ ﻳﺒﺮﺭ ﺫﻟﻚ ﻭ

64 ◦ ن ◦ ◦ ◦

О пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ.

Кажется ни одинъ изъ восточныхъ народовъ не пользовался такимъ большимъ вниманіемъ европейцевъ какъ монголы. Ихъ исторія переводилась едва ли не со всѣхъ тѣхъ языковъ, которыми говорили данники Чингисъ хана и его потомковъ и издавалась въ Европѣ едва ли не всѣми тѣми письменами, которыя были въ употребленіи въ обширной монархіи Чингиса. Ярлыки, письма и надписи на скалахъ, камняхъ и монетахъ монгольскихъ хановъ, особливо нѣкоторые, обращали на себя серіозное вниманіе орієнталистовъ и въ большинствѣ случаевъ разбирались и переиздавались по два и по три раза, всякій разъ, конечно, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ историческихъ фактовъ и вдвое большимъ числомъ догадокъ и предположеній. Письмена, которыя находили на этихъ ярлыкахъ, монетахъ и надписяхъ, подвергались самому строгому изслѣдованію, возбуждали споры, въ которыхъ ученые то серіозно улеляли минувшій бытъ монголовъ, кропотливо выбирая, въ доказательство истинности своихъ мнѣній, строки изъ многотомныхъ сказаній восточныхъ историковъ, то щеголяли другъ передъ другомъ проницательностію и остроуміемъ, и, выводомъ изъ одного положительнаго факта десятка проблеммъ, прогоняли свою кабинетную скуку. Такимъ образомъ мы можемъ въ настоящее время слѣдить исторію монголовъ даже въ тѣ отдаленные періоды, когда они были извѣстны подъ именами Хун-ну и Мо-хэ, а изъ эпохи Чингиса мо-

жемъ опредѣлять не только года и мѣсяцы, а даже дни извѣстныхъ событій; мы отчетливо представляемъ себѣ бытъ монголовъ того времени, знаемъ ихъ домашнюю утварь, бранные доспѣхи, знаемъ ихъ гражданскіе и военные обычаи, способъ сраженій, ихъ воззрѣнія на окружающее и взглядъ на самихъ себя, знаемъ не только характеристику всего народа, но пожалуй и выдающихся частныхъ личностей. Страннѣе всего то, что эти успѣхи въ изученіи исторіи монголовъ и богатство знаній о характерѣ и бытѣ этого народа не только не стоятъ въ связи съ серіознымъ изученіемъ монгольскаго языка и литературы, но можно сказать почти діаметрально противуположны ему. Въ числѣ знаменитыхъ оріенталистовъ запада мы не знаемъ ни одного монгололога. Правда, что Клапротъ въ своей «Asia polyglotta» брался даже за сравнительное языковѣденіе въ монгольскихъ нарѣчіяхъ, что Абель-Ремюза въ своихъ «Recherches» написалъ цѣлый трактатъ о литературѣ монголовъ и даже съ прибавленіемъ грамматики монгольскаго языка; но всякій, кто изучалъ монгольскій языкъ болѣе или менѣе основательно и кому пришлось притомъ познакомиться съ многочисленными нарѣчіями этого языка, не усумнится сказать, что наивность сужденій этихъ корифеевъ оріентализма на западѣ и блѣдность сообщаемыхъ ими дѣйствительныхъ знаній о монгольскомъ языкѣ равны дерзости, съ которою брались они судить и сообщать свѣдѣнія о томъ, чего совершенно не знали сами. Основательное изученіе монгольскаго языка начато только въ Россіи: мы можемъ съ гордостію произносить имена Бобровникова и Ковалевскаго, давно уже не сомнѣвались, что рано или поздно Европа обратится къ трудамъ нашихъ монголологовъ и тѣмъ болѣе не сомнѣваемся въ этомъ теперь, когда намъ уже положительно извѣстно намѣреніе англичанъ перепечатать лексиконъ Г. Ковалевскаго. Тоже самое можно сказать и относительно знакомства европейцевъ съ нарѣчіями монгольскаго языка, хотя изученіе ихъ началось можно сказать только три съ небольшимъ десятка лѣтъ, да и ограничивалось до сего времени только изслѣдованіями языка Ölö-

товъ. Въ этомъ отношеніи достаточно сравнить только изданіе Сиддхту-кюра на западѣ Юльгомъ и проф. Голстунскимъ въ Россіи, чтобы видѣть разницу и превосходство въ филологическихъ познаніяхъ нашего профессора предъ ученымъ запада.

При такой бѣдности изученія языка монголовъ естественно, что и изданія на этомъ языкѣ у насъ не многочисленны. Въ Европѣ не появлялось до нынѣ еще положительно ничего, кромѣ текстовъ древнихъ грамотъ, снимковъ съ надписей на каменописныхъ памятникахъ и лаконическихъ фразъ пайцзэ; въ Россіи было издано двѣ лѣтописи и нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ сочиненій въ хрестоматіяхъ. Надъ всѣмъ этимъ доселѣ царитъ появившійся еще въ 1829 году трудъ академика Шмидта; хотя по нашему мнѣнію онъ далеко не совершенъ и давно требовалъ бы провѣрокъ и перепзданія даже какъ текстъ, не говоря уже о переводѣ, въ которомъ академикъ иногда руководствовался больше своимъ соображеніемъ и воображеніемъ, чѣмъ дѣйствительными фразами, или отдѣльными словами Сананъ-Сэцэна. На все это намъ могутъ конечно возразить о незначительности монгольской литературы вообще, ея малоинтересности и односторонности, хотя и трудно предположить, чтобы истинный ученый находилъ въ чемъ бы то ни было мало интереса. Но прежде всего мы не можемъ согласиться даже и съ тѣмъ, чтобы литература монголовъ была дѣйствительно незначительна; что же касается интереса, то говорить о немъ дѣло весьма условное: и почему не предположить, что нѣкоторыми изданіе текста и перевода хоть бы сочиненія «Тошлхуйнъ чимэкъ», особливо въ томъ видѣ, въ которомъ пріобрѣтенъ онъ мною, или знаменитаго Цзонхавинскаго «Лам-рим'а» (монг. Муруп-цзэргэ) можетъ быть почитаемо, и не безосновательно, гораздо болѣе интереснымъ и полезнымъ, чѣмъ текстъ и переводъ Сананъ-Сэцэна въ изданіи Шмидта? Монгольскую литературу обвиняютъ въ односторонности ея буддійскаго направленія. Это справедливо отчасти; но развѣ ученые запада да и русскіе не написали громадныхъ томовъ о буддизмѣ, почерпая свои свѣдѣнія съ языковъ санскрит-

скаго, тибетскаго и китайскаго? А между тѣмъ судить о буддизмѣ и трактовать о его догматахъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ, прочитаннымъ на помянутыхъ языкахъ, было крайне не научно. Буддизмъ, какъ неоднократно замѣчалъ о томъ нашъ проф. Васильевъ, въ каждой странѣ принималъ мѣстный колоритъ, и, соглашаясь съ этимъ положеніемъ, мы думаемъ, что было бы гораздо полезнѣе, оставивъ притязаніе на общее изложеніе догматики буддизма, ознакомиться съ его особенностями въ той или другой странѣ, а въ томъ числѣ и въ Монголіи. Наконецъ, въ оправданіе незначительности монгольской литературы нужно прежде всего сказать то, что невозможно же требовать отъ кочевника такого же богатства изданій, которое появляется и къ которому привыкли мы въ Европѣ; а съ другой стороны путешествіе по Монголіи доказало автору этого изслѣдованія, что монголы далеко не совершенно бездѣятельны въ литературѣ и не смотря на незначительность средствъ, которыми располагалъ онъ, ему удалось пріобрѣсти и лѣтописи, относящіяся по изданію къ самому послѣднему времени и такія же историческія сочиненія, біографіи частныхъ лицъ, переводные съ китайскаго и оригинальные романы, путешествія, переводныя съ тибетскаго и оригинальныя сочиненія по буддизму и пр. и пр. Итакъ всѣ трактаты о незначительности монгольской литературы сводятся скорѣе къ нашему не знанію ея, обвиненіе же противъ нея въ односторонности ея буддійскаго направленія, кажется, по меньшей мѣрѣ страннымъ; возможно ли обвинять литературу за то, что въ данное время въ ней существуетъ извѣстное направленіе и не одинаковый ли интересъ представляетъ для ученаго литература, къ какому бы направленію она ни принадлежала?

Изъ всего сказаннаго, кажется, дѣлается достаточно яснымъ, что во 1-хъ) литература монголовъ для насъ положительно не извѣстна, за исключеніемъ не многихъ историческихъ памятниковъ и двухъ образцевъ монгольскихъ лѣтописей, и что во 2-хъ) наше извѣстное относится только къ письменнымъ памятникамъ народныхъ воззрѣній, жизни и быта. Но обусловливается

ли только заключеннымъ въ письменность литература монголовъ, хотя и это составило бы громадн҃ѣйшій матеріалъ для изслѣдованія и изученія? Конечно п҃ѣтъ: всякій литературный народъ непремѣнно имѣетъ кромѣ письменной, такъ сказать, ученой литературы еще и устную, чисто народную, являющуюся почти всегда въ формѣ п҃ѣсни, или по крайней мѣрѣ въ стихотворной формѣ. Этотъ послѣдній родъ литературныхъ произведеній за симъ всегда бываетъ тѣмъ богаче и обширн҃ѣе, чѣмъ мен҃ѣе развита грамотность въ народѣ, чѣмъ однообразн҃ѣе уровень умственнаго развитія въ различныхъ классахъ общей народной семьи. Справедливость этого положенія подкр҃ѣпляется фактами, сохраняемыми для насъ исторіею всеобщей литературы, хотя тутъ едва ли и нужно требовать уясненій и доказательствъ: ибо гд҃ѣ же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть богатство народной п҃ѣсенной поэзіи какъ не тамъ, гд҃ѣ князь и пастухъ живутъ одною общею жизнію, имѣютъ одни интересы и говорятъ однимъ языкомъ? Такимъ образомъ основываясь на этомъ положеніи мы можемъ a priori ручаться въ отношеніи монголовъ, что устная литература ихъ должна быть весьма обширна. Должно думать, что таковою она являлась бы и на самомъ дѣлѣ, если бы условія страны и быта народа, да наконецъ и самый характеръ его способствовали всецѣлому сохраненію того, что произведено и воспѣто творческимъ духомъ народа. Н҃ѣтъ ничего гибельн҃ѣе для сохраненія съ памяти народа его устной литературы какъ перемѣщеніе съ одного мѣста на другое; а между тѣмъ въ Монголіи въ настоящее время едва ли есть семьи, которыхъ не коснулось бы переселеніе, то и дѣло производимое маньчжурами, да наконецъ и монгольскими родовыми князьями. Въ настоящее время Чахаровъ также не трудно встр҃ѣтить на самой с҃ѣверной окраин҃ѣ Халхи, какъ ӧлӧтовъ у Долонъ-нӧра, или по сос҃ѣдству съ кочевьями Харачиновъ. Производится эта перетасовка, какъ уже было сказано, то по требованію китайскаго правительства, то наконецъ по условіямъ народныхъ обычаевъ: достаточно напримѣръ выйдти ӧлӧтской княжн҃ѣ за-мужъ за харачинскаго, или барунъскаго тайчжи,

чтобы за ней послѣдовало десять, пятьнадцать семей данниковъ ея отца. Понятно, что при этихъ переселеніяхъ воспоминанія о старшихъ отдаляются въ народѣ новыми впечатлѣніями и наконецъ совершенно изглаживаются изъ его памяти, благодаря отсутствію обстановки, пробуждавшей ихъ прежде по ассоціаціи. Самая кочевая жизнь монголовъ не мало убиваетъ ихъ устную литературу и тому, кто началъ бы заниматься собраніемъ и записываніемъ этого рода памятниковъ, пришлось бы слышать чуть ли отъ каждаго разсказщика, что онъ знаетъ извѣстный разсказъ только на половину, потому что училъ со словъ того-то, но не могъ докончить всего за перекочевкою. Такъ постепенно гаснутъ въ памяти народа произведенія старшинаго творчества ихъ предковъ, современныя же произведенія встрѣчаются черезъ чуръ рѣдко, ибо въ настоящее время, больше чѣмъ когда либо, монголы находятся въ условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ для поэтическаго творчества. Голодъ и холодъ, гнетущая бѣдность, давленіе чужеземной администраціи и наконецъ убивающій всякое стремленіе и порывъ къ мірской жизни буддизмъ, все это такіе факторы въ жизни, которые далеко не заставляютъ пѣть человѣка, а напротивъ подавляютъ въ немъ всякую живую струну сердца. Естественно посему, что народныя произведенія устной литературы можно находить только съ большимъ трудомъ у монголовъ и что сохранившихся памятниковъ ея теперь должно быть значительно меньше, чѣмъ можно было предполагать о существованіи ихъ a priori. Мнѣ лично пришлось на дѣлѣ убѣдиться въ этой недостаточности. Правда, я не затрудняюсь пересчитать десятки монгольскихъ поэмъ и сказокъ, большинство изъ нихъ у меня записано; но я видѣлъ, что эти произведенія должны существовать далеко не въ той формѣ, въ какой они мнѣ передавались: изъ десяти стиховъ, только три, четыре говорилось рѣомованныхъ, отъ поэтическихъ картинъ въ этой передачѣ оставались только жалкіе отрывки. Осматривая свои записи въ настоящее время, я вижу только двѣ три сказки и былины достойныхъ изданія и если я въ свое время все таки записывалъ все передаваемое мнѣ, то имѣлъ

при этомъ единственную цѣль ознакомленія съ безчисленными изгибами языка и, пожалуй еще, изученія монгольскихъ миѳовъ. Пѣсни, какъ произведенія болѣе краткія, полнѣе сохранились въ памяти народа, но и здѣсь нельзя не замѣтить того же смѣшенія: часто одна половина пѣсни совершенно не вяжется съ другою, и видимо перенесена въ нее изъ какого либо другаго такого же произведенія, еще чаще въ пѣсняхъ не достаетъ рѣдко, отдѣльныхъ стиховъ, или наконецъ и цѣлыхъ строфъ, какъ то можно предполагать по смыслу.

При такой трудности дѣльнаго и мало мальски полнаго собранія образцевъ народной поэзіи, особливо разсматриваемой въ связи съ незначительнымъ изученіемъ монгольскаго языка оріенталистами вообще, естественно, что въ Европѣ до сего времени поэзія монголовъ составляла положительную terra incognita. О существованіи у монголовъ пѣсенъ и сказокъ правда можно было знать изъ сказаній нашихъ ученыхъ путешественниковъ и туристовъ, съ десятокъ пѣсенъ и пословицъ оказалось даже и записанныхъ со временъ Палласа въ 1769 году до Ровинскаго въ 1874 г., но этимъ и ограничивалось все наше знакомство съ поэзіею монголовъ, о сборникахъ народной литературы при этомъ само собою разумѣется не можетъ быть и рѣчи. Не смотря однако на такую бѣдность данныхъ, любопытный и наблюдательный умъ европейцевъ успѣлъ и на основаніи ихъ сказать нѣсколько словъ о поэзіи монголовъ. Еще въ 1837-мъ г., въ журналѣ Zeitschrift für die Künde des Morgenlandes появилась статья Габеленца «Einiges über mongolische Poesie», которую авторъ составилъ главнымъ образомъ на основаніи выписокъ изъ Сананъ-Сэцэна. Мы не будемъ ничего говорить объ этой статьѣ, ибо, написавъ ее, Габеленцъ отдалъ должную дань своему времени, хотя для насъ онъ и не премминулъ затемнить свою заслугу, возведя отрывочныя фразы сухой лѣтописи Сананъ-Сэцэна на высокую степень монгольскаго эпоса. Впрочемъ, Габеленцъ ничего не говорилъ о содержаніи поэзіи монголовъ и разсматривалъ ее только со стороны законовъ стихосложенія, такъ что вся его

статья, написанная на 16 страницахъ, изъ коихъ 14 заняты примѣрами, можетъ быть выражена въ одномъ предложеніи: рѣдка монгольскихъ стихотвореній находится въ началѣ каждаго стиха. Что касается народной поэзіи монголовъ, то объ ея содержаніи не говорилъ еще никто; да и если бы сказалъ что либо, то навѣрное неправильно. Я говорю такъ прежде всего потому, что судить о содержаніи народной поэзіи монголовъ по тѣмъ даннымъ, какія имѣлись у насъ до сего времени, положительно не возможно. Европейскіе путешественники вообще и особливо туристы являются на востокъ съ своими предвзятыми, европейскими понятіями и въ большинствѣ случаевъ, кажется, и не хотятъ смотрѣть на дѣйствительность, а ищутъ только то, что имъ нужно: пѣсня — непремѣнно должна быть или бытовою, или историческою, сказка — непремѣнно обрисовывающею какой нибудь миѳъ и т. д. Посмотрите на стихотворенія, записанныя Тимковскимъ, или пѣсню, записанную Ровинскимъ; вы видите, что онѣ намѣренно выбраны изъ десятка другихъ не записанныхъ и оставленныхъ безъ перевода. Но можетъ ли даже цѣлый сборникъ, составленный такимъ образомъ, быть въ самомъ дѣлѣ матеріаломъ для истиннаго сужденія о народной поэзіи и еще болѣе служить пособіемъ къ уясненію исторіи и характера народа? Конечно нѣтъ. Можно составить цѣлый сборникъ пѣсенъ, которыя будутъ мѣтко рисовать народный бытъ, его недостатки и достоинства, будутъ въ совершенствѣ соотвѣтствовать народной пѣснѣ по языку и построенію и за всѣмъ тѣмъ все таки не будутъ народными. Такого рода пѣсни бываютъ у каждаго народа: онѣ выходятъ отъ своего творца, живутъ въ устахъ двухъ, трехъ десятковъ человѣкъ, но не сродняются съ народомъ, не бываютъ приняты имъ, а потому и остаются неизвѣстными ему. Спрашивается теперь, могутъ ли такого рода пѣсни назваться народными и можно ли на основаніи ихъ судить о народѣ? Отвѣтъ конечно отрицательный; а между тѣмъ мы едва ли ошибемся если скажемъ, что только такой сборникъ пѣсенъ и могъ быть составленъ до сего времени изъ обнародованныхъ въ Европѣ произведеній этого рода народной лите-

ратуры монголовъ. Неоспоримо также, что народныя пѣсни, какъ и самый народъ, имѣютъ свою исторію: однѣ изъ нихъ измѣняются, обновляются, принимаютъ новыя формы; другія отживаютъ свой вѣкъ, постепенно угасаютъ, по мѣрѣ того какъ въ народѣ слагаются новыя убѣжденія, и наконецъ дѣлаются совершенно чуждыми народу, когда онъ начинаетъ жить новою духовною жизнію. Отсюда еще ограниченіе понятія народности пѣсенъ, принимая въ соображеніе которое, мы считаемъ ошибочнымъ представленіе Тимковскимъ военной пѣсни Халхасовъ сэцэцъ хановскаго аймака *), какъ характеристичной для монголовъ того времени. Только долговременное наблюденіе надъ отношеніемъ народа къ извѣстнымъ пѣснямъ можетъ привести къ истинному заключенію объ ихъ народности. Еще Гомеръ совершенно справедливо сказалъ:

Τὴν ἀοιδὴν μᾶλλον ἐπικλείουσ' ἄνθρωποι
ἥτις ἀκουόντεσσι νεωτάτη ἀμφιπέληται **).

слѣдовательно ручательствомъ за современность пѣсни для народа служитъ прежде и больше всего ея количественное употребленіе, степень распространенности въ народѣ. Только тогда, когда пѣсня расходится, мы можемъ сказать, что она люба̀ народу, что она выражаетъ его современный духъ, что она — народная.

Трехлѣтнее пребываніе въ Монголіи дало мнѣ возможность собрать и записать до 300 различныхъ монгольскихъ пѣсенъ и этотъ сборникъ имѣетъ для меня особенную важность потому, что я записывалъ только то, что мнѣ *приходилось* слышать: я не заставлялъ пѣть ни халхаса, ни ӧлёта и даже когда затягивалъ пѣвецъ какую либо пѣсню, я иногда вспрашивалъ его, почему онъ поетъ ее и что ему особенно въ ней нравится. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что мнѣ казалось имъ только и можно для

*) Путешествіе въ Китай, ч. 3-я, стр. 307.

**) Одисея I, 351—2.

иностранца уяснить себѣ, что имѣно въ пѣснѣ народнаго; при томъ же у монголовъ, какъ и вездѣ, весьма часто случается, что пѣсня поется только потому, что пѣвецъ находитъ пріятную для себя гармонію въ ея напѣвѣ. Гибельный пожаръ въ Иркутскѣ едва ли не лишилъ меня сборника пѣсенъ чахарскихъ, въ которыхъ гораздо болѣе жизни и сатиры, чѣмъ въ жалкой пѣсенной поэзіи Халхи. Я не преминулъ бы теперь же представить образцы ихъ, если бы имѣлъ ихъ подъ руками и надѣюсь познакомить съ ними публику, какъ только Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества перешлетъ мнѣ мои коллекціи, оставшіяся въ его рукахъ. Въ своемъ трактатѣ о законахъ стихосложенія у монголовъ я буду приводить примѣры и изъ чахарскихъ пѣсенъ, но это печальные отрывки выхваченные мною наскоро въ то время, когда въ минуты досуга отъ наблюденій, я въ степяхъ Монголіи приводилъ нѣсколько въ порядокъ свои разбросанныя знанія о литературѣ различныхъ племенъ единаго монгольскаго народа.

Значеніе и необходимость изученія народной литературы для историка и психолога уже были такъ многократно разсматриваемы и доказываемы, что я считаю излишнимъ снова подробно говорить объ этомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не замѣтить, что народная литература, кажется, нигдѣ не принесла бы такой услуги и нигдѣ не была бы такъ важна, какъ въ объясненіи исторіи монголовъ. Кто не скажетъ, что произведенія народной литературы вообще и особливо пѣсни суть истинныя и непритворныя выраженія мысли и чувствованій народа; что они суть образы, въ которыхъ народъ рисуетъ намъ свой характеръ и истинную картину своего быта въ каждую данную эпоху и что потому самому изученіе пѣсенъ въ хронологической послѣдовательности ихъ происхожденія можетъ представить намъ исторію внутренняго существа и духовной жизни народа? Имѣя въ виду имѣнно это свойство пѣсенъ, я и сказалъ, что онѣ нигдѣ бы не

могли имѣть для насъ такого интереса, какъ у монголовъ; потому что въ самомъ дѣлѣ было бы весьма поучительно прослѣдить по нимъ какъ этотъ храбрый народъ, нѣкогда подчинившій себѣ и державшій въ своихъ рукахъ едва не полъ міра, постепенно опускался, какъ мало по малу угасли его духовныя силы и какъ наконецъ достигъ онъ до того ничтожества, въ которомъ видимъ мы его въ настоящее время? Да и былъ ли онъ дѣйствительно тѣмъ храбрымъ, мужественнымъ и пылкимъ по духу народомъ, какимъ представляемъ мы его себѣ въ періодъ его завоеваній? Все это вопросы, которые конечно могли бы быть вполнѣ разрѣшены народною литературою монголовъ и на которые теперь мы можемъ отвѣчать только гадательно по монографіямъ и историческимъ памятникамъ ихъ иноплеменныхъ данниковъ, даже безъ всякой надежды найдти истинное свидѣтельство достовѣрности нашихъ заключеній въ собственныхъ твореніяхъ монгольскаго народа. До сего времени намъ не извѣстно ни одного памятника изъ древняго монгольскаго творчества, да безъ сомнѣнія ни одинъ изъ нихъ и не сохранился до нашихъ временъ, потому что едва ли возможно допустить существованіе хотя бы одной только пѣсни въ устахъ кочеваго народа въ теченіе четырехъ, пяти вѣковъ, а о письменныхъ памятникахъ этого рода не можетъ быть и рѣчи. Можно конечно возражать, что это послѣднее положеніе также гадательно, что еще въ недавнее время нашему соотечественнику удалось отыскать памятникъ древней литературы монголовъ, о существованіи котораго мы также не могли думать до самаго времени его открытія, — я говорю о пресловутомъ монгольскомъ текстѣ Юань-чао-ми-ши; но въ этомъ случаѣ нельзя забывать о той весьма важной особенности народовъ крайняго востока, по которой всѣ они вообще относятся съ необъяснимою небрежностію къ произведеніямъ народнаго творчества. Даже Китайцы, составившіе себѣ громкую славу богатствомъ и разнообразіемъ своей литературы, въ этомъ случаѣ ни чѣмъ не разнятся отъ своихъ кочевыхъ сосѣдей и, не смотря на завѣщаніе Конфуція собирать и изучать сказанія и пѣсни народа, не имѣютъ у себя

рѣшительно ни одного сборника своей народной литературы. Само собою разумѣется, что еще менѣе мы можемъ предполагать у нихъ составленіе подобнаго сборника *монгольскихъ* пѣсенъ даже и въ періодъ владычества Юаней; что же касается до существованія Монголіи при Минахъ, то какъ ни бѣдны по этому предмету свѣдѣніями историческія сказанія китайцевъ, они все таки говорятъ, что монголы, возвратившіеся на сѣверъ по изгнаніи изъ Китая, совершенно забыли буддизмъ и письменность. Тоже говорятъ и источники монгольскіе *). Такимъ образомъ изгнанные изъ Китая монголы не могли записывать своихъ народныхъ твореній уже потому, что забыли свою письменность. Предположимъ однако, что сказанія китайцевъ и буддійскихъ монаховъ въ этомъ случаѣ преувеличены, что грамотность во все не была забыта монголами, а только пришла въ упадокъ; но и тогда вѣроятность записи какого либо народнаго творенія возрастетъ весьма мало по той напыщенной педантичности, которая, какъ кажется, всегда была неразлучна съ духомъ грамотныхъ монголовъ и присуща ему до настоящаго времени. Для насъ кажется почти невозможнымъ предположить, чтобы народу не было любо его произведеніе, чтобы онъ не находилъ удовольствія въ пѣсняхъ, всегда представляющихъ ему гармонію родныхъ его звуковъ, всегда полныхъ эстетическаго изображенія его собственнаго чувства, остротъ его собственной мысли; а между тѣмъ достовѣрно, что монголы во все не дорожатъ этими своими произведеніями, или по крайней мѣрѣ не хранятъ ихъ, запечатлѣвая въ письменности: они не имѣютъ пѣсенниковъ и къ самому записыванію пѣсенъ относятся съ очевиднымъ презрѣніемъ. Объяснить это презрѣніе мы не можемъ ни чѣмъ другимъ какъ только педантичностью. Монголы считаютъ недостойными кисти пѣсни и народныя сказки; имъ нужно поученіе, нужны трактаты о возвышенныхъ пред-

*) Нэйчжи Тойнъ Л. 108; Эрдэнійнъ эрихэ гл. 48; Эрдэни цзу-йнъ тухэ Л. 13-й; Чжибцзунъ дамба ламайнъ Л. 2-й; Чжанчжа гэгэну намтаръ т. 2-й стр. 205.

метахъ и возвышенныхъ личностяхъ, или наконецъ нужна важная личность автора. Этимъ только мы и можемъ объяснить появленіе въ литературѣ монголовъ нелѣпыхъ фантазій и баснословій буддизма. Такимъ образомъ мы не имѣемъ и едва ли можемъ ожидать отъ монголовъ памятниковъ ихъ древняго народнаго творчества и потому въ трактатѣ о монгольской поэзіи необходимо должны ограничиться сужденіемъ о ней по изслѣдованію позднѣйшихъ образцевъ ея. Заключеніе объ относительной старинѣ той или другой пѣсни можетъ быть выводимо только на основаніи соображеній законовъ жизни и развитія народовъ вообще и нѣкоторыхъ весьма не многихъ частныхъ указаній на событія изъ исторіи того или другаго монгольскаго племени.

Каковъ же общій духъ монгольской народной пѣсенной поэзіи и каковъ характеръ народныхъ монгольскихъ пѣсенъ? Характеръ народныхъ пѣсенъ вообще долженъ соотвѣтствовать и всегда дѣйствительно соотвѣтствуетъ характеру народа, составившаго ихъ: при этомъ конечно имѣетъ весьма важное значеніе обстановка народа, его жизнь и положеніе въ средѣ другихъ народовъ, его окружающихъ и входящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, наконецъ самая страна и природа, среди которой народъ живетъ и которая по необходимости имѣетъ вліяніе на внутренній міръ и чувствованія человѣка. Монгольскія пѣсни въ этомъ случаѣ не составляютъ исключенія изъ общаго правила и представляютъ чистѣйшее выраженіе народнаго духа монголовъ. Такъ какъ выше уже было замѣчено, что за отсутствіемъ образцовъ древней поэзіи монголовъ, навсегда унесенныхъ отъ насъ временемъ и за неимѣніемъ въ большинствѣ случаевъ никакихъ указаній на происхожденіе пѣсенъ мы совершенно не можемъ разсматривать монгольскихъ пѣсенъ въ хронологической послѣдовательности ихъ происхожденія, что для насъ посему существуетъ только современное творчество народа, то отсюда естественно вытекаетъ и то, что мы должны говорить только о духовномъ развитіи и настроеніи монголовъ въ ближайшее къ намъ время. Но что могли бы мы сказать положительнаго даже объ этомъ бли-

жайшемъ къ намъ періодѣ? Мы имѣемъ только самое общее представленіе о жизни монголовъ безъ малѣйшихъ свѣденій о частностяхъ и деталяхъ этой жизни. Правда пріобрѣтенные мною памятники позднѣйшей монгольской исторической литературы значительно поясняютъ намъ жизнь и дѣятельность монголовъ подъ владычествомъ маньчжуровъ, но все это по сухости и лаконичности сообщаемыхъ свѣдѣній только въ незначительной степени можетъ послужить къ уясненію характера монгольскаго народа а вмѣстѣ съ тѣмъ и монгольскихъ пѣсенъ. Постараемся однако произвести свое изслѣдованіе хотя и на основаніи этихъ общихъ данныхъ.

Достовѣрно извѣстно, что монголы, по изгнаніи ихъ изъ Китая, все время жили въ тѣхъ самыхъ однообразныхъ, непривлекательныхъ и бѣдныхъ по природѣ степяхъ, въ которыхъ живутъ и нынѣ и также перекочевывали съ лѣтниковъ на зимовку и съ зимовокъ на лѣтники, какъ кочуютъ и теперь, что они еще тогда принялись за тотъ же родъ занятій, который практикуютъ и до настоящей поры, однимъ словомъ въ матеріальномъ отношеніи были въ той самой обстановкѣ, въ которой живутъ они и теперь. Такимъ образомъ знакомство съ современнымъ состояніемъ монголовъ если не въ совершенной, то въ достаточной полнотѣ можетъ перенести насъ на цѣлыя 500 лѣтъ назадъ и возбудить представленіе объ ихъ тогдашней жизни и міросозерцаніи. Кочевникъ, провождавшій жизнь свою въ немногосложныхъ занятіяхъ скотоводствомъ или охотой, уже въ силу этихъ своихъ занятій ищущій удаленія отъ близкихъ сосѣдствъ и потому еще болѣе одинако скитавшійся по безлюднымъ степямъ, монголъ естественно не могъ привыкнуть къ шумной и общественной жизни. Удаленіе отъ общества было одною изъ главныхъ причинъ конечно и удаленія отъ гражданственности: монголъ жилъ простою, нестѣсненною общественными обязательствами и условленными приличіями жизнью, ему свободно дышалось и онъ такъ втянулся въ эту свободу, что его не привлекали ни какія удобства и блага общественной жизни. «Хэ̄рійн баӣн гэрійн баӣнаса дэ̄рэ», т. е. «степной богачъ лучше богача осѣдлаго», говорилъ монголъ въ

своей пословицѣ и, вѣрный своему взгляду, онъ остался кочевникомъ-скотоводомъ, пренебрегая всѣми другими занятіями и всякимъ другимъ образомъ жизни, потому что они не согласовались съ его понятіями о личной независимости и свободѣ. Ему душно было заковать себя въ узкія рамки общественной жизни, гдѣ по неволѣ приходится нести на себѣ тяготы другаго: онъ покорялся предъ всѣми жизненными невзгодами, предпочиталъ свое одиночество въ трудѣ, не имѣя для себя ни отъ кого помощи, но и не работая на другаго; съ людьми онъ сходился только для того, чтобы развлечься въ ихъ обществѣ, пожить общею радостью или раздѣлить общую печаль. Этотъ характеръ обыденной жизни и общественныхъ отношеній монголы сохраняютъ постоянно и до настоящаго времени. «Довольствуясь только необходимо нужнымъ, говоритъ Белль, путешественникъ начала XVIII вѣка, и не ища излишняго, монголы живутъ по самымъ простымъ и самымъ древнимъ обычаямъ» *). Тоже можно сказать о нихъ и въ наше время: вольный пастухъ или охотникъ, монголъ донынѣ чуждается общественной жизни, проводитъ большую часть времени въ своей семьѣ и только изрѣдка ѣздитъ къ своимъ знакомымъ подѣлиться своими новостями и потолковать о слухахъ. Можно думать, что эта разобщенная жизнь и составляетъ причину нѣкоторыхъ, весьма привлекательныхъ, духовныхъ сторонъ монгола, таковы, безграничная преданность и любовь къ домашнему очагу, постоянно сохраняемый взаимный миръ сосѣдей и привязанность между товарищами и друзьями. Несомнѣнно затѣмъ, что эти чувствованія были у монголовъ еще сильнѣе въ старое время и еще болѣе чѣмъ теперь находили тогда свой отголосокъ въ ихъ пѣсняхъ; оттого то мы и встрѣчаемъ теперь у монголовъ на ряду съ чопорными творепіями, воспѣвающими благодѣянія родителей въ будійскихъ фразахъ, пѣсни, касающіяся того же предмета, но дышащія простотою чувства и однообра-

*) Jean Bell d'Antermony. Voyages de puis St.-Pétersbourg en Russie, dans diverses contrées de l'Asie T. I, p. 173.

зіемъ въ построеніи. Эти послѣднія пѣсни кажется могутъ быть не безосновательно признаны старѣйшими изъ монгольскихъ пѣсенъ. Пѣвецъ выражаетъ въ нихъ свою любовь къ друзьямъ и братьямъ, —чувство, возбужденное въ немъ плѣняющими его картинами и звуками природы, онъ весь поглощается этимъ чувствомъ и стремится выразить его въ эстетическихъ формахъ слова. Впрочемъ образами прекраснаго эти пѣсни не богаты, что въ свою очередь весьма легко объясняется тою монотонностью степи, которая окружаетъ монгола, тою незначительною подвижностію, въ которой проводитъ онъ свою жизнь, и тѣми бѣдными знаніями, которыя наполняютъ его душу. Характеристичною особенностью при этомъ въ монгольскихъ пѣсняхъ является то, что монголъ совершенно не стѣсняется ни этою бѣдностью окружающей его природы, ни недостаточностью своихъ знаній: въ своемъ твореніи онъ не усумнится приписать имя горы — рѣкѣ, прозваніе лѣса—озеру и т. д.; истощится у него вовсе запасъ именъ, переберетъ онъ всѣ знакомыя ему имена рѣкъ и горъ, онъ будетъ давать тому и другому имена описательно; ему все равно, лишь бы только можно было выражать свое основное чувство любви къ близкимъ ему людямъ въ формахъ благозвучныхъ для слуха, лишь бы подобрать рифму въ отдѣльныхъ стихахъ. Кто не найдетъ въ этомъ нѣкоторой аналогіи съ нашими дѣтскими пѣснями, въ которыхъ подчасъ не видишь ничего, кромѣ пустой болтовни и игры словами и созвучіями.

хапъга̀й голы́ин эхин-дӯ
ха̄н хо̄хо̄ допъгодона̀
хапрта̀й са́йхан нӯхӯдэ̄н
мэндӯ̆ гэчжи́ дӯлана̀м
ӱндӯ̆р гэхчи́йн ӯлан-дӯ̆
цзулцзага̀ хо̄хо̄ допъгодона̀
эмэгэ̀н бӯра̀л э̄чжи́йгэ̄н
мэндӯ̆ гэчжи́ дӯлана̀м
ару̀ голы́ин эхин-дӯ̆
алта̀н горголта̀й донъгодопа̀

алдартӯ са́йхан а̄байга̄н
мэндӯ гэчжѝ дӯлапа̀м
хэрӯлӯ́н голы́ин эхин-дӯ
хӧхӧ̄ шубӯ̄ допъгодона̀
хӯбӯ̄н бага̀ дӯ̄пэрэ̄н
мэндӯ гэчжѝ дӯлапа̀м
ӯлӯнътӯ̆ голы́ин эхин-дӯ
ӯпъгэ́ш шубӯ̄ допъгодона̀
уйэ́ин са́йхан нӯхӯдэ̄н
мэндӯ гэчжѝ дӯлапа̀м.

Переводъ.

На истокахъ рѣки Хапгая
Кукуетъ царь кукушка;
О своихъ любезныхъ и добрыхъ друзьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

На горѣ, называемой высокою,
Кукуетъ птенецъ кукушка;
О своей старушкѣ сѣдовласой — матушкѣ
Я слышу, что (она) здорова.

На истокахъ сѣверной рѣки
Поетъ фазанъ (= золотой соловей);
О своемъ имѣнитомъ и добромъ батюшкѣ
Я слышу, что (онъ) здоровъ.

На истокахъ рѣки Кэрулена
Кукуетъ кукушка;
О своихъ ребяткахъ — младшихъ братьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

На истокахъ рѣки Улупту
Поетъ разноцвѣтная птица;
О своихъ сверстникахъ добрыхъ друзьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

Я съ охотою призналъ бы эту пѣсню прабабушкою всѣхъ современныхъ монгольскихъ пѣсенъ и думаю, что въ самомъ дѣлѣ сдвали можно усумниться въ ея относительной старинѣ, потому что въ ней выражается чистая душа монгола, чуждая навѣтовъ

всѣхъ буддійскихъ бредней; эта поэзія — плодъ простой неискаженной природы, въ ней нѣтъ ничего сверхъ естественнаго, причудливаго, необузданно-фантастическаго, однимъ словомъ нѣтъ ничего такого, что создано потомъ у монголовъ буддизмомъ: здѣсь видны только любовь къ природѣ и родинѣ, любовь къ семьѣ и своему кругу, а эти дѣтски чистыя и невинныя чувства *несомнѣнно* лежали въ основѣ развитія всего духовнаго строя монгольской жизни, всего міросозерцанія монголовъ. Да и можно ли заподозрить въ самомъ дѣлѣ нравственное извращеніе въ народѣ, который живетъ буквально господиномъ окружающей его природы, не раздражается дрязгами и коварствомъ общественной жизни, не имѣетъ ни какой нужды прибѣгать къ какимъ либо хитростямъ и обманамъ собрата, который изначала привыкъ къ ограниченности въ своихъ потребностяхъ и никогда не былъ избалованъ нѣгою жизни? Трудно предположить при этихъ условіяхъ нравственную порчу въ человѣкѣ и мы дѣйствительно встрѣчаемъ у древнихъ писателей самые похвальные отзывы о тогдашнемъ монгольскомъ народѣ. Стефанъ Орбеліани слѣдующимъ образомъ характеризуетъ монголовъ: «это народъ безъ Бога и религіи, но соблюдавшій естественные законы, ненавидѣвшій грязные пороки и всѣ гнусныя дѣянія, благомыслящій другъ къ другу, усердный и покорный къ властителю своему, справедливый въ своихъ сужденіяхъ и дѣлахъ» *). Но любя, свое, монголъ не любилъ чужбины и новизны: онъ былъ и до нынѣ существуетъ кочевникомъ, но онъ никогда не терпѣлъ движенія и перемѣнъ, а напротивъ всегда былъ преданъ родному кочевью, всегда горѣлъ желаніемъ къ знакомымъ людямъ, знакомой дѣятельности, знакомой обстановкѣ и пр. Танихў ўгэй нойн—бáра, танихў ўгэй гацзàръ—тáму», т. е. незнакомый начальникъ—тигръ, незнакомая мѣстность—адъ, говоритъ онъ въ своей пословицѣ и такимъ образомъ выражаетъ свою крайнюю преданность старинѣ, свое расположеніе къ минувшему и настоящему, однимъ словомъ къ извѣстному. Что ле-

*) Стеф. Орбеліани — стр. 294-я.

жало въ основѣ этого расположенія къ знакомому и нерасположенія къ неизвѣстному, мы не будемъ разбирать подробно, но самый образъ сравненія неизвѣстнаго съ предметами ужаса — тигромъ и адомъ, не даетъ ли прямыхъ указаній на то, что въ основѣ этого нерасположенія къ неизвѣстному лежитъ страхъ. Монголъ страшился и страшится новыхъ людей и новой мѣстности, никогда не желалъ очутиться въ новой обстановкѣ, потому что всегда боялся и боится не совладать со всѣмъ этимъ: онъ боится за свое счастіе, за свою свободу и даже больше—за свою жизнь. Вотъ гдѣ лежитъ основа его удаленія отъ новизны и любви къ старому, знакомому, извѣстному. Какъ бы ни было плохо это старое, оно для него всегда лучше, выше и дороже, потому что онъ сродился съ нимъ, привыкъ къ нему. «Дѣло пассивной привычки, говоритъ въ своемъ описаніи Монголіи нашъ знаменитый путешественникъ Пржевальскій, у монгола стоитъ на первомъ планѣ. Энергія духа не воскресаетъ въ немъ при встрѣчѣ съ неизвѣданными трудностями; онъ всегда выбираетъ средства только избѣгнуть ихъ, но не побороть. Здѣсь нѣтъ гибкаго, мужественнаго духа европейца, способнаго примѣняться ко всему, бороться со всѣми невзгодами и побѣждать ихъ; тутъ передъ вами неподвижный, консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ разъ зауроченнымъ невзгодамъ и совершенно чуждый всякой активной энергіи».....*) Дасасан гацзарынн дабу цзөөлөн, дасā ӱгэй гацзарынн торгò цзөөлөн болбачигн, дабупаса дэрэ ӱгэй, — «въ привычной странѣ грубый холстъ (кажется) мягокъ, а шелкъ незнакомой мѣстности, хоть онъ и мягокъ, не лучше холста». Удивительно ли, что послѣ такой привязанности монгола ко всему окружающему, ему трудно разстаться съ родными кочевьями, что оставленіе имъ роднаго крова и улуса составляетъ событіе во всей семьѣ и что покинувшій свою ставку монголъ о ней только и думаетъ на чужбинѣ: родныя кочевья и родныя лица напоминаются ему всемъ и

*) Пржевальскій. Монголія и страна тангутовъ, т. I, стр. 42-я.

вездѣ, какъ въ предыдущей пѣснѣ, гдѣ въ голосѣ каждой птицы пѣвецъ слышитъ вѣсть о здоровьи лицъ, имъ покинутыхъ. Вотъ пѣсня ярко рисующая картину разлуки монгола съ домомъ и чувства, наполняющія его душу въ это время.

буртахта́йн ӱндӱ́р дабаа̄н-ду
больчжимӯ̀р шубӯ̄ цуцархàй
больчжѝм холо̀ гацзар-ту̀
болцзо̄р-та̄н я̄чжи хӱ́рхӱ́-бѝ

далбакта́йн ӱндӱ́р дабаа̄н-ду
дальбиря̄ шубӯ̄ цуцархàй,
дашъгàн холо̀ гацзар-ту̀
тэмэцэ̄т я̄чжи хӱ́рхӱ́ бѝ.

ахтà цагàн тэмэн-дӱ́
ачаа̄лачжѝ мордойя̀
а̄ба̀ э̄чжѝ хоя̄рын
ухилӯ́льчжѝ мордойя̀

шнъгэ̀ цагàн тэмэ̄йги
эмэ̄лӱ́льчжѝ мордойя̀
э̄чжи а̄ба хоира̄н
ухилӯ́льчжѝ мордойя̀

ботоготайхàн тэмэ̄йги
бӱ́йлӱ́лэчжѝ мордойя̀
бӯрàл цагàн э̄чжийгэ̄н
ухилӯ́льчжѝ мордойя̀

хуригàн цагàн хонирэ̄н
хоримначжѝ мордойя̀
холо̀ бӥ́ро улусаа̄н
ухилӯ́льчжѝ мордойя̀

тӱ́льгэ̀н тӱ́льгэ̀н хонирэ̄н
тӱ́лэйлӱ́льчжѝ мордойя̀
тӱрӱ́ли́йн олòн улусаа̄н
ухилӯ́льчжѝ мордойя̀.

чжиргаланътàй-чи болба ла̀
цзаяпай э̄чжи-дӱ́ минѝ хӱрмэ̀р-ши
чжибэртэ́й-чи болба ла̀
чжилгà нутук-ту̀ минѝ хӱрмэ̀р-ши

хӱндӱтэ̀й-чи болба ла̀
хӧхшӣп э̄чжи-дӱ̀ минѝ хӱрмэ̀р-ши
хӱйтӱ̀п мэтӱ̀ болба́чи
хӱндӱ̀й нутук-тӱ̀ минѝ хӱрмэ̀р-ши.

Переводъ.

На высокомъ перевалѣ Буртактайнъ
Жаворонки — утомленные;
Въ условленную, далекую мѣстность
Какъ доѣду я къ назначенному сроку?

На высокомъ перевалѣ Далбактайнъ
Оперившіеся птенцы — утомленные;
Въ подлинно далекую мѣстность
Какъ доѣду я, отправившись?

На бѣлаго верблюда-мерина
Положивъ вьюки, поѣду я;
Своихъ батюшку и матушку
Доведя до слезъ, поѣду я.

Бѣлую верблюдицу
Заставивъ осѣдлать, поѣду я,
Своихъ матушку и батюшку
Доведя до слезъ, поѣду я.

Верблюдицу, имѣющую верблюженка,
Запуздавъ, поѣду я;
Сѣдовласую свою матушку
Доведя до слезъ, поѣду я.

Изъ бѣлаго своего ягненка
Устроивъ обѣдъ (буквально—пирушку), поѣду я
И близкихъ, и дальнихъ людей
Заставивъ плакать, поѣду я.

Кроткою, тихою овечкою
Одаривъ каждаго, поѣду я;
Множество своихъ родныхъ
Доведя до слезъ, поѣду я.

Хоть былъ бы я счастливымъ,
Не пріѣхать мнѣ къ моей родимой матушкѣ,
Хоть былъ бы я обладателемъ вѣтра,
Не пріѣхать мнѣ въ зеленыя, родныя кочевья.

Хоть былъ бы я почтеннымъ,
Не пріѣхать мнѣ къ моей старушкѣ-матушкѣ;
Хоть былъ бы я какъ холодный вѣтръ,
Не пріѣхать мнѣ въ обширныя родныя кочевья.

Добавлять что либо въ объясненіе этой картины едва ли нужно; замѣтимъ только, что, уѣзжая изъ дому, монголъ считаетъ далекимъ даже разстояніе какихъ нибудь 50—75 верстъ: въ чужомъ хошунѣ онъ уже чувствуетъ себя неловко, а другой аймакъ для него настоящая чужбина. Это замѣчаніе можетъ быть одинаково отнесено ко всѣмъ монгольскимъ племенамъ. У нашихъ Хоринскихъ Бурятъ р. Ононъ считается символомъ отдаленности и въ Агинской степной Думѣ выраженіе «на Ононъ» равносильно нашему народному «на край свѣту бѣлаго», хотя Ононъ протекаетъ отъ помянутой Думы всего въ какихъ нибудь 70—80 верстахъ. При проводахъ, какъ видно изъ пѣсни, слѣдуютъ долгія прощанья и отъѣзжающій уже и не надѣется вернуться на родину, такимъ ужаснымъ кажется ему путешествіе. На чужбинѣ монголъ иначе и не можетъ представить себѣ жизнь, какъ крайне тяжелою, вѣчно печальною, проводимою въ постоянныхъ слезахъ.

ичжилѣн санасàн морѝн-нѝ
эмэ̄лѣн шилэхэ̀н ханъгинāт
э̄чжійгэ̄н санасàн абагáйнар
нюлмӱсӱ̀ дусулгàн ханъгинāт.
адӯгāн санасàн морѝн-нѝ
ахтабчѝ шилэхэ̀н ханъгинāт
ā̀байгāн санасàн абагáйнар
архíйн дундӱ̀ ханъгинāт
нутӱ̀к бэдэрисэ̀н галӯп-нѝ
пӯрыйгѝ харачжѝ ганъгонāт
нутугāн санасàн абагáйнар
нюлмӱсӱ̀ дусулгàн ханъгинāт
гацзàр бэдэрисэ̀н галӯп-нѝ
ганъгāн харачжѝ ганъгонāт

гацзарāн санасāн абагáйнар
архíйн дундỳ ханъгинāт.

Переводъ.

Вспомнившій свои (родные) табуны конь
Звучитъ, потрясая своимъ сѣдломъ;
Молодицы, вспомнившія свою матушку,
Всхлипываютъ, проливая слезы.

Вспомнившій свой табунъ конь
Звучитъ, потряхивая привѣсками (сѣдла);
Молодицы, вспомнившія своего батюшку,
Всхлипываютъ среди пира (буквально—водки).

Гусь, искавшій пристанища,
Гогочетъ, увидавши озеро;
Молодицы, подумавшія о своихъ кочевьяхъ,
Всхлипываютъ, проливая слезы.

Гусь, искавшій мѣста,
Гогочетъ, увидавши свои берега;
Молодицы, подумавшія о своей землѣ,
Всхлипываютъ среди пира.

При такой нерасположенности къ странствованіямъ и чужбинѣ, при такой преданности и любви къ своимъ роднымъ кочевьямъ, естественно, что монголъ большую часть своей жизни проводилъ на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, переходя только съ извѣстной лѣтовки на знакомую зимовку; онъ былъ кочевникомъ, мѣняющимъ свое мѣстожительство, но не скитальцемъ, не знающимъ куда онъ идетъ, гдѣ остановится и долго-ли будетъ жить на мѣстѣ своей стоянки. Монголу извѣстенъ былъ районъ его кочевокъ: съ раннихъ лѣтъ онъ изучалъ въ немъ каждую горку и каждый ручеекъ и за симъ уже привыкалъ къ этой мѣстности такъ, что не хотѣлъ съ нею никогда разстаться. Спрашивается однако, что же дѣлалъ монголъ не живя въ обществѣ, не имѣя понятія о широкой общественной дѣятельности, не ведя на дому у себя никакого хозяйства, требующаго бдительнаго надзора и своевременнаго хлопотливаго ухода, занимаясь однимъ только ско-

товодствомъ, или точнѣе охраненіемъ своихъ стадъ, ибо объ уходѣ за скотомъ, какъ намъ извѣстно, онъ также никогда не имѣлъ понятія? Здѣсь открывается намъ другая черта характера монгола, безъ сомнѣнія воспитавшаяся и развившаяся въ его природѣ уже подъ вліяніемъ первой,—я говорю о созерцательномъ направленіи присущемъ духу монголовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть естественнѣе какъ не то, что въ душѣ монгола, проживавшаго весь свой вѣкъ въ широкой, раздольной степи, всегда однообразно тянувшейся предъ его глазами и только по мѣстамъ ограничиваемой увалами и приземистыми горками, не видавшаго ничего кромѣ этой степи, зарождалась мысль такая же широкая какъ эта степь. Одинокая жизнь въ этомъ раздольи круга, тишина, возмущаемая развѣ только шелестомъ колеблемой вѣтромъ травы, все это могло способствовать лишь тому, чтобы монголъ болѣе и болѣе входилъ въ самого себя. Карауля свои стада, онъ прислушивался къ этому шелесту травы, журчанью ручейка, треску кузнечиковъ, щебетанію птичекъ; онъ видѣлъ кропотливый трудъ и торопливую дѣятельность насѣкомыхъ, онъ обращалъ вниманіе на вѣчное теченіе солнца и луны, на постоянно смѣняющіяся облака и въ его душѣ возникало представленіе о жизни цѣлаго міра, въ которомъ кипѣла дѣятельность, въ которомъ все куда то стремилось. Къ чему и для чего, по какимъ законамъ совершается этотъ круговоротъ жизни? Вотъ вопросы, которые зарождала въ душѣ монгола степь и отвѣты на нихъ были всегда также неясны, какъ небольшія горки, видѣвшіяся въ синевѣ ея далекаго горизонта. Еще далѣе и эта мысль заставляла его сосредоточиться въ самомъ себѣ, искать въ себѣ связи съ природой и сравнивать съ нею жизнь человѣка, слѣдя за нимъ со дня появленія его на свѣтъ до паденія неподвижнымъ и бездыханнымъ трупомъ. Въ чемъ эта тайна бытія, откуда его начало и гдѣ его заставляющій сжиматься сердце конецъ? Отвѣты опять неопредѣленны, мрачны, унылы и неприглядны какъ и самая жизнь кочевника. Такимъ представляется мнѣ вліяніе степи на духовную жизнь и дѣятельность монгола и

справедливость этого тѣмъ болѣе кажется мнѣ несомнѣнною, что монгольская степь едва ли не на всѣхъ посѣщавшихъ ее кладетъ одно и тоже впечатлѣніе. «Видъ монгольскихъ степей, говоритъ въ своихъ «вспоминаніяхъ» Гюкъ, не пробуждаетъ ни радости ни грусти, но смѣсь того и другаго, какое то меланхолическое, религіозное ощущеніе, которое возвышаетъ душу, не отвлекая ее совершенно отъ земли» *). У Тимковскаго и Ковалевскаго видъ монгольскихъ степей также порождалъ созерцательное настроеніе духа; но первый изъ нихъ скупъ на описанія своихъ чувствованій вообще **), втораго же степь очевидно заставила пережить тѣ минуты, въ которыя человѣкъ чувствуетъ себя частью общаго міроваго круга и душа его какъ бы проникаетъ всю окружающую природу и сливается съ ней ***). Нужно-ли говорить послѣ сего что на монгола, какъ на менѣе развитаго и поглощеннаго общественными интересами, а потому и болѣе близкаго къ природѣ, степь могла производить еще больше впечатлѣнія, а при своемъ постоянномъ вліяніи на его душу образовать въ ней и наклонность къ созерцаніямъ? Обратимся однако къ пѣснямъ и посмотримъ дѣйствительно ли это такъ, дѣйствительно ли созерцательное направленіе присуще духу монголовъ; потому что составляя характерную черту цѣлаго народа, оно необходимо должно отразиться въ его пѣсняхъ. Можно сказать, что созерцательнымъ характеромъ проникнуты почти всѣ творенія монголовъ и что почти въ каждомъ изъ нихъ проглядываетъ какое-то уныніе, какая то тоска души, мучимой неразрѣшенностью вопросовъ жизни; но этого мало, мы находимъ у каждаго изъ монгольскихъ племенъ даже цѣлыя пѣсни съ такимъ рядомъ вопросовъ. Пѣвецъ обращается въ такихъ пѣсняхъ и къ солнцу, и къ лунѣ, и къ животнымъ, однимъ словомъ ко всей природѣ, отвсюду представляются ему вопросы и отвсюду ищетъ онъ на нихъ отвѣта.

---

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I p. 59.

**) Тимковскій. Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію Т. I стр. 214.

***) Ковалевскій. Путешествіе въ Китай ч. I стр. 20.

нарàн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀,
орохò йи ̄яхаб?
нагхàн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀,
ӧтӧльхӧ̆ йи ̄яхаб?

гхарà бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
орохò йи ̄яхаб
пагхàи бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
ӧтӧльхӧ̆ йи ̄яхаб

сагхàи бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
хайлахò йи ̄яхаб
пагхатàи бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
мордохò йи ̄яхаб.

ӱ̄лэн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
хорохò йи ̄яхаб
ӱгхӱ̄тэн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
мордохò йи ̄яхаб.

Переводъ.

Скажешь: солнце, стой ты!
Что же значитъ его захожденіе?
Скажешь: вѣкъ, постой ты!
Что же значитъ, что онъ старѣетъ?

Скажешь: луна, стой ты!
Что же значитъ ея захожденіе
Скажешь: вѣкъ, постой ты!
Что же значитъ, что онъ старѣетъ?

Скажешь: снѣгъ, останься ты!
Что же значитъ его таяніе?
Скажешь: старцы, оставьтесь вы!
Что же значитъ ихъ отправленіе (смерть)?

Скажешь: облако, стой ты!
Что же значитъ, что оно скрывается?
Скажешь: волосатые (старики), стойте вы!
Что же значитъ ихъ отшествіе (смерть)?

Эта пѣсня по составленію принадлежитъ Иркутскимъ Бурятамъ, уже давно считающимся только выходцами изъ Монго-

ліи и шаманистамъ по вѣрѣ, но я нарочито привелъ ее какъ лучшее свидѣтельство характера монгольскихъ племенъ вообще; при томъ моею цѣлью было главнымъ образомъ показать естественное направленіе монгольской мысли къ созерцанію, доказать, что оно во все не было навѣяно на душу монгола буддизмомъ, а всегда лежало въ его душѣ и развивалось почти единственно при вліяніи быта монгола и природы его окружающей. Можно сказать даже, что буддизмъ не развилъ въ монголахъ созерцательность, а уменьшилъ ее; потому что онъ умиротворилъ безпокойный духъ монгола, давъ ему болѣе или менѣе удачные отвѣты на тревожившіе его вопросы. Отсюда же намъ дѣлаются до нѣкоторой степени и болѣе понятны причины успѣха буддизма въ Монголіи. Своимъ возвышеннымъ ученіемъ о совершенствѣ духовной природы человѣка, буддизмъ пробудилъ въ монголѣ самосознаніе и указалъ ему ясную цѣль жизни, къ которой долженъ стремиться человѣкъ; ученіемъ о тлѣтворности матеріи онъ глубоко потрясъ и безъ того уже впечатлительную по природѣ душу монгола: сгруппировавъ въ одно цѣлое всѣ превратности человѣческой жизни и жизни міра, которыя по частямъ еще и прежде поражали душу монгола, онъ нарисовалъ ему страшную картину уничтоженія и муки, передъ которою монголъ падалъ въ безсиліи противоборства мысли и дѣятельности; наконецъ обѣщаніемъ сверхъ естественной помощи могущественныхъ буддъ на пути спасенія онъ вселилъ въ неразвитомъ и потому естественно робкомъ монголѣ увѣренность въ возможности счастія въ будущей жизни — въ блаженномъ царствѣ Сукавади. Послѣднее буддизмъ конечно не преминулъ очертить причудливыми и привлекательными красками, болѣе всего подходящими къ духу монгола. Въ такомъ видѣ являлось ученіе этой религіи собственно для народа, ибо народу были и конечно всегда будутъ чужды высшія философскія идеи и основы буддизма. Такимъ образомъ, пришедшись съ самаго начала по духу монголовъ и овладѣвая ими все больше и больше по мѣрѣ того какъ падала политическая самостоятельность этого народа, буддизмъ наконецъ всецѣло сродился съ этимъ наро-

домъ, когда онъ началъ совершенно падать подъ гнетомъ Китая и постоянно повторяющимися физическими бѣдствіями. Предотвратить то и другое, бороться съ этимъ гнетомъ и этими бѣдствіями монголъ не могъ, у него не хватало для этого ни силъ, ни умѣнья, ни ловкости; понятно, что въ этомъ безсиліи и страданьи, этомъ безъисходномъ положеніи на землѣ, для него было утѣхою мечтать о счастіи хоть даже не въ этой, а только въ будущей жизни. Теперь буддизмъ уже торжествовалъ, пріобрѣвъ возможность предписывать какія ему угодно правила народу съ полною надеждою, что онѣ не останутся безъ исполненія. И вотъ онъ прежде всего увеличиваетъ число своихъ обязательныхъ сыновъ, вербуетъ людей въ духовное званіе и въ настоящее время достигъ уже того, что въ Халхѣ $^5/_8$ мужскаго населенія сдѣлалось ламами и каждая женщина, достигнувъ 50-ти-лѣтняго возраста принимаетъ обѣты монахини, если уже не приняла ихъ раньше. Проповѣдуя величайшее уваженіе къ жизни и не дозволяя убивать даже животное, буддизмъ не только смягчилъ, но и совершенно уничтожилъ прежній воинственный духъ монголовъ: онъ убилъ въ нихъ всякую энергію жизни своею проповѣдью о ничтожествѣ этого міра, и теперь монголъ, подъ предлогомъ совершенствованія своего внутренняго существа, а на самомъ дѣлѣ пожалуй и просто по лѣни, проводитъ цѣлую жизнь ничего не дѣлая и безсмысленно повторяя шесть пресловутыхъ слоговъ. Замѣчательно, что это сантиментальное направленіе теперь такъ уже въѣлось въ душу монголовъ, что слѣдующая пѣсня ихъ въ самомъ дѣлѣ совершенно характеризуетъ идеалъ жизни по мысли и чувству почти каждой особи.

аглага̀ хада́йи мухур-ту̀
аму̀р гахца̄ра сӯмна̀й
алу̀с хэрэгѣи бӯтэ̄хчи
ашида̀ дэ̄дӯйи чжиргалта̀й бѝ.

ӱбӱтбэ̀чи цзобоху̀ ӱгэ̀й
ӱхӱнэ̀ гэчжѝ гэмшиху̀ ӱгэ̀й

ӱнэ̀н сэтхилы́йги барихчѝ
эпъкэ́ *) са́йхан чжиргалта̀й бѝ.
харамлачжѝ хурӣху э́д ӱгэ̀й
хагацачжѝ ядаху̀ э̀д ӱгэ̀й
хатӯ сэтхилы́йги барихчѝ
хабута̀й са́йхан чжиргалта̀й бѝ.
нолахдаху̀ алба̀ ӱгэ̀й
номогатхаху̀ да́йсун ӱгэ̀й
номы́ин мӱры́йги сапахчѝ
ӱнӣрэ **) са́йхан чжиргалта̀й бѝ.
нӣр хараху̀ ӱпъгэ̀ ӱгэ̀й
пэрэ̀ цзӑху орӧ̀н ӱгэ̀й
нэбтэ̀ номы́йги шӱтӱхчѝ
пигэ̀ йэхэ̀ чжиргалта̀й бѝ.

Переводъ.

(Тотъ кто), сидя спокойно и одиноко
На утесѣ уединенной скалы,
Исполняетъ свои отдаленныя нужды,
Обладаетъ вѣчнымъ и высочайшимъ наслажденіемъ.
(Тотъ кто можетъ) хоть бы и заболѣлъ — не страдать,
Думать о смерти и не скорбѣть,
(Кто) право мыслитъ
Обладаетъ мирнымъ и прекраснымъ наслажденіемъ.
(Тотъ кто) не имѣетъ вещей, которыя (опъ) собиралъ бы корыстолюбиво,
Не имѣетъ вещей, съ которыми не хватитъ (у него) силъ разстаться,
(Кто) твердо мыслитъ,
Обладаетъ прочнымъ и прекраснымъ наслажденіемъ.
(Тотъ кто) не имѣетъ службы, въ которой являются правители,
Не имѣетъ врага, котораго нужно умпротворять,
(Кто) думаетъ о путяхъ священнаго закона,
Обладаетъ по истинѣ прекраснымъ наслажденіемъ.

---

*) По другой редакціи это слово замѣнено словомъ «унӣрэ» — по истинѣ.
**) По другой редакціи это слово замѣняется словомъ —«насуда»—вѣчно.

(Тотъ кто) не имѣетъ красоты, чтобы засматриваться на лицо,
Не имѣетъ мѣста, чтобы выставлять свое имя,
(Кто) проникается надеждою на священное ученіе
Обладаетъ великимъ наслажденіемъ.

Таковы были стихіи, вліявшія на образованіе характера современныхъ монголовъ и представленная пѣсня есть наивѣрнѣйшій образецъ того равнодушія къ жизни, той усталой лѣни, той апатіи и той вялой неподвижности, которая поражаетъ теперь каждаго при встрѣчѣ и знакомствѣ съ монголомъ. Такимъ образомъ, выражая общее направленіе народнаго духа, пѣсня эта необходимо характеризуетъ и общее направленіе современной народной поэзіи у монголовъ. Никто не станетъ возражать, что въ большей или меньшей степени представленныя условія жизни относятся одинаково ко всѣмъ монгольскимъ племенамъ; если же это такъ, то и создавшійся подъ вліяніемъ ихъ характеръ народа и направленіе его пѣсенной поэзіи необходимо должно быть до извѣстной степени одинаково. За всѣмъ тѣмъ не возможно предположить, чтобы различныя племена не отличались между собою въ частностяхъ и на нихъ то мы теперь обратимъ наше вниманіе, разсматривая какія особенности замѣчаются въ поэзіи каждаго племени, въ чемъ сходятся и различествуютъ образцы ихъ творчества при единствѣ ихъ общаго направленія? Само собою разумѣется, что эти разности могли создаться только при вліяніи различныхъ обстоятельствъ жизни и всецѣло зависятъ отъ нихъ; поэтому то наше разсмотрѣніе необходимо должно будетъ по мѣстамъ касаться исторіи каждаго отдѣльнаго племени.

Пѣсни Халхаскихъ монголовъ.

Изъ различныхъ монгольскихъ поколѣній, входящихъ въ составъ нашего изслѣдованія, Халхаскіе Монголы, кажется, самый не поэтическій народъ. Пѣсенъ эпическаго характера они не имѣютъ теперь вовсе, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехлѣтняго пребыванія почти исключительно въ странѣ Халхасовъ, я ни разу не

слыхалъ ни одной такой пѣсни. У Тимковскаго записана одна военная пѣсня, носящая на себѣ нѣкоторый оттѣнокъ народнаго эпоса, но въ разговорахъ съ монгольскими пѣвцами я никогда не слыхалъ отъ нихъ, чтобы пѣсня эта была извѣстна современнымъ Халхаскимъ Монголамъ. Объяснить это страшное явленіе отсутствія историческаго эпоса въ халхаскихъ народныхъ пѣсняхъ довольно трудно, хотя конечно не невозможно, ибо если даже и предположить, что эпическія пѣсни сохранились въ народѣ и что я былъ только несчастливъ въ нахожденіи ихъ, то и тогда необходимо должны быть причины, по которымъ онѣ являются на столько не распространенными въ народѣ, что почти вовсе чужды устамъ его. Всматриваясь въ народный характеръ и исторію Халхасовъ можно находить два главнѣйшихъ обстоятельства, подавившихъ халхаскій эпосъ: одно изъ нихъ это то, что Халхасы слишкомъ давно уже перестали жить самостоятельною политическою жизнію; второе——принятіе ими буддизма, убившаго у нихъ стремленіе ко всякаго рода подвигамъ, заставившаго ихъ съ ужасомъ смотрѣть на минувшее прошлое, славное для монголовъ только войною и геройсвомъ въ набѣгахъ, да наконецъ едва ли не подавившаго въ нихъ и любовь къ родинѣ. Какому изъ этихъ обстоятельствъ должно быть отдано преимущество, и какое изъ нихъ потому нужно считать главною причиною, сказать не рѣшаемся положительно: не сомнѣнно, что въ послѣднее время онѣ дѣйствовали совокупно съ одинаковою силою, но по первопачалу преимущество едва-ли не принадлежитъ буддизму. За недостаткомъ историческихъ данныхъ мы не можемъ указать времени, съ котораго Халхасы перестали существовать самостоятельно, хотя намъ и не безъизвѣстно, что сами китайцы подчиненіе халхаскихъ аймаковъ относятъ къ періоду 1636—1639 г.*) 1688-й годъ, въ который совершилось оффиціально подданство Халхасовъ маньчжурскому дому, конечно не можетъ быть указанъ съ этою цѣлью, ибо намъ достовѣрно из-

*) Ванъ гунг-уд'ун илэтхэль шастиръ. Тетр. 62-я Л. 4-й.

вѣстно, что еще въ первомъ году правленія Тай-цзуна (1636) Халхасы посылали дань Маньчжурамъ. Правда она была представляема во видѣ подарковъ, тѣмъ не менѣе въ 1637 году Маньчжурами былъ обнародованъ указъ, обязывавшій Халхасовъ ежегодно доставлять такъ называемыхъ «девять бѣлыхъ» *) и ни одинъ изъ халхасовъ хановъ не возражалъ на это возложенное на нихъ обязательство. Шунь-чжи уже преспокойно распоряжался Халхасами и въ 1655 году раздѣлилъ Халху сначала на 8 хошуновъ, а потомъ на два крыла; въ Халхасахъ мы снова не видимъ ничего кромѣ раболѣпнаго подчиненія нововведеніямъ и какого то страннаго тяготѣнія къ жизни въ зависимости отъ другихъ, — имъ какъ будто хотѣлось подставлять свою шею подъ это ярмо подчиненія. Китайцы характеризуютъ Халхасовъ этого періода въ слѣдующихъ словахъ: «сначало Халха господствовала въ сѣверной степи, но потомъ вполнѣ предалась ламамъ и изученію тарни и пренебрегла воинымъ дѣломъ; къ тому же аймачные начальники предались пьянству и тѣмъ сами себя губили **). Такимъ образомъ Китайцы, отъ которыхъ собственно мы можемъ ожидать самыхъ положительныхъ свѣденій объ этой эпохѣ, паденіе гражданскаго строя Халхасовъ ставятъ въ зависимости и почти какъ прямой результатъ развитія буддизма. Что это дѣйствительно такъ, и что буддизмъ въ самомъ дѣлѣ тогда уже всецѣло овладѣлъ душею монголовъ, подтвержденіе того мы находимъ не только въ лѣтописяхъ того времени, испещренныхъ только сказаніями о построеніи монастырей, но даже и въ образцахъ народной литературы той эпохи. Въ монгольской лѣтописи Эрдэнійнъ эрихэ въ числѣ событій, относящихся къ 1696 г., помѣчено слѣдующее: «Въ тотъ годъ ойратскій Галданъ бѣжалъ и умеръ, а Халхасцевъ возвратили на р. Толу. Три халхаскихъ хана, ваны, бэйлэ, бэйсэ и тайчжи, возвратившись каждый въ свои жилыя кочевыя и устроившись, по старому соединились на

*) Эрдэнійн эрихэ гл. 41 листъ 77-й.

**) Шэнъ-у-цзи, III цзюань.

сеймѣ. Когда приготовили пиръ, то Пунъ-хуръ тонъ-наръ, снарядивъ лошадь, пустилъ ее въ бѣгъ вмѣстѣ съ другими лошадьми. Она опередила всѣхъ и дарханъ-цинь-ванъ, восхваляя ее, составилъ стихи «Тумэ̀ни эхѝ» *). Должно замѣтить, что пѣсня эта была въ тоже время записана, и что она до нынѣ непремѣнно поется во время скачекъ лошадей на сеймѣ халхаскихъ ноионовъ, извѣстномъ подъ именемъ «долōн хошӯпай цӯлган» и долженствующемъ бывать въ Ургѣ чрезъ каждые три года. Вотъ ея слова.

эрдэнитӯ хӯмӯнэ̀й бэйѣйги олōт,
эдэгэ̀р бурӯ ӱйлэ̄сэ цзайлӯла̄т,
эпэ̀ ба хо́йту хоѝр ябудалы́йги
са́йтур бӱтэ̄хӱйги шӱтӱлтэ̀й-цзэ
шачжѝн помыйга̄н тулада̀
амѝн цзӱрхѣн тальбичжѝ
са́йхан тӱрӱйгэ̄н тулада̀
аго́й чинэ̄р шӱтӱлтэ̀й-цзэ.
олṑн цзаса̀л актайга̄н доторōсо
ольчжѝ чжиксахо̀й-ду хӱлӱгы̀йн ба́йдалта̀й
ӱсӱргэхӱ̀й на̄дум-ду́
ӱлэмчжѝ гō морѝ бѝ
татэ̄т ба́йхуйѝн цак-ту̀
даса̀н дэмнӱлэ̄т,
тальбя̄т ирэхӱ̀йн цакту̀
тасурха̀й тэрюльчжѝ ирэхчѝ
тэрэ̀ тӱмэ́ни эхѝ морѝ бѝ.
дӱргэрэхӱ̀й йэхэ̀ дӯта̀й
дӱрбӱ̄п йэхэ̀ чжигӯртэн цзоныйга̄п сара-ду̀
дӱргэрэ̀п эргисэ̀п и мингъга̀н
толи-ту̀ гольшѝк буритупа̀й-цза̀
арба̀н цага̀н бушна̄р
цагыйга̄п нӱхцэ̄чжи
амӯ̀ръ чжирга̀л тава̀ръ баса̀ баса̀ учираху̀
олṑн морина̀й цзōцзай батудахӱ̀йн бэлэ̀к болтога̀й

*) Эрдэнійн э̄рихэ гл. 42 листъ 93-й.

ӱцзэхӯй-дӱ, ламайга̄н гэнэ̀н-ни ӱцзэчжѝ
соносхо̀й-ду ӱхчитэ̀й номы́йн дӯн-ни соносчѝ
Сэтхѝль-дэ̄н са́йтур ханъначжѝ
йосоту̀ хӯсэ̀льни тэрэ̀ бѝ.

эрхѝм дэ̄дӱ ламайга̄н адиса̄р
эцзэ̀н дэ̄дӱ йэхэсы́йн машѝ тӱрӯ́йн тӱшилгэ̀ни батутчѝ
алиба̀ са́йхан тава̀р ӱйѣлэчжѝ
цзэ! цэпъгэчжѝ чжиргахо̀й машѝ бэлэ̀к болтога̀й.

Переводъ.

Получивъ драгоцѣнное человѣческое тѣло
И избавившись отъ этакихъ несправедливыхъ дѣлъ,
Должно (намъ) заботиться о надлежащемъ исполненіи
Дѣяній настоящихъ и для будущаго.

За свои вѣру и ученіе
Положивъ свою жизнь и душу,
Ради своего прекраснаго правленія
Должно (намъ) стараться изъ всѣхъ силъ.

Изъ среды многихъ снаряженныхъ лошадей
Нашлась имѣющая видъ арамака при сравненіи (съ другими)
(И) Для скачки
Самая прекрасная лошадь.

Привыкшая подаваться
Въ то время какъ держать,
Прибѣгающая напередь отдѣльно
Въ то время какъ пустять,
Это — лучшая изъ десятковъ тысячъ лошадь.

Шумные и громкозвучные
Четыре большіе крылатые, въ лѣтнее время
Шумное вращаніе ихъ
Полно тысяче лучезарной щеголеватости.

Да будетъ это залогомъ, чтобы, проводя свое время
Въ десяти бѣлыхъ добродѣтеляхъ,
Мы снова и снова сходились въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ
И были бы крѣпки подошвы множества лошадей.

При смотрѣніи видѣть ликъ ламы,
При слушаніи слышать голосъ благозвучнаго ученія,
Быть совершенно довольнымъ въ своихъ мысляхъ
Это и есть истинное пожеланіе.

Да будетъ же это залогомъ, чтобы благословеніемъ
нашего верховнаго ламы
Утвердились основы правленія нашего повелителя
и верховныхъ вельможъ
И мы, со всякимъ благополучіемъ, переходя изъ по-
колѣнія въ поколѣніе,
Ликовали и радовались.

Смотря на содержаніе этой пѣсни можно прежде всего удивляться, что это похвальная рѣчь скаковой лошади; потому что въ ней столько же говорится о скаковой лошади, сколько объ отношеніяхъ человѣка къ религіи и государству и, наконецъ, представляется почти невѣроятнымъ, чтобы эта пѣсня составлена была въ то время, къ которому она дѣйствительно относится по своему составленію. Мы знаемъ, что передъ симъ Халхасы вынесли страшную борьбу съ Ölötами, что въ этой борьбѣ оказали услуги и отличились нѣкоторые изъ ихъ нойновъ, что въ этотъ же періодъ войнъ Халхасы вступили въ подданство къ Маньчжурамъ, были на нѣсколько лѣтъ отторгнуты отъ родныхъ кочевьевъ и теперь, когда возвратились они на родину, и устраиваютъ первое народное торжество, одинъ изъ представителей ихъ народныхъ поэтовъ слагаетъ такую пѣсню! Для него какъ будто не существовало прежнихъ бурныхъ событій, онъ забылъ недавніе подвиги своихъ собратьевъ, его не поражаетъ даже возвращеніе на родину, онъ остается безучастнымъ ко всему этому и вся рѣчь его поглощена объясненіемъ обязанностей къ ламѣ и вѣрѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ вѣрноподданническихъ словъ о своемъ государѣ. Какой же эпосъ можетъ быть ожидаемъ отъ такого народа, который совершенно молчитъ о своихъ герояхъ и событіяхъ даже въ то время, когда въ душѣ его такъ живо впечатлѣніе о нихъ, когда все существо его казалось должно было бы быть такъ сильно поражено недавно минувшимъ прош-

лымъ?! Вмѣстѣ съ симъ эта же пѣсня свидѣтельствуетъ и о степени распространенія буддизма у Халхасовъ того времени и ихъ преданности его ученію. Иначе, впрочемъ, это не возможно и предположить: Сананъ сэцэнъ хунъ-тайчжи, описывая въ своей лѣтописи жизнь монголовъ, еще за 120 лѣтъ до этого времени, т. е. приблизительно съ 1576 г., уже перестаетъ говорить о монголахъ какъ о народѣ, живущемъ свѣтскою, гражданскою жизнію, и всѣ сказанія его или прямо излагаютъ событія, рисующія успѣхи буддизма въ Монголіи, или же на половину переполнены съ описаніемъ буддійскихъ вѣрованій, сужденій и обрядовъ монголовъ*). Такимъ образомъ, еще за 120 лѣтъ до времени — подданства Китаю, буддизмъ уже очевидно руководилъ дѣйствіями монголовъ какъ въ политической, такъ равно и въ общественной и домашней ихъ жизни. Кромѣ этого, уже чисто фактическаго доказательства о положеніи буддизма въ Монголіи, мы можемъ судить объ его тогдашней силѣ и по развитію его въ настоящее время, потому что въ самомъ дѣлѣ какой бы то ни было религіи необходимо не мало усилій и времени для овладѣнія сердцами своихъ поклонниковъ на столько, чтобы $^5/_8$ всего населенія страны подѣлать монахами, даже и въ томъ случаѣ, если бы съ этимъ званіемъ она не требовала исполненія духовныхъ обѣтовъ, а только отрѣшала, какъ и вездѣ, отъ права на гражданскую дѣятельность. Но развѣ это мыслимое дѣло въ какой бы то ни было религіи? Всякая изъ нихъ на своихъ жрецовъ налагаетъ извѣстныя обязанности, ограниченія, требуетъ отъ нихъ преимущества въ религіозной дѣятельности и проч. Положимъ, что все это можетъ быть не исполняемо, однако и для этого нужно время и, мнѣ кажется, что даже не мало времени требуется на то, чтобы заглушить въ вѣрующемъ человѣкѣ сознаніе о необходимости исполненія духовныхъ обязанностей и заставить его легко смотрѣть на нихъ. А между тѣмъ монголы дошли уже до этого состоянія: ихъ ламы, вопреки обѣтамъ безбрачія, живутъ открыто

*) Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen, p. 225.

съ женами и имѣютъ дѣтей; пьютъ вино какъ воду, хотя будда въ старину одно изъ своихъ безчисленныхъ перерожденій спеціально посвятилъ на проповѣдь о грѣховности пьянства *); приносятъ подарки, стоющіе десятки тысячь рублей **), хотя первое правило ламы — крайняя нестяжательность; наконецъ они прославились даже и какъ разбойники: — въ 1794 году пекинское правительство лишило правъ на дальнѣйшія перерожденія гобійскаго Ноинъ-хутухту за его разбои съ своими шабинарами ***). За всѣмъ тѣмъ лама всетаки остается ламою: въ дѣтствѣ онъ изучаетъ священныя книги и пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе обширныя познанія объ ученіи буддизма; возмужавъ, онъ, по крайней мѣрѣ наружно, старается казаться погруженнымъ въ дѣла вѣры: часто вздыхаетъ, говоритъ о священномъ, читаетъ молитвы, перебираетъ четки, и т. д. и т. д. Что же могла получить при господствѣ такого ханжества въ народѣ, народная пѣсенная поэзія? Само собою разумѣется, что будучи вѣрнымъ выраженіемъ народнаго духа, она стала изображать народныя религіозныя воззрѣнія. Такимъ образомъ народныя пѣсни превратились въ молитвы, съ разнообразнымъ содержаніемъ то хвалы, то прошенія, напр.

абуралту̀ дэ̄дӱ лама̀ миш̀
амурлиңъго́йн байдалта̀й
арба̀н цзӱгы́йн бурха̀н ни
абура̀н тэтхӱн сопрха̀.

гэйгӱлӱхчѝ Дамдзѝн дорлѝк
гэгэ̀н дошхѝн дӱрятэ̀й
гэмтэ̀н хаму̀к дайсуны́йги
ганцаха̀н са́йтур даруба̀.

---

*) Ба бурун'у бурханъ бахши эртэ бодисатва тэнърійн эрхин хомхату Хормуста болон мэндулэхсэн'у домок. Рукопись с.-петербургской университетской библіотеки, № 1576.

**) Путешествіе Чжэбцзун дамба хутухты въ Эрдэни Цзу. Листъ 7-й. На монгольскомъ языкѣ рукопись въ моей библіотекѣ. — Позднѣевъ. Ургинскіе хутухты, стр. 28.

***) Эрдэнійн эрихэ. Гл. 44. Листъ 138.

хамугāса ӱлэмчжѝ
харабтӯр хӧхӧ̀ ӱпъгӱтэ̀й
хара̀ дархàн нэрэтэ̀й
хāп больчжѝ сӯба.

хӱрэ̀пъ сāрал лама́йги
хӧлгӧ̀ болгочжѝ цзаларба̀й
хончжѝр сапса̀р бӱхӱпы́йги
хӱчжи́йн шорōгōр дарба̀й.

цусӯп дала́йн доторò
сольбӣп гурбӯп шӱдӱтэ̀й
сула̀ цага̀п шӱдӱтэ̀й
цокту̀ номы́йн сакӯсуп.

хӱрӯ̀ хада́ин доторò
хуру̀м цза́ндап ильдӱтэ̀й
хӱрэ̀н болòт цзӱрӱхэтэ̀й
гайхамшихта̀й шӱтэ̄п.

шарбалцзатала̀ ширтэчжѝ
шӱдӯ̀ бэйӗп ирцза́йчжи
шара́ип шачжипа̀й дайсушы́йги
шамдачжѝ са́йтур дарба̀й.

Переводъ.

Спасительный высокій лама мой
Имѣетъ спокойный видъ;
Будды десяти странъ
Помилуйте и спасите!

Просвѣщающій Дамдинъ-дорликъ
Имѣетъ блестящій, свирѣпый видъ,
Всѣхъ враговъ, приносящихъ вредъ,
Онъ одинъ совершенно сокрушилъ.

Имѣющій видъ черноспнній,
Превосходный изъ всѣхъ (черносинихъ),
Онъ носитъ имя черный мастеръ
И сдѣлался царемъ.

На козу изкрасна пепельной масти
Онъ сѣлъ и поѣхалъ;
Все нечистое и матеріальное
Онъ сокрушилъ пепломъ курительной свѣчи.

Среди кроваваго моря
(Стоитъ) имѣющій три круглые глаза и
Оскаленные бѣлые зубы,
Величественный хранитель ученія.

Въ срединѣ скалы изъ обнаженныхъ камней,
Съ мечемъ изъ дерева цзанданъ,
Съ сердцемъ изъ темно-бурой стали,
Удивительный предметъ вѣры.

Всматриваясь до выпученія глазъ,
Обнаживъ свое тѣло и зубы,
Враговъ желтой вѣры
Онъ быстро и совершенно сокрушилъ.

Таковы пѣсни, слагаемыя ламами. Онѣ обыкновенно воспѣваютъ бурхановъ, буддъ и бодисатвъ и непремѣнно въ высокопарныхъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ заученыхъ молитвъ и богослужебныхъ номовъ. Знакомый съ буддійскою литературою монголовъ не усумнится сказать откуда заимствуется и содержаніе такихъ пѣсенъ, какъ представленная о Дамдинъ-дорликѣ: ему тотчасъ же припомнится изучаемый всѣми ламами обрядникъ приношенія балиновъ сакӯсунамъ, въ которомъ предъ началомъ молитвы всякому бурхану напередъ предлагаются правила какъ созерцать этого бурхана: тамъ говорится, что для созерцанія нужно представить пространство міра то пустымъ, то полнымъ человѣческой, или лошадиной крови, то безграничнымъ моремъ, въ которомъ волнуются трехугольныя, или четырехугольныя волны, то, наконецъ, представить составленную изъ извѣстныхъ камней скалу, или изъ какихъ нибудь металловъ гору; на этомъ морѣ или на этой горѣ повелѣвается созерцать божество съ такимъ то лицемъ, со столькими то руками, со столькими то глазами, стоящимъ въ такой то позѣ и пр. и пр., однимъ словомъ бурханъ описывается совершенно такъ, какъ въ представленной нами пѣснѣ.

Среди кроваваго моря
(Стоитъ) имѣющій три круглые глаза,

Оскалепные бѣлые зубы,
Величественный хранитель ученія.

Что это дѣйствительно такъ, и что содержаніе религіозныхъ пѣсенъ Халхасы дѣйствительно заимствуютъ изъ богослужебныхъ книгъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ за симъ и взаимное сличеніе религіозныхъ пѣсенъ. Разбирая и сравнивая ихъ между собою, нельзя не замѣтить, что въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя воспѣваютъ буддъ, занесенныхъ въ Халху ученіемъ изъ Индіи и Тибета, гораздо болѣе опредѣленности чѣмъ въ тѣхъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ другаго рода божествъ, т. е. жившихъ въ Монголіи и даже живущихъ въ ней теперь бодисатвъ — гэгэновъ. Причину этого, какъ мнѣ кажется, прежде всего можно видѣть въ томъ, что составители пѣсенъ сверхъ молитвъ, изъ которыхъ извѣстны имъ точныя, опредѣленныя и болѣе или менѣе разнообразныя сказанія о воспѣваемыхъ ими божествахъ перваго рода, пользуются еще наглядностію изображеній этихъ бурхановъ съ литыхъ статуй или живописныхъ изображеній и такимъ образомъ могутъ описывать всѣ подробности ихъ по рисунку, тогда какъ ни того ни другаго не имѣютъ они въ отношеніи къ своимъ живымъ божествамъ. Впрочемъ, за исключеніемъ подробностей внѣшняго изображенія, найдти въ пѣсняхъ что либо особенное относительно изложенія внутреннихъ личныхъ свойствъ, или какихъ либо подвиговъ извѣстнаго бурхана, однимъ словомъ найдти легендарную буддійскую пѣсню положительно невозможно. Я полагаю, что это обусловливается съ одной стороны незначительностію знаній Халхасовъ, а съ другой ихъ преданностію къ буквѣ писанія и не терпимостію къ понятіямъ о предметахъ ихъ вѣрованій, не заключеннымъ въ письменность. Не изучая ничего кромѣ молитвъ, содержащихъ въ себѣ только краткое и отвлеченное изображеніе свойствъ бурхановъ, Халхасъ естественно имѣетъ о нихъ только общее понятіе; а отъ того и все то, что говоритъ онъ объ одномъ божествѣ, можетъ быть безошибочно перенесено на другое, такъ какъ все это сказанное

обыкновенно состоитъ изъ общихъ отвлеченныхъ понятій объ отношеніяхъ божества къ природѣ, послѣдователямъ желтой вѣры и врагамъ ея. Народныхъ религіозныхъ воззрѣній и вѣрованій Халхасы не привносятъ въ свои пѣсни и это несомнѣнно только потому, что проповѣдники буддизма, съ самаго начала введенія его въ Халхѣ, научили народъ заимствовать религіозныя вѣрованія только изъ книги, изгоняли изъ умовъ народа всякое шаманское представленіе о буддійскихъ божествахъ и всѣми силами старались распространить въ народѣ грамотность. Мы знаемъ, что Шиддиту габчжу въ первые же годы по введеніи Абатай ханомъ буддійской вѣры, отправилъ молодыхъ людей изъ Халхасовъ къ Чахарамъ для обученія грамотѣ, а въ Халхѣ основалъ коммиссіи для перевода религіозныхъ книгъ на монгольскій языкъ *); естественно отсюда, что народъ халхаскій съ перваго же раза получилъ богатство готовыхъ образовъ для представленій о своихъ новыхъ божествахъ и потому не нуждался въ олицетвореніи ихъ и созданіи для нихъ какихъ либо новыхъ формъ. Въ послѣдствіи, когда въ Халхѣ усилилось почитаніе гэгэновъ и увеличилось количество ихъ, Халхасы перенесли на нихъ тѣже свойства, какія приписывались и бодисатвамъ индійскимъ и тибетскимъ, но само собою разумѣется, они не могли облечь ихъ въ тѣ внѣшнія формы, въ какихъ представлены имъ были эти послѣдніе бурханы. Не находя ничего особеннаго во внѣшнемъ видѣ своихъ живыхъ боговъ, Халхасы невольно должны были воспѣвать ихъ нравственную природу и ограничиться похвалами ихъ добродѣтели и святости; отъ того всѣ пѣсни про монгольскихъ хутухтъ до того общи по мысли и выраженіямъ, что если въ пѣснѣ не находится собственнаго имени, то совершенно невозможно опредѣлить, въ честь какого хутухты она составлена. Какъ на курьезъ, произшедшій отъ этой общности, можно указать на извѣстный въ средѣ моно-

*) Эрдэни-цзу-йи тэухэ. Л. 13-й. — Эрдэнійнъ эрихэ. Гл. 39-я. Л. 76-й.

ловъ споръ, возникшій на одномъ изъ халхаскихъ сеймовъ между Тушѣту ханомъ и кэшиктенскимъ владѣтельнымъ тайчжи*) изъ за одной пѣсни, составленіе которой каждый приписывалъ своему хошӯну. Пѣсня эта начинается слѣдующими словами:

---

*) Кэшиктэнскій хошӯнъ находится въ средѣ такъ называемыхъ внутреннихъ монголовъ и принадлежитъ къ Цзу-уда'скому сейму. Земли его располагаются къ с.-в. отъ Гу-бэй-коу (Молтоши халга) и отстоятъ отъ этого прохода на 570 ли, а отъ Пекина на 810 ли. Съ востока на западъ все владѣніе Кэшиктэнъ имѣетъ протяженіе 334 ли, а съ юга на сѣверъ 357 ли; граничитъ оно на востокѣ съ хошӯнами Онютскимъ и Ба̄рынь; на западѣ съ Хучитъ и съ чахарскими пастьбищными землями простаго синяго знамени; на югѣ съ Онютскимъ и на сѣверѣ съ Учжумуцинь̀скимъ хошӯнами. Владѣтельныхъ князей этого хошӯна китайцы начинаютъ считать съ нѣкоего Шаралда, который былъ внукомъ Очиръ-болота, сына Даянъ сэцэнъ-хана и первый получилъ титулъ Мэргэнъ ноина; съ этого же времени якобы и хошунъ получилъ названіе — Кэшиктэнъ. Отъ сына Шаралдаева Дармы родилось три сына: Сономъ, Бабунь и Тулей. Всѣ они признавали свою зависимость отъ Чахаровъ. Въ 8-мъ году правленія Тянь-цуна (1644), когда умеръ Ликданъ, Сономъ съ принадлежащимъ ему народомъ пришелъ поддаться. Въ 6-мъ году правленія Чунь-дэ тайчжи Шири, Булуху и Йондонъ, въ мѣстности Динъ-цза, сражались съ войсками Миньцевъ, разбили ихъ и многихъ плѣнили. Въ 9-мъ году правленія Шунь-чжи кэшиктенскій хошӯнъ получилъ раздѣленіе на сумуны и для управленія надъ сумунами были поставлены чиновники, а хошӯнный цзасакъ, получилъ степень тайчжія 1-й ст. Въ 27-мъ г. правленія Канси, когда открылись войны Галдана съ Халхою, изъ Кэшиктеновъ были взяты служилые люди, которые должны были отправлять обязанности по содержанію почтовыхъ станцій и охранять мѣста, находящіяся у сунитскихъ карауловъ; въ это время одинъ изъ тайчжіевъ ихъ, по имени Мэргэнъ харби, прославился разбитіемъ одной изъ частей арміи Галдана. Изъ своей командировки въ кочевья Сунитовъ Кэшиктэны возвратились уже въ 35-мъ году Канси, когда императоръ самъ пошелъ воевать Галдана. Съ тѣхъ поръ кэшиктэнскій хошӯнъ уже почти не выступалъ въ исторіи и большинство сказаній о немъ можетъ привести насъ къ одному только заключенію, что съ того времени хошунъ этотъ постоянно гнететъ крайняя бѣдность, такъ что существованіе его населенія должны были по временамъ поддерживать сами Китайцы. Первый примѣръ сего мы видимъ въ 5-й годъ правленія Юнъ-чжена (1728), когда кэшиктэнскому хошӯнному правительству были выданы Китайцами деньги для раздачи бѣднымъ хошӯннымъ обитателямъ. Въ болѣе близкое къ намъ время Гюкъ, проѣзжавшій кочевьями Кэшиктеновъ, чрезвычайно картинно рисуетъ намъ жалкое положеніе этого хошӯна. (Мэнгу-ю-му-цзи. Цзюань III л. 23—24; Илэгхэль шастиръ, кн. 25, л. 18; Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, T. I, pag. 20—33).

илагу́хсан эрхэтӱ̆ дала̀й лама̀
илэто́ тогóлохсон богдò минѝ
илга́л ӱгэ̀й очѝр дара̀
пмакта̀ памайга̄нъ ӱрӱ̆шийѣ̀.

Переводъ.

Побѣдоносный и могущественный Далай лама,
Всесовершенный святитель мой,
Несравненный скиптродержецъ,
Милосердуй всегда обо мнѣ своемъ.

Я считаю излишнимъ приводить эту пѣсню сполна, хотя она и записана въ моемъ сборникѣ, потому что она не заключаетъ въ себѣ ничего характеристичнаго и продолжу, что весь споръ основался на томъ, что Кэшиктэны пѣли вмѣсто «богдò минѝ»— «богдò Ми́ла», т. е. поставляя вмѣсто личнаго мѣстоимения собственное имя уважаемаго ими святаго и на этомъ основаніи все, что содержала въ себѣ пѣсня относили къ Ми́ла-ра́йбѣ; Халхасы напротивъ, читая «богдò минѝ», относили содержаніе пѣсни къ Далай ламѣ, титулъ котораго находится въ первомъ стихѣ. Обстоятельство это ясно свидѣтельствуетъ, насколько содержаніе пѣсенъ соотвѣтствуетъ спеціальности посвященія ихъ тому или другому хутухтѣ. Но могутъ сказать, что эта пѣсня относится къ далекому для монголовъ Далай-ламѣ, или къ жившему назадъ тому семь вѣковъ Ми́ла-ра̀йбѣ, что Халхасы не знаютъ этихъ личностей и потому, воспѣвая ихъ, по необходимости говорятъ о нихъ въ общихъ фразахъ; поэтому то, чтобы не остаться бездоказательнымъ, я, въ подтвержденіе высказаннаго мною замѣчанія, привожу пѣсню, составленную въ честь ургинскаго хутухты при призваніи его на каѳедру:

барӯ̆н цзӱ̆-ду мэндӱ̆лэсэн
бэльчѝр дӱритэ̀й богдойга̄н
бара̄ болòп цзалачжѝ
бату̀ цага̀н дуга́нъ-ду
банрта̀й са́йхан цзаларӱ̆льчжи
ба́йху-бидэ̀ ханубà̀й.

далáн дабхурыйн анъгúрту
дà йэхэ̀ хӯрӗнь дӯ
дамчжúк-ӱгэ̀й шӯтӯсэ̀н
дараналтайн гэгэн-нэ̀
дагàн барихòй дāтхачжú
дашъшúк мáндал ӱргӯйӗ
олòн галабыйн цāпāса
ухтухӯ-ин йӧрӧль тальбичжú
уршиктӯ хэрчигэ̀й бидэн-нú
олòн тӯрул тӯдӯм-дэ̀н
ӯйтхар ӱгэ̀й эцзэлэчжú
олòн галабтӯ сӯтугàй
бсор-ӱгэ̀й орчилáнъду
ӯйтхар ӱгэ̀й тэнӯсэ̀н
ощà цӯгӯль-тӯ маныйги
очúр дарà ламà минú
одоритхӯ болтогàй.
итэгэ́л ӱгэ̀й тӧрӧсӧ̀н
энэ̀ цагыйн амитáн-ин
эртэ́ин йӧрӧль тӯхчидэ̄р
эцзэлэ̀н барихойнà мэндӯлэсэн
итэгэ́л богдо ламà чú
илэрхэ̀й тӯргэнэ̀ абурà
сáйн мӯгыйн эргилтэ̀
салхинāса тӯргэ̀н
сансарыйн хӯрдӯйн эргилтэ̀ тӯнэ̄сэ тӯргэ̀н
сабà йиртынцӯ-ду
самӯрасан бидэн-нú
сáйтур барúн сонрхà
бурхàн бӯгӯдэ́ин хурянъгуй
богдò ламà чамадӯ
бодú хутӯк олтолò
буцàл-ӱгэ̀й сӯцзӯгэ̄рэ
бӯгӯдэ̄р итэгэнэ̀м.
бодú хутӯк олгӯл
эцигэ̀ баньчэ̀нь богдойгāн
рикдӯн дакбò болху-дӯ
эртэнэ̀й йӧрӧлийн хӯцэ̄р
итэгэ̀л чамайгāн дагачжú

эндэ̀л ӱгӭй тӱрӱ̈йѣ̀
эрхѝн йӧрӧ̄ль бӱтӱ̈тэгэ̀й
гинэхӱ̀й цзоболонътӱ̀ орчила̀нъ-ду
хилинцэтӱ̀ бидэн-пѝ
хи́р ӱгэ̀й айладула̄р пӱгӱ̈лэсчѝ
гэгэ̀н номы́йн бэ̀йѣ́йги
гэпэттэ̀ тӱргэ̀п олгӱ̄л

эпэ̀ са́йхан буина̄р
эпэ̀ ба́йхчи цзаӣпду
эрхѝм богдо̀ чинѝхэн
эрхѝм номы́ин аршаӣн-ни
эпэ̀ дару̀й хӱртэхӱ̀йн
эрхѝм хобѝ болтога̀й.

Переводъ.

Родившагося въ западномъ Цзу (Тибетѣ)
Свѣтоноснаго своего святителя
Сопровождая, призвали мы;
Радостно и благопристойно принесл
Въ крѣпкій, бѣлый храмъ,
Всѣ мы удовлетворились.

За непосредственно почитаемымъ
Въ семидесяти-этажномъ Лнгирту
И въ большомъ Курени
Гэгэномъ Дарапаты
Привыкнувъ слѣдовать,
Подносемъ (ему) дапсукъ мандалъ.

Изъявивъ желаніе встрѣчи
Издалека многихъ періодовъ;
Безпечально управляя
Въ каждомъ изъ многихъ перерожденій
Нами грѣшными и злыми,
Да живетъ онъ много лѣтъ.

Насъ, блуждавшихъ безпечально
Въ несвязномъ орчиланѣ
И стяжавшихъ одни только грѣхи,
Да руководитъ
Лама нашъ Вачжра-дара.

Родившійся чтобы, по древнему предопредѣленію,
Принять и управлять
Блуждавшихъ безъ предмета вѣры
Живыхъ существъ этого времени,
Вѣра и святой лама
Спаси явно и скорѣе.

Круговращеніе добра и зла
Быстрѣе вѣтра,
А круговоротъ міра быстрѣе его;
Насъ, волновавшихся
Во вмѣстилищѣ мірскомъ,
Изволь принять благопристойно.

Тебѣ святителю ламѣ
И сокращенію всѣхъ буддъ
До пріобрѣтенія святости
Всѣ мы будемъ вѣровать
Съ неизмѣннымъ благочестіемъ;
Дай найдти намъ святость боди.

Когда твой отецъ святитель Банчень
Будетъ происходящимъ изъ царскаго рода,
То силою древнихъ предопредѣленій
Да послѣдуемъ мы за тобою — своею вѣрою
И возродимся безошибочно.
Да исполнится важнѣйшее желаніе.

Милосердуя своею чистѣйшею мыслію
О насъ грубовныхъ
Въ возмущенномъ и мучительномъ матеріальномъ мірѣ,
Дай найдти поскорѣе
Свойства свѣтлой духовности.

По силѣ этой прекрасной добродѣтели
Да исполнится верховная участь
Немедленнаго причастія
Верховнаго духовнаго напитка
Твоего, великій святитель,
Въ настоящей нашей судьбѣ (жизни).

Пѣсня эта составлена собственно въ честь *седьмаго* монгольскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, но кто не скажетъ, что она можетъ быть отнесена къ каждому изъ нихъ, за

исключеніемъ двухъ перерождавшихся въ Монголіи? Въ ней нѣтъ ни какихъ частныхъ указаній на дѣятельность и заслуги Чжэбцзунъ-дамбы для Монголіи, ни какихъ упоминаній о современныхъ обстоятельствахъ, однимъ словомъ ничего кромѣ имени и отвлеченныхъ выраженій, могущихъ быть одинаково произнесенными не только предъ всякимъ хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба ламы, но и предъ всякимъ бурханомъ, предъ всякимъ гэгэномъ и предъ всякимъ хутухтою. Я уже указалъ отчасти основу этой общности, теперь укажу еще одну черту, могущую служать причиною сему и ясно проглядывающую болѣе или менѣе въ каждомъ Халхасѣ, а слѣдовательно и въ каждомъ халхаскомъ народномъ поэтѣ. Въ рѣчи монголъ всегда старается объ отборности выраженій: онъ увлекается красотою фразы, вычитанной въ книгѣ и готовъ наговорить бездну околесицы, лишь бы только ввернуть ему эту фразу и блеснуть ею въ своемъ собственномъ произведеніи. «Даръ краснорѣчія и особенно удачное употребленіе аллегорій, сравненій и афоризмовъ будды, говоритъ Ковалевскій, считается высшею степенью образованности между монголами; людей, обладающихъ такимъ талантомъ, они готовы признавать за существа высшей природы» *). Удивительны-ли послѣ сего заботы халхаскихъ авторовъ о томъ, чтобы въ твореніяхъ ихъ заключалось побольше фразъ, заимствованныхъ изъ признаваемыхъ ими за образцовыя сочиненій? А отсюда за симъ естественна и та общность сужденій и изложенія, которою дышетъ большинство монгольскихъ народныхъ произведеній. Съ другой стороны въ сужденіяхъ Халхасъ поражается возвышенною, отвлеченною мыслью, или высокимъ нравственнымъ идеаломъ, безотчетно воспринимаетъ ихъ, старается удержать ихъ въ своей памяти, о нихъ единственно думаетъ, о нихъ только и говоритъ. Но повторяю, все это усвоется у него совершенно механически, какимъ то невыразимо рабскимъ и неподвижнымъ духомъ: разобрать эту увлекшую его мысль, или этотъ идеалъ, обсудить ихъ основы,

*) Ковалевскій. Путешествіе въ Китай, т. I стр. 33.

расмотрѣть ихъ свойства и выяснить ихъ отношеніе къ дѣйствительности и истинѣ, — за все это Халхасъ не берется. Величайшее несчастіе Халхасовъ состоитъ именно въ этомъ безотчетномъ и всецѣломъ увлеченіи ихъ идеею и отъ того жизнь и дѣйствительность, которыя являются всегда ниже идеи, кажутся имъ ничтожными, недостойными вниманія и слова. Отсюда вытекаетъ весь педантизмъ, которымъ дышетъ почти каждое произведеніе творческаго духа Халхасовъ, здѣсь же коренится и причина отсутствія въ этихъ произведеніяхъ жизненнаго элемента. Онѣ проповѣдуютъ идею, отвлеченность и потому кажутся сполна составленными изъ правоученій, какъ бы съ цѣлію передачи жизненныхъ правилъ, но онѣ чужды дѣйствительной жизни. Таковы всѣ пѣсни, распѣваемыя Халхасами на пирушкахъ и никогда не найдется въ нихъ черть народной бытовой жизни, изложенія самыхъ простыхъ, обыденныхъ обстоятельствъ.

бурха̀н бахши́йн помлосо̀н
помы́ин чина̀р хӯндӯтэ̀й
богдо̀ дэ̄дӯсы́йн хайраласа̀н
сахѝл сашва̀р хӯндӯтэ̀й
богдо̀ тандан мӯргӯйѣ̀
ахта̀ морина̀й са́йхан-ни
унучжѝ ба́йчжи тапихӯ̀,
аха̀ дӯгы́йн са́йхан-ни
хапплачжѝ ба́йчжи тапихӯ̀.
баи́н алда̀р минѝ цза̀!
са́йн морійга̄н упаба́ла
холо̀ гацза̀р бӥрхоп бѝ
хурдӯ̀н дайсӯ̀н-ни даруба́ла
холо̀ бӥро амӯ̀р бѝ.
баи́н алда̀р минѝ цза̀!
цзӯдӯрэсэ̀н морин-дӯ̀
цзӯлгӯйн ного̄ холо̀ бѝ,
цзо̄рю̄ ӱшю̈ хӯмӯн-дӯ̀
нӯхӯ̀р ханѝ холо̀ бѝ
баи́н алда̀р минѝ цза̀!

алтàн мӱнъгӱ̀ин сáйхап-ин
арчичжкѝ бáйчжи таниху̀,
а̄ба э̄чжíйн сургалы́йги
чинъначжкѝ бáйчжи соносху̀
бáйн алдáр минѝ цзà!

хáир чулӯ хагарабáла
хабсураху̀ ни бэрхэ̀ бѝ
хáйран амíйга̄н алдабáла
тӱрӱ́хӱ̀ ни бэрхэ̀ бѝ
бáйн алдàр мини цзà!

нáйман хӱ́лтэ̀й ширэ̄н дэ̄рэ
намсарàй хā̄н цзалачжкѝ
тахила̄н ӱ́ргӱ́чжкѝ
олòн бӱ́гӱдэ̄рэ цуглачжкѝ
бӱ́рин-нэ̀ хамтӱ̀ чжиргайя̀.

Переводъ.

Важна сущность ученія,
Проповѣданнаго буддою учителемъ;
Важны обѣты и духовныя обязанности,
Дарованные святыми высокими.
Поклоняюсь вамъ святымъ!

Добрыя качества мерена
Узнать, поспѣвъ (верхомъ на немъ);
Добрыя качества братьевъ
Узнать, подружившись съ ними.
Охъ мои богатство и слава!

Какъ сядешь на свою хорошую лошадь
И далекая мѣстность близка,
Какъ поразишь быстраго врага
И вдали, и вблизи покойно.
Охъ мои богатство и слава!

Для утомленной лошади
Далека луговая трава,
Для своеправнаго и упрямаго человѣка
Далеки друзья и пріятели.
Охъ мои богатство и слава!

Доброкачественность золота и серебра
Будемъ узнавать почистивши,
Наставленіе батюшки и матушки
Будемъ слушать со вниманіемъ (букв. прислушиваясь).
Охъ мои богатство и слава!

Голышь, коли расколется,
Трудно соединить его;
Бѣдную жизнь свою какъ потеряешь,
Трудно возродиться въ ней.
Охъ мои богатство и слава!

На восьминожный престолъ
Посадимъ Намсарай хана,
Поднесемъ свои жертвы,
Соберемся всѣмъ множествомъ
И въ совершенствѣ вмѣстѣ повеселимся.

Если таково большинство халхаскихъ пѣсенъ, то конечно мы не имѣемъ права не считать ихъ и *народными*. Объяснить отсутствіе въ нихъ свѣтскаго содержанія можно конечно прежде всего тѣмъ, что большинство самихъ Халхасовъ принадлежитъ къ духовному званію, а подъ вліяніемъ этихъ монаховъ такими же, если не религіозными дѣйствительно, то ханжами становятся и свѣтскіе люди. «Монголы, говоритъ въ своихъ «воспоминаніяхъ о путешествіи по Татаріи» Гюкъ, очень набожны: будущая жизнь занимаетъ ихъ безпрерывно и земныя дѣла въ глазахъ ихъ ничтожны. Оттого они живутъ въ этомъ мірѣ какъ бы не принадлежа ему *). Такой отзывъ я не почитаю нисколько преувеличеннымъ и къ своему объясненію причинъ этого явленія добавлю еще, что у Халхасовъ не только нѣтъ возможности слышать свѣтскій разговоръ въ обществѣ, но и самая литература, которою питаются умы ихъ молодежи, да и всего народа, далека свѣтскости. Любимѣйшія изъ произведеній Халхасовъ, Улигэр'уи далай, Улигэр'уи-ном, Эрдэнійн-санъ, или Субашидди, Арад'и тэчжигэхчи дусул, все это такія произведенія, которыя напол-

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 48.

пѣны единственно буддійскими сказками, объясняющими нравственныя истины. Извлеченія изъ этихъ сказокъ часто воспѣваются въ пѣсняхъ Халхасовъ; но замѣчательно, духъ ламства настолько въѣлся въ существо Халхасовъ, что даже тѣ пѣсни, сюжеты которыхъ заимствованы очевидно изъ индійской литературы, гдѣ носили они въ большинствѣ случаевъ чисто мірской, бытовой характеръ, у Халхасовъ получили опять таки ламскій, религіозный оттѣнокъ. Для примѣра мы представляемъ слѣдующую пѣсню.

ӧмнӧ̀ цзӱ̄гэ̄сэ ирэсэ̀н галӯ
ӱндӱ̀р хашга̀й-ду цзусухчѝ галӯ
ӱргӱ̀н усу̀н-ду ганъгахчѝ галӯ
ӱшидэ̀ эндэ̀ сӯнӯ-та?

ӱ̄лэ ӱгэ̀й байтала̀ боро̄ орола̄
ӱсэсэ̀н ӱгэ̀й байтала̀ утан манарла̀
ӱцзэсэ̄р байтала̀ хада̀ болбӧ̀,
ӧрӧйн хи́сэн эльбэ̀к болбӧ̀

ӱлэ-ӱгэ̀й боро̄ чинѝ хирӯ гэпэ̀,
ӱсэсэ̀н ӱгэ̀й утан чинѝ манан̀ъ гэпэ̀,
ӱцзэсэ̀н хада̀ чинѝ мӱсӱ̀ гэпэ̀,
ӧрӧйн чинѝ хи́сэн ӱ̀йлэ гэпэ̀.

тӱрӱ̀ йосо́йги тӱшисэ̀н хӱмӱ̀н,
тӱбшѝн чжиргалы́йги эдлэсэ̀н хӱмӱ̀н,
тӱльбэрилтэ̀ ӱгэ̀й аргата̀й хӱмӱ̀н,
тӱдэчжѝ эндэ̀ сӯпӯ-та?

ӱгӱсэнѣ̀н пэхэчжѝ абула̄ бѝ чинѝ
ӱцзэсэ̄р байга̄т сохорла̄ бѝ чинѝ
ӱбӱ̀ль хӱ̀йтэн-дӱ̀ да̄рпа бѝ чинѝ
ӱмчѝ ӱгэ̀й болӧ̄т хӧ̄сорна̀ бѝ чинѝ

урида́йн бунѝн ӱгӱсэпѣ̀н абхӱ̀
нӱгӱлы́йги ӱцзэбэ̀чи мэдэхӱ̀ ӱгэ̀й сохо̀р
ӱбӱлы́йн сара̀ ӱтӱльхӱ̀ насӱ̀
ӱмчѝ ӱгэ̀й хӧ̄сун хо́йтуни сӱпэсӱ̀.

ӱ̄лэ ӱгэ̀й боро̄йги ю̄га̄р халхалана̀?
ӱсэсэ̀н ӱгэ̀й ута̄йги ю̄га̄р амурагу́лна?
ӱцзэсэ̀н хада́йги ю̄га̄р эбдэпэ̀?
ӧрӧнѝ эльбэгийги ю̄га̄р аргацага́на?

ӱлэ ӱгэ̀й хирӯйги ӱдэ̄р халхалайя̀
ӱсэсэ̀н ӱгэ̀й манапа̄са нэхэчжѝ цзайлайя̀
ӱцзэсэ̀н мӱсупэ̄сэ халӯи гацза̀р шисуйя̀
бӧрӧни ӱйлэ́йги эдлэчжѝ нимгэрэгӱлӱйѣ̀.

Переводъ.

Прилетѣвшіе съ южной стороны гуси,
Проводящіе лѣто на высокомъ Хангаѣ гуси,
На широкихъ водахъ крякающіе гуси,
Долго ли здѣсь проживете вы?

Дождь пошелъ, а между тѣмъ облаковъ не было,
Дымъ распространился, а между тѣмъ не поднялся,
Выросла (цѣлая) скала, въ то время какъ я смотрѣлъ,
Вышло много, а дѣлалъ самъ (одинъ).

Безоблачный дождь твой говорятъ — роса,
Не поднявшійся дымъ твой говорятъ — туманъ,
Видѣнная тобою скала говорятъ — ледъ,
Дѣланное тобою говорятъ — дѣяніе.

Законы и правленія основавшій человѣкъ,
Наслаждавшійся мирнымъ довольствомъ человѣкъ,
Неисчерпаемо ловкій человѣкъ,
Долго ли здѣсь проживете вы?

Получилъ я свое данное,
Слѣпымъ я былъ, глядючи,
Зябну я въ зимнемъ холодѣ,
Истощаюсь я безъ наслѣдія.

Прежняя добродѣтель — получить данное,
Хоть и видѣлъ грѣхъ — не вѣдящій слѣпецъ,
Зимніе мѣсяцы — старческій вѣкъ,
Пуста безъ наслѣдія — будущая душа.

Чѣмъ отвратимъ безоблачный дождь,
Чѣмъ успокоимъ не поднявшійся дымъ,
Чѣмъ разрушимъ видѣнную скалу,
Какое употребимъ средство противъ своего избытка?

Отвратимъ полуднемъ безоблачную росу,
Убѣжимъ отъ безоблачнаго тумана,
Улетимъ въ теплую сторону отъ видѣннаго снѣга,
Совершая свои дѣянія, будемъ обуздывать (ихъ).

Кто не замѣтитъ въ формѣ этой пѣснѣ сходства со всѣми тѣми произведеніями народнаго древне-германскаго, славянскаго и наконецъ русскаго творчества, которыя, какъ утверждаютъ подробно изслѣдовавшіе ихъ Бэнфей и изъ русскихъ проф. Веселовскій и Буслаевъ, имѣютъ одинъ общій источникъ по своему содержанію—индійское сказаніе о Викрамадитьѣ? Дѣйствительно пѣсни и разсказы этого происхожденія во многихъ случаяхъ носятъ на себѣ одинъ характеръ — мудреныхъ вопросовъ и рѣшающихъ ихъ удачныхъ отвѣтовъ; только у большинства помянутыхъ народовъ эти вопросы касаются почти исключительно видимой природы и окружающихъ пѣвца предметовъ: въ нашихъ пѣсняхъ парень вспрашиваетъ дѣвицу, или наоборотъ дѣвица парня, въ малороссійской сказкѣ фигурируетъ въ той же роли дѣвка семилѣтка, но загадки ихъ вертятся вокругъ домашняго очага и почти не заходятъ въ міръ нравственный. У Халхасовъ, какъ видно изъ представленной пѣсни, дѣло также начинается съ видимыхъ предметовъ, но тотчасъ же переносится къ буддійскому ученію о дѣлахъ, смерти и перерожденіяхъ. Все это безъ сомнѣнія позднѣйшія приставки ламъ, которые ни премину̀ли дать свои толкованія и росѣ, и туману, и скаламъ. Всего яснѣе это ламское вліяніе обнаруживается чрезъ сличеніе подобной же пѣсни, записанной мною въ двухъ редакціяхъ: ӧлӧтской у Дурбэтовъ, близъ оз. Убса, и халхаской въ Ургѣ. Сравнивая обѣ эти редакціи, не трудно замѣтить какъ ламство измѣняло обыкновенныя мірскія сужденія и рѣчи въ выраженныя высокопарнымъ слогомъ тенденціи буддизма, и придти къ заключенію, что содержаніе отвѣтовъ въ ургинской редакціи несомнѣнно позднѣйшее и представляетъ наслоеніе буддійскихъ понятій на первоначальную чисто житейскую основу. Вотъ эта пѣсня въ ӧлӧтской редакціи:

чжиргалапту̀ дэлгэ̀р зунаа̄ш сарад̀у̀
чжигу̀ртэ̀н тӧрӧсӧ̄н шубу̀н чѝ мѝ
гада̄ду йэкэ̀ дала́йи захаса
гапъгипа̄т дэбэсэ̄р ю̄нду ирэпэ̀й-чи

эргичжѝ ба́йху дӧрбӧ̄н цак-ту̀
ильчитэ̀й халӯхун зунà сара-ду̀
эртэнѝ бӯтӱ̈сэ̀н салки́н-ни кӯцэ̄р
эргичжѝ бӯдак нӯр-та̄н ирэ̄ бѝ.
зорича̀жѝ кӱсӱ̈сэ̀н нӯр-та̄н ирэ̄т
зоригӧ̄р аму̀р цэнъгэчжѝ сӱга̄т
зокистӧ̀й намуры́йн дула̄хан сара-ду̀
ганъгина̄т дэбисэ̄р ю̄нду харина̀й чѝ?
ӧндӧ̀р ӯлайн оргӣл дэ̄гурэ̄сэ
ӧлӧ̈н ца́су будара̄т
ӱбӱльдэ̀н кӣйтэ̀н болху̀ гэ́м манѝ
ӧсӧсӧ̀н дула̄хан нӯр-та̄н харина̀й бѝ
ӱнидэ̀н сӱху-ду̀ чжиргалта̀й байтала̀
ӱбӱ̀ль сӱхуду̀ дула̄хан байтала̀
хойтӧ̄н хабуры́йн эсэргэ̀н цак-ту̀
чжикдэлэ̄т дэбисэ̄р ю̄нду ирэнэ̀й-чѝ
чжигӱ̀ртэн тӧрӧсӧ̀н шубӯ̄ гэ̄чи дӱ̀
чжирга̀л зоболо̀нъ ба́йху-йн тӧлӧ̄
ӧбӧгӧ̀н лама̀ та̀ минѝ
зӧнӧглӧ̄т ӧтӧлькӧ̀йн кэрэ̀к ю̄на̀й бѝ?
ӧтӧлӧйӧ̄ гэчжѝ ӧтӧлькӱ̀ бишѝ
ӱйлэ́йн эркэ̄р ӧтӧльдӧ̀к бишӯ
ӱ̄ни мӧрӧ̄дӧ̀н асӯга̄т
сӱкчи ӧбӧгӧ̀н намайга̄н ю̄нду цэнэнэ̀ чѝ
цэнэнэчжѝ кэлэкӱ̀ ӱгэ бишѝ
цэцэркэ̀й барта̀м сана̄най бишӯ
ӧбӧгӧ̀н лама̀ тани́йга̄н ӧтӧлӧсӧ̀н чинѝ
асӯса̀н билэ̀й бѝ.

Переводъ.

Въ мѣсяцы благодатнаго, обильнаго лѣта
Ты моя, рожденная крылатою, птичка
Съ береговъ внѣшняго, великаго моря
Зачѣмъ прилетаешь, крича и махая (крылами)?
Въ перемѣжающіеся четыре времени,
Въ теплые лѣтніе мѣсяцы,
По вѣтру, пронзшедшему отъ древности,
Кружась, прилетѣла я къ озеру, на которое обыкновенно слетаю.

Прилетѣвъ къ своему желанному озеру,
Пожившъ наслаждаясь по волѣ и въ спокойствіи,
Въ прекрасные, теплые осенніе мѣсяцы
Зачѣмъ возвращаешься ты, крича и махая (крылами)?

Изъ за окружности вершины высокой горы
Разсѣяваются облака и снѣгъ;
Думая, что зимою будетъ холодно,
Возвращаюсь я къ своему родному, теплому озеру.

Коль утѣшительно для долгаго житья,
Коли тепло для зимняго житья,
Зачѣмъ прилѣтаешь ты, плавно рѣя крылами,
Въ послѣдующее время будущей весны?

Ради того, чтобы у птицъ, рожденныхъ крылатыми,
Было бы наслажденіе, было бы и безпокойство;
Но вы мой старичекъ лама
Какая нужда вамъ старѣть и дряхлѣть?

Не старѣешь, говоря, дай состарѣюсь,
Не старѣется ли по силѣ дѣяній?..
Объ этомъ съ своей стороны вспрашивая,
Меня сидящаго старика зачѣмъ унижаешь ты?

То не рѣчь, сказанная ради униженія,
А (плодъ) надменной, гордой мысли,
Тебя своего старичка, ламу
О твоей старости спросила я.

Въ халхаской редакціи эта пѣсня воспроизводится въ слѣдующихъ словахъ:

чжиргалтàй дэльгэ̀р цзунáйн сарадỳ
чжибэгỳртэн шубӯн тà минѝ
гадāдухи йэхэ̀ далáйн цзахāса
ганъгинāт дэбисэ̀р ю̄нду нрэ би
эргихỳ цзогатàй цзунáйн гурбỳн сарадỳ
эртэнѝйн тальбисàн йӧрӧ̄лийн хỳцэ̀р
сэрюхỳн тунъгалàк далáй-ду найралāт
пэшъгэ̀хỳ манàй йосутàй билэ̀й.
эсэргэнэтэ̀ намурѝйн гурбỳн сарадỳ
эгнэчжѝ буцахỳ танàй я̄пахѝб?

ӱндӱ̄р ӱлаин оргӣл дэ̄рэ̄сэ
ӱлэ цасӳ бударахӳ-дӳ
ӱсӱсэ̀н дулā̄хан нутук-тӳ
ӱбӱльцэ̄т сӯху манàй йосутàй билэ̀й
эсэргэнэтӱ̆ хабурьи́йн гурбӳ̀н сарадӳ
эгнэчжѝ буцаху танай тэрэ я̄пахѝб?
чжикдэлэ̀ тӱрӱсэ̀н
чкигӱртэн шубӯ би́дэ чи хэрэ̀к ӱгэ̀й,
цзохистàй дӱрѝм бэхэ̄р сӯсàн
цзоригā̄р ӱсӱсэ̀н ӱбӳгӯ̀н ахàй тà мишӣ
цзанучжѝ ӱтӱ̆льхӱ̆ танàй тэрэ̀ янахѝб
бѝ бишӣ, гурбӳ̀н йиртынцӳ́йн цза́м тэрэ̀.

Переводъ.

Въ мѣсяцы благодатнаго, обильнаго лѣта
Вы мои, крылатыя птички
Съ береговъ внѣшняго, великаго моря,
Зачѣмъ прилетѣли, крича и махая (крылами)?
Въ три лѣтніе мѣсяца, принадлежащіе къ коловратному веселью,
По силѣ древле положенныхъ предопредѣленій,
У прозрачнаго и прохладнаго моря
Надлежитъ намъ веселиться и наслаждаться.
Напротивъ, въ три осенніе мѣсяца
Вы возвращаетесь, почему?
Когда съ вершины высокой горы
Распространяются облака и снѣгъ,
Въ родной, теплой странѣ
Надлежитъ намъ жить на зимовкѣ.
Въ три мѣсяца будущей весны
Вы снова возвращаетесь, почему?
Мы то, рожденныя заурядъ,
Крылатыя птички не (велико) дѣло,
Но вы, мой старичекъ, дядюшка, взросшій на волѣ,
Жившій приличнымъ образомъ и прочно,
Ваша ворчливая старость — она почему?
Не я (одинъ) таковъ путь трехъ міровъ.

Какъ видно, представленная халхаская редакція пѣсни гораздо короче, да и менѣе обработана и стройна, чѣмъ существуетъ

она у Ölötовъ; но я не могу представить, чтобы въ ней были какіе нибудь пропуски, потому что всякій разъ, когда приходилось мнѣ слышать въ Халхѣ эту пѣсню, она являлась именно въ томъ видѣ, въ какомъ здѣсь представляется. Еще раньше меня Г. Ровинскій представилъ переводъ этой пѣсни въ запискахъ о своихъ странствованіяхъ по Монголіи*); какъ ни неточенъ и ни воленъ переводъ его, мы однако можемъ догадываться, что слышанное имъ было тоже самое, и въ той же мѣрѣ, что и записано мною. Объяснить эти пропуски и краткость халхаской редакціи сравнительно съ ölötскою конечно прежде всего можно сочувствіемъ къ пѣснѣ народа; ибо несомнѣнно, что народъ бережетъ, развиваетъ и совершенствуетъ все согласующееся съ его личнымъ вкусомъ и напротивъ совершенно не радитъ о существованіи того, къ чему относится онъ равнодушно. Пѣсня, о которой ведемъ мы рѣчь, не пользуется ни большою распространенностію, ни сочувствіемъ у Халхасовъ: все это можетъ быть только потому, что въ ней сравнительно мало упоминаній о любимыхъ предметахъ халхаской пѣсни—ламѣ и буддѣ, не смотря на то, что Халхасы уже и перепачкали ее нѣсколько на общій тонъ своихъ пѣсенъ. Это то я и хотѣлъ показать для подтвержденія общности буддійскаго характера въ современныхъ халхаскихъ пѣсняхъ. Сравнивая двѣ представленныя редакціи, я отдаю преимущественное старшинство и бо̀льшую народную чистоту ölötской именно потому, что она простѣе, наивнѣе и въ тоже время цѣльнѣе и глубокомысленнѣе халхаской. Нѣтъ сомнѣнія конечно, что и эта ölötская редакція, если только эта пѣсня создалась дѣйствительно подъ вліяніемъ такихъ твореній какъ Арчжи-Бурчжи или сказанія о Викрамадитьѣ, уже далеко не первая, простонародная, а на вѣрное прошедшая, и уже неоднократно, чрезъ руки ламъ а потому получившая оттѣнокъ ихъ сужденій и взглядовъ; за всѣмъ тѣмъ она все таки носитъ въ себѣ болѣе простоты и человѣчности, чѣмъ халхаская. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ

*) Вѣстникъ Европы. Т. IV. Іюль, 1874 г. стр. 299-я.

быть простѣе и естественнѣе первыхъ отвѣтовъ птицы на вопросы старца ламы? За чѣмъ прилетѣла она изъ за моря? Такъ,— повѣтру; Зачѣмъ улетаетъ осенью? Думаетъ, что зимою будетъ холодно. Дальнѣйшіе вопросы птицы уже вызываютъ отвлеченныя разсужденія старца; но они крайне не многосложны и это въ свою очередь свидѣтельствуетъ, что отвлеченность не въ характерѣ пѣсни, она обращается снова къ жизненной сторонѣ и для сего дѣлаетъ чрезвычайно живой оборотъ. Старецъ разсуждаетъ о причинахъ конечности матеріальнаго, но не будучи въ состояніи рѣшить положительно вопроса, какъ будто оскорбленный тѣмъ, что пернатая собесѣдница его предложила ему такую трудную задачу, переноситъ разговоръ на то, какъ осмѣлилась птица унижать его. На это слѣдуетъ мудрое замѣчаніе птицы, что она не хотѣла унижать его своею рѣчью, но что всѣ вопросы этого рода суть плодъ горделивой мысли, безполезно пытающейся разрѣшить таинственные законы природы. Правоученіе, съ цѣлью котораго составлена пѣсня, отсюда понятно само собою. Со всѣмъ не то видимъ мы въ халхаской пѣснѣ. Здѣсь прежде всего нѣтъ ни одного основательнаго отвѣта: во всемъ господствуетъ какая то неопредѣленность, какъ будто ничему не можетъ быть дано естественнаго рѣшенія, какъ будто ничто не совершается на свѣтѣ и въ природѣ по простѣйшимъ, вполнѣ понятнымъ человѣку соображеніямъ и законамъ; во всемъ видится присутствіе какихъ то таинственныхъ предопредѣленій, которыя не постижимы человѣческому уму и разрѣшаются только высшей невѣдомой силой, которой человѣкъ долженъ безотчетно подчиняться. Птица здѣсь не летитъ уже такъ себѣ, куда гонитъ ее вѣтеръ, а рѣзвится лѣтомъ, потому что такъ ей *«надлежитъ по силѣ древнихъ предопредѣленій»*; она улетаетъ на зиму не потому что думаетъ избѣжать зимняго холода, а по какой то неопредѣленной необходимости; старикъ не разсуждаетъ долго, не затрудняется отвѣтомъ, его не досадуетъ трудность задачи и онъ не старается отвертѣться отъ положительнаго отвѣта, а напротивъ отвѣчаетъ и разрѣшаетъ все дѣло положительно буддійскою фра-

зою о судьбахъ орчилана. При такомъ характерѣ само собою разумѣется не является ни какихъ правоученій; иначе сказать пѣсня потеряла свое ясное назначеніе, свой опредѣленный смыслъ. Наконецъ характеръ равнодушія и апатіи однимъ словомъ самой крайней пропитанности идеями буддизма видѣнъ не только въ общемъ содержаніи пѣсни, и еще болѣе проглядываетъ въ частныхъ выраженіяхъ. Возьмемъ хоть для примѣра понятіе о лѣтѣ. Въ ёлётской пѣснѣ оно рисуется съ его обыкновенными, привлекающими человѣка аттрибутами теплоты (пльчитэ̀й дулāхан); Халхасецъ придастъ лѣту также эпитетъ «полнаго наслажденій», но уже одно слово — наслажденіе (цзога̀) вызываетъ у него эпитетъ «эргихў» т. е. измѣнчивый, превратный; онъ не даетъ себѣ изъявить симпатію даже и къ дѣйствительно прекрасному въ матеріи, — согласно ученію буддизма, все на землѣ кажется ему пустотою.

Но можетъ возникнуть вопросъ, ужели въ самомъ дѣлѣ буддизмъ на столько овладѣлъ душею Халхаса, что убилъ въ ней сочувствіе ко всему кромѣ ламы и будды. Мы видѣли, что монголы способны были увлекаться окружающей ихъ природой, питали сильную привязанность и любовь къ родинѣ и семьѣ, ужели и эти чувства поглощены у нихъ буддизмомъ и уже угасли на столько, что не находятъ себѣ отголоска и мѣста въ ихъ пѣсняхъ? Отвѣчаемъ, нѣтъ, они не угасли совершенно, но духъ буддизма все таки преобладаетъ надъ ними. Чувствованія, возбуждаемыя природою и семьею теперь уже никогда всецѣло не овладѣваютъ душею Халхаса, они вызываютъ только его завѣтную мысль о буддѣ.

ӱндӯр хаңъга́йн цэцэ̀к ни
элдэ̀б ӱнъгэ̄р нэйлэчжѝ
цзуна́йн гурбу̀н сара-ду̀
ӱнэ̄рэ са́йхан нутӯк-ла̀
ӱндӯр са́йхан бургасу̀н ни найгулцзана̀
ая̄, тӯнэ̀й доторо̀
алта̀н горголта̀й чжиргэнэ̀
харгбйн ӱндӯр модо̀н-ду̀

хӧхӧ̄ шубӯ донгодонà
аӣ тӯни соносчѝ
ламайгāн санàна
тэрэ̀ бӥн дундàса
элдэ̀б гӧрӧ̄сӯ доголокдàнà
тунъгалàк сáйхан усӯ̀н-ду
элдэ̀б шубӯ донгодонà
маргáдайн унъгэтэ̀й цзолúг
ногӧ̄н хӯргэнэ̀
цзӧ̄лӧн сальхѝ хӯдӯльбэ̀лэ
сáйхан ӯнӯ̄р анъгилàнà
ӯндӯ̄р сáйхан ӯлан-дӯ̀
элдэ̀б модò ургучжѝ
намӯ̀р болхӯ̀ цàк-тун-нѝ
ӯрэ чжимúс долбасурàнà
дэ̄дӯ̆ гурбӯ̀н эрдэнúйн
ӯнэ̄рэ ачúйги харю̄лху дӯ̀
ямàр санā санабáла
тӯрбэ̀л-ӱгэ̀й бӯтӯнэ̀
тэнъгэ̀рь гацзàр адалѝ
тэ́йми сáйхан орòп-дӯ̀
шачжѝн номы́йги хичѣ̄чжи
бӯгӯ̆дэ̄рэ чжиргайя̀.

Переводъ.

Цвѣтки высокаго Хангая,
Соединившись различными цвѣтами,
Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ
По пстинѣ прекрасное мѣстопребываніе!
Плавно покачивается высокій, прекрасный тростникъ;
Ахъ, въ срединѣ его
Щебещетъ фазанъ (= золотой соловей)!
На высокой пихтѣ
Кукуетъ кукушка;
Ахъ, слушая ее,
Вспоминаешь своего ламу!
Изъ средины этого лѣса
Слышенъ крикъ различныхъ звѣрей;
Въ чистой прекрасной водѣ

Поютъ различныя птицы.
Лугъ, имѣющій цвѣтъ маргада,
Доставляетъ зелень;
Шелохнется легкій вѣтеръ,
Пахнетъ благовоніемъ.
На высокой прекрасной горѣ
Ростутъ различныя деревья;
Когда наступитъ осень,
Они приносятъ плоды.
При истинной благодарности
Къ высочайшимъ тремъ драгоцѣнностямъ,
Какое не задумалъ бы желаніе
Немедленно исполняютъ.
Въ такой прекрасной странѣ
(Гдѣ) небо и земля одинаковы,
Заботясь о вѣрѣ и ученіи,
Всѣ возвеселимся.

Читая такое произведеніе, невольно припоминаешь тѣ псалмы Давида, въ которыхъ онъ, описывая природу и поражаясь ея грандіозностью и гармоніей, воспѣваетъ величіе и славу ея Творца. У Халхасовъ нѣтъ этой хвалы создателю, хотя, можетъ быть, только потому, что они не имѣютъ другаго понятія о творцѣ природы, кромѣ неотвратимаго и неопредѣленнаго рока, но за то также природа напоминаетъ Халхасу о предметѣ его поклоненія — ламѣ. Характеръ отношенія къ природѣ, выражаемый въ халхаскихъ пѣсняхъ, совершенно одинаковъ съ псалмами Давида. Тѣ и другія творенія уже не смотрятъ на природу дѣтскимъ, наивнымъ взглядомъ, не олицетворяютъ ее, какъ это замѣчается у всѣхъ первобытныхъ народовъ, а напротивъ смотрятъ на нее сознательно, какъ на бытіе низшее человѣка, грандіозное и величественное, но не имѣющее у себя ни чудесныхъ силъ, ни разумно сознательной дѣятельности. Въ своихъ пѣсняхъ Халхасъ не обращается къ природѣ съ просьбою о сочувствіи его горю или его радостямъ, не повѣряетъ ей своихъ сердечныхъ тайнъ, не призываетъ ее въ свидѣтели истинности и правдивости своихъ поступковъ, какъ все это видимъ мы въ

поэзіи другихъ народовъ, и если мы находимъ что Халхасъ обращается къ природѣ, то это только въ тѣхъ случаяхъ, когда его въ самомъ дѣлѣ поражаетъ ея прелесть, или ужасаетъ ея безобразіе. Все это несомнѣнно можно объяснить только самымъ сильнымъ вліяніемъ на духовное существо Халхасовъ буддійскихъ понятій, изгнавшихъ у нихъ всякое шаманское, одухотворяющее природу представленіе о матеріальномъ мірѣ. Тотъ же буддизмъ, кажется намъ, можетъ объяснить за симъ и то, почему не обращаясь къ природѣ матеріальной, Халхасъ однако въ своихъ пѣсняхъ разговариваетъ съ птицами и звѣрями, и даже, какъ мы видѣли, ведетъ съ ними чисто философскія разсужденія; все это естественно вытекаетъ изъ ученія о переселеніи душъ: въ попугаѣ, въ жаворонкѣ, въ лошади можетъ быть также разумная душа человѣка, а бесѣда съ турпаномъ, если только человѣкъ знаетъ языкъ его, по вѣрованіямъ монголовъ, положительно всегда можетъ быть благотворна и поучительна, ибо въ турпановъ обыкновенно перерождаются ламы. Наконецъ, вліяніе буддизма на упадокъ олицетвореній неодушевленной природы въ пѣсняхъ кажется тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что оно всецѣло замѣчается въ народныхъ твореніяхъ тѣхъ монгольскихъ племенъ, среди которыхъ буддизмъ распространился сравнительно меньше и особливо у Иркутскихъ Бурятъ.

Вторая любимая тема монгольской народной пѣсенной поэзіи — воспѣваніе семьи и родителей, съ развитіемъ у Халхасовъ буддизма, также необходимо получила у нихъ другой оттѣнокъ. При разсмотрѣніи современныхъ халхаскихъ пѣсенъ прежде всего ярко бросается въ глаза то обстоятельство, что въ нихъ гораздо чаще встрѣчается изліяніе нѣжныхъ чувствъ и заботъ о матери, нежели объ отцѣ. Причину этого открыть не трудно: Халхасъ зачастую не знаетъ своего отца, или по крайней мѣрѣ не можетъ считать его своимъ отцемъ открыто. Извѣстно, что лама, хотя бы и завѣдомо для всѣхъ жилъ онъ съ женщиной, все-таки считается безбрачнымъ; самъ онъ никогда не назоветъ себя женатымъ, никогда не скажетъ, что у него есть дѣти и даже дома онъ ни-

когда не называетъ своихъ сына и дочь сыномъ и дочерью, величая ихъ просто по имени. При томъ же не связывая себя съ женщиною ни какимъ религіознымъ обрядомъ, онъ легко оставляетъ ее съ своими дѣтьми, будучи совершенно убѣжденъ, что, во имя данныхъ имъ обѣтовъ безбрачія, его не покараетъ за этотъ, такъ сказать, разводъ и общественное мнѣніе. Естественно, что вся любовь Халхаса къ родной семьѣ ограничивается теперь по большей части только любовью къ матери, которая всегда признаетъ своего ребенка своимъ, никогда не постыдится выразить ему своей близости и своей ласки, всегда окружаетъ его своими заботами, и добровольно никогда не покинетъ его. Вотъ почему въ халхаскихъ пѣсняхъ почти не видно выраженія нѣжнаго, роднаго чувства къ отцу: отцу приписывается въ нихъ скорѣе роль наставника, руководителя, или даже просто роль протектора; его домашняя дѣятельность въ отношеніи къ сыну ограничивается одними наставленіями, ничѣмъ не отличающимися отъ наставленій книги, или всякаго посторонняго добраго человѣка.

цзэрликтэ̀й гэ̄чи ши́лэ-дӯ
цзэрлѝк бугӯ дӯдана̀
цзэргэцэчжѝ ирэхӯ-дӯ мнѝ
богдо́йн хоѝр цзага̀л бѝ
алта̀й гэ̄чи ши́лэ-дӯ
арба̀н бугӯ дӯдана̀
адалитхачжѝ ирэхӯ-ду мнѝ
а̄ба́йн хоѝр цзага̀л бѝ.

Переводъ.

На пригоркѣ называемомъ Цзэрликтэй
Кричитъ дикій изюбрь;
Какъ приду поровняюсь,
Это два наставленія святители.
На пригоркѣ, называемомъ Алтай,
Кричатъ десять изюбрей;
Какъ приду сравняюсь,
Это два наставленія родителя.

Такого рода сопоставленія могутъ только свидѣтельствовать о почтеніи дѣтей къ слову отца, но духъ пѣсни больше всего убѣждаетъ въ отсутствіи у Халхасовъ того нѣжнаго чувства къ отцу, которое вселяется въ души дѣтей любовью, ласками и заботами его еще въ пору ихъ ранняго дѣтства. Наставникъ дома, отецъ является какъ протекторъ въ общественной жизни; установивъ же сына, онъ какъ будто больше не заботится о немъ, но крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ ему никогда не приписывается ни скорби о несчастіяхъ сына, ни радости объ его успѣхахъ, ни тоски въ разлукѣ съ нимъ. Все это аттрибуты матери, которая является въ пѣсняхъ всегда исполненною самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ.

алтàн шарà парàн ни
ӯлан-дāн туярāт
алѝ багà бэйѣ̀ минѝ
āбайгāн эргӯмчжэр
тэбкэ̀р шарà нарàн ни
тэ́нгирь-дэ̄ туярāт
тэнэ̀к багà бэйѣ̀ минѝ
āбайгāн эргӯмчжэр
эргѝ булугы́йн аршāнāса
эргихӯ цза́м-ду хӯртэйѣ̀
эмгэ̀н болосо̀н э̄чжѝ минѝ
эпъкэрлэ̄т дуршичжѝ сӯна-л-дà
харгѝ булугы́йн аршāнāса
харихӯ цза́м-ду хӯртэйѣ̀
харѝл болосо̀н э̄чжѝ минѝ
хайралāт саначжѝ сӯна-л-дà
боргѝл булугы́йн аршāнāса
буцахӯ цза́м-ду хӯртэйѣ̀
бӯрал болосо̀н э̄чжѝ минѝ
болцзорлāт саначжѝ сӯна-л-дà.

Переводъ.

Золотое, желтое солнце
Бросаетъ лучи на свою гору;

Шаловливое, маленькое существо мое
(Обусловливается) высокимъ положеніемъ моего отца.

Квадратное, желтое солнце
Бросаетъ лучи на свое небо;
Глупое, малое существо мое
(Обусловливается) высокимъ положеніемъ моего отца.

Святой воды крутояраго источника
Вкусимъ на возвратномъ пути;
Моя матушка-старушка
Сидитъ, вспоминаючи съ нѣжной любовью.

Святой воды бурливаго источника
Вкусимъ на обратномъ пути;
Моя матушка, приближающаяся къ смерти,
Сидитъ, вспоминаючи съ любовію.

Святой воды шумнаго источника
Вкусимъ на возвратномъ пути;
Моя матушка сѣдовласая
Сидитъ, раздумывая, назначая срокъ.

Въ этой пѣснѣ ясно выражается различіе чувствъ Халхаса къ отцу и къ матери: объ отцѣ онъ говоритъ почти равнодушно, не выражая ни своихъ чувствъ къ нему, ни его желаній въ отношеніи къ себѣ; мать, напротивъ, по представленію пѣвца сына, горитъ всегдашнею любовію къ нему и, нѣжно привязанный къ ней этимъ чувствомъ, онъ спѣшитъ доставить ей отраду свиданіемъ. Онъ проѣзжаетъ мимо святыни, не останавливается напиться святой воды и только потому, что мать его представляется ему теперь сидящею и раздумывающею, назначая сроки его пріѣзда. Можетъ быть это чувство любви къ матери осталось только единственнымъ, искреннимъ и вольнымъ чувствомъ Халхаса, ибо какъ ни занята его мысль и какъ ни привязанъ онъ къ буддизму и ламству, то и другое въ его пѣснѣ дышетъ или чѣмъ то напускнымъ, или унижающимъ человѣческую природу, или, наконецъ, изрѣкается какъ законъ, съ которымъ долженъ человѣкъ сообразовать свои чувства, желанія и поступки; но выраженіе чувства любви къ матери въ пѣснѣ Халхаса всегда яв-

ляется такъ естественно, свободно, дышетъ такою силой, что въ сравненіи съ нимъ, кажется, не можетъ быть поставлена ни одна изъ симпатій Халхаса.

усу́н-ду-нѝ умшичжѝ,
лӯсӯд-и тахихӯ магàт ӱгэ̀й,
улу́с-туп-нѝ умшичжѝ
обо̀ тахихӯ магàт ӱгэ̀й.

байгу́лусан дацаны́йги
бадарлачжѝ бӱтэ̄дэк
ба́ньди бумбо̀ хӱмӱны́йги
доромчжилчжѝ болодо̀к ӱгэ̀й

сухàй гэ̄чи модо̀н нѝ
шишъхӯ ӱгэ̀й улā̄хан
сургалта́йхан хӱмӱ̄н ни
сургàл ӱгэ̀й сурдàк бѝ.

цза́ндан гэ̄чи модо̀н нѝ
цзалӯр ӱгэ̀й шилӯхун
цзаятайхàн хӱмӱ̄н ни
цзагàл ӱгэ̀й сурдàк бѝ.

уятайхàн хэ̄рэрэ̄
уртӯ холо̀ цзорійя̀
унтасàн нопра̄ш цэльмэчжѝ
э̄чжійгэ̄н мэндӱ̄йги мэдэйѣ̀.

гӧрӧтэйхэ̀н хэрэ̄рэ̀
хэдӱ̄й холо̀ цзорійя̀
хэбтэсэ̀н нопра̄н цэльмэчжѝ
э̄чжійгэ̄н мэндӱ̄йги мэдэйѣ̀.

харала̄т ба́йхчн хадà манàй
хаяга̄ра цзамтàй бѝ
хапртàй багà э̄чжи манàй
хапъгина̄т хӱпъгипэ̄т сӯна-да̀.

хӱхӱрэ̄т ба́йхчн хӱбчѝ манàй
хӱтӱлэрэ̄ цзамтàй бѝ
хӱ̄рхэй багà э̄чжѝ манàй
хӱпъгина̄т ханъгина̄т сӯна-да̀.

Переводъ.

Читаютъ надъ водою,
Вѣроятно чествуютъ драконовъ;
Читаютъ въ народѣ,
Вѣроятно чествуютъ обо.

Построенный дацанъ
Обыкновенно строится, собирая подаянія;
Банди, духовнаго человѣка
Унижать не возможно.

Кустарникъ кизильника *)
Красенъ и безъ киновари;
Человѣкъ, способный къ ученію,
Научится и безъ наставленій.

Дерево цзанданъ
Прямо и безъ правила;
Человѣкъ, одаренный счастіемъ,
Научается и безъ указаній.

На привязанномъ карькѣ
Поѣдемъ далеко, далеко;
Разсѣявъ свой сонливый сонъ,
Освѣдомимся о здоровьи своей матушки.

На сосвореннномъ карькѣ
Поѣдемъ въ такую даль;
Разсѣявъ свою лежливую сонливость,
Освѣдомимся о здоровьи своей матушки.

Черпѣющаяся скала наша
Съ дорогою по низу своего косогора;
Любезная моя малепькая матушка
Сидитъ, вздыхаючи.

Синѣющійся лѣсистый хребетъ нашъ
Съ дорогою па своемъ перевалѣ;
Болѣзная моя матушка
Сидитъ, вздыхаючи.

---

*) *Сухай, сухэ.* Потанинъ въ своемъ путешествіи по з. Монголіи называетъ это растеніе Tamarix. (Неизданныя ещ. Зап. Географ. Общ. Ч. II, стр. 135).

Такимъ образомъ только воспоминаніямъ о матери Халхасъ предается всецѣло своею душею, только они одни дышатъ въ его пѣсняхъ чистымъ, беззавѣтнымъ чувствомъ, полною вѣрою, искреннею любовью, не омрачаются тяжелыми сомнѣніями, не прерываются другими какими либо пожеланіями; все прочее едва-ли способно такъ овладѣвать душею Халхаса. Въ пѣсняхъ, обращенныхъ къ возлюбленнымъ, Халхасы болѣе флегматичны, болѣе подозрительны, чѣмъ веселы довѣріемъ и любовію и это направленіе, мнѣ кажется, весьма естественно, потому что у нихъ, какъ и у всѣхъ монгольскихъ племенъ, ни парень ни дѣвица ни когда не вольны жениться и жить вмѣстѣ по желанію во первыхъ, а во вторыхъ ни парень ни дѣвица ни когда не могутъ разсчитывать на вѣрность и преданность другъ другу. Преимущество мужскаго населенія предъ женскимъ, громадное число богатыхъ и франтовитыхъ ламъ, развившаяся въ послѣднее время свобода правовъ и легкость взглядовъ на отношенія женщины къ мужщинѣ, все это противорѣчитъ преданной искренней и полной любви двухъ существъ. «Эрэ̀ хӯи хулагайна̄са гархӯ йосӯ ӱгэ̀й, эмэ̀ хӯи хуйла̄са гархӯ йосӯ ӱгэ̀й т. е. мужщинѣ уходить отъ воровства — не порядокъ, а бабѣ уходить отъ бл.....ва не порядокъ» говорятъ современные Халхасы въ пословицѣ, выражая свой взглядъ на свободныя отношенія мужщины къ женщинѣ и характеризуя съ этой стороны общее направленіе своего вѣка. Ясно, что при этомъ направленіи любящій мужъ никогда не можетъ быть убѣжденъ въ вѣрности своей жены и жена въ вѣрности мужа, что влюбленной парочкѣ оно даетъ богатый источникъ для ревниваго чувства и мучительныхъ подозрѣній, что чувству любви у Халхасовъ не сопутствуетъ блаженство и наслажденіе, а горькая дума о томъ, что въ минуты разлуки мой любезный, или моя любезная обнимаетъ другое, ненавистное мнѣ существо. Страшнѣе всего то, что свобода отношеній мужщины и женщины встрѣчаетъ у Халхасовъ легкій взглядъ только тогда, когда эти отношенія обнаруживаются только какъ проявленіе животнаго чувства и вовсе не пользуется терпимостью, когда любящіе другъ друга мужщина

и женщина свободно сходятся на постоянную жизнь. Для ламы этотъ проступокъ еще не такъ важенъ, но для свѣтскаго или, какъ говорятъ монголы, «чернаго» человѣка, онъ влечетъ за собою позоръ и порицаніе сосѣдей.

сэтэртэ̀й бāхан шаргá̀йги
архалāт сóйчжи ушудàк бишӯ?
сэтхильы́йн шагāр сӯйя̀ гэхӯшй
олонá̀й хэлэ̀ хочжитà̀й бишӯ?

Переводъ.

На посвященнаго богамъ маленькаго рыжку
Не садишься ли, выстоявъ на привязи?
Намѣревающихся вступить въ сожитіе по (собственной) сердечной дружбѣ,
Не осудитъ ли языкъ толпы?

Этотъ взглядъ народа на семейныя связи несомнѣнно имѣетъ вліяніе на внутреннюю жизнь сердецъ любовниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на характеръ любовныхъ пѣсенъ Халхасовъ: онъ невольно долженъ привносить въ эти пѣсни грусть и раздумье влюбленнаго пѣвца, для котораго совмѣстная жизнь съ предметомъ своей любви естественно должна быть загадкою даже и въ то время, когда онъ находитъ къ себѣ взаимное сочувствіе. Для такой жизни Халхасу необходимо нуженъ бракъ, а онъ не можетъ быть устроенъ иначе, какъ только по согласію и выбору отца, матери и родныхъ жениха, за тѣмъ нужно еще чтобы согласовались всѣ ламскія примѣты, нужно чтобы было еще согласіе родныхъ невѣсты и пр. и пр. Такимъ образомъ Халхасъ можетъ любить избранницу своего сердца, можетъ сойтись съ ней до самыхъ близкихъ отношеній безъ всякаго порицанія со стороны народа, но жить съ нею постоянно онъ не можетъ, а слѣдовательно не можетъ быть и удовлетворенъ, не можетъ быть и покоенъ, и радостенъ.

дагàп дагàп харайгāп
дапъдàп унучжѝ болодòк ӱгэ̀й
дамӯш хапиласàп амарàк байбáчи
дагӯлāт мордочжѝ болодòк ӱгэ̀й.

шихирыи́п амтà-ип
цзангāра идэчжѝ болодòк ӱгэ̀й
чжипъгэ̄т хапиласàп амарàк байбáчи
цзэргэлэ̄т мордочжѝ болодòк ӱгэ̀й.

Переводъ.

На двухлѣтняго моего карьку
Совершенно таки нельзя сѣсть;
Будь милая близко сошедшаяся,
А нельзя заставить ее ѣхать вслѣдъ (т. е. жениться на ней).

Сладкій вкусъ сахара
Нельзя ѣсть какъ захочется;
Будь милая беззавѣтно слюбившаяся,
А нельзя заставить ее ѣхать рядомъ (т. е. жениться на ней).

Эта боязнь за невозможность совмѣстной жизни такъ или иначе проглядываетъ въ каждой любовной пѣснѣ Халхасовъ.

цзэ́гӱй! тӱдэ̄-ӱгэ̀й гӱйгэ̄т ирэхчѝ
дурахӯ сáйхан шаргà чипѝ
чжигӱртэн шубӯнар дэнчжигэ̄т ирэхчѝ
ю̄пай хурдӯн морѝ бѝ.

актà моришàй алхадáлтай-ду
артàк торгóпай бӯтàй-ду
амарàк чипи́хэн чжисӯйги ӱцзэчжѝ
сэтхѝль минѝ сэргэнэ̀

алàк моришàй алхадáлтай-ду
алтàн горголтáйи чжиргэльгэн-дӯ
амарàк чипи́хэн чжисӯйги ӱцзэчжѝ
сэтхѝль минѝ сэргэнэ̀

цзóйра ӱгэ̀й инàк билэ̄
цзӱрхэпэ̄сэ илгàл ӱгэ̀й
тӯгэ̄р цзойралā̄т бодохӯ-ду
ю̄пай сонѝн амарàк бѝ

саба̄ ӱгэ̀й инàк билэ̄
сэтхильы́йн чинѝ са́йхап-дӯ
тӯбдэчжкѝ сӯчжи ядамнàй
тӯргэпэ̄рэ мордочжкѝ ӯлцзанàй
харахдахчѝ ханъга́йн шѝлэ-дӯ
хамугы́йн бара̄ илэхэ̀н байтала̀
хамӯк бӯхӯ̀пи далдалахӯ
харапъго̀й манàнъ ба́йдак-ла̀.
цзорисо̀н хэрэгэ̄н бӯтэ̄мнэй
цзоригара хамтӯ чжиргахо́йн бэлэ̀к
хэрэ̀к ӱйлэ̄н бӯтэ̄мпэй
хэмчжэ̄нн ӱгэ̀й чжиргайя̀.

Переводъ.

Вотъ такъ! Не замедливъ прибѣжавшій
Худощавый, хорошенькій твой соловко,
Прибѣжавшій, поровнявшись съ пернатыми птицами,
Что это за быстрый конь!

Во время шаганья мерина,
Въ манистахъ изъ струистой матеріи,
Увидавъ твое, милая, личико,
Встрепенется мое чувство.

Во время шаганья пѣгой лошади,
При пѣніи фазана (= золотаго соловья),
Увидавъ твое, милая, личико,
Встрепенется мое чувство.

Есть не сравненный другъ,
Безразличный отъ (своего) сердца;
Какъ подумаешь, сравнивая съ нимъ,
Что это за новость любезный?!

Есть не постоянный другъ,
При симпатіи къ нему твоей души
Не можешь сидѣть и вытерпѣть,
Поскорѣе поѣхавъ, увидишься.

На пригоркѣ видиѣющагося Хангая
Видно все окружающее, а между тѣмъ
Способный все закрыть,
Мрачный туманъ существуетъ.

Исполняется свое задуманное предпріятіе
Признакъ общаго веселья по желанію;
Исполняются свои дѣла
Безгранично повеселимся!

Это объясненіе въ любви, стоящее о бокъ съ мыслью о томъ, что на свѣтѣ «существуетъ все закрывающій туманъ», лучше всего доказываетъ какъ близко подозрѣніе душѣ влюбленнаго халхаса, какъ опасается онъ за свое счастіе. Какъ народъ впечатлительный, Халхасы вообще любятъ женщинъ сильно, страдаютъ, болѣютъ душею, хотя и нельзя не сказать, что въ большинствѣ случаевъ это чувство ихъ бываетъ порывисто, оно скоро проходитъ и женщина въ сердцѣ Халхаса легко уступаетъ свое мѣсто предметамъ постоянной его преданности — буддизму и родинѣ.

бартàй сэргэ̀к борóйгāн
барāт сóйчжи ушумнàй,
ӱндӯр ханъгáйн шúлэ-дӯ
бӧрӧйн дурāра хатарійнà
гахцà амарàк тэрэ̀ минѝ
гацзарьмйн холò морплахӯ-дӯ
доторò цзӯрхэпэ̀й дундāса
толѝ мэтӯ илэрхэ̀й
цоктӯ бāхан чамайгāн
цокцà бэйѣнэй доторōсо
цочимàк сапахӯ нѝ
цōцзанàй ӱргӱсӯ адалѝ
сапāпай дурāра болōсай
салалтà ӱгэ̀й сӯгāсай
сáйхан амугулангāра
сансарāса гархӯ болтогàй

Переводъ.

На ретиваго, горячаго сивку
Сѣвши поймавъ, да выстоявъ,
На пригорокъ высокаго Хангая
Выѣду рысью по своему желанію.

Единственный другъ она моя,
Какъ отправится въ дальнюю сторону,
Изъ средины сердца — внутренности
Ясна какъ зеркало.
О тебѣ ясной маленькой
(Я тревоженъ) всемъ существомъ,
Тревожное мышленіе
Какъ спицы шиповника.
Сдѣлалось бы по желанію,
Жили бы мы не разлучно,
Благомъ и спокойствіемъ
Да выйдемъ изъ сансары.

Странно однако то, что при всей незначительности браковъ по любви, и при той не свободѣ браковъ какая существуетъ у монголовъ вообще, у нихъ почти нѣтъ пѣсенъ съ жалобами на несчастные браки и Халхасы въ частности въ самомъ дѣлѣ живутъ по большей части согласно и счастливо въ семьѣ. Обусловливается это конечно съ одной стороны тою свободою отношеній, которою отличается монгольская жизнь, а съ другой и еще болѣе беззавѣтнымъ уваженіемъ всѣхъ вообще монголовъ къ личности родителей. Вступивъ въ бракъ, Халхасъ и Халхаска могутъ жить по прежнему свободно, лаская своихъ возлюбленныхъ, отдаваясь имъ всецѣло душею и тѣломъ; мужъ въ отношеніи жены и жена въ отношеніи мужа совершенно могутъ ограничиваться только исполненіемъ своихъ внѣшнихъ обязанностей, взаимно заботясь о покоѣ и довольствѣ другъ друга. Все это исполняютъ они по долгу, наложенному на нихъ родителями, считая грѣхомъ или даже невозможностію отступленіе отъ того, что признано ими за благо. Только самая несчастная, суровая жизнь вызываетъ жалобы монгола или монголки и тогда дѣйствительно положеніе рисуется совершенно несчастнымъ. Вотъ примѣръ такой пѣсни:

намайга̀н гэчжѝ санаба̀ла
паймà̀н цзӯн наѝн гацзà̀р ӱгӧ ӱгэ̀ӥ да
алтà мӯнъгӯйгн абуйя̀ гэчжѝ
абда̀р хорӧ̀к чинѝ дӯрбэ̀ӥ да?

алу̀с холо̀ ӱгӱйѣ̀ гэчжѝ
ашиктàй сана̄ чиниѝ амӯ̀р бӥй-да?
хадàм э̄чжӥйн чиниѝ хайрà ямарà-б-да?
хадàм э̄чжӥйн хайрàни хэлэбэ́лэ
харганà модонай ӱргӱсӯ̀н орò̀й да
хӯргэпэ̀й чиниѝ хайрà ямарà-б-да
хӯргэпэ̀й чиниѝ хайрàни хэлэбэ̀лэ
тэнъсэ̀н ташӯ̀ра̄н дэ̄рэ
гуилгэ̄т ба́ип-да
алтà мӯнъгӱйини буца̄т ӱго̄й да,
амарàк хӯхэнъ̄н буца́т аб да
абада̄н хэлэхъ̄н анга̄т ба́йпда
амарàк э̄чжи миниѝ
аѝ, чиѝ миниѝ мэдэ̀-да!

Переводъ.

Когда бы обо мнѣ̀ своей ты думала,
Ты не отдала бы меня за 880 верстъ,
Намѣ̀ревалась взять золото и серебро,
Наполнила ли свои сундуки и ящики?
Намѣ̀ревалась отдать въ далекую даль,
Спокойна ли твоя жадная мысль?
Каковы ласки твоей свекрови?
Сказать ли о свекровиныхъ ласкахъ, —
То верхушки спицъ харагаты,
Каковы ласки твоего зятя?
Сказать ли о ласкахъ твоего зятя, —
Бѣгать по толстой плети.
Возврати-ка ты ихъ злато, серебро,
Возьми-ка назадъ свою милую дочь,
Говорить своему батюшкѣ̀ — опасаюся,
Любезная моя матушка,
Ты моя, знай-ка.

Пѣсни такого рода встрѣ̀чаются весьма рѣ̀дко: онѣ̀ исключеніе изъ общаго правила, такъ же точно какъ, зная по наблюденіямъ жизнь монголовъ, я почитаю за исключеніе и подобныя отношенія супруговъ. Мнѣ̀ кажется за симъ, что въ основѣ̀ та-

кихъ отношеній, каковыя привносятся въ жизнь монголовъ вышепредставленною пѣснею, лежитъ прежде всего то, что женщина въ данномъ случаѣ является взятою «за 880 верстъ»: она не своя, не принадлежитъ къ родному хошўну, а это, какъ мы увидимъ ниже, имѣетъ весьма важное значеніе и вообще на взгляды и отношенія у Халхасовъ. Однохошунецъ всегда хорошъ, всегда принимается какъ родной; оттого и жена, которую въ большинствѣ случаевъ берутъ изъ своего хошўна, всегда можетъ пользоваться расположеніемъ, тѣмъ больше что, по обычаямъ, отъ нее ничего и не требуется кромѣ исполненія внѣшнихъ обязанностей. Другое дѣло—женщина, взятая изъ чужаго хошуна: положеніе ея дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ бываетъ несчастно и это не у однихъ только Халхасовъ, а, кажется, одинаково и у всѣхъ другихъ монгольскихъ племенъ (см. Бентковскаго «Женщина-калмычка» въ Сбор. Стат. св. по Ставр. губ. III, 97). У Бурятъ, по словамъ Щапова, жена взятая изъ чужаго дальняго рода, является въ хотонѣ «настоящею рабынею» *). И такъ вотъ на чемъ зиждется счастіе супружеской жизни Халхасовъ: супруговъ прежде всего связываетъ родовой союзъ, единство происхожденія, единство родины, затѣмъ связь ихъ скрѣпляетъ вѣра въ нерушимость счастія всего, что удостоилось родительскаго благословенія, наконецъ ихъ связываетъ если не любовь, то привычка и дружба. По первому разу женщина часто является у нихъ невольницей, рабою; но эта покорная раба постепенно мало по малу очаровываетъ своею послушностію мужа такъ, что онъ, считая себя неограниченнымъ властелиномъ, въ концѣ концовъ находится почти въ полномъ распоряженіи своей невольницы.

Пѣсенъ, которыя были бы сложены про чужія народности, всѣ вообще монголы имѣютъ очень мало безсомнѣнія потому, что они мало и приходятъ въ соприкосновеніе съ иноземцами. Болѣе другихъ извѣстны среди монголовъ конечно Китайцы,

*) Изв. Сибир. Отд. 1875 г. №№ 3 и 4, стр. 139.

Тибетцы и Русскіе; но насколько ограничены понятія Халхасовъ объ этихъ иноземцахъ достаточно явствуетъ изъ того, что для халхаскаго монгола напримѣръ понятіе Русскій равносильно понятію европеецъ и хотя Халхасамъ хорошо извѣстно о существованіи Англіи и Франціи какъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, тѣмъ не менѣе Англичане и Французы, появляющіеся иногда въ степяхъ Халхи, принимаются Халхасами и извѣстны у нихъ подъ тѣмъ же именемъ — Русскихъ. Весьма вѣроятно, что этому не мало способствуетъ и то, что какъ европейцы, такъ и американцы ѣздятъ иногда по Халхѣ и особливо Ю. Восточной Монголіи подъ именемъ Русскихъ; но намъ нѣтъ дѣла вдаваться въ изслѣдованіе причинъ смѣшенія монголами различныхъ европейскихъ народностей; для насъ важенъ только фактъ смѣшенія, на основаніи котораго мы можемъ думать, что монголамъ естественно трудно уловить характерныя черты Русскаго, а отсюда и представленія ихъ необходимо должны быть чрезвычайно общи, ограничиваться одною внѣшностію; наконецъ самыя сужденія о европейскихъ народахъ, ихъ обычаяхъ и нравахъ, ихъ странахъ и богатствахъ, сбивчивы и поверхностны. Европейцы и американцы, или по халхаски — Русскіе, являются въ Халху по большинству случаевъ какъ торгаши металлическими вещами, Китайцы привозятъ матеріи и драгоцѣнные камни, оттого Россію, въ которую Халхасы никогда не заѣзжали, они представляютъ себѣ страною непрерывныхъ рудниковъ, изъ которыхъ гребутъ лопатами золото, серебро и другіе металлы. Понятія объ образѣ жизни другихъ, собственно азіятскихъ народностей и обитаемыхъ ими странахъ, каковы Китайцы и Тибетцы, у Халхасовъ конечно правдивѣе, потому что Халхасы часто сами посѣщаютъ эти страны и еще чаще приходятъ въ соприкосновеніе съ этими народностями у себя-дома; но все таки нельзя не сказать, что понятія эти смутны, что они заключаютъ въ себѣ гораздо больше вымысла и фантазіи, чѣмъ дѣйствительности. «Тӯмӯрьйн хāн — орӧс-ту; чулуцай хāн — хитāт ту, помьйн хан — тӯбӯт-тӯ», т. е. царь желѣза — въ Россіи, царь камня — въ Китаѣ, а

царь ученія — въ Тибетѣ, говорятъ монголы въ своей пословицѣ и на этомъ основываются ихъ главнѣйшія представленія о помянутыхъ народностяхъ. Тибетъ, какъ мѣсторожденіе Чжэбцзунъ Дамба хутухты и жилище Далай ламы, представляется набожнымъ монголамъ какою то священною страною, полною храмовъ и монастырей съ вѣчно совершающимися въ нихъ службами и неумолкаемымъ шумомъ отъ пѣнія духовныхъ пѣсенъ и игры на музыкальныхъ инструментахъ, обильною святынями на столько, что всѣ жители ея блаженны. Всѣ Тибетцы преданы буддизму и почти ничего не дѣлаютъ кромѣ чтенія буддійскихъ книгъ, они ревниво охраняютъ свою чистоту и свои святыни и всѣми силами души стремятся къ соединенію всего священнаго въ своей странѣ. Отдѣльныхъ пѣсенъ про Тибетцевъ впрочемъ у Халхасовъ, кажется, не существуетъ вовсе и всѣ помянутыя черты выбраны мною изъ отдѣльныхъ строфъ и небольшихъ отрывковъ, попадающихся въ различныхъ пѣсняхъ Халхасовъ. Вотъ для примѣра одна изъ такихъ пѣсенъ.

ӱргӱн тӧлайн хӧбӧ-дӱ
ӱнъгэ бӱрийн шубӯ бн
энэ богдойн хурӭ-дӱ
хэлэ бӱрийн амитан бн
дӱрбэльчжнн шара чжӯцзапара
дӱтӱйн цзамар цзалабай
дӱрбӱн аймагынн хат-нн
думда цзалат мӱргӱбэй
улан шара хӱчжн-нн
хӱрӭн дӱрэт топълабай
улан шара хӱхӱр-нн
охторгой дӱрэт топълабай
литан хамбойн тангут-нар-нн
харамсахӱ янъцзатай
харамсабачн яху-бн
халхайн хобн яхнбай
хӧхӧ нӱр-ту тососон
хӧсхӧнэй акта таргӱн бн

хо̄рхэй мэльмэгэ̀р богдойга̄н
хӱйтэн сэрюнэр цзалаба̀й

эрхэмшѝк ба̄хан хӱрэ̀н чигѝ
ичжилийгэ̄н хойно̄соп тэмгӱльнэ̀й
эрхэмшѝк ба̄хан тэрэ̀ минѝ
э̄чжийгэ̄н хойно̄соп даганà̀й

амѝ насу̀ уртудахӱ́йн гэ́м-ни
аюшѝйн чжинà̀нъ тальбиба̀й
дала̀й лама́йн адиса̄ра
тава̀р хамту̀ чжиргайя̀.

Переводъ.

На берегу широкой Толы
Находятся разноцвѣтныя птицы;
Въ этомъ монастырѣ святителя
Находятся существа всѣхъ языковъ.

На четырехугольныхъ, желтыхъ носилкахъ
Пріѣхалъ онъ ближайшей дорогой;
Ханы четырехъ аймаковъ
Принесли (его) вередину (храма и) поклонились.

(Дымъ) красно-желтыхъ курительныхъ свѣчь
Распространился, наполнивъ монастырь,
(Дымъ) красно-желтаго ладана
Разошелся, наполняя небо (т. е. пространство до неба).

Тибетцы изъ Литана, Кама и Уй
Имѣютъ завистливый видъ;
Хоть и завидуютъ, что дѣлать?!
Жребій Халхасовъ таковъ!

Жирны мерены подводъ его,
Соприкасающихся Хуху-нору,
Болѣзнаго и нѣженькаго своего святителя
Привезли по холоду и прохладѣ.

Избалованный, маленькій гнѣздко твой
Плетется позади своихъ (лошадей съ которыми свыкся);
Онъ, мой изнѣженный малютка,
Слѣдуетъ за своею матерью.

Ради увеличенія лѣтъ жизни
Онъ совершилъ послѣдованіе Аюши;
Благословеніемъ Далэй ламы
Всѣ мы по желанію повеселимся!

Такъ выступаютъ вообще въ монгольскихъ пѣснях Тибетцы. Какъ и въ представленномъ примѣрѣ, о нихъ упомнается обыкновенно кратко: выставляется одна, много двѣ черты ихъ характера, да и о тѣхъ говорится, какъ бы мимоходомъ. Все это безсомнѣнія обусловливается тѣмъ, что не смотря на близость церковныхъ отношеній, существующихъ между Монголіею и Тибетомъ, эти два народа сходятся между собою очень мало. Тибетцы въ настоящее время почти не посѣщаютъ Монголіи, и если приходятъ вмѣстѣ съ Чжэбцзунъ-дамба ламою, то и живутъ при дворѣ его, или при особыхъ кумирняхъ, держась въ недоступномъ величіи для народа. Для халхаскихъ ламъ они служатъ вѣроучителями, а отсюда естественно и общее уваженіе къ нимъ Халхасовъ; послѣдніе безотчетно благоговѣютъ передъ Тибетцами и всякое дурное слово о Тибетѣ считаютъ какъ-бы оскорбленіемъ своей святыни.

Совершенную противуположность въ этомъ отношеніи представляютъ Китайцы. Являясь въ Халху въ большинствѣ случаевъ какъ торговцы, они невольно входятъ въ соприкосновеніе съ народомъ, а сталкиваясь съ нимъ необходимо возбуждаютъ къ себѣ его ненависть. Эксплуатацію своихъ интересовъ со стороны купцовъ, гнетъ и поборы со стороны правительства, — вотъ единственные результаты, которые видитъ Халхасецъ отъ своихъ сношеній съ китайскою націею и онъ ненавидитъ ее всѣми силами своей души. Такимъ образомъ если Китайцы, въ своей литературѣ говоря о монголахъ, зачастую относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, а въ разговорахъ подтруниваютъ надъ ихъ простотою и, по выраженію Гюка, величаютъ себя «mangeurs des Tartares» *); то въ свою очередь и со стороны монголовъ они пользуются не болѣе лестнымъ мнѣніемъ. Насмѣшки и брань состав-

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc T. I, p. 201.

ляютъ главнѣйшее содержаніе народныхъ монгольскихъ пѣсенъ про Китайцевъ. Въ нихъ соединяется все ненавистное и смѣшное для Халхаса, собираются всякаго рода отступленія отъ усвоенныхъ обычаями монголовъ порядковъ и все это приписывается Китайцу, чтобы только выставить его смѣшнѣе и постыднѣе. Въ большинствѣ случаевъ конечно говорится тутъ мѣткая правда, но иногда въ порывѣ ненависти монголы соединяютъ имя Китайцевъ даже и съ такого рода обстоятельствами, къ которымъ сыны небесной имперіи не причастны ни душой, ни тѣломъ; какъ напримѣръ видно то въ слѣдующей пѣснѣ:

бупъхàнъ бупъхàнъ бáйшинъ дāи
бýк болосòн чжанàк
бурхàн помы́йн ӧмӧнӧсӧ
тýйгхэр болосòн чжанàк
тýк дэльтэ̀й сāрал чинѝ
тугулы́йн цэ̄лэйш дэ̄рэ уя̄тай
того̀ бáнцзаль хоѝр ни
тогōной цэ̄нтэ̀й лабша̄тай
гинчжѝ чирэсэ̀н похòй чинѝ
гэры́йги тӧрӧ̄т хунчжѝ гэнэ̀
гэдэсӯйги цатхасàн чжанàк чинѝ
хэкирэ̄т хокират унтачжѝ гэнэ̀
тархи́ни нисасàн тахя̄ чинѝ
табӯн чжи́нъ-ду дӯгарчѝ гэнэ̀
та̄тай хэбтэсэ̀н начѝк чинѝ
тӯнэй дӯга̄р ябула̄ гэнэ̀.

Переводъ.

Китаецъ, ставшій букою
Въ своемъ домѣ (похожемъ) на могильный склепъ;
Китаецъ, ставшій помѣхою
Передъ Буддою и ученіемъ!
Имѣющій свалявшуюся гриву буланка твой
Привязанъ за веревочку (къ которой привязываютъ) телятъ;
Башмаки и набрюшникъ твой
Развѣшаны по лѣвой сторонѣ очага.

Волочащая цѣпь собака твоя,
Говорятъ, ластъ (бѣгая) вокругъ дома,
Китаецъ твой, насытившій брюхо,
Говорятъ, спитъ, прихрапывая.

Твоя курица, взлетѣвшая на насѣсть,
Говорятъ, кричитъ въ пятую стражу;
Твоя Начикъ (собств. женск. имя), полюбовно лежавшая,
Говорятъ, ушла по ея крику.

Замѣчательно однако, что при всей своей ненависти къ Китаю, Халхасы совершенно не имѣютъ у себя пѣсенъ, выражающихъ какое либо чувство непріязни къ китайскому правительству: ни жалобы на судьбу, ни тяготы гнета, ни еще болѣе ничего, выражающаго желаніе освободиться отъ этого гнета никогда не встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ; въ нихъ пѣтъ даже и осмѣиванія китайскихъ правителей и чиновниковъ, хотя въ глазахъ народа эти послѣдніе конечно должны были бы стоять ни чуть не выше всѣхъ другихъ Китайцевъ. Пржевальскій, замѣчая эту черту монголовъ въ отношеніяхъ ихъ къ своимъ правителямъ вообще, находитъ въ этомъ подтвержденіе своего мнѣнія, что «дикая необузданная природа монгола требуетъ простора лишь своимъ дѣтскимъ привычкамъ и совершенно равнодушна къ страшной деспотіи въ соціальной жизни» *); но этого мало, и мнѣ кажется, что въ основѣ разсматриваемаго явленія лежитъ еще присущій монголамъ, какъ и всѣмъ, стоящимъ на низшей степени развитія народамъ, какой то неопредѣленный страхъ предъ правителями и князьями, убѣжденіе въ ихъ сверхъестественномъ избраніи и потому неприкосновенности ихъ особы. «Эцэ̀н хаанайгп холо̀ гэчжѝ битэгэ̀й дайра̀, эрэ̀ хӯныйгп мӯ гэчжѝ битэгэ̀й бо̀лчило̀», т. е. «не порицай хана, думая, что онъ далекъ; не порабощай мужщину, полагая, что онъ худъ», говоритъ монгольская пословица, и въ ней вполнѣ выражаются Халхасы, потому что ихъ дѣйствія въ данномъ случаѣ являются совершенно согласно

*) Пржевальскій. Монголія и страна Тангутовъ. Т. I. стр. 53-я.

ными съ убѣжденіями, сложившимися у нихъ еще въ глубокой древности. Вѣрованіе, что мужчина стоитъ выше женщины, что правители народа, цари и князья суть дѣйствительные избранники высшей, мудро и цѣлесообразно управляющей міромъ силы коренится у нихъ вѣками; оттого и противоборство правителямъ, этимъ избранникамъ судьбы по понятіямъ Халхасовъ, почитается не только напраснымъ, но и грѣховнымъ; — таково, говорятъ они, предопредѣленіе всемогущаго рока, распоряжающагося жизнью и дѣятельностію людей. Неоспоримо, что эти понятія существовали у Халхасовъ еще въ самое древнее время, буддизмъ же еще болѣе способствовалъ укрѣпленію ихъ. Таковы причины, по которымъ Халхасъ безропотно переноситъ теперь всѣ тяжести, налагаемыя на него правительствомъ.

хӱндӳйн цагаан чулӯ
хэдӳй хӱндӳ болбачи
йэхэ далайн дольгӣн-дӳ
эрхэ биш̄ шильчжирэдэк
хӯнэй гахцаа ӱрэ ни
хэдӳй эрхэ болбачи
гӱрӱнэй хānай албан-дӳ
эрхэ биш̄ мордодок
аргалн гӧрӧсӧнӧй цзулцзага,
алӳс харайху болбачи
ӯланай орбоп-дӳ
аргаа-ӱгэй тӧрӧдӧк
абаа ӭчжийн ӱрэ ни
амарак эрэ болбачи
абай хānай албан-ду
аргаа ӱгэй мордодок
ӭчжийн мин̄ ӧгӧсӧп
эрӭн шараа маюцза
эцзэп хānай хотоп-дӳ
эмӭль дӭрэп эльгӭсэй
абайн мин̄ ӧгӧсӧп
алтан шараа нумӳн бӣ
абай хānай хотоп-дӳ
гальчжиир ӱгэй эльгӭсэй

одòп сарàпп тӯгэ̀ль-ïп
охторго́йп манѝ чимэ̀к бѝ
олòп поидыйп чӯлгàп пи
тӯрӯ̀ип манѝ чимэ̀к бѝ.

Переводъ.

Бѣлый камень пещеры,
Какъ бы ни былъ онъ тяжелъ,
А въ волнахъ великаго моря
Непремѣнно выбивается;
У человѣка единое дѣтище,
Какъ бы ни было оно изпѣжено,
А на службу къ правителю царства
Непремѣнно отправляется.
Дѣтеныпъ дикаго аргали,
Хоть и далеко онъ прыгаетъ,
А въ разсѣлинахъ горъ
По неволѣ обходитъ;
Дѣтки батюшки да матушки,
Хоть и милы и мужественны,
А на службу батюшки царя
Непремѣнно отправляются.
Матушкой моею данную
Пестрожелтую сумку
Въ хапскомъ городѣ государевомъ
На верху сѣдла привѣсить бы!
Подаренный моимъ батюшкой
Золотой желтый лукъ
Въ городѣ батюшки царя
Пристягнуть бы не на кривь, вкось!
Сіяніе звѣздъ и луны
Украшеніе нашихъ небесъ;
Собраніе многихъ князей
Красота нашего правительства.

Вотъ характеръ современной военной пѣсни Халхасовъ: они не воспѣваютъ своихъ князей и богатырей, какъ это находимъ мы въ пѣснѣ, представленной Тимковскимъ *), не ждутъ дивнаго

*) Путешествіе въ Китай. Ч. III, стр. 307.

Тимура, чтобы подъ его покровительствомъ вспомнить свое старое, славное время, какъ то видимъ мы въ пѣснѣ, записанной Гюкомъ *), а напротивъ, увлекаются только мелочью, — какъ бы пристегнуть покрасивѣе пеструю сумку, да повѣсить не на кривь вкось свой лукъ. О битвахъ за родину Халхасы и не думаютъ, да кажется и страшатся теперь настоящей то битвы. Какъ кипитъ брашью ихъ сердце, какъ оно полно мужества и огня, лучше всего доказываетъ пословица: «хӧсуп бӯйгп хорйп хӯп а̀йна», т. е. «незаряженаго ружья двадцать человѣкъ боятся». Еще безотраднѣе кажется то, что Халхасъ теперь уже не думаетъ о службѣ своему народу, а ѣдетъ къ Гӯрӯнэй хан'у, т. е. маньчжурскому императору. Можно заключать отсюда, что у Халхасовъ даже и не существуетъ мысли объ освобожденіи отъ постыднаго рабства: они чувствуютъ его тяжесть, но сознаютъ себя безсильными, чтобы сбросить его, — свое положеніе они считаютъ неотвратимымъ предопредѣленіемъ рока, противъ котораго невозможно бороться и которому необходимо должно подчиниться. Родовыхъ князей Халхасы теперь уже отвыкли считать своими верховными владыками, они не гордятся службою въ ихъ рядахъ, какъ мы видимъ то въ пѣснѣ, записанной Тимковскимъ, и даже не говорятъ объ этой службѣ, считая себя, хотя можетъ быть и не по желанію, а только изъ за честолюбія, китайскимъ войскомъ. Впрочемъ я ни чуть не прочь и отъ той мысли, что халхаскія войска защищаютъ вполнѣ сознательно и честно своихъ китайскихъ властителей; потому что они почти на столько же близки душѣ ихъ, какъ и свои родовые князья. Я говорилъ уже, что Халхасъ понимаетъ родину черезъ чуръ узко: люди чужаго хошуна для него уже не свои, а чужаго аймака — совершенные иностранцы. Распри князей, которыя сѣяли встарину, да и теперь еще время отъ времени продолжаютъ посѣвать между халхаскими князьями Китайцы, довели уже народъ до того, что онъ почти каждаго чужехошунца считаетъ за своего

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 89.

заклятаго недруга; оттого во всей Халхѣ нѣтъ ни единодушія, ни сознанія родства и братства: каждый хочетъ выслужиться, роя подъ другимъ яму, одинъ ненавидитъ другаго, позволяетъ себѣ надъ нимъ всякаго рода насмѣшки, оскорбленія, униженія и т. д. Само собою разумѣется, что и эта черта не преминула найти себѣ выраженіе въ народныхъ пѣсняхъ, хотя опять-таки всѣ насмѣшки и остроты въ этомъ случаѣ не касаются князей, а согласно коренному убѣжденію монголовъ обращены на низшую, безотвѣтную половину общества — женщинъ.

ту́ин голы́йн модо́йги
тӱймӱ̄р идэсэ̀н я̄санъ-бѝ?
тӱшѣ̄тӱ̄ ха̄пай хӱ̄хэн
тэмбӱ̄ идэсэ̀н я̄сан бѝ?

цзабха̀н голы́йн модо̀
цзалалту̀ ӱгэ̀й са́йхан
цзасакту̀ ха̄пай хӱ̄хэн
уцзэлтӱ̄ ӱгэ̀й са́йхан.

Переводъ.

Какъ сталось, что пожаръ уничтожилъ
Деревья по рѣкѣ Туй?
Какъ сталось, что сифилисъ заѣлъ
Тушѣту-хановскихъ дѣвушекъ?

Деревья по рѣкѣ Цзабханъ
Безъ правѝла хороши;
Цзасакту-хановскія дѣвушки
Не наглядно хороши.

Это оскорбленіе, брошенное на весь аймакъ, ясно показываетъ, какъ разрозненно живутъ теперь между собою Халхасы, какъ слабо въ душѣ ихъ родственное, единоплеменное чувство и какъ трудно предположеніе о соединеніи ихъ снова въ единое, нераздѣльное цѣлое. Политика Китая, кажется, сдѣлала съ ними свое дѣло: матеріальное истощеніе страны прежде всего убило мужество и нравственныя силы Халхасовъ; распри и раздоры

породили у нихъ разъединенность родовъ, а за симъ естественно появилась неувѣренность въ своихъ силахъ; какъ средство самосохраненія возникли козни другъ противъ друга и каждый началъ носить въ себѣ явную, или скрытую зложелательность къ своему собрату. Однимъ словомъ исторія Халхасовъ въ этомъ случаѣ есть новое и лучшее подтвержденіе словъ Гомера:

Ἥμισυ (γάρ) τ' ἀρετῆς ἀποαίνυται εὐρύοπα Ζεὺς
Ἀνέρος εὖτ ἄν μιν κατὰ δούλιον ἦμαρ ἕλῃσιν *).

Буддизмъ докончилъ это дѣло убійства Халхасовъ, такъ что новое возвращеніе ихъ къ политической жизни намъ кажется положительно не возможнымъ и напротивъ все какъ будто свидѣтельствуетъ о скорой смерти этой народности. Уже и теперь Халхасъ не живетъ, а только въ періодѣ своего существованія на землѣ извращаетъ свою природу и страдаетъ душею и тѣломъ. Черезъ три года послѣ появленія на свѣтъ, онъ дѣлается ламою и балованным ребенкомъ; съ десяти до семнадцати заучиваетъ нѣсколько молитвъ и усвояетъ себѣ науку хапжества, притворства и обмановъ; въ двадцать лѣтъ начинается у него жизнь полная разгула и лишеній, крайней неумѣренности и грубыхъ чувственныхъ наслажденій; все это въ одинъ десятокъ лѣтъ дѣлаетъ изъ него изнѣженнаго и изтасканнаго лежня, для котораго тяжела всякая дѣятельность. Подъ старость Халхасецъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, ищетъ дѣйствительно утѣшенія въ буддѣ и изпываетъ душею о сдѣланныхъ грѣхахъ. Вотъ примѣръ пѣсни этого періода:

цзэ́-гӱйѣ, цзэ́-гӱйѣ, абура̀н сопрха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
апъха̀ бага̀ насу̀н-да̄н
ачиту̀ лама̀-да̄н учира̄т
асара́л-души дашӯрмани
арю̄н сӱцзӱгэ̄р шӱтӱсэ̀н ӱгэ̀й
эгэ̀ль адалѝ ӱцзэсэ̀н-дэ̀н

*) Одиссея XVII — 332.

эцӱсы́йн хэрэ̀к минӣ хоцорлā
ӧпгӧрӧсӧ̄нн хо́йно санаачжӣ,
ӧ̄рӧйн бэйӗ̀-дэ̄н гомодоно̀.

цзэ́-гӱйӗ̀, цзэ́-гӱйӗ̀, абура̀н сопрхà лама̀ минӣ, лама̀ минӣ!
тусата̀й цзарлигы́йги чинӣ соносба́чи
топлта̀й эсэ̀ абуса́пā̄р
томо̄ ӱгэй нӱхӱт-тэ̀й хашилā̄т,
топплху́-йн сӱнэсӱ́йги орхинà
харӣп га́ли барисà̀н-да̄н
хамӱ́к хэрэгэ̄сэ хоцорбà
ахихӱ̀ ирэхӱ́й-дӱ̈
аргà ӱгэ̀й доторо̄со цзобонà
цзэ́-гӱйӗ̀, цзэ́-гӱйӗ̀, абура̀н сопрхà лама̀ минӣ, лама̀ минӣ!
улӱ́с ӱхӱхӱ́йги ӱцзэбэ́чи
улата̀й цзӱрӱ̈хэнӗ̄п доторо̄со
ӱ́йтхар эсэ̀ тӱрӱ̈сэ́нэ̄р
удā̄хан сӱху шӣк санаталà
идэ̀р-дӱ-нӣ̀ эцичжӣ ябусāра
э́йми болху́йги мэдэсэ̀н ӱгэ̀й.
улà̀м пасӱ̀ ахихӱ́й-ду
урумчӣ ӱгэ̀й санакданà
цзэ́-гӱйӗ̀, цзэ́-гӱйӗ̀, абура̀н сопрхà лама̀ минӣ, лама̀ минӣ!
сансары́йн цзоболонгы́йги мэдэбэ́чи
самӯ мунъхагā̄р соктӯра̄т
санā̄н-ду ӱгэ̀й ябусāр
санвар тапъгаргы́йги орхиба
насунà̀й бага́-нн омогā̄р
наймà̀н но́м-ду хӯртала̄ бӣ,
тэрсӱ́т цзанъпачжӣ ябуса́н-да̄н
тэстэшӣ ӱгэ̀й гэмшинэ̀
цзэ́-гӱйӗ̀, цзэ́-гуйӗ̀, абура̀н сопрхà лама̀ минӣ, лама̀ минӣ!
амнта̀н эхэ-дэ̄н мэдэбэ́чи
амян дото̄гор санасà̀н-да̄н
абурà̀л ӱгэ̀й хоні́йги чӣ
алӯльчжи мха́йги идэбэ̀
ӧ̄рӧйн гэчжӣ санасà̀н-да̄н
ӱдӱ́й хилинцэ̀ хура̄бай
эпэрӣль ӱгэ̀й ӗхисà̀н да̄н
элихэ̀ минӣ эмхинэ̀.

цзэ́-гӱӣѣ, цзэ́-гӱӣѣ, абура̀н сопрха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
буда̀н шѝк хо̄сун орчпланги́йги
бодота̀й баричжѝ ябуса̀н-да̄н
бурӯ̄ цза̀м-ду то̄ро̄т
булѝ цзоболопъту̀ болба̀й бѝ
хо̄сун эсэ̀ упуса̀н-да̄н
хочжимха̀н чѝ ямàр болху̀ била̄
энэ̀ хо́йту хопры́йги
эцигэ̀ бо́гдо̀ айла̀т.

цзэ́-гӱӣѣ, цзэ́-гӱӣѣ, абура̀н сопрха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
номо̀й цзалхӯ алгасапъго́йга̄р
ном-ѝ эсэ̀ хи́сэн дэ̄н
тэнъсэлэхў сэтхи́ль тӱрӱхўй-дў
дэмэ̀й цзога̀ дӯлаба̀й

цзэ́-гӱӣѣ, цзэ́-гӱӣѣ, абура̀н сопрха̀ лама̀ минѝ, лама минѝ!

Переводъ.

Ахъ, ахъ, сопзволь спасти, лама мой, лама мой!
Въ своемъ раннемъ младенчествѣ
Сошелся я съ благодатнымъ ламой,
Но не влекся къ его милосердію,
Не полагался (на него) съ чистымъ благоговѣніемъ;
Въ моихъ грубыхъ воззрѣніяхъ
Погибли мои конечныя дѣла
И думая о загробномъ
Тревожусь я въ себѣ самомъ.

Ахъ, ахъ, сопзволь спасти, лама мой, лама мой!
Твою благую рѣчь я слышалъ, но
Не принялъ ее всецѣло,
Сдружившись съ глупыми друзьями,
Оставилъ я душу спасенья;
А между тѣмъ держа огонь,
Остался я отъ всякихъ дѣлъ;
И приходя къ уничтоженью,
Безсильно мучусь самъ въ себѣ.

Ахъ, ахъ, сопзволь спасти, лама мой, лама мой!
Хоть и видалъ я смерть людей,
Но изъ среды грубаго сердца

Не возрождалося тоски.
Какъ будто долго жить, я думалъ и,
Истощаваясь въ юныхъ силахъ,
Не зналъ о томъ, что будетъ такъ;
Когда жъ прошелъ по малу вѣкъ,
Мнѣ мнится дѣло безъисходнымъ.

Ахъ, ахъ, сопзволь спасти, лама мой, лама мой!
Хоть зналъ я о мученьяхъ міра
Но пьяный пылкимъ неразумьемъ,
Я жилъ не приводя на мысль (т. е. эти мученія)
И отвергъ клятвы и обѣты;
По свойству краткости жизни,
Я заблуждался въ восьми номахъ;
Проживъ же какъ еретики,
Теперь крушусь невыносимо.

Ахъ, ахъ, сопзволь спасти, лама мой, лама мой!
Хоть признавалъ я за свою мать живыхъ существъ,
Но размышляя лишь о жизни,
И беззащитную овечку
Велѣвъ убить, я мясо ѣлъ.
Я думалъ, — это, вѣдь, свое,
И собралъ эстолько грѣховъ;
Въ мопхъ безжалостныхъ дѣяньяхъ
Изныла внутренность моя!

Ахъ, ахъ, сопзволь спасти, лама мой, лама мой!
Миръ, какъ туманъ пустой,
Считалъ я истиннымъ и въ жизни,
Родившись на пути грѣховномъ,
Сталъ вздорнымъ и несчастнымъ;
Не понималъ я пустоты;
Впослѣдствіи же что будетъ,
Вѣдай ты, святой отецъ,
И эту жизнь и то что впредь.

Ахъ, ахъ, сопзволь спасти, лама мой, лама мой!
Въ разгулѣ, лѣни, развлеченьяхъ
Не исполнялъ я добрыхъ дѣлъ;
При мысли покаянья
Напрасно развлекаясь, пѣлъ.

Ахъ, ахъ, сопзволь спасти, лама мой, лама мой!

Пѣсня эта по составленію приписывается Галсанъ-Цэрэну, брату Мэргэнъ-вана. Разсказываютъ, что будучи вторымъ сыномъ Мэргэнъ-вана, онъ былъ постриженъ отцемъ въ ламы, получилъ хорошее образованіе, конечно въ буддійскомъ духѣ, и готовился быть Хамбо-ламою Нопи-гэгэновскаго кита (монастыря). Семнадцати лѣтъ Галсанъ-Цэрэнъ, влюбившись въ дочь сунитскаго ваца, отказался отъ хамбо'ской каѳедры въ пользу своего младшаго брата, бывшаго также ламою, а самъ оставилъ духовное званіе и женился на своей возлюбленной. Пѣсня эта была составлена Галсанъ-Цэрэномъ вскорѣ послѣ смерти жены, когда ему было уже около 55 лѣтъ отъ роду. Умеръ Галсанъ-Цэрэнъ въ 1842-мъ году, т. е. въ послѣдній годъ Дао-Гуана.

Пѣсни Ölötовъ.

Названію Ölötъ я хочу придать то значеніе, которое придаютъ ему сами монголы, т. е. употребляя его какъ нарицательное имя для всѣхъ, такъ называемыхъ у насъ, чжунгарскихъ поколѣній. Такое значеніе, насколько мнѣ извѣстно, прилагается у насъ къ имени *Ölöt* впервые и хотя вопросъ объ именѣ Ölötовъ и Ойратовъ уже неоднократно былъ поднимаемъ европейскими оріенталистами, однако до сего времени онъ все еще не былъ опредѣлительно рѣшенъ въ европейской литературѣ о востокѣ. Такимъ образомъ одни считали эти прозванія за собственныя имена отдѣльныхъ поколѣній (Палласъ въ его Sammlungen historischer Nachrichten T. I, S. 6; Банзаровъ — Объ Ойратахъ и Уйгурахъ, — Библ. вост. ист. Т. I, стр. 84; Шмидтъ, — Geschichte der Ost Mongolen, S. 375; Тимковскій, Клапротъ и др.); другіе принимали ихъ за одно и тоже, признавая имя Ölötъ искаженіемъ, привзошедшимъ въ монгольскую литературу отъ Китайцевъ, которые транскрибировали слово Ойраты какъ «Валатэ, Элютэ» и пр. (О. Палладій). Мнѣ кажется, что разобрать этотъ мракъ, лежащій на именѣ Ойратовъ и Ölötовъ, особливо въ древнемъ періодѣ монгольской исторіи, въ настоящее время

положительно не возможно по недостатку историческихъ данныхъ. Достовѣрно только одно, что имена Ойратъ и Ölötъ никогда не были собственными именами какихъ либо отдѣльныхъ поколѣній, а были, какъ и теперь *), нарицательными для нѣсколькихъ частныхъ родовыхъ именъ и за симъ, что Ойраты временъ Чингиса, во все не то, что Ойраты позднѣйшаго времени. Что касается происхожденія имени Ölötовъ по воззрѣніямъ собственно монголовъ, то объ этомъ, насколько мнѣ извѣстно, также не было сообщено еще ни однимъ изъ европейскихъ изслѣдователей монгольской исторіи. Легенда, объясняющая небесное происхожденіе чжунгарскихъ князей и родоначальника ихъ Чороса, разсказанная въ исторіи Батуръ Убуши Тюменя **), въ Монголіи передается нѣсколько иначе и пространнѣе. По послѣдней, малютка Чоросъ, получившій свое собственное имя отъ формы дупла, въ которомъ онъ лежалъ (цорго), своими воспитателями былъ положенъ въ колыбель (ӱлэгэй) изъ дерева агаръ цзандань, а потому и произшедшія отъ него четыре поколѣнія получили прозваніе «ӱлэгэтъ» т. е. «колыбельные». Отставляя въ сторонѣ все это баснословіе, мы принимаемъ только заключеніе монгольскихъ лѣтописей: дӱрбэн ойрат ӱлэгэт ясутан эгӱн-эцэ эгӱсчжӱхӱй, — «четыре Ойрата принадлежащіе къ кости «ӱлэгэт» начались отсюда» ***). Такимъ образомъ происхожденіе имени Ölötовъ, какъ фамильнаго прозванія различныхъ родовъ по кости, существо-

*) Въ настоящее время всѣ чжунгарскія поколѣнія, каковы: Торгӯты, Хошӯты, Хойты и др., въ обыкновенномъ разговорѣ одинаково называютъ себя Ölötами. Въ Кобдо, гдѣ особливо много сходится людей самыхъ различныхъ монгольскихъ поколѣній, бывало вопрашиваешь какого либо своего собесѣдника, «Ты кто такой, Халхасъ что ли?» «Нѣтъ, — Ölötъ». «Какого поколѣнія?» — «Хойтъ». Впрочемъ этотъ выводъ объ употребленіи имени Ölötъ можетъ быть подтвержденъ и литературными произведеніями монголовъ. Въ Нээтхэль шастрѣ и лѣтописи Эрдэнійн эрихэ біографіи ölötскихъ князей весьма часто начинаются слѣдующими словами: энэ хэмээсу үгэлэдуп хумун Торгӯтъ (или Хошӯтъ, Чоросъ и др.) обоктай, «т. е. это ölötскій человѣкъ, принадлежащій къ фамиліи Торгӯтъ (или Хошӯтъ, Чоросъ и др.)».

**) Сказаніе о Дӧрбӧн Ойратахъ. Перев. Лыткина. Астрах. Губ. Вѣдом. №№ 43—50. 1859 г. и №№ 11—13, 1860 г.

***) Эрдэнійн эрихэ гл. 33, листъ 46-й.

вало у монголовъ еще въ доисторическую или, если только можно такъ выразиться, до чингисовскую эпоху. Поколѣнія эти считались родственными между собою и конечно въ этомъ значеніи могли называться «ойрат», что значитъ буквально даже не «союзникъ», какъ у насъ обыкновенно переводятъ это слово, а вообще «близкій». Дорчжи Банзаровъ говоритъ, что до Чингиса «Ойраты составляли обыкновенный монгольскій *Иль*, или *Орду*, а не союзъ племенъ» *); но на это мы имѣемъ замѣтить, что сверхъ вышеупомянутаго преданія Санангъ Сэцэнъ, упоминая впервые объ Ойратахъ въ своей исторіи, не называетъ ихъ отдѣльнымъ поколѣніемъ, а пересчитывая четыре поколѣнія, подводитъ ихъ подъ названіе «Ойратскихъ» **); ясно, что Ойратъ есть единое нарицательное для нѣсколькихъ отдѣльныхъ поколѣній. Правда, что первымъ изъ перечисленныхъ четырехъ ойратскихъ родовъ у него является «ӱгэлэ̀т», но замѣчательно, что это поколѣніе затѣмъ не упоминается рѣшительно нигдѣ во всей его исторіи, тогда какъ всѣ другія выступаютъ въ разныхъ мѣстахъ ея подъ тѣмъ же прозваніемъ ойратскихъ (Багатудъ стр. 152; Хойтъ стр. 208; Кэргудъ стр. 142). Мусульманскіе писатели во все не знаютъ объ имени Ӧлӧтъ или ӱгэлэ̀тъ во времена Чингисъ хана; имъ извѣстно только Ойратъ или Уйратъ ***), о которомъ на основаніи сообщаемыхъ ими свѣдѣній трудно сказать было ли оно нарицательнымъ для нѣсколькихъ поколѣній, или собственнымъ именемъ для одного. Съ своей стороны я болѣе склоненъ думать, что оно является у нихъ какъ нарицательное; потому что ни у одного изъ мусульманскихъ историковъ, не встрѣчается именъ выше указанныхъ частныхъ поколѣній, входившихъ въ составъ Ойратовъ, хотя Ойраты фигурируютъ у всѣхъ ихъ: понятная вещь, что всѣ эти частныя поколѣнія были извѣстны мусульманамъ подъ однимъ своимъ общимъ именемъ. Что ка-

*) Библіот. Восточ. Ист., Т. I. «Объ Ойратахъ и Уйгурахъ», стр. 24.

**) Geschichte der Ost-Mongolen, s. 57.

***) Baron Desmaison. — Histoire des Mongols par Aboul-ghasi, T. II, p. 46; Библіот. Восточн. Истор., т. I. стр. 45; Сборникъ лѣтописей—Березина, стр. 126.

сается китайскихъ историковъ, то у нихъ *Валатэ*, или *Элютэ* являются въ болѣе позднюю эпоху, уже въ концѣ XIV и въ началѣ XV вв., т. е. тогда, когда составился союзъ чжунгарскихъ племенъ въ противодѣйствіе нападеніямъ монголовъ. О. Іакинѳъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, утверждаетъ, что имя Элютэ, получило свое начало со временъ Элютэя: «Князь Элютэй, говоритъ онъ, былъ на столько славенъ въ Монголіи, что по его имени и всему его поколѣнію дано названіе *Элютъ*» *). Но это свѣдѣніе уже положительно не выдерживаетъ ни какой критики. Элютэй есть исковерканное Китайцами имя монгольскаго князя Аруктая, который никогда не принадлежалъ къ Ойратамъ и былъ всегдашнимъ противникомъ ихъ усиленія; ergo давать по нему имя какому либо изъ ойратскихъ племенъ по меньшей мѣрѣ странно; допустить же чтобы собственное поколѣніе Аруктая измѣнило свое имя мы положительно не можемъ, ибо намъ достовѣрно извѣстно, что по своему происхожденію Аруктай принадлежалъ къ монгольскому поколѣнію Асодъ, которое сохраняло свое имя не измѣннымъ и послѣ Аруктая и является съ нимъ въ послѣдующей исторіи монголовъ **). Впрочемъ вліяніе Аруктая на имя Ölотовъ признается и монголами и именно они говорятъ, что Аруктай переиначилъ бывшее до сего времени слово «ӱлэгэ̀т», въ «ӱгэлэ̀т», т. е. собственно «ӧлӧ̀т» ***). Сущности нашего вопроса однако такое измѣненіе не коснулось ни сколько, и имя «ӱгэлэ̀т» осталось такимъ же общимъ для всѣхъ ойратскихъ племенъ до настоящаго времени, какимъ видѣли мы его и вначалѣ въ формѣ «ӱлэгэ̀тъ», т. е. оно очевидно признается фамильнымъ прозваніемъ чжунгарскихъ родовъ. Илэтхэль Шастра, изданная въ 44 г. правленія Цянь-Луна, перечисляя племена прежнихъ Ойратовъ говоритъ, что въ число ихъ входили: Хошӯтъ, Торгӯт, Цзӯн-гаръ и Хойтъ и всѣ они вмѣстѣ назывались Ölӧтами (цӯм

*) Историч. обозрѣніе Ойратовъ. 13.
**) Geschichte der Ost-Mongolen s. 144, 152, 168, 200.
***) Эрдэнійн эрихэ. Гл. 33. Листъ 46.

ӱгэлэ̀т хэмэ̀н нэрэйтчжӱхӱй) *). Начиная говорить такимъ образомъ о пѣсняхъ Ölötовъ, я буду приводить и разбирать по сему пѣсни помянутыхъ, такъ называемыхъ у насъ, чжунгарскихъ или калмыцкихъ племенъ совокупно.

Ölöты, какъ и Халхаскіе Монголы, въ настоящее время совершенно утратили свою самостоятельность и состоятъ подъ владычествомъ Китая, но это подчиненіе ихъ совершилось почти спустя сто лѣтъ послѣ подданства Халхи. Вематриваясь въ исторію Ölötовъ, нельзя не видѣть рѣзкаго почти до противуположности различія ихъ отъ Халхасовъ, хотя внѣшнія стороны и условія жизни были у нихъ, по видимому, совершенно одинаковыми. Какъ и всѣ монголы Ölöты всегда вели кочевой образъ жизни и были привязаны къ нему пожалуй даже не столько въ силу естественныхъ условій быта, сколько по своимъ убѣжденіямъ: «доставляетъ удовольствіе, говоритъ Белль, слушать, какъ горюютъ они о несчастіи тѣхъ людей, которые живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, и принуждены питаться своими трудами; по ихъ мнѣнію, — это составляетъ самую высшую степень рабства» **). Но будучи завзятыми кочевниками, Ölöты очевидно воспитывались и жили не такъ, какъ воспитывались и жили Халхасы и прежде всего они не были ни такъ беззаботны, ни такъ апатичны. Вся исторія Ölötовъ, начиная съ конца XIV в., полна извѣстіями объ ихъ воинственныхъ набѣгахъ на сосѣднія племена: подъ свою власть они не только подчиняли Халхасовъ, но простирали свои виды и на Китай, думая о новомъ возсозданіи владѣній и имени Юаньской имперіи. Слава и успѣхи ихъ въ самомъ дѣлѣ были такъ блестящи, что Эсэнь, какъ извѣстно, принявъ въ 1454 г. ханскій титулъ, уже оффиціально провозгласилъ себя Юаньскимъ императоромъ и въ бумагѣ, отправленной въ этомъ году Китайскому двору, называлъ себя «великимъ Ханомъ, Тяньшэнъ, великой династіи Юань», а годамъ своего правленія далъ

*) Цзарлик йер токтогахсан гадагаду монголъ ходонъ аймагудун ван гун гудун нлэтхэль шастиръ тетр. 81-я. Листъ 4-й.

**) Jean Bell d'Antermony. Voyage de Russie à Pékin. T. I, pag. 58.

прозваніе Тянь-юань. Со смертію Эсэня, по выраженію о. Іакинфа, Ölöты какъ бы усыпаютъ на цѣлые полтора вѣка, т. е. до начала XVII столѣтія, но мнѣ кажется, что въ дѣйствительности они во все не усыпали: ихъ дѣятельность не была только покрываема такою славою и не выражалась въ такихъ обширныхъ предпріятіяхъ какъ это было въ первой половинѣ XV в. Изъ сказаній Минь-ши (328 цзюань; Лѣ-чжуань — 216) оказывается, что Ölöты въ это время вели постоянные набѣги и битвы въ мѣстахъ притяньшанскихъ, доходя на востокъ до Хами; въ монгольскихъ же лѣтописяхъ хотя и въ весьма незначительной степени, но все же сохранились извѣстія о нападеніяхъ ихъ и на Халхасовъ. Все это если и не свидѣтельствуетъ намъ о могуществѣ Ölötовъ въ этотъ періодъ, то по крайней мѣрѣ ручается за то, что они и теперь не были совершенно бездѣятельны, а напротивъ носили въ себѣ ту-же бодрость, отвагу и жажду къ набѣгамъ. Политическое ничтожество ихъ обусловливалось вѣрнѣе всего отсутствіемъ даровитыхъ личностей предводителей; что же касается народа, то онъ очевидно оставался тѣмъ же могучимъ и дѣятельнымъ. Недальновидность князей могла быть совершенно достаточною причиною, чтобы силы Ölötовъ бездѣйствовали въ достиженіи своей собственной славы, но это не говоритъ еще о томъ, чтобы этихъ силъ не было вовсе, или же чтобы они уснули въ совершенномъ бездѣйствіи. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, ибо мы знаемъ, что Ölöты въ этотъ періодъ неоднократно являются то тамъ, то сямъ, въ видѣ наемныхъ войскъ, сражаются и одерживаютъ побѣды. Около 1490 г., по сказанію Минь-ши, въ то время, когда Турфаньцы овладѣли Хами, главный прокуроръ Сюй-цзинь подкупалъ два ölötскіе рода, чтобы они напоромъ своихъ войскъ удалили враговъ и Ölöты исполнили это дѣло; въ 1518 г. Бу-лю-ванъ разбиваетъ три Турфаньскихъ города, убиваетъ и захватываетъ въ плѣнъ до 10 тыс. человѣкъ; поздпѣе онъ, по требованію Китайцевъ, удаляется со своею ордою на СЗ *)

*) Минь-ши Цзюань. 328.

и конечно не безъ борьбы долженъ былъ онъ пріобрѣтать себѣ новыя кочевья. Еще дальше во второй половинѣ XVI в. сами монголы въ поэмѣ Убаши хунътайчжи выставляютъ общую характеристику ойратскихъ поколѣній въ слѣдующихъ словахъ: «четыре Ойрата подобно ежевымъ иглямъ и клыкамъ лютыхъ звѣрей, живутъ сомкнувшись въ четырехугольникъ», это обозначало, что Ойраты всегда дружно готовы были дать битву нападающимъ на нихъ непріятелямъ; частная же характеристика въ той же поэмѣ ойратскихъ владѣтелей можетъ быть для насъ только болѣе полнымъ разъясненіемъ мужества и предпріимчивости какъ этихъ владѣтелей такъ и всего ойратскаго народа *). Съ конца XVI в. у Олётовъ снова появляются вожди еще болѣе предпріимчивые и описаніе подвиговъ ихъ снова начинаетъ занимать собою всѣ страницы исторіи. Такимъ образомъ, разсматривая различныя сказанія объ Олётахъ, мы не можемъ непризнать какъ основную черту характера этого народа его наклонность къ подвижности, борьбѣ и упорному стремленію въ достиженіи своихъ цѣлей. Знаменитый изслѣдователь татарскихъ народностей Палласъ приписываетъ эти же самыя черты калмыкамъ и на основаніи только личнаго знакомства своего съ этимъ народомъ и наблюденій надъ его характеромъ, а потому и считаетъ его лучшимъ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ кочевниковъ. «Всѣ тѣ народы, говоритъ онъ, которые ведутъ безпечную кочевую жизнь, по природѣ склонны къ праздности, калмыки же по ихъ ревниво-дѣятельному духу въ самомъ дѣлѣ могутъ быть названы трудолюбивыми» **). Эта бодрость и подвижность, которую одинаково замѣтили у Олётовъ и другіе путешественники (Георги-Опис. нар. Ч. III Калм. стр. 9-я) составляетъ основную черту различія ихъ отъ Халхасовъ, а за симъ и конечно на основаніи ея сложилось и все другое, чѣмъ отличается жизнь Олётовъ отъ

*) Труды Археолог. Общ. Ч. 6-я, стр. 217. Голстунскій. — Убаши хун-тай чжи, стр. 3—4.

**) Pallas. Reise. T. I, 308.

халхаской. Князья ихъ, будучи такими же подвижными и дѣятельными личностями какъ и самый народъ, ими управляемый, естественно должны были приходить гораздо болѣе въ соприкосновеніе съ своими данниками, чѣмъ то можемъ предполагать мы у Халхасовъ: ведя по преимуществу лагерную, боевую жизнь, они невольно должны были сближаться съ народомъ, видѣть свою опору въ его силѣ, а это несомнѣнно побуждало ихъ и заботиться о народѣ и снискивать любовь его. Таковыми они были и дѣйствительно. Белль, сообщающій въ своемъ путешествіи небольшую замѣтку о Чжунгарахъ, выражаетъ отношенія князей ихъ къ своему народу въ такихъ словахъ: «Контайша чрезвычайно заботится о пользахъ своего народа и соблюдаетъ въ отношеніи его такое большое правосудіе, какъ будто бы люди эти были его собственными дѣтьми» *). Съ своей стороны и народъ не могъ быть равнодушенъ къ такимъ правителямъ: онъ былъ преданъ имъ, съ любовію восхвалялъ ихъ подвиги, нераздѣльные съ его собственной славой, хранилъ долго воспоминаніе объ этихъ князьяхъ, потому что дѣянія ихъ были черезъ чуръ важны, чтобы не подѣйствовать на впечатлительную душу Ölöта. Вотъ на чемъ зиждется эпосъ ölötскихъ поколѣній. Правда, онъ сохранился теперь мало, и, повидимому, гибнетъ годъ отъ года съ невыразимою быстротою, но на это опять таки есть свои причины, которыя мы укажемъ ниже, теперь же для насъ важенъ тотъ фактъ, что у Ölötовъ, больше чѣмъ у какихъ либо другихъ монгольскихъ племенъ было причинъ къ созданію своего эпоса, а обстоятельства долгое время держали народъ такъ, что онъ не могъ у него забываться. Къ числу такихъ обстоятельствъ мы прежде всего можемъ отнести сравнительно слабое развитіе у Ölötовъ буддизма. Появившись въ средѣ чжунгарскихъ поколѣній почти одновременно съ принятіемъ его и Халхасами, буддизмъ очевидно овладѣвалъ Ölötами далеко не съ такою быстротою и силой, какъ ихъ единоплеменными сосѣдями; обусловливалось

*) Jean Bell d'Antermony.—Voyage de Russie à Pékin. T. I. p. 59.

же это конечно какъ характеромъ народа и образомъ его жизни, такъ равно и отношеніемъ къ этой религіи самихъ князей. Недостаточность историческихъ свѣдѣній конечно препятствуетъ намъ выяснить себѣ эти отношенія со всею полнотою и ясностію; но мнѣ кажется, что ӧлӧтскіе князья далеко не такъ благоговѣли предъ буддизмомъ и раболѣпствовали предъ указаніями ламъ, какъ то видимъ мы у Халхасовъ. Въ біографіи Зая Пандиты разсказывается между прочимъ слѣдующее обстоятельство. Въ 1651 г. кӱкэнорскій Далай-хунъ-тайчжи, пригласивъ къ себѣ Зая Пандиту, говорилъ ему, чтобы онъ предложилъ хану ввести въ употребленіе составленную имъ письменность; «Ваша правда, отвѣчалъ Зая Пандита, но вѣдь ханъ очень гордъ; приду,—увижу» *). Это замѣчаніе по словамъ біографіи, ясно выражало недостаточность благоговѣнія въ ханѣ, мы же скажемъ, что какъ изъ этого факта, такъ и изъ другихъ историческихъ сказаній объ отношеніяхъ ӧлӧтскихъ князей къ буддизму явствуетъ, что князья эти, по видимому, заботились о вѣрѣ, сооружали кумиры и храмы, приносили жертвы ламамъ, но они не давали этимъ послѣднимъ такой поточки во вліяніи на народъ, какою пользовались проповѣдники будды въ Халхѣ и едва ли даже дозволяли имъ вмѣшиваться въ дѣла гражданскаго управленія. Отвѣтъ Зая Пандиты прямо показываетъ намъ, какъ понималъ этотъ лама отношенія къ нему хана и что Зая Пандита, не смотря на все то обаяніе и уваженіе, которое вселилъ онъ къ себѣ въ средѣ Чжунгаровъ, далеко не обо всемъ и не во всякое время могъ являться къ хану съ своими совѣтами. Результатомъ сравнительно слабаго развитія буддизма у Ӧлӧтовъ въ первое время, прежде всего было то, что они не проникались презрѣніемъ къ окружающему, не разочаровывались жизнью, а напротивъ любили ее, заботились о ея благахъ и хранили воспоминаніе о своихъ лучшихъ временахъ, а слѣдовательно и свои эпическія сказанія. Съ другой стороны этому послѣднему (т. е. храненію эпическихъ сказаній)

*) Біографія Зая Пандиты на Калмыц. языкѣ. Л. 26-й.

способствовалъ и самый политическій складъ ихъ жизни. Мы знаемъ, что всѣ знаменитѣйшіе князья Ölötовъ всегда преслѣдовали одну главную цѣль — объединенія ölötскихъ поколѣній; отсюда естественно вытекаетъ и то, что свои заботы они одинаково простирали не только на свой родовой улусъ, но и на всѣ поколенія Ölötовъ, а потому и слава ихъ жила не въ одномъ ихъ наслѣдственномъ хошўнѣ, а во всемъ ölötскомъ народѣ. Естественно, что въ сердцахъ ölötскаго народа, хотя отдѣльныя поколѣнія его и враждовали между собою постоянно, все таки не было такого раздѣленія какъ у Халхасовъ; — общеніе народа было здѣсь гораздо бо̀льшее, оттого Ölötъ, куда бы не перекочевалъ онъ изъ своего хошўна, вездѣ находилъ одно и тоже: вездѣ уваженіе и память объ однѣхъ и тѣхъ же славныхъ личностяхъ, вездѣ воспоминаніе объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ и въ той же самой формѣ. Это также способствовало какъ единодушію Ölötовъ, такъ равно и сохраненію ихъ эпическихъ сказаній. Изъ этого краткаго очерка не трудно видѣть какъ сильно разнились характеръ Ölötовъ и условія ихъ жизни отъ халхаскихъ, да впрочемъ даже не говоря о заключеніяхъ, которыя могутъ быть выведены изъ разсмотрѣнія всей исторіи, единственный фактъ подданства Ölötовъ и Халхасовъ Китаю служитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ. Если я сказалъ, что Халхасы въ послѣдніе годы своей de jure самостоятельной жизни не обнаруживали ничего кромѣ самоуниженія и какого то необъяснимаго тяготѣнія къ зависимости отъ другихъ, что имъ какъ бы хотѣлось подставлять свою шею подъ ярмо подчиненія, то объ Ölötахъ можно сказать, что они погибли единственно въ силу своего безразсуднаго честолюбія, стремленія къ власти и жажды свободы. Халхасы совершенно упали духомъ и какъ бы успули для дѣятельности болѣе чѣмъ за полвѣка до подчиненія Китаю, у Ölötовъ напротивъ эта неугомонная жажда свободы, движенія и дѣятельности постоянно обнаруживалась и послѣ подданства Китаю, что видно изъ разновременныхъ переходовъ ихъ въ Сибирь, перекочевокъ къ Уралу и берегамъ Волги. Само собою

разумѣется, что такой народъ долженъ былъ создать поэзію совершенно отличную отъ поэзіи Халхаскихъ Монголовъ и онъ дѣйствительно создалъ ее. Мы видѣли, что Халхасы, всею душею предавшіеся буддизму, воспѣвали его почти въ каждомъ изъ произведеній своего народнаго творчества; душа Ölötовъ полна была жаждою брани, славы и роскоши и проявленіе этихъ стимуловъ ихъ жизни и дѣятельности проглядываетъ точно также въ ихъ исторіи, какъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Халхасы, обезсиленные и разоренные войнами Галдана, возвратившись на родину, воспѣваютъ будду, а въ докладѣ къ императору просятъ у него средствъ для возстановленія храмовъ*); ölötскій Батуръ хунъ-тайчжи, потерявъ значительную часть Торгоутовъ съ уходомъ Хо-ўрлўка въ Сибирь и принятіемъ имъ русскаго подданства, требуетъ отъ Русскихъ подарковъ въ видѣ двухъ плотниковъ, двухъ ружейныхъ мастеровъ, непроницаемаго панцыря, винтовки, шумихи, видѣекъ, свиней и постельныхъ собачекъ**). Въ этихъ различныхъ требованіяхъ выражаются различные характеры и самыхъ народностей и въ тоже время ярко обрисовываются желанія ölötскаго князя: ему нужно было славы и онъ проситъ себѣ такихъ предметовъ, которые въ самомъ дѣлѣ могли быть названы роскошью въ жизни кочевника и полудикаго полководца. Поэма Чжангаръ служитъ лучшимъ выраженіемъ духа Ölötовъ: походъ и веселая пирушка, — вотъ идеалъ Ölötовъ въ періодъ ихъ самостоятельности. Подданство Китаю несомнѣнно имѣло вліяніе на весь строй ихъ духа: прежняя бодрость и самоувѣренность должны были значительно упасть, но они не погибли еще совершенно и до нынѣ. У современныхъ Ölötовъ еще по временамъ слышатся надежды на возвращеніе свободы, хотя можно почти положительно сказать, что всѣ различныя ölötскія поколѣнія вообще годъ отъ года дѣлаются

*) Эрдэнійн эрихэ. Изд. II. Гл. 42. Л. 63-й.

**) Фишеръ. Сибирская исторія, стр. 454. — Іакинфъ. Историч. Обозр. Ойратовъ, стр. 49.

больше и больше похожими на своихъ соплеменниковъ—Халхасовъ, а слѣдовательно и годъ отъ года теряютъ шансы на эту свободу. Сынъ неба давно уже принялъ обычную свою мѣру къ смиренію буйной натуры этихъ кочевниковъ буддизмомъ и истощеніемъ ихъ матеріальныхъ средствъ: онъ построилъ имъ на свой счетъ нѣсколько обширныхъ монастырей, и, выставляя это зло какъ примѣръ своей заботливости и милостивыхъ благодѣяній, ежегодно собираетъ теперь съ народа дань по два и по три раза. Такимъ образомъ бѣднѣя годъ отъ года и истощаясь больше и больше, Ölöты начинаютъ чувствовать себя неспособными осуществить свое благо на землѣ, а потому невольно переходятъ къ мечтамъ о блаженствѣ на небѣ. Ихъ разсказы и преданія въ настоящее время уже полусмѣшались съ буддійскими бреднями: въ пѣснях, сказаніяхъ и легендахъ о чжунгарскихъ богатыряхъ такъ и замѣтно наслоеніе новыхъ буддійскихъ понятій и эти послѣднія болѣе и болѣе развиваются и занимаютъ мѣста, оставляя въ сторонѣ жизненную часть этихъ сказаній. Легенда о возсозданіи чжунгарскаго царства, слышанная мною у Волжскихъ Калмыковъ, по которой предводителемъ возставшихъ Ölötовъ весьма естественно является *потомокъ* Амурсаны, ѣздящій на бѣломъ конѣ (хотя какъ всякій легендарный герой онъ и обладаетъ необыкновенною способностью выѣхавъ отъ Иртыша, полдневать въ Тюмени, а на ночлегъ пріѣзжать въ Пекинъ), у Улāнъ-комскихъ Хойтовъ была разсказана мнѣ совершенно въ другой формѣ. По ней, освобожденіе Чжунгаръ совершается уже самимъ Амурсаною, который, еще живя въ Чжунгаріи, принялъ посвященіе отъ халхаскаго Хўхэнъ-хутухтў, а потому пріобрѣлъ «шасунāй шúддп» (т. е. талисманъ безсмертія) и живетъ теперь въ Россіи. Такимъ образомъ въ хойтскую легенду вкрался буддійскій элементъ и привноситъ съ собою въ обыкновенный, баснословный, народный разсказъ ученіе о необычайности свойствъ, даруемыхъ буддизмомъ его послѣдователямъ. Такъ въ настоящее время кажутся мнѣ постепенно угасающими силы Ölötовъ и весьма вѣроятно, что они переживаютъ теперь именно тотъ періодъ духовнаго состоя-

нія, который переживали Халхасы назадъ тому сотню, или сотни полторы лѣтъ. Ölöты доселѣ еще сохранили у себя пѣсни эпическаго характера съ воспоминаніями о своихъ старыхъ временахъ и герояхъ, но эти пѣсни теперь уже мало встрѣчаютъ себѣ сочувствія въ ихъ душѣ и очевидно не заставляютъ биться ихъ сердце такъ, какъ билось оно при ихъ звукахъ прежде. Престарѣлый Дöрбöтъ, пѣвшій мнѣ пѣсню о Шидаръ-ванѣ, разсказывалъ, что въ пору своей юности онъ видѣлъ слезы, катившіяся изъ глазъ стариковъ при пѣніи этой пѣсни; самъ же онъ гораздо больше сочувствовалъ воспѣванію «десяти добродѣтелей и пятьнадцати благъ». Наконецъ уже въ Петербургѣ я получилъ возможность произвести сравненіе записанной мною пѣсни о Галдамѣ съ пѣснями о той же личности, записанными Г. Лыткинымъ въ 1860 г. у Волжскихъ Калмыковъ. Оказывается, что переданная мнѣ пѣсня составляетъ частные отрывки изъ трехъ пѣсенъ, записанныхъ Лыткинымъ: по мѣстамъ она представляетъ новыя строфы, мѣстами же значительно сокращена противъ редакціи пѣсенъ Лыткина; все это прежде всего свидѣтельствуетъ о томъ, что въ старину каждая изъ этихъ пѣсенъ порознь представляла собою отдѣльное цѣлое; а за тѣмъ убѣждаетъ въ томъ, что Ölöты уже охладѣли къ своему эпосу и скоро забудутъ его точно также, какъ забыли свой Халхасы.

Изъ числа записанныхъ мною у Ölötовъ эпическихъ пѣсенъ, пѣсня о Галдамѣ едва ли не самая древнѣйшая по происхожденію, по крайней мѣрѣ Галдама является старѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ личностей, до которыхъ относятся эти пѣсни. Галдама не былъ княземъ — правителемъ улуса, оттого біографію его было бы безполезно искать въ исторіи ölötскихъ владѣтельныхъ нойоновъ. Илэтхэль Шастра изданія Цянь-луна, подробно перечисляющая роды ölötскихъ князей, упоминаетъ только, что Галдама былъ сыномъ хошоутовскаго Цэцэнъ-хана, родившимся отъ старшей супруги его, бывшей дочерью чжунгарскаго Бāтуръ-хунъ-тайчжія *);

*) Цзарлик йэр тохтогахсан монгол ходонъ аймагун ванъ гунгудун илэтхэль шастир.

кромѣ сего мы не имѣемъ отъ Китайцевъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о Галдамѣ и если находимъ указанія на его дѣятельность, то единственно въ ӧлӧтской біографіи Зая Пандиты. Сказанія эти правда весьма не многочисленны и кратки, но и изъ нихъ можно выводить, что Галдама былъ далеко не дюжинною личностію. Первое изъ этихъ сказаній записанное подъ 1652 годомъ повѣствуетъ, что «зимою этого года Цэцэнъ ханъ (т. е. отецъ Галдамы) пришелъ (въ свои кочевья), подчинивъ Бурутовъ, и что въ этомъ походѣ Галдама, имѣя 17-ть лѣтъ отъ роду, закололъ Янъгиръ-хана *). Такимъ образомъ мы узнаемъ, что Галдама родился въ 1635 году, уже 17-ти лѣтъ ходилъ въ походы и прославилъ себя молодецкимъ дѣломъ. Изъ послѣдующихъ за симъ сказаній можно выводить, что Галдама былъ не только храбрымъ воиномъ, но и хорошимъ администраторомъ, ибо, не смотря на то что онъ былъ *младшимъ* сыномъ Цэцэнъ-хана, на немъ лежало все управленіе улусомъ въ отсутствіе отца. Такъ подъ 1656-мъ годомъ о Галдамѣ разсказывается, что онъ изъ урочища Кӧкӧ-усӯн-харà-талà пріѣзжалъ вмѣстѣ съ Сономъ Сотай'емъ къ Дайчину (торгоутовскому) въ Аблай-китъ. Тамъ, въ Аблаевомъ-китѣ, они устроили большой пиръ для Зая Пандиты и торгоутовскій Дайчинъ, пригласивъ къ себѣ Кӯрē, возвратился; Галдама также, *выставляя въ причину, что его улусъ остался безъ правителя*, скоро уѣхалъ **). Лѣтомъ 1657 года Галдама является уже не только правителемъ своего улуса, но и совѣтникомъ всей Чжунгаріи. Въ этомъ 1657 году въ Чжунгаріи произошли смуты, и она раздѣлилась на двѣ партіи—восточную и западную; восточную поддерживалъ Аблай, западную — Цэцэнъ-ханъ. Галдама и Аблай прибыли съ своими войсками на р. Эмпэль и здѣсь умиротворили возмутившихся ***). Лыткинъ, на основаніи бывшихъ въ рукахъ его «ска-

*) Біографія Зая Пандиты на Калмыц. языкѣ. (По списку, полученному мною изъ библіотеки проф. К. Ѳ. Голстунскаго). Л. 27-й.

**) Біографія Зая Пандиты на Калмыцкомъ языкѣ. Л. 30-й.

***) Тамъ же. Л. 31-й.

заній объ Ойратахъ» Эмчи Габанъ Шараба говоритъ, что это возмущеніе было слѣдствіемъ неправильнаго раздѣла земель Батуръ хунъ-тайчжіемъ, по которому этотъ князь раздѣлилъ пополамъ свои владѣнія и одну половину отдалъ своему любимому сыну Сэнькэ, а вторую предоставилъ остальнымъ восьми своимъ сыновьямъ *). Въ началѣ 1-й луны 1658 г. бухарскій воевода Абаду шўкўръ съ 38000 войскомъ прибылъ на р. Таласу. Галдама кочевалъ отдѣльно на границѣ (ойратскихъ земель) и лично собравъ 3000 войска, произвелъ быстрое нападеніе на Бухарцевъ въ урочищѣ Хуланъ-чжилтинъ, преслѣдовалъ ихъ до ущелья Кёкъ и убилъ Абаду шўкўра. Вмѣстѣ съ симъ онъ взялъ въ плѣнъ Шакъ-хозо, который во главѣ 300 богатырей стоялъ отдѣльнымъ лагеремъ и отсталъ отъ Абаду шўкўра. Этимъ 300 воиновъ Галдама далъ на двухъ по одной лошади и отправилъ ихъ въ Цаганъ балгасу (?) **). 1661 годъ замѣчателенъ былъ для Ойратовъ войною Цэцэнъ хана и Аблай хана: ханы эти враждовали между собою постоянно, но походъ 1661 года былъ почти рѣшителенъ для Аблая: онъ потерпѣлъ тогда полное пораженіе и на совѣтѣ чжунгарскихъ князей ему не только не хотѣли возвращать власти надъ кочевьями, но даже порѣшили было казнить его, или же изгнать изъ ойратскихъ предѣловъ. Галдама, всегда бывшій противъ этихъ войнъ отца съ Аблаемъ, и на этомъ совѣтѣ высказался за Аблая. Мнѣніе его было принято и Аблаю была возвращена его власть. Это обстоятельство яснѣе другихъ указываетъ, какъ значительно было слово Галдамы на совѣтѣ Ойратовъ. Другихъ какихъ либо случаевъ изъ общественной дѣятельности Галдамы біографія Зая Пандиты не представляетъ и въ послѣдній разъ упоминаетъ о немъ подъ 1664-мъ годомъ, разсказывая, что Галдама вмѣстѣ съ своею матерью Пунцукъ-Ролма пріѣзжалъ въ этомъ году на поклоненіе къ вновь воздвигнутому Зая Пандитою бурхану Майдари, а оттуда заѣзжалъ въ

*) Астрахан. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

**) Біографія Зая Пандиты. Л. 31-й.

гости къ Цо̄кöръ-Убаши *). Лыткинъ, записавшій преданія о Галдамѣ, говоритъ, что «къ Галдамѣ собирались сыновья зайсанговъ и защищали его своимъ мечемъ и грудью, дорожа дружбою и одобреніемъ молодаго и храбраго своего нойона Галдамы и наградою матери его, раздававшей куртки и ружья тѣмъ, которые чѣмъ либо отличались». По тѣмъ же преданіямъ Галдама скончался въ 1667 г., будучи отравленъ своею мачихою Удэ-Агасъ **). Пѣсня, записанная мною, составляетъ похвалу Галдамѣ, причемъ въ содержаніе ея вошло главнымъ образомъ картинное описаніе свойствъ его какъ богатыря, съ самымъ незначительнымъ указаніемъ на дѣйствительныя его заслуги.

усун-нӣ экин-дӯ хонъхолзӯр ни соплго́йтой,
улусу̀й чинӣ дунду́ ни га́лдама минӣ любчилэ̄тэй,
эркӣн тӧрӧсо̄н га́лдама ба̄тура̄!

гупахàн зэ̄рдэ̄гн чӧдо̄ртӧнӣ дасхасàн,
гурбу̀н ойрады́йгн дайсу̀ндунӣ дасхасàн,
эркӣн тӧрӧсо̄н га́лдама минӣ!

дӧпӧко̄н шарга́йгн чӧдо̄ртӧнӣ дасхасàн
дӧрбо̄н ойрады́йгн дайсу́ндунӣ дасхахсàн
эркӣн тӧрӧсо̄н га́лдама минӣ!

са̄дактàй сумӯ́йгн сакшӯлса̄р мордодо̀к,
сайдӯ́ды́ин кӧбо̄гн дахӯлса̄р мордодо̀к,
эркӣн тӧрӧсо̄н га́лдама минӣ!

бильтатàй урумы́йгн баргю́лса̄р мордодо̀к,
бэйӗлэ̄ цэригӯ́дэн дахӯлса̄р мордодо̀к,
эркӣн тӧрӧсо̄н га́лдама минӣ!

такинэ̄н чимэгэ́йгн тасартала̀ харбудàк,
тахайя̄тай кӯмӯ̄гн шубтухàн харбудàк,
эркӣн тӧрӧсо̄н га́лдама минӣ!

хулунàй чимэгэ́йгн хугуртала̀ харбудàк,
хунктàй кӯмӯ̄гн шубтухàн харбудàк,
эркӣн тӧрӧсо̄н га́лдама минӣ!

---

*) Біографія Зая Пандиты. Л. 36, 37, 53-й.
**) Астрах. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

хабшисàн бӯранàн сойӧлой адалӣ гáлдама,
хальдисàн дайсунӣ тӯрӯбчи гáлдама,
эркӣн төрӧсӧн гáлдама минӣ!

илэкэ̀н газарыйн цакилгàн гáлдама,
итэльгэ̀ шӱбӯнàй шӯрэлгэ̀н гáлдама,
эркӣн төрӧсӧн гáлдама минӣ!

бӱтӱкэ̀н газарыйн цакилгàн гáлдама
бӱргӱт шӱбӯнàй шӯрэлгэ̀н гáлдама
эркӣн төрӧсӧн гáлдама минӣ!

хадатàй газарыйн цакилгàн гáлдама
харцагà шубӯнàй шӯрэлгэ̀н гáлдама
эркӣн төрӧсӧн гáлдама минӣ!

цагахàн гацзарыйн цакилгàн гáлдама,
цакцагàй шӱбӯпàй шӯрэлгэ̀н гáлдама,
эркӣн төрӧсӧн гáлдама минӣ!

актáйнāн олонгыйш харгюлсāр мордодӧк
амарагыин сáйни дахӯлсāр мордодӧк
эркӣн төрӧсӧн гáлдама минӣ!

бӯра-ни ӱкӱдэ̀к
ботогӧр босходӧк
босхомчжӣ ӱгà гáлдама минӣ!

хас кӱнъгэ̀й нутӱ̀к чинӣ
эзэ̀н ӱгà дӱнъгэ̀чжи харакданàй
хасà̀к бурӯт хойӧр чинӣ
Ѣльдэ̀нъ-дэ̄н отбӧ
эркӣн төрӧсӧн гáлдама минӣ!

Переводъ.

При истокахъ воды на выстойкѣ его Хонхолцзӯръ,
Среди твоего народа въ доспѣхахъ мой Галдама,
Благородный Галдама богатырь!

Пріучившій къ путамъ трех-лѣтняго рыжку,
Пріучившій къ врагамъ трехъ Ойратовъ,
Благородный Галдама мой!

Пріучившій къ путамъ четырех-лѣтняго соловко,
Пріучившій къ врагамъ четырехъ Ойратовъ,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, потрясая стрѣлами въ колчанѣ,
Уѣзжающій, въ сопутствіи княжескихъ сыновей,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, потряхивая ружьемъ съ фитильнымъ замкомъ,
Уѣзжающій, заставивъ слѣдовать за собою свои войска,
Благородный Галдама мой!

Стрѣляющій (такъ, что) раздробляется берцовая кость дикой лошади,
Прострѣливающій насквозь вооруженнаго человѣка,
Благородный Галдама мой!

Стрѣляющій (такъ, что) раздробляется берцовая кость кулана,
Прострѣливающій человѣка, одѣтаго въ панцырь,
Благородный Галдама мой!

Галдама — подобный клыкамъ кусливаго верблюда,
Галдама — собиратель головъ быстро нападающихъ враговъ,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія открытой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе кречета,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія закрытаго пространства,
Галдама — быстрое нападеніе беркута,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія скалистой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе ястреба,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія открытой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе двух-годовалаго орла,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, побрякивая подпругами своего мерена,
Уѣзжающій въ сопутствіи благородныхъ изъ друзей,
Благородный Галдама мой!

Умираетъ самецъ верблюдъ
Верблюженкомъ возстановляютъ потомство,
Невозстановимый мой Галдама!

Родное кочевье твое Хасъ-кӯнъгэй
Безъ правителя возбужденнымъ кажется,
Киргизы и Буруты твои
Ушли къ Ѣльдэну,
Благородный Галдама мой!

Въ такомъ видѣ передана была мнѣ Улапъ-ком'скими Дёрбётами пѣсня о Галдамѣ. Сличая ее съ пѣснями, записанными Лыткинымъ у Астраханскихъ Калмыковъ *), я окончательно убѣдился въ томъ, что переданное мнѣ составляетъ сколокъ изъ нѣсколькихъ пѣсенъ, хотя на эту мысль наводила меня и прежде предпослѣдняя строфа, не вяжущаяся съ предыдущими ни по заключающемуся въ ней смыслу, ни по сопровождающему ее припѣву. Изъ пѣсенъ, записанныхъ Лыткинымъ, вторая по порядку его расположенія составляетъ несомнѣнно отрывокъ представленной мною, но она заключаетъ въ себѣ только первыя четыре строфы и при томъ значительно измѣнена по своей редакціи, что несомнѣнно произошло уже въ позднѣйшее время, при употребленіи. Послѣдняя строфа пѣсни, представляемой мною, какъ оказалось, составляетъ начальный стихъ изъ большой пѣсни, которую народное преданіе влагаетъ въ уста Цэцэнъ-хана, оплакивающаго смерть своего сына. Всѣ эти измѣненія и опущенія какъ нельзя больше свидѣтельствуютъ о томъ, что Олёты забываютъ свой эпосъ и что въ настоящее время онъ можетъ быть находимъ у нихъ только въ видѣ перепутанныхъ, неполныхъ и разрозненныхъ частей когда то бывшаго цѣлаго. Въ представленной пѣснѣ эту перепутанность и неполноту не трудно замѣтить и на основаніи расположенія строфъ: такъ, уже характеръ самой пѣсни свидѣтельствуетъ, что 13-я строфа ея стоитъ не на своемъ мѣстѣ, и что она должна бы собственно послѣдовать за 4-ю, а появилась здѣсь единственно потому, что въ это время ее припомнилъ пѣвецъ, забывъ, можетъ быть, и еще что. Послѣдняя строфа ясно составлена изъ двухъ различныхъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ правильное четверостишіе, что не согласно съ общимъ размѣромъ пѣсни, составленной изъ двустишныхъ строфъ. Наконецъ послѣдній стихъ очевидно не вяжется съ предыдущимъ двустишіемъ и приставленъ къ нему совершенно насильственно.

Вторая пѣсня, которую хочу я представить какъ примѣръ

---

*) Астрахан. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

эпическихъ пѣсенъ Ölötовъ, стоила мнѣ значительныхъ трудовъ для опредѣленія личности, къ которой она относится; — это пѣсня о Шадаръ цзянь-цзюнѣ. Впослѣдствіи, когда личность была опредѣлена, собрать свѣдѣнія о ея жизни и дѣятельности было уже значительно легче: оказалось, что для сего имѣются источники даже и на русскомъ языкѣ, хотя я и не нашелъ возможности пользоваться ими серіозно. Изъ сличенія сказаній о Шадаръ-ванѣ на русскомъ и монгольскомъ языкахъ, оказывается, что въ прозваніи «Шадаръ цзянь-цзюня» нѣтъ собственнаго имени, и что это, какъ можно было предполагать и по самому характеру словъ, только званіе личности, подъ которымъ несомнѣнно извѣстна она была въ народѣ («шадаръ» значитъ собственно «приближенный», а отсюда вошло въ языкъ какъ терминъ званія «придворнаго вельможи»; цзянь-цзюнь, китайское слово — воспачальникъ). Въ лѣтописи Эрдэнійн эрихэ подъ 21-мъ годомъ правленія Цянь-луна находимъ записаннымъ слѣдующее обстоятельство: «зимою этого года былъ схваченъ возмутившійся Шадаръ-ванъ Цэнгунь чжабъ, прозванный хотохойтскимъ» *). Лѣтописецъ замѣчаетъ далѣе, что «Хотохойтъ» было личнымъ прозваніемъ Шадаръ-вана, приводя даже причину, по которой утвердилось за нимъ это имя; но какъ самое замѣчаніе лѣтописца, такъ основаніе, выставляемое имъ, кажутся намъ черезъ чуръ натянутымъ толкованіемъ имени, которое автору хотѣлось истолковать, но которое не могъ онъ объяснить удовлетворительно по незнанію исторіи. Хотохойтъ было названіемъ поколѣнія народа **), раздѣленнаго Маньчжурами на пять хо-

*) Эрдэнійн эрихэ. Гл. 44. Л. 104.

**) Мнѣ кажется, что Хотохойты были однимъ изъ Ölötскихъ поколѣній и принадлежали къ древнему союзу Ойратовъ. Страна, которую занимали они, — долина къ востоку отъ озера Убса до береговъ Селенги и Орхона. Эту самую мѣстность О. Іоакинфъ опредѣляетъ до кочевья народа «Хой-хоръ», подъ которымъ разумѣетъ онъ Уйгуровъ. Объяснить однако появленіе здѣсь Уйгуровъ, обитавшихъ у Тянь-шаня, довольно трудно, и потому «Хой-хоръ» о. Іоакинфа вѣрнѣе означаетъ Хотохойтовъ. Мы видѣли уже, что Сананъ Сэцэнъ въ числѣ поколѣній перваго ойратскаго союза упоминаетъ поколѣніе

шўновъ; Цэнгунь чжабъ же былъ правителемъ этихъ хошўновъ по должности, и родственникомъ Цзасакту хана по происхожденію. Въ отличіе отъ прочихъ Цзасакту хановцевъ, управлявшихъ Халхасами, онъ, вѣроятно, и былъ названъ—«Хотохойтскимъ». Будучи родственникомъ Цзасакту хана, Цэнгунь чжабъ естественно по происхожденію принадлежалъ къ фамиліи Борчжигитъ, общей для всѣхъ халхаскихъ правителей. Управленіе надъ Хотохойтами онъ наслѣдовалъ отъ отца своего Банди, сына знаменитаго Бубэй бэйлэ, прославившагося въ періодъ войнъ Маньчжуровъ противъ Цэванъ-рабтана, а также и во время возмущеній Урлухаевъ (1716—1729); Бубэй этотъ былъ пріемышемъ Гендуна перваго изъ халхаскихъ поповъ, утвержденнаго правителемъ Хотохойтовъ. Такимъ образомъ Цэнгунь чжабъ былъ четвертымъ правителемъ Хотохойтовъ изъ Халхасовъ. Получивъ отъ китайскаго императора вмѣстѣ съ чиномъ бэйлэ управленіе надъ Хотохойтами въ 1738 году, Цэнгунь чжабъ былъ вскорѣ же назначенъ на видный постъ помощника цзянь-цзюня въ своемъ аймакѣ и съ этого времени можно считать начало его кипучей дѣятельности, представляемой въ китайскихъ исторіяхъ, то исполненною измѣны и коварства, то восхваляемою за успѣхи и покрываемою славой. Получивъ должность помощника цзянь-цзюня, Цэнгунь чжабъ, казалось, на первыхъ же порахъ не оправдалъ выбора Китайцевъ, будучи замѣченъ въ нерадѣніи и небрежности по исполненію своихъ обязанностей. Уже въ 1744 г., послѣ смотра войскъ, при чемъ обнаружена была неисправность въ вооруженіи отрядовъ, Цэнгунь чжабъ получилъ отъ императора строгій выговоръ, а въ 1752 году онъ былъ удаленъ отъ должности помощника цзянь-цзюня и изъ чина — бэйлэ понижепъ въ гуны; какъ причины этой немилости было выставлено то, что онъ распустилъ народъ, завелъ на караулахъ торговлю и наконецъ не выдавалъ ламу Чжамцана, котораго требовало отъ него китай-

---

Хойтъ; въ Алтанъ тобчи несомнѣнно тоже самое поколѣніе встрѣчается уже съ именемъ Хойхатъ, что конечно одно и тоже съ именемъ Хой-хоръ. (Алт. Тоб., стр. 160).

ское правительство. Впрочемъ званіе бэйлэ было возвращено Цэнгунь чжабу въ слѣдующемъ же году за усмиреніе Урянхаевъ при Кунъгэѣ, а когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ окончательно разбилъ и представилъ Китайцамъ урянхайскаго цзайсана Фун-луня, Цянь-лунь пожаловалъ Цэнгунь чжабу даже высшій чинъ — цзюнь вана и снова назначилъ помощникомъ цзянь-цзюня въ аймакѣ. Въ 1754 году Цэнгунь чжабъ отличился въ битвахъ противъ Даваци и въ этомъ же году былъ сдѣланъ верховнымъ правителемъ урянхайскихъ хошўновъ. Въ періодъ этихъ войнъ съ Даваци Цэнгунь чжабъ впервые сошелся съ Амурсаною и, когда цзянь цзюнемъ Баньди былъ сдѣланъ докладъ въ Пекинъ, что Амурсана готовитъ возмущеніе, Цэнгунь чжабъ извѣстилъ объ этомъ послѣдняго, что и способствовало къ скорѣйшему открытію смутъ Амурсаны. Этотъ поступокъ вѣроломнаго цзянь-цзюня почти всегда былъ выставляемъ китайскимъ правительствомъ въ числѣ первыхъ обвинительныхъ противъ него пунктовъ, хотя главнѣйшею виною его Китайцы несомнѣнно считали возмущеніе Халхасовъ въ 1756 г., выразившееся въ снятіи карауловъ и почтовыхъ станковъ. Въ самомъ дѣлѣ, только узнавъ объ этомъ послѣднемъ злоумышленіи Цэнгунь чжаба, императоръ приказалъ схватить его, при чемъ не были уважены даже ходатайства и заступничество за него ургинскаго хутухты. Не оспоримо, что во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ Цэнгунь чжабомъ руководила одна честолюбивая мысль сбросить съ себя иго Китайцевъ и сдѣлаться самостоятельнымъ владѣтелемъ: съ этою цѣлью онъ заводилъ связи съ князьями, въ которыхъ надѣялся найти себѣ помощниковъ и стараясь казаться другомъ народа, подущалъ народъ не платить податей Китаю. По всей вѣроятности ему и удалось привязать къ себѣ нѣсколько своихъ данниковъ, потому что, когда китайскій дворъ объявилъ Цэнгунь чжаба мятежникомъ, за него возстали поколѣнія большихъ и малыхъ Хото-хойтовъ, Мингатовъ, Харючиновъ, Тусовъ и Шичжипутовъ, къ нимъ присоединились потомъ 16 поколѣній Урянхайцевъ. Впрочемъ, когда стало извѣстно, что противъ Цэнгунь чжаба выслано большое войско,

послѣдовавшіе за Цэнгунь чжабомъ роды оставили его и онъ одинъ съ своею семьею бѣжалъ къ Чискиту (Шишкиту?) откуда намѣревался бѣжать въ Россію. Не успѣвъ однако переступить русскую границу, Цэнгунь чжабъ былъ схваченъ въ мѣстности Ханга Чжанхакъ, отвезенъ въ Пекинъ и казненъ тамъ 22-го числа 1-й весенней луны 1758 года *). Такова подлинная исторія Цэнгунь чжаба, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Шадаръ-вана, или Шадаръ цзянь-цзюня. Въ пѣснѣ, составленной про него народомъ, по обычаю, нѣтъ почти никакихъ указаній на его дѣятельность: вся она состоитъ изъ воспѣванія въ общихъ словахъ его мужества и храбрости; но въ этомъ воспѣваніи нельзя не видѣть народной любви къ своему герою, нельзя не слышать голоса сердца, сочувствующаго идеѣ, которую проводилъ Цэнгунь чжабъ и дѣйствіямъ, которыми хотѣлъ онъ достигнуть ея исполненія. Вотъ эта пѣсня:

тэрэ̀ ӯлаин орӧ̀й ду̀
мандасàн чигӥ̀ парà-лà
тэрэ̀ бӯгӯдэ́йги тэрӣолэсэ̀н
шадàръ чжанчжӥ̀нъ кӧ̄рӧкӧ̂й.

гунàн зӣрдэ морійгāн унусàн чигӥ̀ болӧ̄сой
гурбӯ̀н тӱ́мэ̀н цэригӯ́дѣн дахӯлсàн чигӥ̀ болӧ̄сой
дӧнӧ̂н зӣрдэ морійгàн унусàн чигӥ̀ болӧ̄сой
дӧрбӧ̂н тӱ́мэ̀н цэригӯ́дѣн дахӯлсàн чигӥ̀ болӧ̄сой.

гáриди шубӯнàй зулзагà ни
чжибэрыйгэ̄н гӯйцэчжӥ̀ писэнэ̀
гакцāрāн тэрюлэ̄т мордосò̀н
шадàр чжанчжӥ̀нъ кӧ̄рӧкӧ̂й.

бӯргӯ́т шубӯнàй зулзагà ни
чжибэрыйгэ̄н гӯйцэчжӥ̀ писэнэ̀
бӯгӯдэ́йги тэрюлэ̄т мордосò̀н
шадàр чжанчжӥ̀нъ кӧ̄рӧкӧ̂й.

---

*) Эрдэнійн эрихэ. Гл. 44. Л. 105-й. — Ванъ, гунг'уд'ун иэтхэль шастиръ. Т. 61. Л. 12-й.

элѣ шубӯнàй зулзагà ни
чжибэрыйгэ̄н гӱйцэчжѝ писэнэ̀
ӧбӧрӧ̄н тэрюлэ̄т мордосòн
шадàр чжанчжѝн кӧ̄рӧкӧ̂й.

харцагà шубӯнàй зулзагà ни
чжибэрыйгэ̄н гӱйцэчжѝ нисэнэ̀
хамугѝ тэрюлэ̄т мордосòн
шадàр чжанчжѝн кӧ̄рӧкӧ̂й.

замы́ин тӧсу гаранàй
запдàн шарга́йн тӧсӯн-лà
зада́ин ӱ̄лэн гаранàй,
залӯ чжанчжингы́йн ишкирэгэ̀н

хāлгàин тӧсӯн гаранàй
харà борòйн тӧсӯн лà
харà ӱ̄лэн гаранàй,
кӧ̄рӧкӧ̂й чжанчжингы́йн ишкирэгэ̀н

хуйгы́йн тӧсӯн гаранàй
хурдӯн шарга́ин тӧсӯн-лà
хура́йн ӱ̄лэн гарапàй,
хобитàй чжанчжингы́ин ишкирэгэ̀н.

кӧдӧ̄дӧнѝ тӧсӯп гаранàй
кӧкӧ̂ боро́пн тӧсӯп-лà
кӧбкӧ̂р ӱ̄лэн гаранàй,
кӧ̄рӧкӧ̂й чжанчжингы́йн ишкирэгэ̀н.

арудӱнѝ тӧсӯн гаранàй
арадàк шарга́ин тӧсӯн-лà
аратàй ӱ̄лэн гаранàй
аргатàй чжанчжингы́йн ишкирэгэ̀н.

бӱ̄гэ̄т мордосòн газàр-ни
бӱсӱтэ́йш табӯн ӯла-лà
бӱсӱлэт мордосòн цэрѝк-ни
гурбӯн тӱмэ̀н цэрѝк-лэ̀.

ӱ̄лэн ӧпъгӧтэ̀й кӧкӧ̂-ни
бэ̄чжингы́йн хотодӯ соилго́йтой
ӱ̀йлэн дэ̄н дашӯра̄т мордосòн
шадàр чжанчжѝнъ кӧ̄рӧкӧ̂й.

Переводъ.

На вершинѣ той горы
Взошло вѣдь солнце,
Всѣхъ ихъ предводительствовавшій,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

О, сядь же на свою трехлѣтнюю, рыжую лошадь,
О, заставь же слѣдовать за собою тридцать тысячь своего войска,
О, сядь же на свою четырехлѣтнюю, рыжую лошадь,
О, заставь же слѣдовать за собою сорокъ тысячь своего войска!

Дѣтеныш птицы гариди
Летаетъ, возрастивши крылья,
Отправившійся предводительствовать въ одиночествѣ,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтеныш птицы беркута
Летаетъ, возрастивши крылья,
Отправившійся предводительствовать всѣхъ,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтеныш птицы коршуна
Летаетъ, возрастивши крылья,
Отправившійся предводительствовать своими,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтеныш птицы ястреба
Летаетъ, возрастивши крылья,
Отправившійся предводительствовать всѣми,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

Поднимается дорожная пыль,
То пыль желто соловой лошади;
Поднимается дождливое облако,
То свистъ молодаго цзянь-цзюня.

Поднимается дорожная пыль,
То пыль черно сѣрой лошади;
Поднимается черное облако (= туча),
То свистъ милостиваго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль вихря,
То пыль быстраго соловко;
Поднимается дождливое облако,
То свистъ счастливаго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль въ степи,
То пыль сине сѣрой лошади;
Поднимается пушистое облако,
То свистъ болѣзнаго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль на сѣверной сторонѣ,
То пыль неука соловко;
Поднимается полосатое облако,
То свистъ хитраго цзянь-цзюня.

Мѣстность, въ которую отправился онъ укрываться,
Пять горъ опоясанныхъ;
Войско, которое отправилось осаждать (его),
Войско тридцати тысячное.

Голубая (лошадь), масти облака
На выстойкѣ въ городѣ Пекинѣ;
Отправившійся, страстно предавшись своимъ дѣламъ,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь.

Изъ разсмотрѣнія этой пѣсни оказывается, что въ памяти народной сохранилось въ нѣкоторыхъ подробностяхъ только одно обстоятельство изъ жизни Цэнгунь чжаба — это его погибель и при томъ въ такихъ подробностяхъ, которыя не дастъ намъ ни одинъ изъ китайскихъ и монгольскихъ историческихъ памятниковъ: здѣсь указываются точно мѣста, въ которыхъ укрывался Цэнгунь чжабъ отъ преслѣдованія китайскихъ войскъ, — это Бӱсӱтэйнъ табунъ ӱла, — въ письменности Китайцевъ «Ву тологой». Это послѣднее названіе вѣроятно имѣли въ виду сообщить гг. Бутины, заимствовавшіе свой разсказъ о Цэнгунь чжабѣ несомнѣнно изъ устъ народа, но передававшіе его безъ малѣйшаго знанія исторіи Китая, на что указываетъ ихъ заключеніе о времени возмущеній Цэнгунь чжаба: «событіе это совершилось въ началѣ настоящаго столѣтія, въ послѣдніе годы царствованія

Канси (??)*). Собраніе болѣе подробныхъ народныхъ свѣдѣній о Цэнгунь чжабѣ можно находить въ статьѣ Шишмарева о Дархатахъ**), хотя въ собственно научномъ отношеніи она отличается тѣми же качествами, какъ и сказаніе Бутиныхъ.

Вообще эпическія пѣсни Ölötовъ почти не заключаютъ въ себѣ описаній историческихъ событій; говоря же о своихъ герояхъ они не обрисовываютъ ихъ дѣятельности, а только окружаютъ ихъ такими неопредѣленными и общими чертами богатырей, которыя одинаково приписываются у всѣхъ народовъ какъ миѳическимъ, такъ и дѣйствительно существовавшимъ историческимъ личностямъ. Оттого въ эпическихъ пѣсняхъ Ölötовъ чрезвычайно трудно пріуроченіе пѣсни къ извѣстному лицу, особливо вслѣдствіе недостаточности свѣдѣній по исторіи Ölötовъ вообще. Такимъ образомъ въ томъ же хошўнѣ Улāнъ ком'скихъ Дörбötовъ мною записана была пѣсня о Шуну-бāтурѣ; пѣсня чрезвычайно распространенная въ народѣ и тѣмъ не менѣе дѣятельность Шуну, время его жизни, мѣстожительство и даже принадлежность тому или другому роду не только для насъ, но и въ самомъ народѣ положительно не извѣстны, характеръ же пѣсни не даетъ ничего, кромѣ обширнаго поля для всякаго рода предположеній.

ханъгàй хāш шúль-дў̀
наранàй гэрэ̀л тусупàй
хапртàй ламáйн дэргэдэ̀
гэгэ́нэй шабинàр цугларанàй.
далбалзасàп боротòй
далāп цокимò залāтай
дагинāп хубилгàп шуну̀-ни
дацàнъ дāп ўлў̀ мöргöдо̄к.
эрбэльзэсэ̀н боротòй
э̄мыйгэ̄п цокимò залāтай

*) Историч. очеркъ сношеній Русскихъ съ Китаемъ. Иркутскъ. 1871 г., стр. 68.

**) Изв. Сиб. отд. Географ. Общ. Т. II, № 3.

эрбэгэ̀р бичиха̀н шунӯ-ни
эзэ̀н-дэ̄н ӱлӯ̈ золгодо̀к бӣ.

галӯни шильбӣ ганзата̀й
гашӯп кӧкӧ̆ тамакита̀й
галдама́йн хубилга̀н шунӯ-ни
ганчжӯрта̄н ӱлӯ̈ мӧргӧдӧ̆к.

хопи́йн шильбӣ ганзата̀й
хурца̀ кӧкӧ̆ тамакита̀й
хормуста́йн хубилга̀н шунӯ-ни
хуру̀л-да̄н ӱлӯ̈ мӧргӧдӧ̆к.

цэ́ни шильбӣ ганзата̀й
цэ́ль кӧкӧ̆ тамакита̀й
цэригы́йн нойдо̀н шунӯ-ни
цэцэ̀н-дэ̄н ӱлӯ̈ золгодо̀к бӣ.

тэмэцэшӣ ӱга̀ газары́йги
шуну́йн зэ̄рдэ тэмэцэнэ̀й
таташӣ ӱга̀ нумӯ̀йги
шунӯ гакца̄ра̄н татапа̀й.

дабашӣ ӱга̀ даба̄йги
шуну́йн зэ̄рдэ дабада̀к
дарушӣ ӱга̀ дайсуны́йги
шунӯ гакца̄ра̄ дарупа̀й.

кэрэшӣ ӱга̀ кэдэрэ́йги
шупу́йн зэ̄рдэ кэдэрэпэ̀
кэлэшӣ ӱга̀ дайсуны́йги
шунӯ гакца̄ра̄ дарупа̀й.

шургушӣ ӱга̀ бутӯ́йги
шунуин зэ̄рдэ шургупа̀й
шургушӣ ӱга̀ дайсуны́йги
шунӯ гакца̄ра̄н дарупа̀й.

Переводъ.

На пригорокъ Хангай хана
Падаетъ солнечный лучь;
Окрестъ милостиваго ламы
Собираются ученики гэгэна.

Имѣющій плавно покачивающагося на бѣгу сивку,
Съ кистью на шапкѣ, которая (длинна до того, что)
ударяетъ лопатку,
Воплощеніе Дакини Шуну
Не кланяется въ своемъ дацанѣ.

Имѣющій озирающагося по сторонамъ сивку,
Съ кистью на шапкѣ, которая (длинна до того, что) ударяетъ ключицу,
Ехидный маленькій Шуну
Не видается съ своимъ повелителемъ.

Имѣющій трубку изъ гуспной голени,
Имѣющій горькій, зеленый табакъ,
Воплощеніе Галдамы — Шуну
Не кланяется своему ганчжуру.

Имѣющій трубку изъ овечьей голени,
Имѣющій крѣпкій, зеленый табакъ,
Воплощеніе Хормусты — Шуну
Не кланяется въ своемъ богослуженіи.

Имѣющій трубку изъ лебединой голени,
Имѣющій совершенно зеленый табакъ,
Военачальникъ Шуну
Не видается съ своими мудрыми.

Въ мѣстности, невозможныя къ ѣздѣ,
Шунуевъ рыжка направляется,
Не натягиваемые луки
Шуну одинъ натягиваетъ.

Непроходимые перевалы
Шунуевъ рыжка переваливаетъ,
Не поборимыхъ враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Непроходимыя тропинки
Шунуевъ рыжка проходитъ,
Несказанныхъ враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Среди непролазныхъ кустовъ
Шунуевъ рыжка проскользаетъ,
Стоящихъ стѣнами враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Сказанія о Шуну, повидимому, распространены въ настоящее время у всѣхъ племенъ, населявшихъ древнюю Чжунгарію, Радловъ находилъ ихъ какъ у Алтайскихъ Теленгутовъ такъ и Киргизовъ. По Теленгутской легендѣ Шуну является по происхожденію принадлежащимъ къ Ойратамъ, но къ какому имено изъ ойратскихъ племенъ неизвѣстно. Содержаніе легенды слѣдующее: «Былъ ойратскій князь Конгодой. У него было двѣ жены; отъ первой жены родился одинъ сынъ Шўню. Когда эта жена умерла, Конгодой женился на второй, отъ которой родилось у него три сына: Амиръ-сана, Тамиръ-сана и Галданъ-Цэрю. Младшіе братья возненавидѣли Шўню, наклеветали на него передъ отцемъ и Конгодой, напоивъ своего старшаго сына пьянымъ, столкнулъ его въ яму, глубиною въ 60 саженей. Черезъ нѣсколько времени пришли къ Конгодою три человѣка съ желѣзными луками и сказали ему: «кто выстрѣлитъ изъ этихъ луковъ, тому мы станемъ платить дань; а если Конгодой не можетъ стрѣлять, пусть онъ платитъ намъ дань». Три сына Конгодоя не могли даже и поднять этихъ луковъ, они испугались и сказали: «надо взяться за Шўню!» Поѣхали за Шўню, вытащили его изъ ямы и, подкрѣпивъ его силы виномъ и кобыльимъ мясомъ, заставили его стрѣлять. Шўню всадилъ множество стрѣлъ изъ своего лука въ желѣзный порогъ отца, потомъ вспросилъ себѣ принесенные луки и, натянувъ ихъ всѣ сразу, выстрѣлилъ и сказалъ: «берите прочь эту дрянь и убирайтесь вонъ!» Тогда тѣ три человѣка ушли и стали платить дань. Не смотря на такую помощь, которую Шўню оказалъ своей семьѣ и народу, братья по прежнему ненавидѣли его и хотѣли было отравить его; но, благодаря предостереженіямъ, Шўню избѣжалъ смерти; впрочемъ этотъ новый заговоръ имѣлъ такое сильное вліяніе на Шўню, что онъ уже не возвращался домой, а перекочевалъ со всѣмъ своимъ юртомъ *къ дядѣ своему Аюкѣ*. Послѣдній имѣлъ у себя дочь, которую выдалъ замужъ за Шўню. Когда Аюка сталъ старъ, онъ сказалъ Шўню: «прими мой народъ, я сталъ уже очень старъ и не могу управлять какъ слѣдуетъ». Шўню принялъ правленіе

надъ народомъ, но подданные его говорили: «этотъ Шўню негодный человѣкъ и не можетъ быть нашимъ главою». Шўню, услыхавъ это, бѣжалъ въ Русскую землю и поселился въ этой странѣ *). Такова Телеутская легенда о Шуну. Къ ней мы можемъ пріурочить только два стиха изъ нашей пѣсни: «не натягиваемые луки Шуну одинъ натягиваетъ», и «непоборимыхъ враговъ Шуну одинъ побѣждаетъ». Впрочемъ этотъ второй стихъ болѣе выясняется въ сказаніяхъ Киргизской легенды **). Нахожденіе пѣсни у племенъ древнихъ Ойратовъ конечно можетъ свидѣтельствовать до нѣкоторой степени, что Шуну дѣйствительно принадлежалъ къ ойратскимъ поколѣніямъ; но ни о личности ойратскаго князя Конгодоя, ни о Шуну мы не находимъ рѣшительно ни какихъ положительныхъ свѣдѣній. Что это за Аюка, женившій Шуну на своей дочери и потомъ уступившій ему свои владѣнія, все это вопросы на которые трудно отвѣтить; вѣрно только то, что это не тотъ Аюка, исторію котораго повѣствуютъ намъ какъ ойратскіе, такъ и русскіе памятники; о переходахъ какого либо князя съ именемъ Шуну въ русское подданство намъ также ничего не извѣстно. Считать за тѣмъ Шуну за монголо-ойратскую личность препятствуетъ намъ и самый характеръ пѣсни, потому что въ немъ не трудно замѣтить скорѣе укоризну, униженіе, презрѣніе къ герою, чѣмъ похвалу ему. Восхваляя подвиги Шуну, пѣсня прямо выставляетъ его дурныя стороны: онъ не кланяется въ своемъ дацанѣ, не видается съ своимъ повелителемъ, не кланяется ганчжуру, не молится при богослуженіи, не видается съ мудрыми. Ясное дѣло, что народъ признаетъ его измѣнникомъ своимъ обычаямъ, а такимъ не можетъ считать онъ своего роднаго героя, въ тоже время восхваляя его какъ непобѣдимаго богатыря. И такъ намъ кажется, что Шуну едва ли принадлежитъ къ монголо-ойратамъ, а скорѣе какая либо миѳическая личность, память о которой сохранилась у всѣхъ древ-

*) Radloff. Proben der Volkslitteratur der turkischen Stämme Süd Sibiriens, T. I, 206—207.

**) Ibid. T. III, 367.

не-чжунгарскихъ племенъ и сказанія о которой приняли у каждаго изъ нихъ свой народный оттѣнокъ. Представляемая нами пѣсня о Шуну составляетъ, повидимому, одну изъ послѣднихъ редакцій, когда къ Ölötамъ уже привился буддизмъ и когда они, подобно Халхасамъ, начали считать главнѣйшею укоризною для человѣка — измѣну буддійскимъ религіознымъ обрядамъ и напротивъ высшую похвалу для всего земнаго привыкли выражать связью этого земнаго съ буддою. Этотъ характеръ значительно проникъ уже въ пѣсни Ölötовъ и теперь на многіе чисто житейскіе предметы смотрятъ они какъ на произведеніе неба, привнося сюда по преимуществу понятія о буддійскомъ небѣ, заимствованныя изъ легендъ и сказокъ. Такимъ образомъ на пирахъ въ настоящее время Ölöты восхваляютъ свои музыкальные инструменты въ слѣдующей пѣснѣ:

хутуктӯ ламанàр нойòт-бà
хурусàн бӯгӯдэ̄н ӧмӧнӧ̄сӧ
гурбӯн хӯры́ин аплгапа̄са
наиры́ин эгэшѝк баринàй.

бишига́рмайн урулусàн
бирю̄ дагѝнiйн барисàн
билигы́ин хӯр намàй гэчжѝ
бишáнза гэчжѝ нэрэ̄днэ̀.

зӯдàй модо̄р урулусàн
зӯтэ̀й йонгоро̄р чибхудаласàн
зӯтэ̀й прӯ намàй гэчжѝ
ятагà гэчжѝ нэрэ̄дэнэ̀.

асаралтӯ монголы́йн урулусàн
актáiн килгасā̄р чибхудаласàн
аплгӯ сайтàй намàй гэчжѝ
йэкэлѝ гэчжѝ нэрэ̄днэ̀.

кӯмӯ́н йэкэтэ́йн урулусàн
кӯкшѝн йэкэлѝ намàй
гiйчѝн кӯнъкӯнэтэлэ̀ хӯрдахӯ́йн цак-тӯ
кӯмӯ́н бӯгӯдэ̄р гайхунàй.

хàн эзэды́ин цӯлгàн-ду
хабутàй сурусàн ухāнāрāн

ханъгинатала̀ дэлэскӯйн цактӯ
хамӯк бӯгӯдэ̄р гайхунàй.

дэ̄дӯ тэнгрíин ороп-дӯ
минъгàн чибхудасутàй ябулàй
энэ̀ монголы́ин ороп-дӯ
арбàн хойòр чибхудасутàй килцэнэ̀.

буинтàй монголы́ин орон-дӯ
бурхàн номы́ин дэргэдэ̀
бишѝ кэбтэ̀й бáйсан надà
ӯдӯльбэ̀р гэчжѝ-гомдòл-ӯгà-ла.

Переводъ.

Предъ хутуктами, ламами и нойонами,
Предъ всѣми собравшимися
Отъ звуковъ трехъ инструментовъ
Припошу я пѣсню пира.

Меня, котораго сдѣлалъ Бишу-гарма,
Котораго держала Бирю̄ дагини,
Вѣщій инструментъ —
Называютъ бишанцза.

Меня, который сдѣланъ изъ дерева зӯдай (?),
У котораго натянуты струны изъ шумливаго шелка,
Громко-звучнаго, —
Называютъ ятага.

Меня, котораго сдѣлали милостивые монголы,
У котораго натянуты струны изъ конскаго волоса,
Извѣстнаго своимъ благозвучіемъ,
Называютъ — йэкэли.

Когда на мнѣ, которую дѣлало множество людей,
Старушкѣ йэкэли
Гости играютъ съ шумомъ,
Всѣ люди удивляются.

Когда въ собраніи хановъ и князей
Съ полнымъ и опытнымъ умѣньемъ
Звучно ударяютъ по струнамъ
Всѣ удивляются.

Въ царствѣ высокаго неба
Была я тысяче-струнною,
Въ этой монгольской странѣ
Меня дѣлаютъ о двѣнадцати струнахъ.

Въ странѣ добродѣтельныхъ монголовъ
Я, имѣвшая другой видъ
Передъ буддою и священнымъ ученіемъ,
Не тревожусь, почитая (это пребываніе) успокоеніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія конечно, что личное исповѣданіе буддизма Ölötами, особливо въ послѣднее время, имѣло вліяніе на болѣе религіозное настроеніе ихъ умовъ вообще; но я приписываю особенное значеніе въ этомъ случаѣ вліянію на ölötскую націю Халхасовъ, потому что изъ разсмотрѣнія народной литературы Ölötовъ оказывается, что всѣ народныя пѣсни, носящія на себѣ религіозный, буддійскій оттѣнокъ, или ясно представляются заимствованными Ölötами изъ Халхи, или же восхваляютъ Халхасовъ, рисуютъ ихъ религіозный бытъ, ставятъ ихъ въ образецъ, однимъ словомъ непремѣнно упомшаютъ о нихъ.

шапъга́йп öндо́р ӯла-ду̀
шара̀ ула̄п цэцэ̀к ни
шара̀йн шачжи̇̀н мандаса̀н
мана̀й лама̀йн шабипа̀р.

худургу̀н-да̄п зокиса̀н
хула̀ галза̀п лӯса ни̇̀
хубилга̀н-да̄п зокпраса̀н
мана̀й лама̀йн шабипа̀р.

шикширгэ̀н-дэ̄н зокиса̀н
шинъгэ̀н дэльтэ̀й цабида̀р ни
ширѣду̀ни̇̀ зокпраса̀п
мана̀й лама̀йн шабипа̀р.

кӧмӧльдӧргэ̀н-дэ̄п зокиса̀н
кӧко̀ галза̀ш лӯса ни
кӧдӧргэ̀н-дэ̄п зокпраса̀н
мапа̀й лама̀йн шабипа̀р.

бсор-тāн зокисāн
утӯ цагāн өргӧ̄-ни
оркомчжӣ-дāн зокирасāн
манāй ламāйн шабинāр.

дундӯ йэкэ̀ духа́нь-ду
ду́нъ бӯрӣгэ̄н татанāй
дөрбӧ̄н хошӯн халхà ни
эргӣюль мөргӧ̄ль тальбинāй.

хө́йту захāйн өргӧ̄-дӯ
хонъхò дамарāн дэльдэнэ̀
хорӣн хошӯн халхà ни
эргӣюль мөргӧ̄ль тальбинāй.

өндӧ̄р йэкэ̀ сӯмэ̀-дӯ
өдөры́йн табу́н хурултāй
өглигӧ̄йн эзэ̀т нойоды́йн
өльмӧ̄ шабдāн батудбāй.

Переводъ

На высокой горѣ Шангайнъ
Желтые и красные цвѣточки;
Распространившіе желтую вѣру
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своихъ пахвей
Саврасый мулъ съ лысиной;
Пристойны для своихъ перерожденій
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своихъ привѣсокъ
Рѣдкогривый игренька;
Пристойны для своей каѳедры
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своего поперсья
Голубой мулъ съ лысиной;
Пристойны для своей мантіи
Ученики нашего ламы.

Ловка для своего пояса
Длинная, бѣлая юрта;
Пристойны для своего оркимчжи
Ученики нашего ламы.

Въ среднемъ большомъ храмѣ
(Ламы) трублтъ въ свои раковины;
Четыре хошуна Халхасовъ
Исполняютъ хожденія вокругъ и поклоненія.

Въ юртѣ (находящейся у) сѣвернаго края
(Ламы) ударяютъ въ свои колокольчикъ и дамару;
Двадцать халхаскихъ хошуновъ
Исполняютъ хожденія вокругъ и поклоненія.

Въ высокомъ большомъ храмѣ
Имѣется пять служеній въ день;
Утвердились стопы
Милостыпедателей и князей.

Въ характерѣ пѣсни очевидно сочувствіе буддизму, но дѣйствующими лицами являются здѣсь не сами Ölöты, а извѣстные своею преданностію религіи — Халхасы. Пѣсенъ, посвященныхъ изображенію исполненія какихъ либо религіозныхъ обрядовъ, таинствъ и церемоній одними только Ölötами, повидимому, не имѣется вовсе, равно какъ чужды Ölötамъ и пѣсни, толкующія объ отвлеченныхъ религіозныхъ истинахъ; составленіе такихъ пѣсенъ, кажется, даже и не въ характерѣ Ölötовъ: поэтому то если такого рода пѣсни и слышатся иногда изъ устъ Ölöta, то всегда не трудно бываетъ замѣтить, что онѣ привнесены въ жизнь Ölötовъ Халхасами. Лучшимъ указаніемъ сего служитъ конечно самый языкъ этихъ пѣсенъ, всегда сохраняющій въ себѣ оттѣнки халхаскаго нарѣчія, а за симъ къ этому же выводу о заимствованіи религіозныхъ пѣсенъ изъ Халхи необходимо должно привести насъ и наблюденіе надъ самою жизнію Ölötовъ. Въ самомъ дѣлѣ буддизмъ еще и до сего времени развился у Ölötовъ чрезвычайно слабо: доселѣ они не имѣютъ у себя ни настоящихъ гэгэновъ, ни хутухтъ; въ монастыряхъ ихъ нѣтъ не только цанитскихъ школъ, а даже и вовсе нѣтъ ламскихъ училищъ, — изученіемъ догматики буддизма они не занимаются вовсе, да пожалуй не ищутъ даже и объясненій обрядовой стороны своей религіи; естественно посему, что въ пѣсняхъ Ölötовъ трудно

искать отвлеченностей догматическаго ученія, равно какъ и въ самыхъ Ölötахъ сочувствія къ подобнаго рода пѣснямъ халхаскимъ. Вотъ почему Ölöты даже заимствуя пѣсни у Халхасовъ выбираютъ не тѣ изъ нихъ, которыя толкуютъ о догматическихъ отвлеченностяхъ, а напротивъ тѣ, въ которыхъ видна жизнь, въ которыхъ больше земнаго и матеріальнаго, чѣмъ духовнаго и отвлеченнаго, въ которыхъ наконецъ прекрасное является очевиднымъ, а не гадательнымъ и фантастичнымъ. Такимъ образомъ у Ölötовъ представляются весьма распространенными хвалебныя пѣсни въ честь халхаскихъ городовъ, монастырей, храмовъ, однимъ словомъ хвалебныя пѣсни въ честь предметовъ, поражающихъ душу всякаго кочевника. Какъ новое доказательство реальнаго направленія духа Ölötовъ замѣчательно за симъ то, что хвала монастырей и храмовъ въ ölötскихъ пѣсняхъ преслѣдуетъ только внѣшнюю, видимую сторону этихъ предметовъ; духовное же значеніе и святыня ихъ, которыя по преимуществу приковываютъ къ себѣ вниманіе Халхасовъ, у Ölötовъ не вызываютъ почти совершенно никакого сочувствія. Лучшимъ образцомъ этого я могу указать пѣсню, составленную въ честь Урги. Пѣсня эта появилась по первоначалу несомнѣнно въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Ургѣ и можетъ быть даже въ самомъ этомъ городѣ; но странно, что я не только не слыхалъ ее въ самой Ургѣ, а даже въ аймакѣ Тѣшѣту хана и едва въ первый разъ могъ записать въ Улясутаѣ; у Ölötовъ напротивъ эта пѣсня такъ распространена, что ее знаетъ почти каждый малютка. Все это конечно обусловливается сочувствіемъ народа къ предмету пѣсни и къ характеру ея изложенія, а слѣдовательно дѣлается очевиднымъ, что то, что нравится Халхасамъ, пользуется полнымъ сочувствіемъ у Ölötовъ. Вотъ эта пѣсня въ ölötской редакціи:

öндӧр богдо́-йн аруду̀
эргѝн тӧлайн кӧбӧдӳ̀
сэрюн сэльмэ̀н дэпчжидӳ̀
манàй богдо́йн кӳрѣ ни

кӱрӗни хорӣн долӧн аймӑк нӣ
кӱрӗлэчжӣ аймаглӑт
хотӧ мӑндал шинчжитэ̀й
эрӗльзэчжӣ тунуглӑт
хотӧ бӱгӱдэ̄сэ майматӑй
хошӯ бӱгӱдэ̄сэ чжисӑтай
дотӧду эзэнэ̄сэ амбаньтӑй
халхӑ монъгӧл чжӑнъчжиньтӑй
байгулусӑн духӑнъ ни
батӯ сумбӱр шинъчжитэ̀й
басӑ олӧн хуварӑк
далӑй ламӑса лунъданътӑй
дай пӣн хӑнӑса тамагатӑй
далӑй цэцэ̀н шанзотбӑтай
цэбэ̀р гольшӣк сӧйбунътӑй
цэцэ̀н сӑйхан донир тӑй
цагы́йги ӱзэкчӣ зурхайчитӑй
цӑзайги шӱкӯ сайдӯт-тӑй
идэ̀р лӱйн дӱтӑй
экэ́йн дӧрбӧ̄н унъзат-тӑй
тӧйн тормӧ́йт лама-тӑй
дошкисӑн шумну́йги даручжӣ
дӧротӯ мапы́йги ӧрӧшӧ̄.

Переводъ.

На сѣверной сторонѣ высокой Богдо,
На берегу бурливой Толы,
(Стоящій) въ прохладной и чистой атмосферѣ
Монастырь нашего святителя.
Монастырскихъ двадцать семь аймаковъ
Расположилось (въ немъ) отдѣлами кругомъ,
Онъ имѣетъ видъ хото мандала,
Свѣтится пестрѣя.
Въ немъ торговля изо всѣхъ городовъ,
Въ немъ очереди (служебныя) изо всѣхъ хошуновъ,
Въ немъ амбань отъ срединнаго повелителя,
Въ немъ цзянь-цзюнь халхаскихъ монголовъ.
Основанные въ немъ храмы
Имѣютъ видъ непоколебимой (горы) Сумэръ,

А множество духовныхъ лицъ
Имѣютъ наставленія отъ Далай ламы.
Въ немъ печать отъ императора Дай-пинъ,
Въ немъ шанцзотба—море мудрости,
Въ немъ чистоплотные, опрятные сойбуны,
Въ немъ мудрые, хорошіе доширы,
Въ немъ астрономы, пзслѣдующіе время,
Въ немъ вельможи, судящіе о законахъ,
Въ немъ четыре главные унзата,
У которыхъ голосъ какъ у молодыхъ драконовъ;
Въ немъ ламы изъ князей и тайчжіевъ,
Подавивъ злаго демона,
Благословите недостойныхъ насъ!

Въ Халхѣ и именно въ Улясутаѣ пѣсня эта была записана мною въ слѣдующемъ видѣ:

ӱндӱ̀р богдо́йн аруду̀
ӱргӱ̀н то̄лайн хӱбӧдӱ̆
сэрю̄н цэльмэ̀н дэпчжитэ̀й
мана̀й богдо̀йн хӱ̄рѣ̄ бѝ.
хӱ̄рѣ̄нэй хорѝн доло̄н аймак ни́
эрѣ̄льцзэчжѝ харакдапа̀й
хото̀ ма́ндал шинчжитэ̀й
мэльтэльцзэчжѝ тунупа̀й
байгулусэ̀н дугу̀м ни
бату̀ сумэры́йн шинчжитэ̀й
баричжѝ тӱрӱ̆сэ̀н бэйѣ̄ ни
октургө̀й тулуму̀ туя̄тай
тӱмэ̀н хуварагы́йн ма́нцза ни
дала̀й мэтӱ̆ мэльмэлцзэ̄т
дала̀й цэцэ̀н шанцзоба́-тай
дархэ̀н нирба̀ олон-та̀й
дала̀й мэтӱ̆ сапъ-та̀й.
цэцэ̀н са́йхан унцзат-та̀й
цэбэрхэ̀н са́йхан лама-та̀й
идэ̀р лӯ-йн дӯта̀й
йэхэ́йн дӱрбӱ̀н гэскӱ̆й тэ̀й
идэр лӯ-йн дӯта̀й

хурулы́йн хойр бӱрӭчитэ̀й
барыы́н сӱ̀ль бариху̀
ба̄тур ула̄н ха̄лгачита̀й
хӯр бариху̀ ха̄нар-та̀й
хӯлийги мэдэху̀ сайдӯт-та̀й.
цагы́йги ӱ̈цзэху̀ цзурха́йчи-та̀й
ца̄цзайги бариху̀ са́йт-пар-та̀й
бѝр янъта̀й бариху̀
билигы́йн хурду̀н бичӭчи-тэ̀й
мӱргӱлы́йн йэха̀ асар-та̀й.
мӱнъхэ̀ бӱсӱ̀йн оро̀н:
дото̄дуйн оропо̄со ма́ймата̀й
ару̀ халха́йн цзянь-цзюнь та̀й
гу́рупп о́пу чжиса̄та̀й
дала̀н нигэ̀н дугумчитэ̀й
гурба̀н отогы́йн харӯл-та̀й
энэ̀ дӯйги дӯласа̀н
хорӣн цзурга̄н пасута̀й
лубса̀н-дондо̀к нэрэтэ̀й
эймихэ̀н дӯлаба̀й.

Переводъ.

На сѣверной сторонѣ высокой Богдо,
На берегу широкой Толы находится
Имѣющій прохладную и чистую атмосферу
Монастырь нашего святителя.
Монастырскихъ двадцать семь аймаковъ
Виднѣются пестрѣясь,
Они имѣютъ видъ хото мандала
И свѣтятся рябѣя.
Построенные въ немъ (монастырѣ) храмы
Имѣютъ видъ непоколебимой Сумэръ
Воздвигнутый составъ его
Бросаетъ лучи, достигающіе до небесъ;
Чай — трапеза 10 тысячъ ламъ его
Колышется какъ море.
Въ немъ Шанцзотба море мудрости,
Онъ славенъ множествомъ искустныхъ казначеевъ,

Въ немъ казначейство - - что море;
Въ немъ мудрый, прекрасный умзатъ,
Въ немъ чистоплотные, прекрасные ламы,
Въ немъ четыре великіе гэскуя,
Имѣющіе голосъ молодаго дракона;
Въ немъ два хурульные трубача,
Имѣющіе голосъ молодаго дракона;
Въ немъ богатырь, красный привратникъ,
Держащій барсовый хвостъ;
Въ немъ адъютанты, держащіе музыкальные инструменты;
Въ немъ вельможи, знающіе законы;
Въ немъ астрономы, изслѣдующіе время;
Въ немъ сановники, держащіе законы;
Въ немъ мудрые и скорые писцы,
Держащіе кисть и чернильницу;
Въ немъ громадные мезонины (храмовъ) для поклоненія,
Предметы міра тлѣннаго:
Въ немъ торговля изъ срединнаго царства,
Въ немъ цзянь-цзюнь сѣверной Халхи,
Въ немъ очереди изъ императорскихъ зятьевъ,
Въ немъ семьдесятъ одинъ сторожъ храма,
Въ немъ караулы отъ трехъ родовъ.
Пѣвшій эту пѣсню,
Двадцати шести лѣтній
Лубсанъ Дондокъ по имени
Этакъ-то прошѣлъ.

Разбирая обѣ редакціи этой пѣсни не трудно замѣтить, что халхаская редакція гораздо обширнѣе ӧлӧтской, но за то нельзя не замѣтить и того, что эта халхаская редакція значительно уступаетъ ӧлӧтской въ изящности отдѣлки и въ красотѣ изложенія всей пѣсни вообще, а равно стройности, законченности и цѣльности ея отдѣльныхъ періодовъ. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что Ӧлӧты больше интересуются пѣснею, чѣмъ Халхасы. Въ халхаской редакціи наконецъ мы замѣчаемъ странности и по самому смыслу: къ чему напримѣръ приписывается въ ней громозвучный голосъ безмолвствующимъ гэскуямъ и муд-

рость запѣваламъ-умзатамъ? Ясно, что аттрибуты этихъ двухъ званій перемѣшаны между собою, и отъ того въ общемъ строѣ рѣчи является несообразность, которую не допускаетъ у себя ölötская редакція, съ любовію заботившаяся какъ о внѣшней отдѣлкѣ, такъ и о самомъ содержаніи пѣсни. Халхасы наконецъ не утерпѣли чтобы не сдѣлать и въ этомъ простомъ, картинномъ описаніи особаго дѣленія для предметовъ тлѣннаго, матеріальнаго міра, причисляя сюда — торговлю, какъ заботу о мірскихъ интересахъ, олицетворяя идею о войнѣ въ лицѣ цзянь-цзюня и — высокаго положенія въ свѣтѣ въ лицѣ императорскаго зятя; но за симъ къ этому же отдѣлу указанія суетныхъ предметовъ тлѣннаго міра они примкнули и сторожей храма. Какимъ образомъ упоминаніе о нихъ занесено въ этотъ отдѣлъ сказать объ этомъ трудно что либо кромѣ того, что Халхасы, какъ не сочувствующіе этой пѣснѣ, не заботились объ ея стройной и логичной цѣльности; Ölötамъ напротивъ нравилось это полное, картинное изображеніе городской жизни и, хотя по началу они заимствовали его у Халхасовъ, но теперь передаютъ это заимствованіе лучше самихъ творцевъ оригинала.

Такимъ образомъ изъ сличеній и разбора этой пѣсни оказывается также самая наклонность Халхасовъ къ сужденіямъ и воспѣванію отвлеченности, какую видѣли мы и въ спеціальномъ изслѣдованіи халхаскихъ пѣсенъ; далѣе, какъ намъ кажется, представленная пѣсня свидѣтельствуетъ объ отличномъ направленіи духа Ölötовъ, а вмѣстѣ съ симъ проявленій его — народной литературы. Мы не хотимъ однако сказать этимъ того, чтобы у Ölötовъ вовсе не было религіозныхъ пѣсенъ. Пастиръ, какъ называютъ Ölöты эти пѣсни, не только существуютъ въ народѣ, но число ихъ можно сказать увеличивается годъ отъ году, по мѣрѣ того какъ буддизмъ болѣе и болѣе проникаетъ въ массу и обращаетъ простолюдиновъ въ ламъ, изучающихъ буддійскіе молитвенники и начинающихъ смотрѣть на все глазами религіи. Но Халхасы уже вполнѣ достигли этого: обыкновенная рѣчь Халхасовъ перемѣшивается съ текстами ихъ молитвъ, какъ

французскія выраженія въ русскомъ разговорѣ московской салонной барыни; оттого нѣтъ ничего удивительнаго, что изящныя произведенія народнаго творчества Халхасовъ не только постоянно трактуютъ о духовномъ, но и почти сплошь состоятъ изъ книжныхъ выраженій. Ölöты еще далеко не дошли до этого: религіозныя понятія даже въ средѣ ихъ ламства не отдѣлились еще отъ народныхъ суевѣрій; они мало знакомятся съ положительнымъ ученіемъ буддизма, отъ того и самые образы предметовъ духовнаго міра, которые рисуютъ они въ своихъ пѣсняхъ, не носятъ на себѣ черты, придаваемыя имъ религіозными номами, а облекаются въ тѣ формы, которыя придала имъ фантазія народа. Лучшимъ примѣромъ для сего мы представляемъ посящую на себѣ религіозный характеръ пѣсню Ханбо ламы монастыря дöрбöтскаго вана, личности, которая уже по своему положенію, казалось, должна быть высшею по своему богословскому образованію въ народѣ.

бурхапàй шачжѝн октóргòй
богдò тэндэ̄сэ нѝ öрошō̄тöгэ̀й,
буѝн кѝсэн кӱмӯ̄гн
бурхàн тэндэ̄сэнѝ уктунàй;
нӯ̄ль кѝсэн кӱмӯ̄гн
нӱцӱгӯ̀н шӱлмӯ̀с уктунàй,
кӱцӯ̀ йэкэ-тэ̀й арсалàн
кӱркӱрэ̄т тоглочжѝ нāданàй;
кӱмӱнэ̀й кӱсэл-нѝ ханъгакчѝ
ламà гурбӯ̀н эрдэнѝ;
очѝр вàни бурханы́йгн
орòй дэ̄рэ̄н шӱтӱ́йѣ̀;
олòн кѝсэн килинцэдѣ̄н
улӯ̀м хóйнō̄н гэмшíйѣ̀;
махагàла бурхашы́йгн
машъпàй дэ̄рэ̄н шӱтӱ́йѣ̀;
магàт кѝсэн килинцэдѣ̄н
мàшíйгāн умшичжѝ цзалбарíйѝ
зӯ̄н наймàн эрикэ́йгн
зӯ̄кэ̀н мотор-тàн татайѝ;

зургāн ӱзӱ̆к ма́нийгāн
зӱрӱ̆кэ̄н дунда̀ санайя̀;
ба́дма экитэ̀й кӱрдӱ̆йги
барӯн гартāп барийя̀
бардāт ирэкӱ̆ дайсуны́йги
бāтурхан яма́ндага-дāп дāдахуйя̀.

Переводъ.

Буддійской вѣрѣ небесный
Святитель да покровительствуетъ оттуда,
Добродѣтельнаго человѣка
Да встрѣтитъ божество оттуда.
Человѣка, дѣлавшаго грѣхи,
Да встрѣтитъ голый бѣсъ.
Левъ, славный своею большою силою,
Рыча и прыгая, играетъ;
Удовлетворяющія человѣческія пожеланія
Лама и три драгоцѣнности.
Будемъ надѣяться больше всего
На бурхана Очирваши;
Будемъ постепенно раскаяваться
Во множествѣ сдѣлашныхъ грѣховъ.
Будемъ преимущественно уповать
На бурхана Махагалу;
Будемъ молиться, читая мани,
О своихъ дѣйствительно сдѣланныхъ грѣхахъ.
Четки изъ ста восьми шариковъ
Будемъ перебирать въ своей лѣвой рукѣ;
О шести слогахъ мани
Будемъ помышлять въ сердцѣ.
Кӱрдэ съ маковкою бадмы
Будемъ держать въ правой рукѣ;
Быстро приходящаго врага
Заставимъ слѣдовать за богатыремъ Ямандагой.

Вотъ ёлётская религіозная пѣсня и развѣ же возможно сравненіе ея съ представленными нами такими же халхаскими, хотя бы то пѣснею о Дамдинъ дорликѣ, или составленною на пригла-

шеніе ургинскаго хутухты, или наконецъ нравственно-религіозною, приписываемою Мергэнъ ваповскому Галсанъ Цэрэну? Конечно нѣтъ; потому что какъ языкъ, такъ и содержаніе тѣхъ пѣсенъ ясно свидѣтельствуютъ о богословской учености творцевъ ихъ: они говорятъ текстами изъ буддійскихъ номовъ, рисуютъ образы, заимствуя черты ихъ изъ религіозной книги, преподаютъ нравственное ученіе, объясняя его раціональныя и догматическія основы. Правда, что и здѣсь предлагаются тѣже нравственные совѣты—дѣлать добро, молиться и читать маии; но эти совѣты говорятся въ самыхъ простыхъ и чуждыхъ книги выраженіяхъ, они очевидно предназначаются дѣйствовать на сердце въ простотѣ, потому что имъ не предпосылается никакихъ отвлеченныхъ толкованій, убѣждающихъ умъ въ сутѣ видимаго міра и возвышенности духовнаго начала. Когда же заходитъ рѣчь объ основахъ для дѣланія добра, то опять таки въ ölötской пѣснѣ эти основы очевидно берутся не изъ книжныхъ, догматическихъ, богословскихъ разсужденій, а заключаютъ въ себѣ чисто народныя представленія, что «человѣка, дѣлавшаго грѣхи, встрѣтитъ оттуда (откуда?) бѣсъ», да еще голый.

Понятно, что если такова пѣсня, составленная представителемъ богословской учености въ народѣ, то намъ не трудно заключить на сколько ученіе буддизма проникло въ народную массу вообще; иначе сказать, не трудно предположить, что преданность буддизму, а еще болѣе основательное изученіе его какъ идеала знаній пока еще очень далеки духовной природѣ Ölötовъ. Дѣйствительно мы можемъ повторить снова, что религіозная пѣсня и до нынѣ рѣдко слышится изъ устъ Ölöta простолюдина и большинство пѣсенъ его — это воспѣваніе природы, родныхъ кочевьевъ и роднаго крова, предметовъ домашней жизни и пр. Пѣсни эти по большей части кратки, малосодержательны и однообразны; но за то всѣ они отличаются цѣльностію, и въ то время какъ въ халхаской пѣснѣ за частую не найдешь основной мысли, которая проходила бы чрезъ все произведеніе, въ пѣсняхъ Ölötовъ почти всегда наталкиваешься на одни и тѣже слова, что и

производитъ однообразіе ихъ построенія. Обыкновенный способъ сложенія бѣлётской пѣсни это или воспѣваніе одного какого нибудь предмета чрезъ разнообразіе его предикатовъ, или исчисленіе различныхъ предметовъ при единствѣ приписываемаго имъ предиката; иногда дѣло доходитъ даже и до того, что какъ предметъ пѣсни такъ и предикатъ его остаются одни и тѣже, различіе же заключается только въ постановкѣ двухъ-трехъ эпитетовъ. Все это мы видѣли уже отчасти въ примѣрахъ эпическихъ пѣсенъ, теперь же для образца представляемъ еще одну народную пѣсню позднѣйшаго происхожденія.

алтàн аралы́йн амтà ни сáйхан,
абуракчѝ богдóйн öрöшӧ́л ни сáйхан,
хабуры́йн цагы́йн зöлгӧ́ ни сáйхан,
хатѝ мапъпугы́йн эрѣ̄ ни сáйхан,
зунáй цагы́йн зöлгӧ́ ни сáйхан,
зулзагàн мапъпугы́йн эрѣ̄ ни сáйхан,
зӧ́чжѝ бӯху-дӯ зöлгӧ́ ни сáйхан,
зöбчилэчжѝ кӯдэкӯ-дӯ эзы́н-ни сáйхан,
эргичжѝ бӯху-дӯ э̄чжи ни сáйхан,
эбэрэнэн нӣры́йги ӱзэкӯ дӯ толѝ ни сáйхан,
далáйн дундукѝ дабасун ни сáйхан,
дацангы́йн дундукѝ ламà ни сáйхан,
нӯры́йн дундукѝ нугусӯ́н ни сáйхан,
нутугы́йн дундукѝ нойот ни сáйхан,
цэпъгэлэ̄р залахӯ-ду ламà ни сáйхан,
цэрпглэт мордохӯ-ду нойӧ́н ни сáйхан.

Переводъ.

Хорошъ вкусъ кукурузы,
Хорошо благословеніе спасительнаго святителя,
Хорошъ лугъ весенняго времени,
Хороша пестрота плотной, шелковой матеріи,
Хорошъ лугъ въ лѣтнюю пору,
Хороша пестрота нѣжной, шелковой матеріи,
Хорошъ лугъ для остановки при перевозкѣ тяжестей,
Хорошъ господинъ для бесѣды при совѣщаніи,

Хороша мать, чтобы пожить (у нея) послѣ долгихъ разъѣздовъ,
Хорошо зеркало, чтобы посмотрѣть свое лицо,
Хороша соль, находящаяся въ морѣ,
Хороши ламы, живущіе въ монастырѣ,
Хороши утки (плавающія) посреди озера,
Хороши князья, живущіе въ родныхъ кочевьяхъ,
Хорошъ лама, чтобы пригласить его радостно,
Хорошъ князь, чтобы отправляться въ походъ.

Но эта пѣсня, говорятъ Ölöты, очень новая, да при томъ по своему составленію она едва ли и принадлежитъ всецѣло Ölötамъ, а вѣроятно занесена и передѣлана какимъ нибудь странствующимъ ламою. Къ этому заключенію приводитъ меня съ одной стороны то, что почти совершенно такую же пѣсню повстрѣчалъ я у Забайкальскихъ Бурятъ, а съ другой и то, что при соображеніи характера Ölötовъ, мнѣ кажется, будто и въ этой пѣснѣ сравнительно много говорится объ отвлеченныхъ предметахъ и религіи: обыкновенно буддѣ посвящается въ ölötскихъ пѣсняхъ много два, три слова. Идеалы ölötской жизни, какъ уже было сказано, далеки отъ буддизма, полны жизни мірской, заботами о матеріальномъ благѣ; отъ того и самая жизнь Ölötовъ дѣятельнѣе, все духовное существо ихъ бодрѣе, они веселѣе смотрятъ на окружающее, находя въ немъ свой покой и свое счастіе. Вотъ одинъ изъ свадебныхъ пѣсенныхъ привѣтовъ, рисующихъ идеалы Ölöта: онъ обыкновенно поется невѣстѣ за одною изъ многочисленныхъ чарокъ, выпиваемыхъ на этомъ торжествѣ.

öндӧр йэкэ добӧн-ду гэрӣн баричжи
öргӧн йэкэ ширэк-тӳ зэлӣн татачжи
öдöрыйн сáйги öнчжилэчжи
сарáйн сáйги сакичжи
санāнн амӯр
салькúшн токтӯн
сáйхан амӯр чжиргачжи бáйху-дӯ
ӧлэн ибтэ тэнъгэрь чиши öрöшӧчжи

ӧдэн ибтэ̀ нойӧт чинѝ ӧрӧшӧчжи
буинниѝ ӧмӧноӧ кӧлӧн чжи́йчжи
бурханниѝ ӧмӧноӧ тологойгӣн баричжѝ
дэ̄дӱ̈ йэкэсы́йгӣ номӧрӧ̄п хапъгачжѝ
дӧротӯ мӯги ӧглигӧрӧ̄п хапъгачжѝ
тосӯ̀н аматà̀й
торгӧ̀н чирà̀йтай
ӧкӧн аматà̀й
ӧргӧ̀н чирà̀йтай ба́йху дӯ̀
хӣн нойӧ̀т-ту хапртà̀й больчжѝ
хазӣртай мӧрӧ̄р шапъпӯльчжи
эзэ̀н нойӧ̀т-тӣн эльтэ̀й больчжѝ
эмэ̄льтэ̀й мӧрӧ̄р шапъпӯльчжи
э́н ӱгà торгӧ̀н энъпэчжѝ
экэ̀ захá́йгӣ хадачжѝ
тӧ ӱгà торгӧ̀п тӧмпочжѝ
тобчѝ бӱ́чи́йши хадачжѝ
хойгӯр торосӧ̀п-дӣп
хонѝ хуругӯ̀н ӧкчѝ
ӧмӧнӯ̄р торосӧ̀п-дӣп
унугӯ̀п дагӣп ӧкчѝ
тӧльгӧ̄п тапишѝ ӱгà баѝн
тӧрӧлӧ̄п тапишѝ ӱгà ӧпӧ̄р ӧткӧ̄п больчжѝ
салӣнип сарбагà̀р
ӧсӧкэ́йн ӧргӧ̀н
утӯ̀ пасутà̀й
удӣп чжиргалтà̀й ба́йху дӯ̀
орӧрӣп дӱ̄рэн окитà̀й
кӱ̈нчжилэ̄рэ̄п дӱ̄рэн кӱбӱ̄тэй
шаламтà̀й кӱ̈бӱ̄гӣ шачжѝи-дӣп барпчжѝ
шалбур-тà̀й кӱ̈бӱ̄гӣ тӧрӧдӧ̄н баричжѝ
шарà̀ ата́йгӣ бэ̄чжип-дӱ̈ хомночжѝ
шапъхактà̀й акта́йгӣ бэлэ́к-тӱ̈ баричжѝ
шарà̀ тологóйтай пргэ́йгӣ шӱ̈сӱ̈п-дӱ̈ барпчжѝ
хӯпъ дӱтà̀й ата́йгӣ бэ̄чжип-дӱ̈ хомночжѝ
хулӯ̀н чикптэ̀й акта́йгӣ бэлэ́к-тӱ̈ барпчжѝ ба́йху дӯ̀
дӱтà̀й харà̀ похóйгӣ ӧдэп дэ̀н хуцӯльчжѝ
дӧротӯ̀ мӯ̄ кӱ̈пэ̄р аргасӯ̀ тӱ̈лгэчжѝ
дундӯ̀ мӯ̄ кӱ̈пэ̄р адӱгӣп мапӯльчжѝ
эркѝн кӱ̈пэ̄р малӣп харӯлгачжѝ

хайкирачжѝ кӳрӳшӣ ӱгà бэлчиртэ̀й
хамӳ̀к-ту кӳсэкдэкӳ̀й йэкэ̀ нэрэтэ̀й больчжѝ
хамугӣ гэйгӳ̀лӳ̀кчи нарà мэтӳ̀ мандачжѝ
набчӣ мэтӳ̀ дэлгэрэчжѝ
насӳ̀н туршӣ чжиргачжѝ сӳхӳ́йн бэлэ̀к шинэбэ̀й.

Переводъ.

Чтобы строить тебѣ свой домъ на высокомъ, большомъ бугрѣ,
Протянуть свою улицу по широкому, большому пригорку,
Проводить хорошее время дня,
Соблюдать хорошее время мѣсяца,
Имѣть спокойствіе духа,
Имѣть тишину вѣтра,
Веселиться хорошенько въ безмятежіи; а когда (все это) будетъ,
Чтобы посылали (тебѣ) милости небеса твои сквозь облака,
Чтобы посылали (тебѣ) милости князья твои сквозь двери,
Чтобы направлять (тебѣ) свои ноги предъ добродѣтелью,
Чтобы держать свою голову передъ буддою,
Чтобъ наслаждать (тебѣ) своимъ ученіемъ высшихъ,
Чтобъ удовлетворять своею милостынею низшихъ,
Имѣть масляный ротъ
Имѣть шелковое лицо,
Имѣть сальный ротъ,
Имѣть широкое лицо; а когда (все это) будетъ,
Чтобъ быть (тебѣ) въ милости у хановъ и князей,
Побудить ихъ къ награжденію (тебя) лошадью съ уздою,
Чтобъ имѣть (тебѣ) дружбу у хановъ и князей,
Побудить ихъ къ награжденію (тебя) лошадью съ сѣдломъ,
Чтобъ надѣвать на себя шелкъ безъ мѣры,
Чтобъ пришпиливать самый высокій воротъ,
Чтобъ надѣвать (тебѣ) шелкъ безъ числа,
Чтобъ прикалывать застежки и ленты,
Чтобъ давать овецъ и ягнятъ идущимъ позади,
Чтобъ давать сосунковъ, стригунковъ попадающимся на встрѣчу,
Чтобъ быть невѣдомо богатою ягнятами,
Чтобъ быть невѣдомо обширною родствомъ,
Развалистою какъ вѣтвь,
Широкою какъ пятка,

Имѣть длинный вѣкъ,
Имѣть долгія радости; а когда (все это) будетъ,
Чтобъ имѣть (тебѣ) полную кровать дѣвочекъ,
Полно-одѣяло мальчиковъ,
Чтобъ посвятить тебѣ мальчиковъ, носящихъ шаламъ *), своей вѣрѣ,
А мальчиковъ, носящихъ штаны **), посвятить своему правленію,
Сѣдлать желтаго верблюда въ Пекинъ,
Дарить въ подарокъ мерина съ завивкою на гривѣ,
Давать въ провизію желтоголовыхъ барановъ,
Чтобъ сѣдлать верблюда съ лебединымъ голосомъ въ Пекинъ,
Чтобъ дарить тебѣ мериновъ съ кулаными ушами; а когда (все это) будетъ,
Чтобъ брехала у твоихъ дверей собака съ (звучнымъ) голосомъ,
Собирать тебѣ топливо черезъ низшій, черный людъ,
Стеречь ночью своихъ лошадей черезъ средній черный людъ,
Пасти свой скотъ черезъ важныхъ людей,
Имѣть выгонъ (изъ конца въ конецъ) не досягаемый крикомъ,
Имѣть великое, всѣмъ желанное имя,
Восходить какъ солнце, все освѣщающее,
Распускаться какъ древесный листъ,
Пожеланіе на всю жизнь довольнаго житья — свершилось!

Изложеніе заботъ о такого рода чисто матеріальныхъ благахъ жизни и пожеланій осуществленія ихъ въ дѣйствительности находимъ мы не въ одѣхъ только свадебныхъ пѣсняхъ, но и во всѣхъ тѣхъ, которыя поются на обыкновенныхъ пирушкахъ. Необходимо предположить отсюда что и интересы, останавливающіе на себѣ вниманіе Ölötовъ, далеки духовнаго міра, воспѣваемаго Халхасами. Что же касается самыхъ стихотвореній и пѣсенъ этого содержанія, то они носятъ у всѣхъ монголовъ вообще, а въ томъ числѣ конечно и у Ölötовъ, особое названіе

*) Т. е. посвященныхъ въ духовное званіе; шаламъ собственно есть названіе одной изъ шапокъ разныхъ формъ, ношеніе которыхъ присвоено духовнымъ лицамъ.

**) Т. е. оставшихся въ свѣтскомъ званіи, ибо ламы по обрядамъ буддизма не носятъ штановъ, а родъ юбки, называемой банцзаль.

«йӧрӧль» и составляютъ въ количественномъ отношеніи едва ли не самый важный отдѣлъ во всей народной, пѣсенной литературѣ Ӧлӧтовъ; распѣваются они обыкновенно передъ всякимъ сидящимъ на пирушкѣ, начиная по старшинству съ ламъ и чиновниковъ. Вотъ одинъ изъ «йӧрӧлей» послѣднимъ:

зэ̄, буппа̄р учирасӓ̀н, хӓ̀н, вӓ̀н, бэ̄лэ, бэ̄сӱ̆, гӱ̆п, засӓ̀к,
нойдо̀т, ламапа̀р маш̀
чжи̇̀ль прэкӱ̆-дӱ̆ чжипсе̄п пэмэчжи̇̀
о́н прэкӱ̆-дӱ̆ отого̄п пэмэчжи̇̀
отого́-душ̀ пӱ̆дӱ̆п пэмэчжи̇̀
олбо̀к-ни дэлэкэ̀й бӱ̆ркӱ̆чжи̇̀
обо̄дой ни̇̀ октор̀го̀й тулучжи̇̀
о̄сор ни̇̀ хурмусӱ̀н бату̀
оло̀н чжилӣ́йи туктӯ̄м тупъгала̀к айлатчи̇̀ ба́йху-дӱ̆
ӧро̄тӧ́й-дӱ̆ кӱ̆ликдэ̀л уга̀
эбэчитэ̀й-дӱ̆ бӱ̆дӱ̆рэ̀л уга̀
сумбӱ̀р йэкэ̀ сурта̀й
сӱ̆рдӱ̆мэ̀л йэкэ̀ чжибхуланъта̀й
килгасӱ̀ни чино̄н ки̇̀р уга̀
ӧндӧго̄ни чино̄н о̄ уга̀
кэшӣ́к бӱ̆ни̇̀ цо̀к за́ли йэсӱ̀н кӱ̆сэль̀, прӱ̆ алда̀р
замбутибы́йи о́й цэцэ̀к мэтӱ̆ дэльгэрэтӱ̆гэ̀й.

Переводъ.

Ну, добродѣтелью повстрѣчавшіеся: ханы, ваны, бэйлэ, бэйсэ,
гуны, правители, господа и ламы наши,
Да повышаются съ приходомъ года (ваши) шарики,
Да повышаются съ наступленіемъ лѣта (правленія ваши) перья,
А на перьяхъ да увеличиваются (по числу) глаза,
Да покроютъ олбоки (ваши) вселенную,
Да достигнутъ обӧдан (ваши) до неба,
Да будутъ крѣпки ленты и шишаки,
Да вѣдаете (вы) прочность и ясность на много лѣтъ, а когда (все
это) будетъ,
Да не подпадете (вы въ число) состоящихъ подъ пытками,
Да не свихнетесь (вы въ число) больныхъ,
Да будете величественными какъ Сумбуръ,

Да будете блистательно великолѣпными,
Да не будетъ (у васъ) нечистоты ни на волосъ,
Да не будетъ (у васъ) шероховатости (и такой) какъ на яйцѣ,
Да будете (вы) распространяться въ милости, добродѣтели, величіи, девяти желаемыхъ и громкой славѣ,
Какъ лѣсные цвѣтки вселенной.

Какъ видно китайское правительство сказалось Ölötамъ черезъ чуръ сурово, если даже въ своихъ пѣсняхъ они не преминули сказать своимъ князьямъ пожеланіе объ избѣжаніи отъ смѣны и пытки. Не естественнымъ ли представляется послѣ сего постоянный упадокъ нравственныхъ силъ во всемъ народѣ, для котораго гнетъ иноплеменныхъ владѣтелей конечно еще болѣе чувствителенъ, чѣмъ для частныхъ личностей правителей? И что за диво послѣ сего если этотъ раздробленный, разъединенный и угнетенный народъ начнетъ въ концѣ концевъ надѣяться на будду и станетъ съ ханжествомъ воспѣвать его?!

Пѣсни Бурятъ.

Буряты, какъ и племена Халхасовъ въ Сѣверной Монголіи и Ölötовъ въ Чжунгаріи, считаютъ у себя нѣсколько различныхъ и совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга поколѣній. Это дѣленіе всегда обосновывалось у нихъ главнымъ образомъ на преданіяхъ о происхожденіи и только въ послѣднее время, когда эти преданія начали мало по малу забываться и смѣшиваться, Буряты, по примѣру Русскихъ, стали раздѣлять своихъ единоплеменниковъ на основаніи географическаго положенія ихъ мѣстожительства. Что касается собственно русскихъ, то у насъ дѣленіе Бурятъ, кажется, всегда существовало на географическихъ основахъ и всегда было чрезвычайно обще: мы считали по большей части три рода Бурятъ: a) добайкальскихъ, — Бурятъ-аборигеновъ по преимуществу; b) забайкальскихъ, т. е. селенгинскихъ и хоринскихъ выходцевъ изъ Монголіи, и c) ононскихъ,—

также выходцевъ изъ Монголіи, но болѣе подчинившихся вліянію Тунгусовъ. Впрочемъ каково бы ни было дѣленіе бурятскаго народа, оно не имѣетъ для насъ почти никакого значенія, потому что въ исторіи жизни различныхъ бурятскихъ поколѣній, особливо за послѣдніе два съ половиною вѣка, нельзя видѣть такой разницы какъ напримѣръ въ поколѣніяхъ Ölötовъ; и если у послѣднихъ жизнь и судьба Дöрбöтовъ должна быть разсматриваема совершенно отдѣльно хотя бы то отъ жизни Торгоутовъ, то такое разсмотрѣніе почти совершенно не приложимо въ отношеніи бурятскихъ родовъ, одинаково проводившихъ спокойную, свободную и правильную жизнь съ того времени, какъ только признали они надъ собою главенство Россіи. Съ тѣхъ поръ у нихъ собственно не было ни войнъ, ни народныхъ движеній и если къ южнобайкальскимъ Бурятамъ привзошелъ въ это время буддизмъ, то введеніе и распространеніе его у различныхъ поколѣній происходило такъ постепенно, что Буряты, вѣроятно, незамѣтно и для самихъ себя превратились изъ ярыхъ шаманистовъ въ ревностныхъ поклонниковъ будды. Это мирное, безмятежное и довольное существованіе конечно служитъ главнѣйшею причиною почему у Бурятъ мы почти не встрѣчаемъ эпоса, относящагося ко времени владычества надъ ними Россіи и съ другой стороны находимъ множество преданій и эпическихъ твореній, относящихся до временъ, предшествовавшихъ русской власти. Сохраненію этихъ эпическихъ сказаній у Бурятъ, какъ и у Ölötовъ, способствовало весьма многое: прежде всего напримѣръ Русскіе не переселяли Бурятъ съ мѣста на мѣсто, каковую политику вели Китайцы въ отношеніи къ монголамъ; оттого Бурятъ естественно никогда не лишенъ былъ ни поводовъ, ни времени къ познанію своихъ преданій о какой либо горѣ и мѣстности: каждому молодому поколѣнію всегда могли передавать такія преданія старики, прожившіе весь свой вѣкъ въ этихъ же мѣстахъ и молодое поколѣніе въ свою очередь не могло не интересоваться такими разсказами, потому что оно находило въ нихъ все родное. Русскіе не истощали Бурятъ также и своими поборами, или какими либо притѣсненіями; и

оттого въ привольи жизни, Буряту естественно было распѣвать, а не вздыхать какъ Халхасу. Разборъ развитія и существованія эпоса у Бурятъ лучше всего подтверждаетъ ту мысль, что переселенія и отсутствіе политической жизни суть высшіе враги народныхъ эпическихъ сказаній. Въ самомъ дѣлѣ селенгинскіе Буряты, принявшіе русское подданство непосредственно по выходѣ изъ Монголіи и съ того времени начавшіе свою мирную жизнь, совершенно не сохранили у себя эпическихъ пѣсенъ; тогда какъ Хоринцы, по отдѣленіи отъ Халхасовъ болѣе полувѣка прожившіе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя занимаютъ они и теперь и вынесшіе много борьбы и страданій прежде чѣмъ нашли они мирный пріютъ подъ покровительствомъ Россіи, сохранили и доселѣ свои воспоминанія о старинѣ въ народной пѣсенной поэзіи. Этою то поэзіею забайкальскихъ Бурятъ и собственно хоринской старины мы и начнемъ свою рѣчь о пѣсняхъ бурятскихъ, такъ какъ эта поэзія представляется намъ самою древнею, и собранные нами пѣсенные образцы сѣверобайкальскихъ Бурятъ, повидимому, не носятъ въ себѣ ничего ручающагося за ихъ старину.

Прежде однако чѣмъ представлять эпосъ Хоринскихъ Бурятъ, намъ кажется необходимымъ для большей удобопонятности хотя краткое изложеніе исторіи Хоринцевъ по тѣмъ преданіямъ и письменнымъ памятникамъ, которые удалось собрать намъ во время путешествія, тѣмъ болѣе, что въ русской литературѣ до сего времени объ этомъ, кажется, не было сказано ни одного слова.

Въ глубокой древности Хоринцы производятъ себя отъ Туметовъ и говорятъ (положительно безъ всякихъ хронологическихъ указаній), что въ древности правителемъ двумъ Туметскихъ родовъ въ Монголіи былъ Тайчжинъ ноянъ, имѣвшій у себя трехъ сыновей. Младшій изъ нихъ прозывался Хоридай Мэргэнъ. Хоридай Мэргэнъ имѣлъ трехъ женъ и отъ первой изъ нихъ — Баргучжинъ говы у него была одна только дочь — Алань Гоа; отъ второй жены — Шаралдай родилось пять сыновей: Галцзуть,

Хоацай, Хубдутъ, Гучитъ и Шарайтъ; отъ третьей — Нагатай родилось восемь сыновей: Харагана, Худай, Бодонгутъ, Хальбинъ, Цаганъ, Батунай и два умершіе во младенчествѣ, имена которыхъ потому и остались неизвѣстными. Отъ оставшихся въ живыхъ одиннадцати сыновей произошло одиннадцать бурятскихъ родовъ, и какъ отца ихъ называли Хоридаемъ, то поэтому и прозвали всѣхъ ихъ однимъ общимъ именемъ — Хорп.

Послѣ сего прошло много поколѣній, когда въ странѣ Баргу-монголовъ жилъ солонгутскій Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ. Женивъ своего сына Дай-хунъ-тайчжія на княжнѣ Бальчжинѣ, онъ получилъ эти одиннадцать хорпинскихъ родовъ въ приданое за невѣсткою и съ тѣхъ поръ Хорпицы сдѣлались данниками Дай-хунъ-тайчжія. Что касается Бообай-батуръ-бэйлэ-хана, то о немъ разсказываютъ, что онъ собственно не былъ ханомъ и имѣлъ только титулъ бэйлэ. Однажды нашелъ онъ въ разсѣлинѣ родника мѣдное ружье съ надписью, изображавшею китайскій іероглифъ «*ну*». Когда объ этомъ было передано Хӯхэвъ хутухтѣ, послѣдній сказалъ, что это знакъ, что Бообай будетъ ханомъ и съ тѣхъ поръ за нимъ утвердилось имя Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ. Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ былъ уже старикомъ, когда жена его, мать Дай-хунъ-тайчжія, умерла, тѣмъ не менѣе онъ взялъ за себя вторую жену. Молодая мачиха Дай-хунъ-тайчжія, сошедшись съ своимъ пасынкомъ, естественно начала неладить съ невѣсткою своею Бальчжиной; произошелъ раздоръ и Дай-хунъ-тайчжи съ своею женою, забравъ людей, находившихся въ ихъ подданствѣ, т. е. одиннадцать родовъ Хорпицевъ, бѣжали со всѣмъ своимъ кочевьемъ на сѣверо-западъ. Это было около 1595 года. Переправившись черезъ Аргунь, они достигли до р. Улирэнгэ (Урӯлюнъгуй?) и здѣсь поправивъ построенный въ незвѣстное, старое время и опустѣлый городъ, остановились въ немъ на житье. Мѣсто это они назвали Хуанъ-дай. Вскорѣ за тѣмъ пришли за ними послы Бообай-бэйлэ-хана, посланные въ погоню. Дай-хунъ-тайчжи бѣжалъ отъ нихъ снова и началъ кочевать по правому и лѣвому берегамъ р. Онона и по обѣимъ

сторонамъ Кукульбэйскаго хребта. Здѣсь Хорпицы прожили около трехъ лѣтъ. Между тѣмъ молодая жена Бообай-батуръ-бэйлэ-хана не унималась: она провѣдала о мѣстожительствѣ бѣглецовъ и передала о немъ хану. Бообай снова послалъ войска и послѣднія прибывъ къ кочевьямъ Дай-хунъ-тайчжія, убили жену его Бальчжину: тѣло ея похоронили у горнаго мыса, находящагося на берегу озера, которое по этому самому получило названіе—Бальчжина; оно находится и до нынѣ при истокахъ р. Туры. Принадлежавшее Бальчжинѣ сѣдло было брошено при подошвѣ горы Адунъ чулу, и мѣсто это назвалось Алтанъ эмэль, какъ называется оно и до нынѣ. Устрашенные этимъ нападеніемъ Хорпицы не могли дать никакого отпора монголамъ и разбѣжались: одни скрылись въ горахъ, падяхъ и лѣсахъ, другіе бѣжали на западъ, а третьи, составлявшіе при томъ большинство, были взяты въ плѣнъ монголами и снова отведены на родину. Тамъ началась для нихъ страдальческая жизнь, полная различныхъ притѣсненій и постоянныхъ подозрѣній въ измѣнѣ, такъ что въ концѣ концевъ эти, возвращенные въ Монголію Хорпицы, спасаясь отъ вновь постигшихъ ихъ со стороны соплеменниковъ гоненій, принуждены были снова бѣжать въ нынѣшніе русскіе предѣлы. Это второе бѣгство совершилось около 1604 года. Возвратившись на старыя кочевья, они нашли у Кукульбэйскаго хребта нѣкоторыхъ изъ своихъ сородичей и нѣсколько времени кочевали съ ними; но скоро спокойствіе ихъ было опять нарушено, потому что ихъ стали грабить и убивать Тунгусы Улятскаго рода. Устрашенные Хорпицы снова искали спасенія въ бѣгствѣ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ удалились въ Монголію, другіе перекочевали на р.р. Хилокъ, Уду, Ашу, Тугнуй и въ окрестности Яровинскаго хребта, наконецъ третьи ушли на сѣверъ и заняли правый берегъ р. Шилки, а также разселились по обѣимъ сторонамъ р. Нерчи, и дошли до р. Аредья. Здѣсь соединились они съ Тунгусами и вмѣстѣ съ ними занялись звѣроловствомъ. Впрочемъ единство промысла скоро послужило и причиною раздора двухъ народностей. Хорпицы, по словамъ преданій, отли-

чились удальствомъ на одной общей охотѣ, возбудили зависть Тунгусовъ и послѣдніе перебили храбрѣйшихъ изъ хоринскихъ родовъ, въ томъ числѣ и славнаго нойона ихъ Умухэя. Тѣла убитыхъ были похоронены въ двухъ падяхъ, которыя потому и до нынѣ носятъ названіе Умухэй (мѣсто на лѣвой сторонѣ р. Нерчи, въ 8-ми верстахъ выше Нерчинска). Хоринцы снова бѣжали и на этотъ разъ избрали своимъ кочевьемъ нынѣшній Верхнеудинскій округъ. Здѣсь услыхавъ, что за ними снова идутъ въ погоню войска изъ Монголіи, они удалились еще далѣе на западъ къ рѣкамъ Итинцѣ и Ходору, а оттуда къ берегамъ оз. Байкала. Въ этихъ мѣстахъ впервые повстрѣчали они Русскихъ, которые, видя наружное сходство новыхъ пришельцевъ съ прежде жившими здѣсь Бурятами, назвали Бурятами и Хоринцевъ. У Байкала Хоринцы прожили нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ неожиданный случай вновь потревожилъ ихъ. Орелъ унесъ игравшаго на степи мальчика. Хоринцы убили орла, но, боясь, что орлы перетаскаютъ у нихъ всѣхъ ребятъ, откочевали опять на старыя мѣста къ рѣкамъ Удѣ, Курбѣ, Апѣ, Худуну, Тугную и Хилку. Такъ блуждая по разнымъ мѣстамъ и не имѣя мощнаго правителя и защитника, Хоринцы начали просить русское правительство о принятіи ихъ въ подданство, почему Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 г. и принялъ ихъ подъ свою мощную руку, причисливъ къ Нерчинскому округу. Съ этого времени Хоринцы начали наслаждаться полнымъ спокойствіемъ: мало по малу они окрѣпли и, по общему обычаю кочевниковъ, начали грабежи и набѣги на сосѣдей, а прежде всего конечно на своихъ старыхъ враговъ — монголовъ. Сами Хоринцы говорятъ при этомъ, что причиною ихъ набѣговъ было единственно желаніе освободить отъ рабства и подчиненія монголамъ своихъ сородичей*), но характеръ сохранившихся отъ этого періода пѣсенъ свидѣтельствуетъ, что это были удалые разбой-

*) Хори буріяд'ун тӱрӱйн тэухэ. Л. 3—12 хранится въ моей библіотекѣ.

ничьи набѣги, основывавшіеся единственно на желаніи мстить и потѣшить свою удаль.

хошӯн бӱрѝ хошӯн бӱрѝ гӧрӧ̄гхӧ̀н
хӧ̄лой бӱрѝ хӧ̄лой бӱрѝ аилгӯ
арàл бӱрѝ арàл бӱрѝ гӧрӧ̄гхӧ̀н
амàн бӱрѝ амàн бӱрѝ аилгӯ

нахигархàн нахигархàн зэ̄рдэ-дэ̀
наянхàн зэбэ̀, наянхàн зэбэ̀ акгхайѝ
наймàн хошӯн, наймàн хошӯн монгӧ́л-ду
адамначжѝ, адамначжѝ хӱрӱйѣ̀

хотогорхòн хотогорхòн зэ̄рдэ-дэ̀
хоришхàн зэбэ̀, хоришхàн зэбэ̀ акгхайѝ
хонрхàн хошӯн хонрхàн хошӯн монгӧ́л-ду
хорӧ̄лхочжѝ, хорӧ̄лхочжѝ хӱрӱйѣ̀

хуя̄гайга̄ зуза̄н ни
хонрлачжѝ хонрлачжѝ ӱмӱдӱйѣ̀
хорӧ̄н йэхэтӱ̀ хорӧ̄н йэхэтӱ̀ монгòл-ду
хойшилàл ӱгэ̀й хойшилàл ӱгэ̀й хӱрӱйѣ̀

дӯлгайга̄, дӯлгайга̄ гха́йхан нѝ
доторлочжѝ, доторлочжѝ ӱмӱдӱйѣ̀,
дотòр мӯтàй, дотòр мӯтàй монгòл-ду
добтолочжѝ добтолочжѝ оройя̀

гха̄дагайга̄ гха̄дагайга̄ гха́йхан нѝ
гхакгхалзӯла̄т, гхакгхалзӯла̄т ӱмӱдӱйѣ̀
гхана̄ мӯтàй, гхана̄ мӯтàй монгòл-ду
гха̄тал ӱгэ̀й гха̄тал ӱгэ̀й оройя̀.

Переводъ.

Всякаго мыса, всякаго мыса звѣри,
Всякаго горла, всякаго горла голосъ,
Всякаго острова, всякаго острова звѣри,
Всякаго рта, всякаго рта голосъ!

На изворотливаго, изворотливаго рыжку
Навѣсимъ только восемьдесятъ оружій, только восемьдесятъ оружій,
Къ монголамъ восьми хошуновъ, восьми хошуновъ,
Пріѣдемъ прытко, прытко!

На рыжку съ вогнутой спиной, съ вогнутой спиной,
Повѣсимъ только двадцать оружій, только двадцать оружій,
Къ монголамъ только двухъ хошуновъ, только двухъ хошуновъ,
Пріѣдемъ, нанося убытки, нанося убытки.

Толстые изъ своихъ панцырей, изъ своихъ панцырей,
Надѣнемъ вдвойную, вдвойную,
Къ монголамъ злѣйшимъ, презлѣйшимъ
Пріѣдемъ, не возвращаясь назадъ, не возвращаясь назадъ
(т. е. прямо, сразу).

Красивые изъ своихъ шлемовъ, изъ своихъ шлемовъ,
Надѣнемъ подъ исподъ, подъ исподъ,
Къ монголамъ злосердечнымъ, злосердечнымъ,
Въѣдемъ скокомъ, скокомъ.

Красивые изъ своихъ колчановъ, изъ своихъ колчановъ,
Надѣнемъ растопыривъ, растопыривъ (отъ туго наложенныхъ стрѣлъ),
Къ монголамъ злонамѣреннымъ, злонамѣреннымъ,
Въѣдемъ не мѣшкая, не мѣшкая *).

Самое содержаніе этой пѣсни не показываетъ ничего другаго, кромѣ разбойничьяго характера Бурятъ, готовящихся къ нападенію и крайняго раздраженія ихъ противъ монголовъ. Въ

*) При внимательномъ разсмотрѣніи этой пѣсни мы имѣемъ сказать, что происхожденіе ея можетъ относиться къ періоду отъ 1655 по 1690 годъ и въ этомъ убѣждаетъ насъ названіе «наймáн хошýн монгóл». Въ сказанномъ періодѣ это имя было собирательнымъ для обозначенія всѣхъ вообще Халхаскихъ Монголовъ и страны ими занимаемой — Халхи подобно тому, какъ до начала этого періода таковымъ же собирательнымъ было названіе «Халхайн долóн хошýн», имѣвшее свою основу въ дѣленіи Халхи на семь хошýновъ Харасанцзацзалаир-хунъ-тайчжіемъ. Въ 12-е лѣто Шунь-чжи (Эйѣ-бэр цзасакчи) т. е. въ 1655 г. послѣдовало раздѣленіе Халхи на восемь хошýновъ и на два крыла и съ этого времени утвердилось имя «наймáн хошý монгол», оставшееся за Халхасами до времени совершеннаго подданства ихъ Китаю. Что касается упоминанія о «двухъ только хошýнахъ», то это свидѣтельствуетъ о томъ, что Буряты нападали единственно на пространство, занимаемое нынѣ землями Сэцэнъ хановскаго аймака, потому что въ то время земли эти дѣйствительно были раздѣлены на два хошýна: первый—собственно Сэцэнъ-хановскій и второй, правителемъ котораго былъ назначенъ Даньцзинъ-лама. Подробности объ этомъ можно находить въ Лѣтописи Эрдэнійн эрихэ, гл. 42-я, а равно въ Истор. ван. и гун. на монг. яз. Кн. 53-я. Л. 8-й.

порывѣ этого раздраженія они приписываютъ монголамъ злобу, какъ основную черту ихъ характера и эта характеристика со стороны Бурятъ до нѣкоторой степени служитъ доказательствомъ дѣйствительности тѣхъ первоначальныхъ раздоровъ, которые изложили мы выше, основываясь на преданіяхъ. Такимъ образомъ при помощи устныхъ преданій народа и его пѣсенной поэзіи, для насъ становится яснымъ, что въ первое время своего подданства Россіи Буряты были почти ненавистными врагами Халхасовъ и что это въ свою очередь было естественнымъ результатомъ прежнихъ таковыхъ же отношеній къ нимъ Монголовъ Халхаскихъ. Необходимо думать, что если Буряты, несомнѣнно носившіе въ себѣ эту злобу съ давнихъ временъ, не нападали на Халхасовъ прежде, то это обусловливалось единственно ихъ малосильностію: мы видѣли уже, что они сознавали себя неспособными бороться не только съ монголами, но и съ менѣе могущественными своими врагами — Тунгусами и убѣгали отъ нихъ. Подданство Россіи избавило Бурятъ отъ прежнихъ гоненій, дало имъ мирную жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ способъ окрѣпнуть; почувствовавъ же свои силы, они тотчасъ начали отплачивать своимъ недругамъ за старое тою же монетой. Набѣги ихъ были вѣроятно весьма жестоки, потому что въ пѣсняхъ Халхасы представляются даже *трепещущими* передъ бурятскимъ воиномъ.

аля̄ борӧйн таргӯн-дӯ̀
айн холӧ зорійя̀
сэсэ̀п ха̄цай сэрӣк-тӯ̀
харюсаху гэчжѝ ю̄хай бѝ

багла̄р ӱндӯ̀р модӧн-дӯ̀
байга̄т ӱнчжэ̄т мордойя̀
арба̀н табуна̀й нагхӯн-дӯ̀
адаклакда̀н гэчжѝ ю̄хай бѝ

хахю̄рай ӱндӯ̀р модӧн-дӯ̀
хоно̄т ӱнчжэ̄т мордойя̀,
хорӣн табуна̀й нагхӯн-дӯ̀
хорикда̀н гэчжѝ ю̄хай бѝ

зэ̄рдэйн манàй хурдȕн-дȕ́
зэбэ̀ манàй гхэртэнэ̀
зàш сангíйн манàй ханъхинāн-ду
зȳн монъгол ташхинà

хулàйн манàй хурдун-дȕ
хуȉк дȳлгà гхэртэнэ̀
хуȉк дȳлгáин таршȉн-дȕ
хóйту монъгòл ташхинà.

Переводъ.

Какъ разжирѣетъ шаловливый сивка
Предпримемъ походъ далеко;
У Сэцэнъ хановскихъ войскъ
Возможно ли находить сопротивленіе?!

У высокаго, развилистаго дерева
Побывавъ, подневавъ, мы отправимся;
На пятьнадцатомъ году отъ роду
Возможно ли быть доведену до конца (= истощанія силъ)?!

У высокаго, криваго дерева
Перепочевавъ, подневавъ, мы отправимся;
На двадцать пятомъ году отъ роду
Возможно ли быть стѣсненнымъ?!

При быстротѣ бѣга моего рыжки
Трясется со звукомъ мое оружіе;
При брякотнѣ монхъ привѣсокъ и бляхъ
Приходятъ въ смятеніе восточные монголы.

При быстротѣ бѣга моего соловко
Трясутся со звукомъ панцырь и шлемъ;
При брякотнѣ панцыря и шлема
Приходятъ въ смятеніе сѣверные монголы.

Этотъ страхъ, приписываемый Халхасамъ отъ одного стука бурятскихъ вооруженій, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что Халхасы были по крайней мѣрѣ приводимы въ смущеніе Бурятами; а за симъ онъ позволяетъ сдѣлать естественное заклю-

ченіе о силѣ Бурятъ и о быстротѣ, съ которою окрѣпли они подъ владычествомъ Россіи. Мы знаемъ, что Хоринцы вступили въ русское подданство въ 1648 году и что набѣги ихъ на монголовъ прекратились собственно со времени проведенія китайской границы Рагузинскимъ въ 1728 году; всѣ эти пѣсни слѣдовательно относятся именно къ этому періоду. И такъ мы думаемъ, что въ эти восемьдесятъ лѣтъ Буряты поднялись и усилились такъ значительно, что монголы уже не только не казались имъ страшными, а напротивъ представлялись ужасающимися ихъ собственныхъ нападеній. Слѣдующая пѣсня показываетъ, что въ концѣ концевъ Хоринскіе Буряты дошли въ своемъ самомнѣніи до того, что имъ представлялось даже невозможнымъ потерпѣть пораженіе отъ Халхасовъ.

гхалӣ борӧйн таргӯн-дӯ
гхарáйн газӑр ябулӑй
сэсӭн хӑнай сэрӣк тӯ
дарухдӑн гэчжӣ ӣтай бӣ?!

унугӯн борӧйн таргӯн-дӯ
хонохшíйн газӑр ябултӑй
хӧратӯ хӑнӑй сэрӣк-тӯ
дарухдӑн гэчжӣ ӣтай бӣ

ушнтӯ борóйн таргӯн-дӯ
онӧн газӑр ябултӑй
урдӯ хӑнӑй сэрӣк тӯ
дарухдӑн гэчжӣ ӣтай бӣ

ахтáйнгӑ таргӯн-дӯ
аӣн холӧ ябултӑй
атӑту хӑнӑй сэрӣк-тӯ
алахдӑн гэчжӣ ӣтай бӣ

гхáйн ахтáйнгӑ таргӯн-дӯ
сагáй холӧ ябултӑй
гханӑ мӯтай сэрӣк-тӯ
гхошихдӑн гэчжӣ ӣтай бӣ

чжорӧ ахтáйн таргӯн-дӯ
зӯн газӑр ябултӑй

зорѝк мӯтай сэрѝк-тӯ̀
зобохдо̀п гэчжѝ ю̄тай бѝ

хэдэ̀р ахта́йп таргу̀н-ду̀
холо̀ газа̀р ябулта̀й
хо̄роту̀ гхапа̄ту сэрѝк-тӯ̀
гарухда̀п гэчжѝ ю̄тай бѝ.

Переводъ.

Какъ разжирѣетъ игривый сивка,
Можно ѣхать на пространство мѣсячной ѣзды;
Войсками Сэцэпъ хана
Какъ быть побѣжденными (т. е. что за предположеніе)?!

Какъ разжирѣетъ жеребенокъ сивка,
Можно ѣхать на пространство суточной ѣзды;
Войсками злобнаго хана
Какъ быть побѣжденными?!

Какъ разжирѣетъ изворотливый сивка,
Можно ѣхать на пространство далекой ѣзды;
Войсками южнаго хана
Какъ быть побѣжденными?!

Какъ разжирѣетъ свой меренъ,
Можно далеко ѣхать въ походъ;
Войсками ненавистнаго хана
Какъ быть побитыми?!

Какъ разжирѣетъ свой хорошій меренъ,
Можно ѣхать далеко (= на пространство далекое) по времени;
Зломыслящими войсками
Какъ можно быть встревоженными?!

Какъ разжирѣетъ выходецъ меренъ,
Можно ѣхать и на сто ли;
Злонамѣренными войсками
Какъ можно быть удрученными?!

Какъ разжирѣетъ ярый меренъ,
Можно ѣхать далекое пространство;
Злонамѣренными войсками
Какъ возможно быть превзойденными?!

О томъ, какъ часто бывали эти набѣги и на какую именно мѣстность они производились, на основаніи пѣсенъ нельзя сдѣлать никакихъ болѣе точныхъ опредѣленій, какъ обозначивъ временемъ для набѣговъ — лѣто и мѣстностію — пространство Сэцэнъ-хановскаго аймака. Принимали участіе въ походахъ, какъ можно думать, и старые и малые. Въ предыдущей пѣснѣ мы видѣли уже, что пятынадцатилѣтній Бурятъ не страшится быть уничтоженнымъ монголами; по другому такому же творенію пятидесяти двухъ лѣтній старикъ учитъ храбрости своихъ сотоварищей; все это свидѣтельствуетъ намъ, что, отправляясь въ походъ, Буряты оставляли въ своихъ домахъ только женъ, да людей неспособныхъ держать оружіе. Эти послѣдніе должны были охранять кочевья, воспитывать молодое поколѣніе, заботиться о домашнемъ покоѣ и т. д. и т. д. Какъ люди, живущіе мирною жизнію, они естественно носили въ себѣ только тѣ чувства, которыя вообще способны развиваться въ человѣкѣ при совокупности вліяній на его душу всѣхъ необходимыхъ явленій кочеваго образа жизни и окружающей его степной природы, и которыя потому присущи всѣмъ вообще монгольскимъ племенамъ, таковы: любовь къ членамъ своей семьи и окружающей природѣ. Въ разлукѣ съ своими близкими и въ однообразіи домашней жизни, чувство семейной любви сказывалось для домосѣдовъ конечно еще сильнѣе, оно требовало обнаруженія и находило себѣ также выраженіе въ пѣсняхъ, немногія изъ которыхъ сохранились и до нашихъ временъ.

помохòн, номохòн борбрō
нумунàй хўтўль дабахў-ду ямàр бй
помохòн гхáйхан сэчжирэрэ
нòм гхудўр шўтўхў-дў ямàр бй
гхэрюнэй ўдўр мордочжй,
сэригы́йн дундў орохў-ду ямàр бй
гхэрюхэп гхáйхан сэчжирэрэ
гхудўр нòм-ду шўтўхў-дў ямàр бй
халўнай ўдўр мордочжй
хамугы́йн дундў орохў-ду ямàр бй

халӯхан гха́йхан сэчжпрэ̄рэ
хуру̀л но̀м шӱтӱхӯ-ду ямàр бӣ

тугулы́йн анга́йма халӯн-ду
тӯрга́йн хи́йдэмэ гхальхи̇̀н-ду
аин-да̀ мордогхо̀н аха́йга̄
амурха̀н мэнду́йги-ни дӯла́гхай бӣ

дэгэлы́йн нэбтэрэмэ̀ борӧн-ду
дэ̄буры́йн хи́йдэмэ гхальхи̇̀н-ду
аш-да̀ мордогхо̀п аха́йга̄
амурха̀н мэнду́йги-ни дӯла́гхай бӣ

хонино̀й хоргомо̀ халӯн-ду
хормо́йн хи́йдэмэ гхальхи̇̀н-ду
аин-да̀ мордогхо̀н аха́йга̄
амурха̀н тэгэрэбэ̀ гэхӯ́йги дӯла́гхай бӣ

тугулы́йн хэбтэмэ̀ халӯн-ду
тӧноин анъга́йма гхальхи̇̀н-ду
аин-да̀ мордогхо̀н аха́йга̄
амурха̀н тэгэрэбэ̀ гэхӯ́йги дӯла́гхай бӣ

борольчжи́йн оройго̄р чжиргэхши̇̀
бусахӯ шубӯн хо̄рӧхӧ̂й
бултупа̀й дундӯ пайгухши̇̀
мапа̀й аха̀й хо̄рӧхӧ̂й

тэрэнъхи́йн оройго̄р чжиргэхши̇̀
тэгэрихӯ шубӯн хо̄рӧхӧ̂й
тӱмэнэ̀й дундӯ найгухши̇̀
мапа̀й аха̀й хо̄рӧхӧ̂й.

Переводъ.

На смирномъ, смирномъ своемъ сивкѣ
Переѣзжать черезъ перевалъ Нумунай каково?
Кроткимъ и добрымъ своимъ сердцемъ
Полагаться на священное ученіе каково?

Отправившись въ прохладный день
Войти въ центръ войска каково?
Разумною и доброю душею
Положиться на священное ученіе каково?

Отправившись въ жаркій день
Войти въ средину всѣхъ каково?
Пылкимъ и добрымъ сердцемъ
Положиться на священныя собраніе и ученіе каково?

Услыхать бы мнѣ о спокойствіи и здоровьи
Своего братца, отправившагося въ походъ
Въ жаръ, отъ котораго зѣваютъ телята,
При вѣтрѣ, (сильномъ) до развѣванія стѣнъ юрты.

Услыхать бы мнѣ о спокойствіи и здоровьи
Своего братца, отправившагося въ походъ
Въ дождь, отъ котораго промокаетъ насквозь платье,
При вѣтрѣ (сильномъ) до развѣванія войлочной крыши юрты.

Услыхать бы мнѣ, что спокойно возвратился
Мой братецъ, отправившійся въ походъ
Въ жаръ, отъ котораго стоятъ на одномъ мѣстѣ овцы,
При вѣтрѣ (сильномъ) до развѣванія подола платья.

Услыхать бы мнѣ, что спокойно возвратился
Мой братецъ, отправившійся въ походъ
Въ жаръ, отъ котораго ложатся телята,
При вѣтрѣ (сильномъ до того, что) открывается войлокъ, закрывающій дымникъ юрты.

Чирикающая по вершинѣ Борольчжи,
Болѣзная, возвращающаяся птичка;
Сгибающійся средн всѣхъ,
Болѣзный мой братецъ.

Чирикающая по вершинѣ Тэрэнъхи,
Болѣзная, возвращающаяся птичка;
Сгибающійся посреди десяти тысячъ,
Болѣзный мой братецъ.

Такимъ образомъ и у Бурятъ встрѣчаемся мы съ тѣмъ же чувствомъ взаимной любви между членами родной семьи, которое видѣли у Халхасовъ и Ölётовъ, только здѣсь различныя проявленія этого чувства, особливо при болѣе подробномъ изученіи памятниковъ, рисуются намъ нѣсколько своеобразными въ сравненіи съ обнаруженіями его у другихъ монгольскихъ племенъ; а оттого и самое это чувство любви къ семьѣ и родинѣ представляется намъ у Бурятъ инымъ, и, къ чести ихъ, — бо-

лѣе высокимъ. Любовь къ родинѣ Халхаса и Ölöта, какъ мы уже видѣли, выражалась въ томъ, что они были привязаны къ родному крову и не покидали его. Но объясняя эти отношенія любовью, мы однако не можемъ не думать, что въ основѣ ихъ могла лежать и не любовь; что Халхасъ и Ölötъ могли относиться такимъ образомъ къ своей родинѣ лишь потому, что свыкались съ нею и не находили ее ничѣмъ не хуже другихъ, извѣстныхъ имъ мѣстъ, не видя для себя ничего привлекательнаго на чужбинѣ. Послѣднее предположеніе дѣлается еще болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ намъ не безызвѣстно, что Халхасы и Ölöты не разъ выдавали своихъ соотечественниковъ Китаю, возбуждали другъ противъ друга распри, эгоистично поживались одинъ на счетъ другаго и развѣ при всемъ этомъ можно назвать любовь ихъ истинною, высокою? Нѣтъ, она не только не была такою, а напротивъ всегда была до нѣкоторой степени своекорыстною; она никогда не была и не могла быть прочною, потому что о бокъ съ нею не стояло въ душѣ другихъ свойствъ, служащихъ основаніемъ для всецѣлой преданности, каковы, самоотверженіе, мужество и твердость духа. Вотъ почему при всей кажущейся силѣ чувства у Халхаса и Ölöта постоянно находила свое мѣсто измѣна, лишь только былъ поводъ къ тому чтобы струсить за возможность потери своего интереса. Что касается Бурята, то онъ не былъ трусомъ. Правда, онъ никогда не уступалъ своимъ сородичамъ (т. е. Халхасамъ и Ölötамъ) въ вѣроломствѣ и измѣнахъ, но это только въ отношеніяхъ къ иноплеменникамъ, а никакъ не въ отношеніяхъ къ роднымъ, — Бурятъ любилъ родину и видѣлъ *свою* славу въ *ея* довольствѣ и славѣ. Въ набѣгахъ Бурятъ на Халхаскихъ Монголовъ нельзя не видѣть святаго для кочевниковъ обычая мести и, пожалуй, Бурятъ считалъ для себя даже почестью умереть на полѣ этой брани. Намъ кажется, что слѣдующая пѣсня умирающаго бурятскаго воина именно подтверждаетъ эту мысль.

хöхö̀ тӱмӱ̀р гхāдак нӣ̀
хӱбшы́йн нзэмгхэ̀к болба̀-ла̀ гэ̄рэ̀й

хӧ̄рӧхӧ̄й багà бэйѢ̀нѝ
хӱ̆мӱ̆нэ̀й гацзàр-ту̀ хэбтэбэ̀-лэ̀ гӭрэй
харà тӱ̆мӱ̆р гхӑдак нѝ
хадáйн цзэмгхэ̀к болбà-лà гӭрэй
хáйратáйхан бэйѢ̀ нѝ
харѝ дáйгхун-ду̀ дарукдабà-лà гӭрэй
алà̀к эрӭн нӱ̆дӱ̆н нн
нюлбугхýтайгӑ хэбтэбэ̀-лэ̀ гӭрэй
алдà харà гэчжигэ̀ нн
гӱрӱ̆льгэ́тэйгэ̄ хэбтэбэ̀-лэ̀ гӭрэй
ӑба-ду̀ минѝ хӯнӭрэй
арбàн табу̀н шархатà̀й-ла гӭрэй
эчжи-ду̀ минѝ хӯнэ̄рэй
элихэ̀ бӧ̄рӧ̄м шарцзараба̀-лà гӭрэй.

Переводъ.

Скажи, что синій, желѣзный колчанъ его
Сдѣлался оружіемъ лѣса,
Скажи, что жалкое, маленькое тѣло его
Легло на чужой сторонѣ.

Скажи, что черный, желѣзный колчанъ его
Сдѣлался оружіемъ скалы;
Скажи, что пользовавшееся ласками тѣло его
Было побѣждено чужимъ врагомъ.

Скажи, что прекрасные глаза его
Легли вмѣстѣ со своими слезами;
Скажи, что саженная, черная коса его
Легла вмѣстѣ со своею вплеткою.

Поговори же моему отцу,
Скажи, что имѣлъ я пятьнадцать ранъ,
Поговори же моей матери,
Скажи, что растерзались мои печень и почки.

Вотъ завѣщаніе умирающаго Бурята къ отцу и матери: онъ проситъ передать, что умеръ со слезами на глазахъ, — конечно это слезы по родинѣ; что коса его, эта гордость восточнаго человѣка, осталась у него на головѣ, а не позорно отрѣзана не-

пріятелемъ; что онъ умеръ, имѣя пятьнадцать ранъ, которыми могутъ гордиться его родители, какъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, что сынъ ихъ былъ силенъ, и не измѣнялъ, а безстрашно стоялъ за славу и честь родины.

Выше мы уже упомянули вскользь, что эти взаимные грабежи, разбои и нападенія Бурятъ и Халхасовъ продолжались до самаго установленія пограничной черты и сторожевыхъ, пограничныхъ знаковъ, точно опредѣлявшихъ границы Россіи и Китая. Событіе это совершилось въ 1728 г.; но переходы границъ въ то время были такъ обыкновенны, что русскіе подданные Буряты, даже и по заключеніи трактата Саввы Владиславича, продолжали въ простотѣ сердечной совершать свои перекочевки на чужія для насъ земли Монголіи и иногда верстъ за 300 отъ установленной межи русской. Преданіе говоритъ, что въ томъ же 1728 году цзангинъ галцзутскаго рода Чилэтэй перекочевалъ на Кэруленъ, но потомъ, когда уже снова возвращался онъ въ русскіе предѣлы, его схватили, предали суду и казнили. Слѣдующая пѣсня по тому же преданію была составлена этимъ цзангиномъ Чилэтэемъ во время производства надъ нимъ слѣдствія по этому дѣлу перебѣга границы.

хӱлгэн, хӱлгэн харà-нӥ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гӱйдэ̀ль шингӥ̀ а́далӥ̀
гӱлмэ̀р багà шилэтэ̀й-нӥ̀
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гхӯдал шингӥ̀ адалӥ̀

ха́йбан, ха́йбан харà-нӥ̀
цзэ̀ а́йду цзэ̀
хэдэ̀р шингӥ̀ адалӥ̀
хаиртӯ ба̄хан шилэтэ̀й-нӥ̀
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гхӯдал шингӥ̀ адалӥ̀

гунà̀н, гунà̀н харахà̀н
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гурбӯ̀н хӱл-дӱ̆ шудуртà̀й

гольшйк багà шилэтэй-нй
цзэ́ а́йду цзэ́
гурбу̀н дабху̀р сэ̀рйк со̀
дöнӧ̆н, дöнӧ̆н харахàн
цзэ́ а́йду цзэ́
дöрбӧ̆н хӳ̀ль-дӳ̆ дӳ̆нъхэтэ́й
дӳ̆рмэхэ̀р ба̄хан шилэтэ́й-нй
цзэ́ а́йду цзэ́
дöрбӧ̆н дабху̀р сэ̀рйк со̀
хони́найга̄ олòн-ду̀
цзэ́ а́йду цзэ́
хотòп шпбэ̄ ботхолàй
хольшйр бага́йн эрхэ-дӳ̆
цзэ́ а́йду цзэ́
обо̄ хилй алхулàй
адӯнайга̄ олòн-ду̀
цзэ́ а́йду цзэ́
аога̀ шпбэ̄ ботхолàй
ӳ̆ӄ бага́йн эрхэ-дӳ̆
цзэ́ а́йду цзэ́
обо̄ хи́ли алхулàй
ӳхэры́йнгэ̄ олòн-ду̀
цзэ́ а́йду цзэ́
ӳндӳ̀р шпбэ̄ ботхолàй
ӳ̆ӄ багàйн эрхэ-дӳ̆
цзэ́ а́йду цзэ́
обо̄ хилй алхулàй
тэмэ̄нэйгэ̄ олòн-ду̀
цзэ́ а́йду цзэ́
тэхшй шибэ̄ ботхолàй
тэнэ̀к багàйн эрхэ-дӳ̆
цзэ́ а́йду цзэ́
обо̄ хилй алхулàй.

Переводъ.

Верховый, верховый воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ какъ будто (бы онъ приготовился въ) бѣгъ.

Съ неразвитымъ, маленькимъ загривкомъ,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ, какъ будто — сѣдалище.

Плавно покачивающійся, плавно покачивающійся воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ, какъ будто (пришелъ въ) ярость.
Съ миленькимъ, маленькимъ загривкомъ,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ какъ будто — сѣдалище.

Трехлѣтній, трехлѣтній воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Съ путами на трехъ ногахъ,
Имѣющій красивый, маленькій загривокъ,
Вотъ какъ вотъ,
(Находится) въ срединѣ войскъ,(стоящихъ) въ три ряда.

Четырехлѣтній, четырехлѣтній воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Съ путами на четырехъ ногахъ,
Имѣющій щетинистый, маленькій загривокъ,
Вотъ какъ вотъ,
(Находится) въ срединѣ войскъ, (стоящихъ) въ четыре ряда.

При множествѣ своихъ овецъ,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я ограду и насыпь,
Подъ вліяніемъ вѣтрянности и молодости
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ лошадей,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я громадную насыпь.
Подъ вліяніемъ молодости (малоопытности),
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ коровъ,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я высокую насыпь.

Подъ вліяніемъ молодости (малоопытности),
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ верблюдовъ,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я ровную насыпь.
По глупости и малоопытности,
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

Мнѣ кажется, что эта пѣсня представляетъ самое искреннее объясненіе преступника по вопросу о причинахъ перехода границъ и что въ казненномъ за эту вину запнѣ Чилэтэѣ вовсе нельзя было видѣть государственнаго измѣнника. Буряты того времени совершенно и не думали о политическихъ границахъ: они кочевали гдѣ кому хотѣлось, не помышляли ни о какомъ раздѣлѣ земель и считали всякую землю, гдѣ пришлось имъ поставить свои юрты — своею. Къ Россіи Буряты не могли не питать добраго чувства, потому что отъ нихъ не далеко еще было то время, когда они блуждали изнуряемые притѣсненіями и голодомъ; они не могли забыть объ этомъ, какъ забыли то настоящіе Буряты, а слѣдовательно и не могли не сознавать, что ихъ благо даровано имъ Россіею. Къ тому же почти въ это самое время Буряты получили новое изъявленіе благоволенія къ нимъ русской власти. Въ 1702 году хоринскій цзайсанъ Торачіевъ отправилъ по одному выборному въ Москву съ просьбою къ императору Петру I-му объ отводѣ опредѣленныхъ земель Бурятамъ и грамотою отъ 23-го марта 1703 года Петръ утвердилъ за Хоринцами право кочевать по мѣстамъ, находящимся по правому берегу р. Селенги и рѣкамъ: Удѣ, Анѣ, Худуну, Тугную, Курбѣ, Хилку, а равно владѣть всѣми пустопорожними мѣстами, лежащими къ югу отсюда вплоть до монгольской границы. Это посольство было первымъ большимъ посольствомъ Бурятъ въ Россію: оно впервые привезло въ степи свѣдѣнія о Россіи и Буряты послѣ сего съ торжествомъ восхваляли русскаго царя и

его милости. Событіе это также нашло свой отголосокъ въ пѣснѣ, которая уцѣлѣла въ памяти народа до настоящаго времени.

сагàш хāн нэрэтэ̀й
саглашѝ ӱгэ̀й буинтàй
сагàн дарà эхэ́йн хубилгàн
манàй эзэ̀н богдò лà
анъхàн йэхэ̀ хотòн нѝ
аморлиигдòй москвà бѝ
алтàн мӱнъгӯн эрдэнэ̄р
агòй дӯрэн баялѝк лà
гханагхáн йэхэ̀ хотóн ни
гхáнт-нитирбӯ́рга гэлэ̀й лэ̀
гхāрашѝ ӱгэ̀й баин-тàй лà
гханакдашѝ ӱгэ̀й сэсэк-тэ̀й лэ̀
гадāду йэхэ̀ далáй дӯ̀
гачжилтà ӱгэ̀й ябухчѝ
гайхамшѝк йэхэ̀ хӯшитэ̀й
ганчжи́р-ту олòн таик-тàй лà
алтàн дэлэхэ̀й дэ̄гӱрэ̀
ӯла гóл хои́р-тӯ̀
аюмшѝк ӱгэ̀й ябухӯ̀
агòй олòн сэри́к-тэ̀й лэ
хāн йэхэ̀ нэрэ̀н ни
харà бӱргӯ́т цолотàй лà
хаиртàй йэхэ̀ зарли́к ни
хамӯ́к бӱгӱдэ́йн абурàл лà
эзэ̀н йэхэ̀ нэрэ̀н шѝ
эрѣн бӱргӯ́т цолотàй лà
эрхэтӯ̀ йэхэ̀ зарли́к ни
эндэхѝ бӱгӱдэ́йн абурэ̀л лà
сэсэ̀н зарлига́йгā тархадàк
сэнàт йэхэ̀ зургàн-тàй лà
шибэ̄ мэтӯ̀ тӱшимэ́т-тэ̀й лэ̀
салдàт олòн хāшартàй лà
тонираш ӱгэ̀й албатутàй
тōлошѝ ӱгэ̀й санътàй лà
токтòм гхáйхан зарлик-тàй лà
туктӯ̀ йэхэ̀ богдà лà.

Переводъ.

Бѣлый царь по имени,
Безграничный по добродѣтели,
Воплощеніе бѣлой Дара эхэ,
Святой повелитель нашъ.

Первый, великій городъ его—
Блаженная Москва,
Золотомъ, серебромъ и драгоцѣнностями
Всесовершенно богатая.

Задуманный великій городъ его,
Говорятъ, Санкт-Петербургъ,
Неистощимо богатый,
Полный невообразимыхъ цвѣтовъ.

Во внѣшнемъ, великомъ морѣ
Ходящіе прямо (безъ лавировокъ)
Обладающіе удивительно большой силой
Съ множествомъ палокъ (похожихъ на) ганчжиръ.

Онъ (т. е. бѣлый царь) имѣетъ чрезмѣрное множество войскъ,
Вокругъ всего свѣта
По горамъ и рѣкамъ
Безбоязненно ходящихъ.

Ханское, великое имя его
Имѣетъ гербъ черпаго орла;
Милостивое, великое слово его
Служитъ спасеніемъ всѣхъ.

Государево, великое имя его
Имѣетъ гербъ пестраго орла;
Могущественное, великое слово его
Служитъ спасеніемъ всѣхъ здѣшнихъ.

Онъ имѣетъ великую палату — Сенатъ,
Раздающій мудрыя повелѣнія,
Онъ имѣетъ чиновниковъ — что крѣпость,
Онъ имѣетъ множество адъютантовъ — солдатъ.

Онъ имѣетъ несмѣтное число подданныхъ,
Онъ имѣетъ несчетную казну,
Онъ имѣетъ непоколебимое, прекрасное слово,
Отличенный знаменемъ, великій, святой!

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія преданій и образцовъ древней бурятской пѣсенной литературы оказывается, что Буряты въ періодъ конца XVI и въ XVII вѣкѣ почти ничѣмъ не разнились отъ другихъ монгольскихъ племенъ въ нравственномъ отношеніи. Какъ и всѣ монголы они были робки, когда сознавали за собою слабость и также разбойнически отважны, когда чувствовали свою силу; любовь къ родинѣ и семьѣ руководила почти всѣми ихъ поступками; преданность очагу, съ малолѣтства воспитываемое уваженіе къ родителямъ и вообще къ старшимъ порождали въ нихъ безотчетное почтеніе и страхъ къ своимъ правителямъ, оттого они всегда могли быть беззавѣтно преданными и покорными слугами своего царя. Все это мы видѣли уже у Ölötовъ и если бы до насъ дошло халхаское народное творчество того же времени, то вѣроятно тоже самое можно было бы отнести и ко всѣмъ Халхасамъ. Въ настоящее время мы конечно находимъ весьма мало свидѣтельствъ всего этого въ халхаской народной литературѣ, но безсомнѣнія это только потому, что судьба Халхасовъ и Бурятъ въ теченіе послѣднихъ двухъ съ половиною вѣковъ была буквально противуположна. Буряты, вступивъ въ русское подданство, въ теченіе одного столѣтія успѣли уже отдохнуть и окрѣпнуть. Патеръ Георгій, путешествовавшій по кочевьямъ Бурятъ въ концѣ XVIII в., называетъ ихъ народомъ весьма зажиточнымъ и увѣряетъ, что ему попадались весьма многіе изъ Бурятъ, имѣвшіе по тысячи верблюдовъ, тысячи по четыре лошадей, тысячь по семи овецъ и рогатаго скота отъ двухъ до трехъ тысячь головъ*). При такихъ богатствахъ Буряты естественно могли бодро смотрѣть на окружающее и сознавать свои силы. Халхасы напротивъ въ это самое время только истощались подъ владычествомъ Китая, они не могли не видѣть своего постепеннаго паденія и естественно должны были унывать духомъ. Къ тому же Буряты оставались еще шаманистами въ то время, когда буддизмъ уже

*) Georgi, Reise. T. I, 309.

всецѣло овладѣлъ Халхою; а это также было весьма важно, потому что незнакомые съ буддизмомъ Буряты, не знали и того разочарованія въ жизни, которое онъ необходимо вселяетъ своимъ ученіемъ въ души всѣхъ своихъ поклонниковъ. Правда, что впослѣдствіи, когда эта религія привилась къ Бурятамъ, она сдѣлала ихъ самихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ народную литературу до нѣкоторой степени похожею на халхаскую; но уже то самое, что буддизмъ привился къ Бурятамъ впослѣдствіи и что въ періодъ его развитія Буряты только богатѣли по своей матеріальной обстановкѣ, ручалось, что онъ не произведетъ здѣсь того вліянія на души, которое удалось ему произвести у Халхасовъ. Такъ различіе жизненныхъ условій этихъ двухъ единоплеменныхъ народностей необходимо должно было породить къ настоящему времени уже почти совершенное различіе ихъ характеровъ и характера ихъ народной, пѣсенной литературы: пѣсни Халхаса, въ силу постоянно усиливавшагося надъ его жизнью гнета, еще съ конца XVII в. должны были становиться болѣе и болѣе унылы и мрачны; въ пѣсняхъ Бурятъ, которымъ судьба почти съ того же самаго времени начала только улыбаться, необходимо должны были выражаться жизнь и веселье. Ниже мы увидимъ съ большими подробностями насколько развилось это различіе и какъ выразилось оно во вѣѣ; но племенное единство съ Халхасами у Бурятъ даже въ XVIII вѣкѣ было поразительно сильно. Для примѣра мы беремъ уже разсмотрѣнную нами черту любви Халхасовъ къ родному крову. Пѣсни Бурятъ, преслѣдующія ту же тему, въ полномъ смыслѣ слова не могутъ быть отличены отъ халхаскихъ: единство чувствъ и понятій пѣвцовъ, единство порядка воспѣваемыхъ лицъ, единство образовъ, сравненій и подобій и наконецъ самой формы пѣсенъ бросаются въ глаза даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи. Для доказательства мы представляемъ въ pendante халхаской пѣснѣ, записанной подъ № 3, слѣдующую бурятскую:

гхалāр ӱндӱр модо̀н-дӱ̀
гха́йхан дӯта̀й хӱхӱ́й-лэ̀

гхарàйи нигэ̀н дòнъготшѝ
гханā гхэтхѝль минѝ загханàм

ӯлаин ӱндӯр модòн-дӯ
нарихàн дӯтàй хӱхӱйлэ̀
нагхун-дà ни́гэ̀ донъготшѝ,
ухāн гхэтхѝль минѝ загханàм

адӯгā гханагхàн морѝн минѝ
аргамчжāн тӧрӧ̄т низагаланàм
ābайгāн гханагхàн хӱмӱ̀н ни
āши аргāн баракданàм

ичжилѣ̄н гханагхàн морѝн минѝ
эргэ̄т тӧрӧ̄т низагаланàм
э̄чжѣ̄н гханагхàн хӱмӱ̀н нѝ
элихэ̀ бӧрӧ̄н баракданàм.

Переводъ.

На развѣсистомъ, высокомъ деревѣ
Сладко-голосистая кукушка,
Кукуя въ мѣсяцъ разъ,
Утѣшаетъ мои думы.

На высокомъ, горномъ деревѣ
Тонко-голосистая кукушка,
Кукуя разъ въ свой вѣкъ,
Утѣшаетъ мои разумъ, мысль.

Моя лошадь, вспомнившая о своихъ табунахъ,
Ржетъ, ходя вокругъ своей привязи;
Вспомнившій про своего батюшку человѣкъ
Изнуряется въ своемъ обращеніи и средствахъ.

Моя лошадь, вспомнившая свои родные табуны,
Ржетъ, похаживая вокругъ;
Человѣкъ, вспомнившій о своей матушкѣ,
Губитъ свои печень и почки.

Буддизмъ, по сказаніямъ собственныхъ лѣтописей Бурятъ, проникъ къ нимъ не ранѣе 1730-хъ гг., т. е. въ то время, когда онъ уже всецѣло овладѣлъ душами Халхаскихъ Монголовъ. «Около 1730 г., говорится въ лѣтописи Ломбо Цэрэнова, люди селенгинскаго, цонгольскаго рода, по внушенію монголовъ, по-

строили дацанъ въ мѣстности Эрхэ-Буряи и тамъ покланялись. Въ это же время пришло сюда 50 ламъ изъ Тибета и 100 изъ Монголіи.... и началось быстрое распространеніе религіи Будды» *). Другихъ какихъ либо сказаній о первоначальномъ развитіи буддизма у Бурятъ въ лѣтописяхъ, писанныхъ на монгольскомъ языкѣ, мы не находимъ, и самыя подробныя свѣдѣнія о семъ можемъ получить единственно изъ разсмотрѣнія дѣловыхъ бумагъ въ архивахъ различныхъ казенныхъ, присутственныхъ мѣстъ Забайкалья; но за всѣмъ тѣмъ даже и на основаніи этихъ оффиціальныхъ памятниковъ въ настоящее время трудно выяснить причины первоначальнаго громаднаго успѣха буддизма у Бурятъ. Правда, что Русскіе въ ту пору совершенно не обращали вниманія на бурятскую жизнь, небрегли ихъ вѣроученіемъ и не думали о распространеніи въ средѣ ихъ евангельской проповѣди; так. обр. буддизмъ, явившись къ Бурятамъ, можно сказать, не встрѣчалъ себѣ рѣшительно ни какой конкурренціи: но это только отрицательная сторона дѣла, ничего не говорящая о дѣйствительныхъ причинахъ, по которымъ Буряты такъ быстро превратились изъ шаманистовъ въ поклонниковъ Будды. Отыскивая эти причины мы конечно не можемъ предполагать, чтобы Буряты могли видѣть какую либо матеріальную выгоду въ принятіи буддизма; насилій со стороны монголовъ также не было, наконецъ дѣйствовать подражательно Халхасамъ Буряты едва ли могли въ то время, потому что не питали къ нимъ ни уваженія, ни симпатіи; остается признать слѣдовательно духовную силу за самимъ буддизмомъ, а равно ловкость и умѣнье вести дѣло за его проповѣдниками. Отказывать въ этой духовной силѣ буддизму конечно не возможно: его всегдашнимъ достоинствомъ была именно способность удовлетворять не только каждую народность, которая искала для себя болѣе высокихъ религіозныхъ вѣрованій, но и каждую особь этой народности; для этого удовлетворенія онъ имѣлъ у себя всѣ средства и самое ученіе его какъ бы состав-

*) Убаши Дамба Чжалцан Лэмбо Цэрэну цзохіяхсан буріят цзон'у тэухэ. Рукопись на бурят. яз., л. 8-й, имѣется въ моей библіотекѣ.

лено было для того, чтобы увлекать за собою не одинъ какой либо классъ людей, а цѣлый народъ; ибо въ полномъ кодексѣ его литературы никогда не было недостатка ни въ увлекательныхъ баснях для толпы, ни въ глубокихъ, отвлеченныхъ абстраціяхъ для умовъ мыслящихъ. Такое воздѣйствіе и вліяніе буддизма на человѣчество мы можемъ наблюдать собственно во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ ни появлялся: въ исторіи оно должно быть признано за обыкновенное явленіе и конечно имъ только и можемъ мы объяснить, почему Буряты схватились за буддійскія доктрины съ такою жадностію, что вскорѣ нельзя было и отличить проповѣдниковъ отъ обращенныхъ. Въ короткое время у Бурятъ построилось нѣсколько дацановъ и сами они вошли въ тѣсную духовную связь съ Монголіей и Тибетомъ. Со стороны Монголовъ и Тибетцевъ связь эта выражалась конечно покровительствомъ новообращеннымъ: монгольскій Хўхэн хутухтў далъ торжественное обѣщаніе (йорёль тальбибай) *) быть всегдашнимъ богомольцемъ и духовнымъ заступникомъ Бурятъ; Буряты въ свою очередь постоянно посѣщали свои буддійскія митрополіи, изучали тамъ буддизмъ и добровольно заимствовали оттўда разнаго рода книги и богослужебныя принадлежности **). Въ подтвержденіе сего можно указать фактъ, что лама Дорчжи Цзаягійнъ, бывшій въ 1767 г. въ Москвѣ членомъ учрежденной Екатериною II-ю коммиссіи для изданія новаго уложенія, доводилъ до свѣдѣнія императрицы о своемъ путешествіи въ Тибетъ, гдѣ отъ Баньчэнь эрдэни принялъ онъ посвященіе въ санъ гэлюна ***). Почти одновременно съ путешествіемъ Заягійна въ Тибетъ получилъ въ Ургѣ богословское образованіе другой знаменитый бурятскій лама Лубсанъ-чжамбо Ахалтуевъ, бывшій впослѣдствіи настоятелемъ Гусино-озерскаго дацана (построенъ въ 1750 году). Объ этомъ послѣднемъ бурятскія лѣтописи говорятъ, что онъ жилъ въ Ургѣ вмѣстѣ съ 89 своими

*) Тамъ же. Л. 9.

**) Тамъ же. Л. 10, 13, 14.

***) Лама Заягійн үбэрүн домоги айладухсан шастир.

хувараками *). Можно заключать отсюда, какъ сильно развивался въ Забайкальи буддизмъ съ самыхъ первыхъ годовъ своего появленія. Но важнѣе всего то, что у Бурятъ, какъ и въ Халхѣ, буддизмъ очевидно развивался въ равной мѣрѣ какъ со стороны практической, такъ и со стороны научной. Въ противуположность Ölöтамъ, у которыхъ изученіе догматики буддизма не развилось еще серіозно и до настоящаго времени, Буряты съ самаго начала имѣли у себя не только иностранныхъ, но и своихъ собственныхъ ученыхъ богослововъ. Заявъ возвратился изъ Тибета, получивъ тамъ высшую богословскую ученую степень — хларамбы; нѣсколько позже лѣтописныя сказанія съ восторгомъ повѣствуютъ о состязаніяхъ тибетскаго ламы съ бурятскимъ въ чисаповскомъ дацанѣ; еще позже Буряты заводятъ у себя оффиціальную высшую школу цанита въ цугэльскомъ дацанѣ. Это послѣднее событіе относится къ 1845 году, но собственно изученіе цанита было гораздо раньше въ дацанахъ монгольскомъ и Гусино-озерскомъ **). При такомъ положеніи дѣлъ естественно, что результаты вліянія буддизма на духъ народа и народную литературу у Бурятъ должны были имѣть въ своемъ обнаруженіи гораздо болѣе общаго съ результатами воздѣйствія его на Халхасовъ, чѣмъ на Ölötовъ. Такъ мы и находимъ въ дѣйствительности и если религіозныя пѣсни Ölötовъ до сего времени, какъ было показано, не отрѣшились еще отъ суевѣрій шаманства и самыхъ просто-народныхъ измышленій, то въ таковыхъ же по содержанію пѣсняхъ бурятскихъ не только не встрѣчаемся мы съ народными воззрѣніями на міръ духовный, а напротивъ какъ и у Халхасовъ наталкиваемся въ нихъ на чисто догматическое ученіе, выражаемое при томъ и книжнымъ, такъ сказать священнымъ слогомъ.

эрхѝм шинчжѝ ма́ндага̀
эрдэни́йн хӯхэп хутухту̀

*) Ломбо Цэрэнӯ тӯхэ. Л. 13.

**) О. Ковалевскій. Отчетъ о командировкѣ въ Монголію. (Рукопись изъ библіотеки проф. Каз. Дух. Акад. В. В. Миротворцева.

эхэ̀ хамӯк амитан-нӣ
эндӯрэл ӱгэ̀й ӱрӱшийѣ

итэгэ̀л харà махага́ла
элдэ̀б зуилы́йн хубилганā̀р
альбӣн шумшӯт да́йгхун-нӣ
дарӯ́й тӱргэ̀н хāсайлà

тангари́глачжӣ шӱтӱгхэ̀н
данши̇̄к харà махага́ла
табӯ́н илагу́гхан бэйѣтӯ
бихà̀р-чжалбò гунъ-а́ минӣ

ōрсок бӱрі́йн угхӯ́н-дӯ
оноту̀ гхума̄н тальбя̄т
ургату̀ шумшӯт да́йгхун нӣ
тӱргэ̀н топрà̀к болгонò

эзэ̀н хāн зарлик-та̀й
эрхӣм харà пӯши бӣ
эндӯрэхӯ ӱйлэ́йги
эрипчӣн-гомбò цзахирà

бадарагхà̀н галы́йн дӯндӯ̀
ба́дма хаи́нъкирва
баршӣт нӱгӯ́ль тӱйтхэри
барата́лà арилгà

сò̀к улā̄н хадà̀н-ду
шӱсӯ́н зэ̄рдэ моритà̀й
тумэ̄н альбӣн тӱльхэ̄т-тэ̀й
улāп бикчжитэ̀й махага́ла

да́йгхун минӣ дарухшӣ
дахи́ни ухӣн тэнърӣ
гхэльтэ̀ йигхӯ́н тэпъри-пэ́р
хуиглачжӣ мордонà

хасà̀к тэргэ́йн арихӣп-ду
гхохтохӯ́йп апда̀л ӱгэ̀й бӣ
харà шумнӯ́т да́йгхуп-ду
дарухдахӯ́-йн аю́л ӱгэ̀й бӣ

орò̀т тэргэ́йп арихӣп-ду
гхохтохӯ́йн андà̀л ӱгэ̀й бӣ
ургату̀ шумпӯ́т да́йгхун-ду
дарухдахӯ́йн аю́л ӱгэ̀й бӣ

гайтайха̀н хӱмӯн нѝ
галцзӯ йогацзарӣйн дӱритэ̀й
арилугха̀н хӱмӯн нѝ
арӣйӣ-ба̀лойн дӱритэ̀й

чжиргалтайха̀н хӱмӯн нѝ
ма̀пи болга̀н махтахтӯй
цзоболоптайха̀н хӱмӯн нѝ
дӯн болга̀н донъгосохтӯй.

Переводъ.

(Исполненный) превосходныхъ примѣтъ Ямандага
Драгоцѣнный Хухэнъ хутухта,
Будьте милосерды совершенно
Ко всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

Предметъ вѣры, черный Махагала,
Превращеніями разныхъ родовъ
Тотчасъ, поскорѣй удали
Демоновъ, чертей и враговъ.

Дивный, черный Махагала,
Котораго почитаемъ мы съ молитвой,
Бигаръ Чжалбо Гун'а мой
Имѣющій пять побѣдоносныхъ свойствъ!

Въ воду каждой ложбины
Положивъ свою стрѣлу съ зазубриною,
Онъ мгновенно превращаетъ въ прахъ
Враговъ и демоновъ, снабженныхъ укрюками.

По повелѣнію государя царя
Есть (у насъ) лучшая черная пушка;
Дѣяпія заблужденій
Ринсунъ гомбо (ты) исправь.

Среди пламенѣющаго огня (стоящій)
Бадма хаинкирва
Очисти до конца
Препятствія, несчастья и грѣхи.

На красной огненной скалѣ,
На красновато-рыжей лошади,

Съ полчищами десяти тысячь шимпусовъ
Краснопанцырный Чжамсаранъ.

Подавляющая моихъ враговъ,
Вѣщая дѣвственная тэнгри,
Всѣ вмѣстѣ девять тенгріевъ,
Надѣвши панцыри, отправляются.

Я не ошибусь (въ томъ), что напьюсь до пьяна
Водкою изъ двухъ колесной телѣги,
Я не боюсь, что буду побѣжденъ
Черными демонами, — врагами.

Я не ошибусь (въ томъ), что напьюсь до пьяна
Водкою изъ русской телѣги,
Я не страшусь быть побѣжденнымъ
Врагами демонами, снабженными укрюкомъ.

Нечестивый человѣкъ
Имѣетъ видъ бѣсноватаго йогацзари,
Освятившійся человѣкъ
Носитъ видъ Арія-бало.

Блаженные люди
Хвалите, совершая мани;
Страждущіе люди
Кричите, испуская вопли!

Эта пѣсня бурятскихъ ламъ не многимъ уступаетъ халхаской пѣснѣ о Дамдинъ-Дорликѣ: въ ней видимъ мы тоже перечисленіе бурхановъ, тоже изложеніе свойствъ ихъ, заимствованное изъ богослужебныхъ помовъ, даже тотъ самый языкъ и форму изложенія. Можно было бы предположить отсюда, что при одинаковыхъ съ халхаскими условіяхъ существованія буддизма въ русскомъ забайкальи, пѣсни бурятскихъ ламъ были бы совершенно подобны халхаскимъ и содержаніемъ ихъ была бы также отвлеченность и созерцаніе духовнаго міра, которыя воспѣваются и въ Халхѣ; но теперь эти условія далеко нельзя назвать вполнѣ одинаковыми. Буддизмъ у Бурятъ прежде всего бѣднѣе своими святынями: такимъ образомъ Буряты не имѣютъ у себя гэгэновъ и хутухтъ, которые такъ обыкновенны въ Мон-

голіи и Тибетѣ, а это заставляетъ нашихъ поклонниковъ будды съ одной стороны болѣе идеально смотрѣть на этихъ живыхъ божествъ и больше говорить о нихъ, а съ другой совершенно преклоняться предъ обладателями таковыхъ святынь — Монголами и особливо предъ Тибетцами. Халхасы, которые считаютъ въ своей странѣ до восьмидесяти штатныхъ хутухтъ и имѣютъ у себя великаго перерожденца Даранаты, естественно смотрятъ проще на своихъ богочеловѣковъ, сравнительно рѣже обращаютъ на нихъ свое вниманіе и ведутъ о нихъ свою рѣчь, всецѣло предаваясь размышленіямъ и изученію трактатовъ о невидимомъ, чисто духовномъ мірѣ; отъ того то религіозная поэзія Халхасовъ дышетъ, какъ мы уже видѣли, глубокою отвлеченностію. Для Бурятъ самая страна гэгэновъ составляетъ невидимый міръ; отъ того воспѣваніе этого міра или мѣстопребыванія гегеновъ, т. е. Монголіи и Тибета, для бурятскихъ ламъ такой же предметъ пѣсни, какъ духовное царство Аганишты для монгольскихъ. Впрочемъ мы сильно ошибемся, если станемъ думать, что этотъ новый предметъ для пѣсенъ, какъ болѣе реальный, дѣластъ бурятскую религіозную пѣсенную поэзію нѣсколько болѣе жизненною: на дѣлѣ оказывается, что стремленіе авторовъ ламъ придать побольше значенія своей святынѣ, значительно отнимаетъ у нея это достоинство и форма, въ которой воспѣваютъ они святыни Монголіи и Тибета, дѣластъ изъ этихъ странъ не земное, а скорѣе небесное царство вѣрующихъ.

нарап-нӣ̀ гархӯ зӯгэ̄гхэ
гэгэ̀н тӯя̄ мандана̀
гэгэ̀н бурха̀п хоир-тӯ
ӱдӯр бӯрӣ̀ мӯргӯйѣ̀
абура̀л дэ̄дӯ лама-дӯ
алгагха̀л ӱгэ̀й шӯтӯйѣ̀
арба̀п хара̀ нӯгӯлы́йги
арилгачжӣ̀ охийя̀
арба̀н сага̀п буины́йги
эхилэчжӣ̀ аба̄т

абàй богдò тэдэн-дў̆
аятàй зогà барiйнà

банышúнь богдóйн гэгэпэ̄гхэ
бошòк лу́нъдан бў̄лгачжѝ
бўрѝн тэгў̆с бў̆тэ̄гхэ̀н
бра́йбун хидыúин орòн бѝ

далàй лама́йш гэгэнэ̄гхэ
дарў̀й лунъдàн бў̄лгачжѝ
дэ̀дў̆ шачжúн-ни бў̆тэ̄гхэн
тэ́йми гха́йхан орòн бѝ

ўргў̆н зў̄йш хöбȫ-дў̆
ўнэхэ̀р номы́йш хўрэ̄нь-дў̆
ўлэмчжѝ хуварагў̄т суглучжѝ
ўйлэ̀йн ўрѐ номлабàй

хўмў̆к ў̄лайн хая̄-ду
хўшитў̆ мўргў̆ль хурàнà
хўрэ̀н хэнъгэргэ̀ дэлэтшѝ
хўшитў̆ дў̄ гаргàнà

ўнэхэ̀р номы́йш хўрэ̄нь-дў̆
олòн хуварагы́йн дэргэдэ̀
алгагхàл ўгэ̀й гхэтхилэ̄р
аморлингóйги бисылгайнà

аргà билѝк хоира̄р
мўпъхэ̀ бугху́-йги ухайнà
богдонары́йн шашѝн батутха̄т
бўгў̆дэ̄р хамтў̀ чжиргайнà.

Переводъ.

Со стороны восхода солнца
Разсѣяваются свѣтлые лучи;
Будемъ ежедневно покланяться
Гэгэпу и Буддѣ.

Будемъ непоколебимо уповать
На спасительнаго, высокаго ламу,
Очистимъ и покинемъ
Десять черныхъ грѣховъ.

Положивъ начало и принявъ
Десять бѣлыхъ добродѣтелей,
Принесемъ мирное наслажденіе
Отцамъ святителямъ.

Есть мѣсто монастыря Брайбунъ,
Который построенъ въ совершенствѣ,
Получивъ наставленіе
Отъ святителя Баньчэнь богдо.

Получая наставленіе непосредственно
Отъ святителя Далай ламы,
Приведшее въ совершенство высокую вѣру,
Такое прекрасное мѣсто,

На берегу широкой Цзу,
Во истинно духовной обители,
Собралось множество хувараковъ и
Проповѣдало о воздаяніи за дѣла.

У склона утесистой скалы
Служатъ они великій мӱргӱль,
Ударяютъ въ темнобурый барабанъ
И издаютъ сильные звуки.

Въ истинно духовной обители,
Предъ множествомъ хувараковъ,
Непоколебимою мыслію
Будемъ созерцать мы успокоеніе.

Мудростію и средствами
Проникнемъ мы въ пониманіе тлѣннаго
И, утвердивъ вѣру святителей,
Всѣ вмѣстѣ будемъ веселиться.

А вотъ другая пѣсня, въ которой Буряты воспѣваютъ Халху:

аруӣн долӧн хошӱн ду
алтӓн ганчжӱр цзаларнӓ
аӓ хамӱк амитӓн
тэригӱн дӱ мӱргӱнэ

шинчжилэнгӣйн орӧй-дӱ
шинэхэ̀н баригхӓн дасӓнъ бӣ
шинчжилэ̀н бӓйчжи бӱтэгхэн
шачжамӱнӣйн дӱрӣ-лэ̀

оройгāгха ши харахӯ ду
ошӣр хопхо́йи дӱритэ̀й
улӯм о́йра ни ирэхӯ-дӱ
улāп хӱчжйин ӱнӱртэ̀й

тэнгринэгхэ шичжимтэ̀й
тэхшӣ гха́йхан дасàнъ бӣ
тэригӯн дӯ мӱргӱчжӣ
адисти́ди хӱртэйѣ

охторгойгāгха шичжимтэ̀й
ӯчжим гха́йхан дасàнъ бӣ
олòн бӱгӱдэр мӱргӱчжӣ
адисти́ди хӱртэйѣ

хӱрӣн булугы́йи эхӣн-дӯ
гӱрӱмтэ̀йхэн дасàн-ла
хӱхэ̀ улāн-ни нэмӱрэгхэ̀н
хӯхэн хутухту́йи шаби-нàр

шарà булугы́йи эхӣн дӯ
шинàр гха́йту дасàн бӣ
шарà улāн-ни нэмӱрэгхэ̀н
ша́кчжа-тубы́ин шабинàр

наймàн шикшиктӯ дасàн-ду
наран-нӣ туя̄ мандана̀
наймàн хӯль-тӱ ширэ̄н-дӯ
зула́йи туя̄ бадарана̀

дӱрбэ̀н шикшиктӯ дасàн-дӯ
дӱлӱн-нӣ туя̄ мандана̀
дӱрбэ̀н хӯль-тӱ ширэ̄н-дӯ
зула́йи туя мандана̀

хулугху́пи дупдӯ нӣ
ху́пъ шубӯ допъгодона̀
хуварагы́йи дундӯ нӣ
дунъ бӱрѣ донъгинана̀.

Переводъ.

Въ семи сѣверныхъ хошӯнахъ
Переносятъ золотой ганчжуръ;
Ахъ, всѣ одушевленныя существа
Покланяются (ему) головою.

На вершинѣ Шипъчжилэнгійской (горы)
Стоитъ вновь построенный храмъ,
(Въ немъ) тщательно исполненный
Образъ Шигэмунія.

Какъ посмотришь (на него) съ верху,
Онъ имѣетъ видъ вачира и колокольчика;
Какъ подходишь (къ нему) по ближе,
(Отъ него) благовоніе красныхъ курительныхъ свѣчъ.

Имѣющій связь съ небомъ,
Ровный и прекрасный храмъ;
Преклонившись головою,
Получимъ благословеніе.

Имѣющій связь съ небомъ,
Просторный, прекрасный храмъ;
Поклонившись всѣмъ множествомъ,
Удостоимся благословенія.

При истокахъ ключа Куринъ
Стоитъ храмъ, въ которомъ совершаются молебствія,
Одѣтые въ синій и красный (цвѣтъ)
Ученики Хухэнъ хутухты.

При истокахъ ключа Шара
Есть храмъ, славный своими прекрасными качествами;
Одѣтые въ желтый и красный цвѣтъ
Ученики Шакжа-тубы (= Шигэмунія).

Въ восьми-угольномъ храмѣ
Разсѣявается лучь солнца;
На восьми ножномъ столѣ
Разсѣявается лучь лампады.

Въ четырехъ-угольномъ храмѣ,
Разсѣявается свѣтъ паникадила;
На четвероножномъ столикѣ
Разсѣявается свѣтъ лампады.

Въ срединѣ камышей
Кричатъ лебеди;
Въ срединѣ духовныхъ лицъ
Слышны звуки раковины.

Въ такой формѣ воспѣваютъ свои религіозныя митрополіи бурятскіе ламы. Судя по тому, что они сравнительно чаще халхаскаго духовенства посѣщаютъ Тибетъ, и что почти каждый порядочный бурятскій лама считаетъ своею обязанностью побывать во всѣхъ важнѣйшихъ святыхъ мѣстахъ Монголіи, можно было бы ожидать, что въ пѣсенныхъ и стихотворныхъ произведеніяхъ ихъ, воспѣвающихъ помянутыя мѣстности, найдется больше жизни: что здѣсь мы повстрѣчаемъ и картинные виды природы описываемыхъ мѣстъ, и подробныя изображенія внѣшности по преимуществу занимающихъ вниманіе ламства святынь, и легендарныя сказанія объ этихъ святыняхъ; но ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Воспѣвая хвалы Монголіи и Тибету, бурятскіе поэты-монахи очевидно не только не интересуются дѣйствительностію, но даже и бѣгутъ всего того, что имѣетъ сходство съ дѣйствительнымъ, какъ напр. легендарныхъ сказаній. Точнѣе, воспѣвая святыни буддизма въ той или другой странѣ, бурятскіе ламы обращаютъ все свое вниманіе на духовное значеніе этихъ предметовъ, изображаютъ исключительно ихъ мистическую сторону, упоминаютъ только о томъ, въ чемъ проявляется ихъ таинственное значеніе; описаніе же внѣшности этихъ святынь ограничиваютъ едва ли не одною ихъ номенклатурою. При такомъ характерѣ бурятскихъ описательно-религіозныхъ пѣсенъ, естественно, что въ текстѣ ихъ, особливо при сжатости изложенія, является много неудобопонятнаго для обыкновеннаго человѣка; — результатъ же такого образа изложенія понятенъ самъ собою. Пѣсня порождаетъ въ слушателяхъ чувство благоговѣнія, усиливаетъ безотчетное сочувствіе ихъ къ тому загадочному міру, который она воспѣваетъ и съ которымъ душа ихъ сроднилась въ мечтахъ еще со младенчества и заставляетъ безсознательно преклоняться предъ таинственною высотою этого міра. Такимъ образомъ незамѣтно воспитываютъ ламы у Бурятъ религіозное чувство и вселяютъ въ сердца ихъ вѣру въ духовное величіе буддійскихъ святынь въ отдаленныхъ мѣстахъ снѣжнаго царства, или соплеменной Бурятамъ Монголіи. Какъ

представители въ своемъ народѣ этой воспѣваемой религіи, ламы естественно хотятъ выставить и себя по крайней мѣрѣ отраженіемъ того же величія, а отсюда при стремленіи ихъ стать выше народа, возникаетъ желаніе отдѣлиться отъ него именно въ ту сторону, гдѣ блистаетъ это величіе, — въ сторону Халхи. Такъ по крайней мѣрѣ я объясняю себѣ то явленіе, что бурятскіе ламы всѣми силами души стремятся считаться Халхасами и, отвергая отъ себя всякое постороннее вліяніе, презирая все, что могло бы привзойти въ ихъ жизнь со стороны Руси, хотятъ быть похожими только на Халхасовъ *). Явленіе это ярко бросается въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи надъ ламствомъ въ Забайкальской степи: начнемъ хоть съ того, что бурятскій лама считаетъ для себя постыднымъ говорить по русски **) и напротивъ прежде и больше всѣхъ старается объ усвоеніи у себя халхаскихъ особенностей рѣчи; тѣже заботы прилагаетъ онъ и къ перениманію халхаскихъ пріемовъ въ обращеніи съ предметами, въ отношеніяхъ съ людьми и вообще во всей внѣшней обстановкѣ; для курьеза пожалуй можно замѣтить, что во всѣхъ бурятскихъ степяхъ никто кромѣ ламъ не носитъ уродливыхъ халхаскихъ, или лучше сказать, китайскихъ сапоговъ и напротивъ всякій лама, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, непремѣнно имѣетъ ихъ;

*) П. Керцелли. Москов. Университ. Извѣстія. Чт. о Бурятахъ. 1869 г.

**) Нежеланіе считаться знающимъ русскій языкъ у бурятскихъ ламъ въ самомъ дѣлѣ поразительно и они доказываютъ его съ удивительною настойчивостью; для примѣра укажемъ хоть на то, что, кажется ни одинъ бурятскій ханбо лама, хотя и считается онъ чиновникомъ русской службы, не зналъ русскаго языка. Въ послѣднее время обстоятельство это обратило на себя вниманіе русскаго правительства и отъ хамбо ламъ стали требовать знанія русскаго языка какъ необходимаго условія при утвержденіи въ должности, но что же вышло? Ханбо лама Мархаевъ послушалъ эти требованія, да и вышелъ въ отставку, не думая объ ихъ исполненіи; настоящій ханбо явился также не знающимъ русскаго языка и былъ утвержденъ исправляющимъ должность ханбо ламы не прежде, какъ далъ обѣщаніе выучиться ему; лѣтъ пять по этому случаю былъ онъ исправляющимъ должность, каждый годъ ѣздили къ нему русскіе чиновники освѣдомляться объ его успѣхахъ, да въ концѣ концевъ такъ и утвердили, — лама все таки настоялъ на своемъ и русскаго языка онъ не знаетъ.

конечно это только для того, чтобы быть болѣе похожимъ на Халхаса. Вообще тяготѣніе къ Халхѣ въ средѣ бурятскаго ламства поразительно. Назвать бурятскаго ламу Халхасомъ, ученикомъ Чжэбцзунъ дамбы, значитъ доставить ему высшую степень удовольствія, и самъ онъ иначе и не говоритъ въ своей рѣчи какъ «*нашъ халхаскій* обычай», *наши халхаскія* убѣжденія и пр. Но за всѣмъ тѣмъ этимъ ревностнымъ приверженцамъ будды, которые отклоняютъ отъ себя всякое подражаніе своимъ цивилизованнымъ владѣтелямъ и изъ за одной только религіи, ставятъ своимъ идеаломъ жалкаго монгола, нельзя не сознавать предъ своимъ же народомъ, что они все таки не Халхасы, что ихъ духовный владыка — не гэгэнъ, не хутухта, указанный буддійскимъ тайновѣдцемъ, а выбранный простымъ народомъ ханбо-лама. Не считать послѣдняго владыкою вѣры, не превозносить его, — значитъ унизить весь религіозный строй въ своей странѣ, нанести ударъ себѣ же самимъ; а между тѣмъ согласить этихъ двухъ противуположностей, быть одновременно Халхасомъ и Бурятомъ, конечно не возможно. И вотъ отсюда то вытекаетъ та комичная двойственность, по которой бурятскіе ламы въ настоящее время и хотятъ выставить себя нераздѣльными съ Халхаскими Монголами и въ тоже время во имя народной гордости и человѣческихъ интересовъ должны отстаивать высоту своей отдѣльности отъ нихъ. Вотъ примѣръ этой смѣшной двойственности въ бурятской ламской пѣснѣ:

охторго́йги гэйгӯлӯхши
алта̀н шара̀ пара̀н бѝ
оршиланги́йги гэйгӯлӯхши
алдартӯ̀ шара̀йн шашѝн бѝ

бодонъту̀ гхӯни́йги гэйгӯлӯхши
мӯнъхэ̀ сага́н гхара̀ бѝ
бодонъго́йги гэйгӯлӯхши
мӯнъхэ̀ шара̀йн шашѝн бѝ

харанго́йги гэйгӯлӯхши
гэгэ̀н зула̀йн туя̄ бѝ

хамӯк амитан-нӣ гэйгӯлӯхши
богдо̀ зонъхава̀йн гэгэ̀н бӣ

хара̀ гхальхи́н-ни халхалахшӣ
хада́йн ӯбӯр гэлэ́й лэ̀
халха̀ маны́йги одоридухшӣ
хамбо̀ лама̀ гэлэ́й лэ̀

охторго́йн оргӣл-дӯ
олдо̀н донъшӯр одо̀т бӣ
ордо̀н орӧро эзэлэгхэ̀н
олдо̀н хошӯн-ни хӓн бӣ

хамӯк орон-нӣ эзэлэгхэ̀н
хӓн импира̄тор гэлэ́й лэ̀
эпэ̀ бэйӗ́йги ӯкгӯгхэ̀н
э̄чжӣ а̄ба̀ гэлэ́й лэ̀

бурха̀н ном-ӣ шӯтӯчжӣ
буянта̀й гха́йхан чжиргайя̀
бурӯ̄ цзӯб-и шилгачжӣ
буртак ӯгэ̀й чжиргайя̀

шашӣн ном-ӣ шӯтӯчжӣ
гхамӯ̄ ӯгэ̀й чжиргайя̀
гхалага̀й ябуда̀л-и тэбшичжӣ
буртак ӯгэ̀й чжиргайя̀

ашитӯ лама́йги шӯтӯчжӣ
адисти́д-тунӣ хӯртэйӗ̀
ахама̀т тӯшимэ́д-и хӯндӯлэчжӣ
аята̀й гха́йхан чжиргайя̀

но́м шаши́н-ни шӯтӯчжӣ
омо̀к ӯгэ̀й чжиргайя̀
номохо̀н тӯлыгӗ̄н ябучжӣ
поӣн соло̀ хӯртэйӗ̀

хӓн ноинӓн шӯтӯчжӣ
хаирта̀й гха́йхан чжиргайя̀
а̄ба̀ э̄чжи́йгэ̄н хӯндӯлэчжӣ
ашӣ-дӯн-ни хӯртэйӗ̀

арга̀ билигӣ гхуршӣ
андӯ̄ ӯгэ̀й ябуйя̀
эзэ̀н императоры́йн зарлига̄р
эрхэ̀ йо́гху дагайя̀

эрдэ̀м билигѝ гхуршѝ
эндӯ ӱгэ̀й ябуйѝ
ӱлзэ̀й хутӳ̀к орошичжѝ
ӱргӱ́льчжѝ гха́йхан чжиргай.

арга̀ билигѝ гхуршѝ
андӯ ӱгэ̀й ябуйѝ
арба̀ц буи́н дэлгэрэчжѝ
ачжѝк ӱгэ̀й чжиргайя.

Переводъ.

Освѣщающее небо
Золотое, желтое солнце,
Просвѣщающая матеріальный міръ
Славная, желтая вѣра.

Освѣщающая темную ночь
Вѣчная, блѣдная луна,
Просвѣщающая мракъ (невѣжества)
Вѣчная, желтая вѣра.

Освѣщающій темноту
Лучь свѣтлой лампады,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ святителя Цзонхавы.

Заграждаетъ жестокій вѣтръ
Говорятъ, южный склонъ скалы;
Руководитъ насъ Халхасовъ
Говорятъ, ханбо-лама.

На окружности небесъ
Много билліоновъ звѣздъ;
Правящіе отдѣльными мѣстностями
Ханы множества хошуновъ.

Управляющій всею страною,
Говорятъ, Государь Императоръ,
Давшіе это существо
Говорятъ, батюшка да матушка.

Уповая на Бога, да на священное ученіе,
Повеселимся хорошо и добродѣтельно;
Различая злое и доброе,
Повеселимся безъ непристойностей.

Уповая на вѣру и священное ученіе,
Повселимся въ безмятежіи;
Отбросивъ худыя дѣянія,
Повеселимся безъ непристойностей.
Уповая на благодѣтельнаго ламу,
Удостоимся его благословенія;
Почитая начальниковъ, чиновниковъ,
Повселимся мирно, хорошенечко.
Уповая на священное ученіе и вѣру,
Повеселимся безъ гордости;
Поступая кротко и мирно,
Удостоимся княжескаго званія.
Полагаясь на своихъ царя и правителей,
Повеселимся любезно и хорошенечко;
Почитая своихъ родителей,
Удостоимся ихъ благословенія.
Изучивъ средства и мудрость,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
По повелѣнію Государя Императора,
Будемъ исполнять законы и постановленія.
Изучивъ разумное и мудрое,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
Водворяя счастіе и святость,
Будемъ всегда веселиться хорошенечко.
Изучивъ средства и мудрость,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
Распространяя десять добродѣтелей,
Повеселимся безъ сомнѣній.

Едва ли нужно будетъ указывать и выяснять мѣста комичныхъ несообразностей въ этой пѣснѣ; онѣ очевидны каждому и для насъ гораздо болѣе интереснымъ представляется вопросъ о причинахъ, которыми влекутся Буряты къ Халхѣ до такой сильной степени, что и сами хотятъ считать себя Халхасами? Мы положительно не ошибемся если скажемъ, что въ основѣ этого влеченія лежитъ одинъ только буддизмъ. Мирная и покойная жизнь, совершенное довольство и, при неприхотливости требованій, пожалуй даже матеріальный избытокъ въ насущныхъ

потребностяхъ дня, наконецъ попеченія объ общественномъ и экономическомъ благѣ Бурятъ русскаго правительства, все это еще съ давнихъ поръ отучило нашихъ кочевыхъ инородцевъ отъ собственныхъ заботъ о матеріальномъ благосостояніи. Бурятъ не страшится за свою жизнь и свои матеріальныя средства: онъ не ходитъ по степи, роя коренья, и не проживаетъ цѣлаго дня надъ норою тарбагана, какъ это дѣлаетъ Халхасъ, знающій, что безъ этого труда ему придется умереть завтра; въ хорошіе годы всякій Бурятъ имѣетъ у себя молоко и мясо отъ своихъ стадъ, наступитъ голодное время, онъ знаетъ, что русское правительство снабдитъ его хлѣбомъ. О чемъ же заботиться при такой обезпеченности этимъ истинно дѣтямъ природы? Какіе либо высшіе интересы жизни къ нимъ не привились еще не смотря на болѣе чѣмъ 250-лѣтнее пребываніе въ средѣ Русскихъ; а между тѣмъ ихъ духъ также ищетъ жизни, ищетъ дѣятельности. И вотъ на помощь является буддизмъ съ его отвлеченными догматическими теоріями и умосозерцаніями, съ его возвышеннымъ на первый взглядъ нравственнымъ ученіемъ, наконецъ съ его внѣшнею обрядностію и шумными церемоніями. Этими могущественными орудіями буддизмъ способенъ завлечь на свою сторону каждаго: отвлеченныя теоріи его такъ интересны въ изложеніи своихъ подробностей и доказательствъ, что изученію ихъ съ охотою отдаютъ свою жизнь всѣ, ищущіе развитія ума; нравственное ученіе заставляетъ благоговѣть предъ высотою этой религіи и буквально пристращаться къ ней всякаго старца и человѣка, искусившагося въ жизни, потому что тотъ и другой необходимо сочувствуютъ не только самому этому нравственному ученію, но и его философскимъ основамъ; наконецъ молодежь, простолюдины, да и вся вообще легкомысленная толпа увлекается пышными религіозными церемоніями, составляющими почти единственное развлеченіе въ однообразіи ихъ разъединенной кочевой жизни *).

*) Косыгинъ. Очеркъ исторіи христіанства въ Торской степи. Иркутскъ, 1878 г., стр. 42. Иркутскія Епарх. Вѣдом. Кн. апрѣльская, 1868 г., стр. 224 Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten. Thl. II, S. 127.

Понятно, что при этихъ условіяхъ буддизмъ дорогъ Бурятамъ какъ единственный и верховный двигатель ихъ духовной дѣятельности, что потому самому они хранятъ его какъ зѣницу ока и ревнуютъ о его силѣ и развитіи, ибо въ этой силѣ и въ этомъ развитіи видятъ они и залогъ для жизни своего духовнаго существа. Несомнѣнно, что по первоначалу на возбужденіе сочувственнаго отношенія Бурятъ къ буддизму имѣло великое значеніе ламство, которому конечно религія дороже чѣмъ кому либо другому; но теперь, въ силу уже высказанныхъ мною разносторонняхъ вліяній буддизма на весь народъ и на каждую особь его, нельзя не предположить, что каждый Буряѣъ способенъ ратовать за эту, исповѣдываемую имъ религію, и по своей собственной инпціативѣ. За доказательствами справедливости всего сказаннаго намъ далеко ходить не слѣдуетъ. Обратимъ вниманіе на послѣднюю, почти современную намъ жизнь Бурятъ, на усилившіяся въ послѣднее время посольства ихъ въ тѣ города, въ которыхъ сосредоточено верховное управленіе надъ ними и даже въ Петербургъ. Что значатъ всѣ эти посольства? Зачѣмъ пріѣзжаютъ они? О чемъ хлопочатъ? О буддизмѣ и только о буддизмѣ: въ 1851 году они трактуютъ о вновь учрежденныхъ тогда ламскихъ штатахъ; въ 1857 году, желая замаскировать обиліе своего ламства, они ходатайствуютъ о разрѣшеніи носить всѣмъ Бурятамъ красные халаты, которые собственно суть принадлежность ламъ низшихъ степеней; въ 1862 году начинаются толки объ ученіи ламами Цанита; за тѣмъ въ теченіе прошлаго и въ началѣ настоящаго десятилѣтія выступаютъ на сцену ходатайства объ устройствѣ обоновъ, о разрѣшеніи служенія цама и пр. и пр. Никакихъ просьбъ объ общественномъ и гражданскомъ устройствѣ, никакихъ заявленій о судебныхъ и административныхъ порядкахъ, какъ будто съ этихъ сторонъ вся жизнь у нихъ такъ совершенна, что не оставляетъ желать по себѣ ничего лучшаго. Не ясно ли отсюда, что Буряты признаютъ свою матеріальную обстановку вполнѣ удовлетворительною для себя и всею душею заботятся только объ одномъ,—это о своемъ буд-

дизмѣ. Дѣйствительно, кажется, нѣтъ и большей радости для Бурятъ какъ какое либо послабленіе буддизму, или содѣйствіе къ разширенію его: устройство новаго дацана, введеніе новаго богослуженія возбуждаетъ во всѣхъ самое высокое чувство духовнаго наслажденія. Вотъ пѣсня, которую воспѣли Буряты при освященіи Агинскаго дацана, построеннаго имп, получивъ на сіе разрѣшеніе отъ русскаго правительства.

ӱндӱр, ӱндӱр улāхана̀
ӱлэмчжи̇̀ холо̀ хӱнъгэлэйгѣ
ӱбӱгӱн ширэ̄тӱ ламаха̀й-да̄п
ӱдӱр бӱри̇̀ мӱргӱйгѣ

ба̀ип аго́йн хоймӯр-ту̀
бэльту̀ ӯлани ӱбӱр-ту̀
бату̀ саган даса̀нъ мани̇̀
бандита хамба̄гха абуралта̀й

ӱргӱ̀н аго́йн хоймӯр-ту̀
ӱзӱмту̀ ӯлани ӱбӱ̀р-ту̀
ӱндӱр сага̀н даса̀н мани̇̀
ӱбӱгӱн хамба̄гха абуралта̀й

гуши̇̀н хои̇̀р багана̀та̀й
гурбу̀п алта̀н ганчжирта̀й
гольши̇̀к сага̀п даса̀н мани̇̀
го̄родыйн зурга̄гха абуралта̀й

арба̀н зурга̄н багана̀та̀й
алта̀н гха́йхап ганчжирта̀й
алдарта̀й сага̀п даса̀н мани̇̀
аба̀й ха̄на̄гха абуралта̀й

холо̀ о́йро алдарта̀й
хонъхо̀ оши̇̀р яицзата̀й
хои̇̀р алта̀н ганчжирта̀й
хобита̀й гха́йхан даса̀н би̇̀

арба̀н зӱги гэйгӱ̄лӱхши̇̀
алта̀н шара̀ нара̀н би̇̀
амита̀н бӱхӱн-ни̇̀ гэйгӱ̄лӱхши̇̀
мани̇̀ лама́йн гэгэ̀п би̇̀

охторгóйги гэйгӯлӯхшѝ
олòп одòт хӧрӧхӧй
оршилáнги гэйгӯлӯхшѝ
орон-нѝ ламà хӧрӧхӧй
харангóйги гэйгӯлӯхшѝ
гхарàп эрдэнíйн гэрэ̀л бѝ
хамӯ̀к амитан-нѝ гэйгӯлӯхшѝ
манӯ̀ ламàйн гэгэ̀н бѝ
худургàн-дāн зохистòй
хубилгàн ногӧн морѝ бѝ
хурӯ̀л нòм-дāп зохистòй
хуварàк эрдэнѝ хӧрӧхӧй

Переводъ.

Высокому, высокому, красноватому копю,
Дадимъ выстояться подольше;
Своему старцу, каоедральному ламѣ,
Будемъ клапяться каждый день.

На сѣверной сторонѣ богатой агойской (степи),
На южной сторонѣ отлогой горы,
Нашъ прочный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый Бандитою хамбо.

На сѣверной сторонѣ широкой агойской (степи),
На южной сторонѣ горы Уцзомту (поросшей виноградомъ),
Нашъ высокій, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый старцемъ — хамбо.

Съ тридцатью двумя колоннами,
Съ тремя золотыми ганчжирами,
Нашъ опрятный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый городскимъ управленіемъ.

Съ шестнадцатью колоннами,
Съ золотыми, прекрасными ганчжирами,
Нашъ славный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый батюшкой царемъ.

Онъ славенъ вдали и вблизи,
Онъ похожъ на колокольчикъ и очиръ,
Онъ имѣетъ два золотыхъ ганчжира,
Судьбою отмѣченный бѣлый дацанъ.

Просвѣщающее десять странъ,
Золотое, желтое солнце,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ нашего ламы.

Освѣщающія небо
Многочисленныя, болѣзныя звѣздочки;
Просвѣщающій матеріальный міръ
Болѣзный (нашъ), мѣстный лама.

Просвѣщающіе мракъ
Лучи луны драгоцѣнности,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ нашего ламы.

Пригодна для своихъ пахвей
Хубилганъ, зеленая лошадь,
Пригодно для своихъ богослуженій и священнаго ученія
Болѣзное духовенство сокровище.

Такъ воспѣли свой дацанъ Буряты на торжествѣ его освященія, которое, по сказанію лѣтописей, совершалось 130 ламами и на празднованіе котораго, по сказанію тѣхъ же лѣтописей, приглашено было все мѣстное русское и бурятское чиновничество, число же собравшихся простолюдиновъ превышало 5,000 человѣкъ. Празднество продолжалось два дня: по обычаю устраивались здѣсь конскія скачки, борьба, стрѣльба въ цѣль изъ лука, задавались обѣды, воспѣвались гимны въ честь событія и присутствующихъ начальниковъ и пр. и пр. Пѣсни, распѣваемыя на такого рода оффиціальныхъ празднествахъ у Бурятъ, какъ и у другихъ народовъ, обыкновенно заключаютъ въ себѣ весьма мало чертъ изъ домашняго быта и семейныхъ отношеній; — соотвѣтственно времени и случаю они носятъ въ своемъ содержаніи также оффиціальный характеръ и для насъ являются особливо интересными въ виду того, что въ нихъ мы находимъ характеристику отношеній Бурятъ къ своему начальству. Конечно такія мѣста въ пѣсняхъ весьма кратки, выводы изъ нихъ нужно дѣлать по большей части путемъ наведенія, но иначе вѣдь и быть не можетъ съ такими ловкими степными политиками какъ Бу-

ряты. Внимательно слѣдившій за содержаніемъ пѣсенъ, безъ сомнѣнія замѣтилъ уже тотъ девизъ, который предлагается такимъ политикомъ для достиженія довольства и силы:

«Дѣйствуя кротки и мирно
Удостоимся княжескаго званія».

И Буряты дѣйствительно преслѣдуютъ этотъ девизъ. Льстивость и самоуниженіе предъ силой — основная черта характера каждаго Бурята. Какъ бы ни стоялъ высоко Бурятъ въ средѣ своего народа, онъ никогда не постыдится своихъ собратій ни въ какомъ самоуниженіи предъ постороннею силой, если только это будетъ служить ему къ достиженію выгоды народной, или даже своей личной. Оттого то на пирушкахъ Бурятъ русское чиновничество всегда занимаетъ первое мѣсто, хотя въ душѣ Буряты, пожалуй, и далеко не рады его присутствію здѣсь. Уваженіе къ русскому чиновничеству у Бурятъ только наружное, задушевное же почтеніе, полную преданность и готовность на всякое пожертвованіе они носятъ въ своей душѣ только къ своимъ родовымъ, единоплеменнымъ и главное единовѣрнымъ правителямъ, во главѣ которыхъ стоитъ обыкновенно тайша. Замѣчательно, что тайши, принявшіе христіанство, отталкиваются отъ народа, они становятся въ народномъ понятіи въ ряды русскаго чиновничества и лишаются со стороны народа откровенности и довѣрія. Фактъ этотъ также свидѣтельствуетъ съ одной стороны о силѣ привязанности Бурятъ къ буддизму, а съ другой о томъ, какія чувства питаютъ Буряты не только къ Русскимъ, но и къ тѣмъ изъ своихъ единоплеменниковъ, которые вступаютъ въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ Русскими. Само собою разумѣется, что сказанное мною основывается главнѣйше на личномъ всестороннемъ и тщательномъ наблюденіи надъ жизнію Бурятъ. Пріобрѣтенные мною памятники, свидѣтельствующіе истинность этихъ заключеній, я надѣюсь обнародовать въ печати въ самомъ непродолжительномъ времени; теперь же, обращаясь къ пѣснямъ, повторю снова, что выраженіе отношеній Бурятъ къ рус-

скому чиновничеству всегда излагается въ нихъ крайне сжато и коротко.

Вотъ для примѣра пѣсня, пѣтая на томъ же празднованіи освященія Агинскаго дацана.

хӱрэ̀н хӱрэ̀н зэ̄рдэйгэ̄н
хӱмӱлдӱ́ргэ́й-нѝ загхайя̀
хӱгхэлэ́нтэйхэ̀н уругӯт-ту
хӱрӱ́нгӯ̀тэйгэ̄н барійя̀
хо̄рӧхо̂й гха́йхан тана́йга̀
хӱндӱ́лэ̄т гхӯчжи найралайя̀

хурду̀н хурду̀н зэ̄рдэйгэн
худургуйгѝ-ни загхайя̀
хото́йн тӱшимэ̀т тандан
хурза́йн дэ̄чжи барійя̀
хӯшит гха́йт-пар тандан
хобя̄н хи́чжи барійя̀

аба̀й эзэ̀н ха̄на̄гха
алта̀н зарлѝк хӱлъ̄чжи
ары̄н орон-нѝ бӱтэ̄гхэ̀н
ашиту̀ хамбо̀ ламаха̀й

ӱндӱ̀р эзэ̀н ха̄на̄гха
ӱндӱ̀р зарлѝк хӱлъ̄чжи
ӱпэптӱ̀ орониѝ бӱтэ̄гхэ̀н
ӱбӱгӱ̀н хамбо̀ ламаха̀й

на́йдан чжуду̀к шӱтэнтэ̀й
паймàн чжабда̀н хуваракта̀й
нагху̀н ӱргӱльчжѝ хуралта̀й
ю̄тай гха́йхан орѐн бѝ

зӱ̄гы́йн йэхэ̀ шӱтэ̄нтэ̀й
зурга̄н шира̄нэй ламата̀й
зори́глачжи мӱргӱльтэ̀й
тэ́йми гха́йхан орѐн бѝ

аилда̀р запъта̀й хӱмӱндӱ̀
ханѝ нӱхӱ́р дӱтӱ̀ бѝ
акгха̀м запъта̀й хӱмӱндӱ̀
акхараху̀ хэрӱ̄льшин дӱтӱ̀ бѝ

ха́ир шулӯ даршиба́ла
хашичжѝ нэйлэхӯ бэрхэ̀ бѝ
ха́йран бэйӗ̀ ӱхӯбэ̄лэ
эргичжѝ тӱрӱхӯ бэрхэ̀ бѝ

охторго́йгха орогха̀п
мӱндӯр ю̄н шӱрӱ̄н бѝ
ӱнӱшѝн гахса̀ хӱмӱндӯ
ноѝт ма̀р шӱрӱ̄п бѝ

хӱрдӱ̀п гэгхэ̀н морѝн-нѝ
холо̀ о́йро санъта̀й бѝ
хо̄роту̀ гхэтхѝль тэбшибэ̄лэ
холо̀ о́йро алдарта̀й бѝ

орохӯ̀ хора́йн гхолопъго̀
ӱпъгэ̀ тӱргэ̀н гачжӯрана̀
оло̀н гхана̄ту хӱмӱп-дӯ
шира̀й тӱргэ̀п бӯрана̀

харӥйн холо̀ гацзартӯ̀
морѝ бэйӗ̀ бэхилэхӯ
хапилагха̀н дэ̄дӱ нӱхӱр-тӯ
ӱнэ̀н ӱгэ̄йгэ̄н хэлэхӯ

оло̀н сэсэ̀к ургуба̄ла
дэлэхэ́йн шимэ̀к гэдэ̀к бѝ
оло̀н сэсэ̀т суглаба̄ла
тӱрӯ̆йп шимэ̀к гэдэ̀к бѝ

тала̀дӯшпи ургугха̀н
табу̀н ӱнъгэ́йн сэсэ̀к бѝ
та̀ бӱгӱдэ́йн ӧмӧно̄
дӯн эгэшѝк барипа̀м-дѝ

Переводъ.

Изготовимъ поперсье
Для своего темпаго, темпаго рыжки,
Поднесемъ вино вмѣстѣ съ мѣхомъ
Своимъ желанненькимъ сватьямъ,
Повеселимся сидючи, да чествуя
Болѣзненькихъ и добренькихъ васъ своихъ.

Изготовимъ потфеи
Своему быстрому, быстрому рыжкѣ,

Поднесемъ угощеніе изъ трижды перегнаннаго вина
Вамъ городскимъ своимъ чиновникамъ;
Вамъ, своимъ стариннымъ саповникамъ
Положимъ, да поднесемъ свою часть.

Основавшій священное мѣсто,
Дождавшись золотаго повелѣнія
Отъ батюшки государя царя,
Благодѣтель ханбо лама.

Основавшій храмъ истины,
Дождавшись высокаго повелѣпія
Отъ высокаго государя царя,
Старецъ ханбо лама.

Съ кумирами пайданъ чжидукъ,
Съ ламами на восьми сѣдалищахъ,
Съ службами непрерывными во весь вѣкъ,
Что это за прекрасное мѣсто?!

Съ большими кумирами Цзу,
Съ шестью каоедральныѣми ламами,
Вызывающее на поклоненіе
Такое прекрасное мѣсто!

У кроткаго человѣка
Близки друзья и пріятели;
Отъ придирчиваго человѣка
Не далеки вздорные спорщики.

Камешки галькп если и сжимать,
Трудно, чтобы (они) слѣпившись, соединились;
Жалкое (это) тѣло какъ умретъ,
Трудно снова возродиться (ему).

Упавшій съ неба
Какой жестокій градъ?
Для одинокаго спротки
Какъ жестоки правители?!

Лошадь, провозглашенная быстрою,
Славна близко и далеко,
Какъ бросишь злыя мысли,
(Будешь) славенъ и близко, и далеко.

Радуга отъ продолжительнаго дождя
Быстро теряетъ цвѣтъ,

У человѣка заботливаго
Лице быстро худѣетъ.

Для далекихъ, чужихъ краевъ
Нужно подкрѣплять себя и лошадь;
Подружившимся, почтеннымъ пріятелямъ
Нужно говорить правдивыя рѣчи.

Какъ выростетъ много цвѣтовъ,
Говорятъ, — красота вселенной;
Какъ соберется много мудрецовъ,
Говорятъ, — красота правленія.

Выросли на степи
Цвѣты пяти цвѣтные;
Передъ всѣми вами
Подпесли мы напѣвъ пѣсенный.

Мы привели эту пѣсню какъ одну изъ тѣхъ, которыя характеризуютъ различіе отношеній Бурятъ къ русскому и къ своему родовому чиновничеству. Характеристика эта собственно выражается только во второй строфѣ, но изъ разсмотрѣнія ея, какъ намъ кажется, вытекаетъ именно то заключеніе, на которое сейчасъ было указано. Къ русскимъ (городскимъ) чиновникамъ Буряты обращаются въ пѣснѣ прежде чѣмъ къ своимъ родовымъ (конечно желая этимъ показать, что считаютъ ихъ выше), на пиру имъ очевидно даютъ первое мѣсто, принимаютъ ихъ за лучшихъ гостей, подносятъ имъ лучшее, три раза перегнанное вино. Но это наружное почтеніе еще не есть свидѣтельство дѣйствительнаго уваженія и преданности; оно ничтожно въ сравненіи съ обращеніемъ Бурятъ къ своимъ старшимъ родовымъ правителямъ. О послѣднихъ въ пѣснѣ рѣчь какъ будто ведется уже послѣ, ихъ какъ будто отставляютъ на задній планъ, но задушевность отношеній, всецѣлое сознаніе ихъ главенства надъ массой народа и самая сердечная преданность этой массы лежитъ всетаки на ихъ сторонѣ. Въ пѣснѣ это выражается прежде всего тѣмъ, что пѣвцы не даютъ этимъ своимъ родоправителямъ какого-то канцелярскаго названія «тӱшимэль», а величаютъ высокимъ титуломъ «сайтъ», что же касается до угощенія ихъ, то оно

собственно даже и ни какъ не обозначается, ни чѣмъ не ограничивается; — имъ готовъ каждый отдать все что есть, — поднести свою собственную часть. Этими замѣчаніями ограничивается въ пѣснѣ весь трактатъ, свидѣтельствующій о различіи чувствованій Бурятъ къ ихъ государственному, иноземному чиновничеству и своимъ родовымъ правителямъ и эта краткость указанія отношеній совершенно въ порядкѣ вещей, потому что, какъ уже было сказано, Буряты всегда говорятъ объ этомъ предметѣ сжато, въ высшей степени сдержанно и дипломатично. Въ дальнѣйшемъ своемъ содержаніи пѣсня эта однако не менѣе интересна. Принадлежа очевидно языку распорядителей пира, она характеризуетъ направленіе духа пожилыхъ Бурятъ, въ которомъ не трудно замѣтить весьма много общаго съ халхаскимъ. Хвала кумировъ, умствованіе, основанное на отвлеченіяхъ изъ практическихъ жизненныхъ примѣровъ, правила нравственности, заимствованныя также изъ жизненной практики, а отчасти изъ воззрѣній и ученій буддизма, которыя проповѣдуютъ ламы, вотъ главнѣйшее содержаніе этой и большинства подобныхъ ей бурятскихъ пѣсенъ и особливо составленныхъ и распѣваемыхъ людьми, вышедшими изъ юношескаго возраста, когда въ человѣкѣ начинаютъ уже умиротворяться волнующія его въ молодости страсти. Подобно Халхасамъ, Буряты въ пору своего зрѣлаго возраста лучшимъ своимъ времяпровожденіемъ считаютъ бесѣды съ ламами и досугъ свой проводятъ въ чтеніи буддійскихъ религіозныхъ книгъ, о распространеніи которыхъ такъ ревностно заботится тоже самое бурятское ламство. При такихъ условіяхъ понятны причины, по которымъ буддизмъ гораздо глубже пустилъ свои корни въ сердца Бурятъ, чѣмъ это мы видимъ у Ölötовъ: религія эта сознается здѣсь гораздо яснѣе, существуетъ въ народномъ представленіи гораздо чище отъ всякихъ примѣсей шаманства и суевѣрій другихъ религіозныхъ ученій. Всего лучше превосходство силы буддизма у Бурятъ въ сравненіи съ Ölötами представляется намъ чрезъ сличеніе пѣсни «арбàн зургāн гхáйхан».

алтàн ӯлаин аршàн ни гхáйхан
абӧ̀ э̄чжíин гхургàр ни гхáйхан
мӱ̈нъгӱ̀н ӯлаин мӱ̈нъгӱ̀ ни гхáйхан
мӱ̈нъхэ̀ йӧрӧ̄лыйн гхургàр ни гхáйхан
зӱ̈н наймàн зулà ни гхáйхан
зургāн йӧрӧлыйн унъшилгà ни гхáйхан
шинъгинэ̀н бáйхши сэльнúн ни гхáйхан
шимэктэ̀й лидартàй дасàнъ ни гхáйхан
шāхин бáйхши сàнъ гхáйхан
сагàн сӧ̄хор нӧ̀м гхáйхан
урутӱ̀н бáйхши угхӱ̀н гхáйхан
ушъшичжѝ бáйхши ламанàр гхáйхан
хурачжѝ бáйхши хурӱ̀л гхáйхан
хурулúн дундӱ̀ хуварагӯт гхáйхан
зàндан модон-нàй набчигхӱ̀н гхáйхан
заāту хӱ̈мӱ̈нэ̀й йӧрӧ̄ль гхáйхан

Переводъ.

Хороша святая вода золотой горы,
Хороши наставленія батюшки и матушки,
Хорошо серебро серебряной горы,
Хорошо наставленіе вѣчныхъ йӧрӧ̄лей,
Хороши сто восемь лампадъ,
Хорошо произношеніе шести благихъ вѣщаній (= мани),
Хорошъ мягкозвучный цэльнинъ,
Хорошъ дацанъ съ украшеніями и фундаментомъ,
Хорошъ цанъ, заливающійся въ звукахъ
Хороша бѣлопестрая, священная книга,
Хороша проточная вода,
Хороши ламы, читающіе (священныя книги),
Хорошо собраніе (духовенства), совершающее службу,
Хороши духовныя лица среди собранія,
Хороши листья сандальнаго дерева,
Хороши предопредѣленія талантливаго человѣка.

Подобную пѣсню съ исчисленіемъ шестьнадцати различныхъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ народъ выражаетъ если не свои идеалы, то по крайней мѣрѣ свои задушевныя симпатіи,

мы видѣли уже въ сборникѣ бѣлотскихъ пѣсенъ; но тамъ большинство перечисляемыхъ предметовъ или всецѣло принадлежитъ жизни матеріальной, или же принадлежа само по себѣ къ области духа, способствуетъ устроенію матеріальнаго блага. У Бурятъ напротивъ все хорошее видится только въ буддизмѣ, въ матеріальной же обстановкѣ считается лучшимъ то, въ чемъ болѣе отражаются идеи буддизма, или что прямо имѣетъ отношеніе къ религіи и церкви, составляетъ принадлежность того или другаго, способствуетъ величію вѣры. Такой взглядъ на благо окружающей жизни и такое мѣрило для сужденія о достоинствахъ предметовъ мнѣ кажется болѣе всего свидѣтельствуетъ о той силѣ, которую имѣетъ буддизмъ во вліяніи на духовную жизнь и умосозерцаніе Бурятъ. Подобно Халхасамъ они хотятъ удалиться отъ всего матеріальнаго и развиваютъ въ себѣ презрѣніе къ матеріи, а отъ того подъ старость они дѣлаются апатичны къ жизни мірской вообще, видя въ ней пренону для жизни духовной и достиженія высшихъ благъ за гробомъ.

талáйн ӱндӯр модон-дӯ
тарбачжѝ шубӯ суглана̀
тавāр гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршилáнъги хӱшитэ̀й

бӱглӯр ӱндӯр модон-дӯ
бӱргӯт шубӯ суглана̀
бӱгӱдэ̄рэ гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршилáнъги хӱшитэ̀й

хадáйн ӱндӯр модон-дӯ
хайлгана̀ шубӯ суглана̀
хамтāра гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршилáнъги хӱшитэ̀й

эргѝль булугы́йн эхин-дӯ
элѣ̀ шубӯ суглана̀
элихэ̄рэ гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршилáнъги хӱшитэ̀й

хӱбшúйн ӱндӯр модон-дӯ
хӱхӯй шубӯ суглана̀

хӯрѣлэ̄т гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршила̀пъги хӯшитэ̀й.

Переводъ.

На высокомъ, степномъ деревѣ
Собираются ястребa;
Въ намѣреніи жить дружно
(Дѣйствуетъ) сила орчилана.

На пробковомъ, высокомъ деревѣ
Собираются орлы;
Въ намѣреніи жить всѣмъ вмѣстѣ
(Дѣйствуетъ) сила орчилана.

На высокомъ деревѣ скалы
Собираются степныя чайки;
Въ намѣреніи жить совмѣстно
Дѣйствуетъ сила орчилана.

При истокахъ бурливаго родника
Собираются коршуны;
Въ намѣреніи жить сердечно
Дѣйствуетъ сила орчилана.

На горномъ высокомъ деревѣ
Собираются кукушки;
Въ намѣреніи жить кружкомъ
Дѣйствуетъ сила орчилана.

Впрочемъ такая апатія не можетъ быть отнесена какъ отличительное свойство духа ко всѣмъ Бурятамъ безусловно и бурятская молодежь представляла и представляетъ собою въ этомъ отношеніи почти совершенное исключеніе, — она всегда была полна самыхъ свѣжихъ духовныхъ силъ. Да и могло ли быть иначе? Идеи буддизма и его мрачные взгляды на окружающее уже по своему характеру должны быть далеки отъ всякаго молодаго, вольнаго, склоннаго къ жизни надеждами, пытливаго и стремящагося къ разгулу духа; сравнительная же малоразвитость и малотребовательность Бурятъ, при условіи избытка въ матеріальной обстановкѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, способны были порождать въ ихъ молодыхъ людяхъ довольство, беззаботность и веселье. Эти чувства мы и дѣйствительно видимъ присущими бу-

рятской молодежи по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ весь бурятскій народъ началъ отдыхать отъ гнета и нужды подъ крыломъ Россіи. Мы видѣли уже какъ въ первое время послѣ подданства Русскимъ у Бурятъ начала проявляться склонность къ разбойническимъ набѣгамъ и съ какою жаждою они предавались ей; впослѣдствіи русскіе ограничили это разбойничество, но духъ военной отваги остался присущъ Бурятамъ еще на долгое время. Сохраненію его много способствовало то обстоятельство, что Русскіе, смиривъ разбойническую отвагу Бурятъ, обязали ихъ правильною военною службою. По сказаніямъ лѣтописи Ломбо Цэрэна *) еще въ 1764 г. бурятскіе роды, по предложенію русскаго правительства, выдѣлили изъ своей среды 2,400 семей, изъ которыхъ впослѣдствіи составилось четыре шестисотенныхъ полка и одинъ пятисотенный. Полки эти до 1811 г. составлялись исключительно изъ Бурятъ и не рѣдко состояли въ непосредственномъ завѣдываніи у однихъ только бурятскихъ поповъ. Такимъ образомъ ничто не препятствовало здѣсь воспитываться бурятскому мужеству и своеобразная, дикая бурятская отвага, если и не находила при всѣхъ этихъ условіяхъ и во все это время средствъ высказываться въ борьбѣ съ дѣйствительными врагами, то поддерживалась военными упражненіями, примѣрными сраженіями, оффиціальными смотрами и пр. Пѣсенъ, характеризующихъ духъ бурятской молодежи въ тотъ періодъ, сохранилось теперь не много; впрочемъ одну изъ таковыхъ мнѣ удалось записать среди селенгинскихъ бурятскихъ родовъ.

шабартàй-ду удусэ̀н
шарà цо̄хор морѝн лà
шимтӯльчжи ӱргӱсэ̀н
э̄чжѝ а̄ба хоѝр лà

ӱлӱнътэ̀й дӱ ӱдӱсэ̀н
ӱндӱ̀р хӱхэ̀ морѝн лà
шимтӯльчжи ӱргӱсэ̀н
э̄чжѝ а̄ба хоѝр лà

*) Ломбо Цэрэну цэохiяхсан бурият цзон'у тэухэ. Л. 8-й.

шара̀ голы́ин эхѝн-дӯ
шашина̀й сӯмэ̀ ботхайя̀
шабинарыйга̄н дагачжѝ
шашѝн ном да̄н хурайя̀
цэ̄рдэ мана̀й таргу̀н
цэбэ̀ мана̀й хурца̀
хула̀ мана̀й хурду̀н
хуѝк мана̀й шинэхэ̀н
цӯн на́йман цэбэ̀ дӯ
цурга̀н со̄тняк тэрӯ̄тэй
цурга̀н по̄л цэрѝк тӯ
атама̀н поѝн тэрӯ̄тэй.

Переводъ.

Вскормленная во влажныхъ мѣстахъ
Желто-пѣгая лошадь;
Воспитывавшіе въ поощреніяхъ
Матушка да батюшка.

Вскормленная въ поемныхъ лугахъ
Высокая, синяя лошадь,
Воспитывавшіе въ поощреніяхъ
Батюшка да матушка.

При истокахъ желтой рѣки
Воздвигнемъ мы храмъ вѣры,
Послѣдуя за шабинарами
Соберемся у вѣры и священнаго ученія.

Жирны наши рыжія (лошади),
Остры наши оружія,
Быстры наши саврасыя (лошади),
Новеньки наши панцыри.

Надъ сто восемью оружіями
Имѣется во главѣ шесть сотниковъ,
Надъ шестью полками солдатъ
Имѣется во главѣ начальникъ — атаманъ.

Выше мы уже видѣли памятники народной поэзіи, которые свидѣтельствовали намъ, что въ первое время существованія

Бурятъ подъ властію Россіи и въ періодъ набѣговъ ихъ на Монголо-Халхасовъ, отличительною чертою бурятскихъ воиновъ были чувства самоотверженной преданности родному крову, подъ вліяніемъ которыхъ воспитывались въ ихъ душѣ дерзкое удальство и геройская твердость духа; въ разсматриваемый періодъ образованія бурятскаго иррегулярнаго войска, духъ молодыхъ Бурятъ несомнѣнно оставался тѣмъ же бодрымъ, буйнымъ и полнымъ порывистой отваги, что такъ ярко проглядываетъ въ сильныхъ, отрывистыхъ фразахъ представленной пѣсни этого времени: «жирень нашъ рыжка, остро наше оружіе, новы наши панцыри». Впослѣдствіи самостоятельность отдѣльныхъ бурятскихъ полковъ была, какъ извѣстно, уничтожена и Буряты включены были въ общій строй забайкальскаго казачьяго войска. Эта реформа, подчинивъ свободную дѣятельность бурятскаго воина опредѣленнымъ военнымъ законамъ и правиламъ строевыхъ военныхъ дѣйствій, должна была сильно парализировать духъ самовольной отваги и боевой смѣтливости у Бурятъ, такимъ образомъ она какъ бы пригнетала силы и благородныя проявленія бурятскаго духа; но взамѣнъ сего она пріучала Бурятъ къ порядку и что самое важное, сближала ихъ съ Русскими. Какъ и вообще вся дѣятельность Русскихъ по отношенію къ Бурятамъ, реформа эта преслѣдовала одну цѣль облагороженія бурятскихъ понятій, сообщенія Бурятамъ высшихъ нравственныхъ принциповъ и гуманныхъ началъ для дѣятельности, а также и ознакомленія ихъ съ болѣе благородными формами, въ которыхъ эта дѣятельность должна проявляться. Каковы результаты этого, обнаруживавшагося въ самыхъ разнообразныхъ формахъ стремленія Русскихъ — возвысить нравственный уровень Бурятъ, успѣли ли они дѣйствительно внушить бурятской массѣ чувства любви и уваженія къ ближнему, а равно и облагородить ея взгляды на жизнь человѣка вообще — это вопросы, на которые можно находить самые разнорѣчивые отвѣты. Одни говорятъ, что, подъ вліяніемъ Русскихъ, Буряты постоянно и даже быстро идутъ по пути къ нравственному совершенству, а въ отдѣльныхъ фактахъ

основанія Бурятами школъ, устройства больницъ и богадѣленъ, сочувственнаго отношенія къ разнаго рода благимъ начинаніямъ правительства, видятъ подтвержденіе своего мнѣнія о духовномъ развитіи Бурятъ *); другіе не только значительно ограничиваютъ этотъ прогрессъ, но даже почти вовсе отрицаютъ его. Щаповъ, напр., описывая Бурятъ, говоритъ, «любовь къ ближнимъ, взаимная помощь, честность и справедливость ограничивается у Бурятъ предѣлами своей одноулусной семейно-родовой общины и не простирается на другихъ». Так. обр. онъ почти категорически отрицаетъ всякое усовершенствованіе бурятскихъ нравовъ и, выставляя крайнюю эгоистичность поступковъ, не развитость и необлагороженность понятій членовъ бурятской общины, полагаетъ причиною сего единственно недостаточность образовательнаго вліянія Русскихъ **). Нельзя конечно отчасти и не согласиться съ этимъ заявленіемъ, но за всѣмъ тѣмъ нельзя не сказать, что образовательныя мѣры, предпринимаемыя русскимъ правительствомъ, хотя и въ незначительной степени всетаки достигали свою цѣль. Да и возможно ли быть иначе? Измѣнить строй народной жизни, уничтожить въ народѣ его убѣжденія и привить ему новыя, — дѣло не легкое; оно можетъ быть совершено только вѣками и главное, тогда только и бываетъ вполнѣ успѣшно и прочно, когда совершается послѣдовательно, естественно и безъ насилій. Что касается двухъ противуположныхъ высказанныхъ мнѣній, то они, по моему, оба представляютъ собою крайности. Мнѣ кажется, что до настоящаго времени образовательное вліяніе Россіи ограничивалось почти одною только внѣшностію и по отношенію къ массѣ больше всего сказывалось на молодежи, так. обр. напр. оно сказывается въ усвоеніи Бурятами русскаго комфорта, внесеніи въ домашнюю обстановку русской изящной мебели и приборовъ, употребленіи блюдъ и кушанья по способу русскаго приготовленія и пр. Это — внѣшность; но кто

*) Журн. М. Н. Просв. 1842 г. Отчетъ Министра Н. Просв. Ж. М. В. Д. 1843 г. Ч. III, стр. 30.

**) Изв. Сиб. Отд. 1875 г. Т. V, №№ 3—4.

же не скажетъ, что вмѣстѣ съ принятіемъ нашей вѣрности, къ Бурятамъ естественно прививаются наши понятія, обычаи, мысли, душевныя наклонности и пр. Изящная обстановка незамѣтно измѣняетъ вкусъ, смягчаетъ и облагораживаетъ нравы. Въ литературѣ это вліяніе Россіи на Бурятъ лучше всего проглядываетъ въ народныхъ пѣсняхъ: своихъ красавицъ Буряты уже не облекаютъ теперь въ овчинные тулупы, а непремѣнно или въ кумачь или въ канифасъ, а то и въ шелкъ; вмѣсто деревянныхъ чашекъ являются стаканы, вмѣсто водки угощеніе состоитъ изъ конфектъ, пряниковъ и пр.

ӱндӱр улāн-ни угхулухӯ
ӱлзэйтӱйн булугíйн тунъгалāк
ӱйѣнигэ нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
ӱзӱм сāхарыйн амтатāй

монъсогòр улāн-ни угхулухӯ
монзонгы́йн булугы́йн тунъгалāк
мӯлартāй нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
москвагы́йн хампи́тка амтатāй

хатаршѝ улāн-ни угхулухӯ
харгѝ булугы́йн тунъгалāк
ханилагхàн нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
хазāнíйн хампи́тка амтатāй

бāхан улāн-ни угхулухӯ
байцáйн булугы́йн тунъгалāк
багáингā нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
байшингы́йн хампи́тка амтатāй

эмнэ̀к улāн-ни угхулухӯ
эндэхѝ булугы́йн тунъгалāк
эчжильдӱгхэ̀н пӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
эркӱгы́йн хампи́тка амтатāй

шибшигэ̀р улāн-ни угхулухӯ
ширэнъгитӱ булугы́йн тунъгалāк
гхэтхильтэ̀й нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
шитыйн хампи́тка амтатāй

Переводъ.

Чтобъ напоить высокаго краснаго (коня)
Чиста (вода) ключа Улзэйту,
Чтобъ угостить своихъ сверстниковъ друзей
Сладокъ изюмъ да сахаръ.

Чтобъ напоить круглаго (жирнаго) краснаго (коня)
Чиста (вода) Монзопскаго ключа,
Чтобъ поднести подарокъ недовольнымъ друзьямъ
Сладка московская конфетка.

Чтобъ напоить рысистаго краснаго (коня)
Чиста (вода) мелкаго ключа,
Чтобъ поднести подарокъ подружившимся пріятелямъ
Сладка казанская конфетка.

Чтобъ напоить маленькаго краснаго (коня)
Чиста (вода) утеснаго ключа,
Чтобъ подарить друзей своего дѣтства
Сладка городская конфетка.

Чтобъ напоить краснаго пеука
Чиста (вода) здѣшняго ключа,
Чтобъ подарить свыкшихся друзей
Сладка иркутская конфетка.

Напоить стройнаго, краснаго (коня)
Чиста (вода) поросшаго кустарникомъ ключа,
Подарить своихъ сердечныхъ друзей
Сладка читинская конфетка.

У Халхаскихъ Монголовъ и Ölötовъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго: тамъ все угощеніе ограничивается виномъ, степень богатства пира опредѣляется количествомъ и качествомъ выпитаго на немъ вина, дружба, расположеніе и вниманіе доказывается единственно поднесеніемъ чарокъ. Бурятская молодежь какъ видно, сравнительно мало заглядывается на водку, и, соображая выставляемую въ пѣснѣ же причину сего, мы можемъ сказать, что честь поднятія уровня нравовъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ исключительно Русскимъ, ибо они внесли въ жизнь

Бурятъ тотъ продуктъ, который теперь замѣнилъ у нихъ одуряющій человѣка напитокъ. Съ изгнаніемъ водки измѣнились и понятія о поведеніи гостей. На пирушкахъ Бурятъ являются играющими главную роль тѣ, которые поразвязнѣе, пожившѣе, больше вертѣлись въ русскомъ обществѣ, больше видали. Писаря, переводчики, учители бурятскихъ народныхъ школъ — вотъ цвѣтъ и душа бурятскаго общества, безъ нихъ скучна всякая бесѣда, всякая пирушка.

гурбӯн сāрик яранà
гунàн борò ӱгэ̀й-б-дà
гунгалцзачжи̇̀ харакданà
голобагàй бишэ̄ши ӱгэ̀й-б-дà
дӱрбӯп сāрик яранà
дӧпӧ̄п борò ӱгэ̀й-б-дà
дӱрмӱлцзэчжи̇̀ харакданà
дӱ̄мэйн бишэ̄ши ӱгэ̀й-б-дà
шинэхэ̀н сāрик яранà
шибшигэ̀р борò ӱгэ̀й-б-дà
шилгэ́лцзэчжи̇̀ харакданà
ширэ̄тӱйн бишэ̄ши ӱгэ̀й-б-дà
хацзàр ноктò яранà
хатарши̇̀ борò ӱгэ̀й-б-дà
хайба́лцзачжи̇̀ харакданà
хамбо́йн бишэ̄ши ӱгэ̀й-б-дà
гхэргэ̀й борò тоголо́нъхан-дà
гхэрбэ̄р дольчжи̇̀т ямбата́йхан-дà
гунàн борò тоголо́нъхан-дà
гуйбӯр дольчжи̇̀т ямбата́йхан-дà
хадà дэ̄гӱр хэбтэхэ̄р
хадàлàйн шигò̀й я̄ху-б-та
добо̄ дэ̄гӱ̄р хэбтэхэ̄р
дӱгнӱйн шигò̀й я̄ху-б-та?!

Переводъ.

Блестятъ три кольца (къ которымъ привязываютъ лошадей),
Вѣрно пѣтъ трехлѣтняго сѣрка;

Кажется (все) пригрустнулось,
Вѣрно нѣтъ писаря головы.

Блестятъ четыре кольца,
Вѣрно нѣтъ четырехлѣтняго сѣрка;
Кажутся (всѣ) перемигаясь,
Вѣрно нѣтъ думскаго писаря.

Блеститъ новое кольцо,
Вѣрно нѣтъ стройнаго сѣрка;
Кажутся (всѣ) перемигаясь,
Вѣрно нѣтъ писаря ширетуя.

Блестятъ узда и оброть,
Вѣрно нѣтъ рысистаго сѣрка;
Кажутся (всѣ) переглядываясь,
Вѣрно нѣтъ писаря хапбо.

Охромѣлъ чуткій сѣрко,
Въ чести рѣзвая Дольчкитъ;
Охромѣлъ трехлѣтній сѣрко,
Въ чести податливая Дольчкитъ.

Чѣмъ лежать на скалѣ,
За чѣмъ же Хадаласкіе кусты?
Чѣмъ лежать на пригоркѣ,
За чѣмъ же Тугнуйскіе кусты?

Такъ незамѣтно для самаго народа измѣняются его привычки и вкусы. Молоденькимъ буряткамъ нравится уже теперь въ молодомъ человѣкѣ его изворотливость и развязность въ обществѣ и отъ того бурятскому парню, чтобы быть, какъ говорятъ у насъ, похитителемъ женскихъ сердецъ, не достаточно только безстрашно ѣздить на нёукахъ, какъ то видимъ мы у Ölётовъ, ему нужно еще быть живымъ и находчивымъ въ бесѣдѣ, пѣть и аккомпанировать себѣ на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ. Въ другой нѣснѣ парни прельщаютъ дѣвушекъ ловкостью и нарядностью своихъ костюмовъ; впрочемъ въ этомъ послѣднемъ способѣ нравиться для свѣтской молодежи являются еще соперниками ламы, всегда нарядно одѣтые и притомъ беззаботно и богато живущіе. Эти соперники опасны для парней тѣмъ больше, что не одна только нарядность и беззаботная жизнь нравится въ

ламахъ дѣвушкамъ: проповѣдницы буддизма подчасъ и вообще то бываютъ ловки въ обращеніи ни чуть не меньше самаго лучшаго бурятскаго кавалера, въ кругу же молодежи они ведутъ себя совсѣмъ иначе чѣмъ со стариками. Проповѣдуя послѣднимъ о ничтожествѣ матеріальнаго міра и злѣ, происходящемъ отъ подавленія духа страстями, они въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ забываютъ эту проповѣдь и заводятъ съ ними любовныя шашни.

хӱхиэ̀к шурӯ̀ кэ̄-дӱ̄п-нѝ
хӱхӱ̄ номѝн ӱгэ́йлэкдэ̄т
хӱ̄хэн ба̄хан цэбчжѝт-тӱ̆
хӱрэ̄нэ̀й унза̀т ӱгэ́йлэкдэ̄т

хахиэ̀к шурӯ̀ кэ̄-дӱ̄п-ни
хара̀ номѝн ӱгэ́йлэкдэ̄т
хара̀ ула̄н цэбчжѝт-тӱ̆
хапрта̀й унза̀т ӱгэ́йлэкдэ̄т

ула̄н шурӯ̀ кэ̄-дӱ̄п-ни
оро̀т номѝн ӱгэ́йлэкдэ̄т
урихэ̀н цзанъта̀й цэбчжѝт-тӱ̆
оронэ̀й унза̀т ӱгэ́йлэкдэ̄т

сага̀н дупъхэ̀н эрихэ̀-ни
гхальхѝн гхӱрӯ̄ сайбарла̄т
шиса̄нани хӱрэ̄нэ̀й унза́тхан
гхана̄ зӱрӱхэ̀н-дӱ̆ хада̄тай

ула̄н торго̀н дэгэ̀л-ни
уйюда̀л-ду зохиста̀й
оропа̀й манѝ унза́тхан
уха̄н зӱрӱхэ̀н-дӱ̆ хада̄тай.

Переводъ.

Брякающимъ, коралловымъ привѣскамъ ся
Не достаетъ голубаго лазурика;
Цэбчжитѣ, маленькой дѣвочкѣ,
Не достаетъ монастырскаго уставщика.

Брякающимъ, коралловымъ привѣскамъ ся
Не достаетъ чернаго лазурика;

Смугленькой, розовенькой Цэбчжитѣ
Не достастъ любезненькаго уставщика.

Краснымъ, коралловымъ привѣскамъ ся
Не достаетъ русскаго лазурина;
Капризненькой Цэбчжитѣ
Не достастъ здѣшняго уставщика.

Бѣлыя, раковинныя четки его
Блестятъ противъ вѣтра;
Уставщикъ чисаповскаго курѣня (монастыря)
Врѣзался въ мысль и сердце.

Красная шелковая шуба его
Ловка на швахъ;
Унцзатикъ (нашей) мѣстности
Врѣзался въ умъ и сердце.

Обиліе у Бурятъ пѣсенъ подобнаго содержанія свидѣтельствуетъ о свободѣ отношеній бурятскихъ парней къ дѣвушкамъ, что впрочемъ сообщаютъ намъ и всѣ изслѣдовавшіе бытъ Бурятъ забайкальскаго края *). Въ пѣсняхъ эта сторона жизни открывается еще больше и еще яснѣе становится для насъ, что Буряты далеко не отличаются чистотою нравовъ: до брака дѣвушка любитъ многихъ, еще съ большимъ числомъ парней входитъ въ связь, но глубокая сердечная привязанность двухъ сердецъ встрѣчается очень рѣдко. По большей части все дѣло ограничивается одною животною любовью, которая, какъ и у Халхасовъ, кажется, не клеймится у Бурятъ особеннымъ презрѣніемъ: — дѣвушка, не стѣсняясь, радостно заявляетъ, что парень придетъ къ ней на ночлегъ.

ӱбшӱ̄ сагàн халтархàн
ӱдэпѝ сэргэ̀-дӱ̀ уя̄тàй
унта́ин голобагàй чжикчжи́тхэн
ӱдэшидэ̀ манàй дӱ̀ ирэхӱ̀-да

*) Ж. М. В. Д. 1843 г. Ч. III. Буряты Нерч. края. Ланганскъ — Объ иновѣрцахъ обитающихъ въ вост. Сибири; извлеченіе въ Сиб. Вѣстн. 1824 г. Т. II. Ст. «Буряты или Братскіе». Вѣст. Геогр. Общ. 1858 г. Ч. XXIV, т. II.

хачжӯ сагàн халтархàн
хатхумáл сэргэ дӯ уя̄тàй
хараганàйн голобагàй чжикчжи́тхэн
харā̄нā̄р манàй-дӯ ирэхӯ-да

хошӯ сагàн халтархàн
хóйту сэргэ дӯ уя̄тàй
хӯшинàй голобагàй чжикчжи́тхэн
хоноктā̄н манàй дӯ ирэхӯ-да

урул сагàн халтархàн
уридӯ сэргэ дӯ уя̄тàй
уридӯйн голобагàй чжикчжи́тхэн
орóйда манàй-дӯ ирэхӯ-да

манъынàл торгòн дэгэл-нн
манàнъ борō̄нду шихикдэнэ
мā̄чжи голобагàй чжикчжи́тхэн
манàй дӯ ӱдэши́-дэ̄н ирэхӯ-да

хӯши́н торгòн дэгэ̀л-ни
харà борō̄нду шихикдэнэ
хӯшинàй голобагàй чжикчжи́тхэн
хопоктā̄н манàй-дӯ ирэхӯ-да

наптàр наптàр улāхан
парàн дōгӯр талимарā̄т
намчжíйн дōчжинай долгорхан
памáйгā̄ гэчжи гхӯпà-л-да

ӱндӯр ӱндӯр улāхан
ӱ̄лэн дōгӯр талимарáт
ӱлэмчжи́хэн долгóрхан
ӱзэ̄сэй бӣ гэчжи́ гхӯнà-л-дà.

Переводъ.

Савраска съ бѣлою лысиною на груди
Привязанъ у столба близь двери,
Чжикчжитка уптайскаго головы
Придетъ къ намъ вечеркомъ.

Савраска съ бѣлыми лысинами по бокамъ
Привязанъ у вкопаннаго столба,
Чжикчжитка харагапаскаго головы
Придетъ къ намъ по сумеркамъ.

Савраска съ бѣлыми лысинами на мордѣ
Привязанъ у задняго столба,
Чжикчжитка стараго головы
Придетъ къ намъ на ночлегъ.

Савраска съ бѣлыми губами
Привязанъ у передняго столба,
Чжикчжитка прежняго головы
Придетъ къ намъ поздно.

Его шуба изъ шелковой ткани
Промокнетъ на туманѣ и дождѣ,
Чжикчжитка головы Мачжи
Придетъ къ намъ вечеромъ.

Старая шелковая шуба его
Промокнетъ на сильномъ дождѣ,
Чжикчжитка стараго головы
Придетъ къ намъ на ночлегъ.

Плавно выступаетъ ниже солнца
Спустившагося и краснаго,
Долгоръ Намцзаева Данчжипова
Сидитъ, раздумывая обо мнѣ.

Плавно выступаетъ ниже облака
Высокаго, высокаго и краснаго,
Прелестная Долгоръ
Сидитъ, желая повидѣться.

Такъ поджидаетъ своего дружка бурятская дѣвушка, который, пришедши въ домъ ея родныхъ, или прямо остается почевать у нихъ по праву знакомства, или, если это невозможно, такъ досужая любовница припрячетъ его куда нибудь въ уголокъ, чтобы скрыть отъ посторонняго глаза, пока всѣ не погасятъ огни и не улягутся спать.

алтàн мӱнъгӱ́н бисылы́к-ни
арбàн хуругунàй алѝн-дуни бà
аля̄ бāхан нӱхӱ́р-ни
арбàн тагхулгáйн алѝн-дуни бà?

хоболтàй мӱнъгӱ́н бисылы́к-ни
хоѝр хуругунàй алѝн-дуни бà

хобѝ-да̄н хапилагха̀н нӱхӯр ни
хорѝн тагхулга̀йн алѝн-дуни ба̀?
сага̀н мӱнъгӯн бисылы́к ни
гхалага̀й хуругуна̀й алѝн-дуни ба̀
гхаяха̀н хапилагха̀н нӱхӯр-ни
са̄хан го̄рнисайн алѝн-дуни ба̀?
шинэхэ̀н мӱнъгӯн бисылы́к-ни
шига̄зэй хуругуна̀й алѝн-дуни ба̀
гхэтхилы́йн гахса̀ амара̀к-ни
шинэхэ̀н го̄рнисайн алѝн-дуни ба̀?

Переводъ.

Золотой, серебряный перстенекъ ея
На какой изъ десяти пальцевъ (пригоденъ);
Шалунъ, маленькій другъ ея,
Въ которой изъ десяти комнатъ (находится)?
Съ ободками серебряный перстенекъ ея
На который изъ двухъ пальцевъ (приходится);
По счастью своему слюбившійся другъ ея
Въ которой изъ бѣленькихъ горницъ (находится)?
Бѣленькій, серебряный перстенекъ ея
На какой изъ лѣвыхъ (ея) пальцевъ (приходится);
Въ недавнее время слюбившійся другъ ея
Въ которой изъ дальнихъ горницъ (находится)?
Новенькій, серебряный перстенекъ ея
На какой изъ ея мизинцевъ (приходится);
Единственный, сердечный другъ ея
Въ которой изъ новыхъ горницъ (находится)?

При такомъ утѣшительномъ обиліи у Бурятъ пѣсенъ, рисующихъ ихъ бытъ и нравы, мы къ сожалѣнію въ содержаніи ихъ наталкиваемся и на такой грустный фактъ какъ сохачество, о которомъ почти не знаютъ ни въ Халхѣ, ни въ Чжунгаріи. Впрочемъ и сами Буряты признаютъ этотъ поступокъ въ высшей степени неестественнымъ и уродливымъ, относятся къ нему съ отвращеніемъ и ужасомъ, а потому окружаютъ его самою мрачною обстановкой.

талáйн чжибàр бэрхэ̀
тахатàй ла борò чжидэпэ̀
танилсагхàн нӱхӱрӧ̄ мартачжѝ
танхатàй арахíйш болобà-гӯ?

хӱндӱ̀йш чжибàр бэрхэ̀
хӱхшѝш хӱхӱ̀ чжидэпэ̀
хӧ̄рӧхӧй нӱхӱрӧ̄н мартачжѝ
хӱхӱртэ̀й арахíйн болобà-гӯ?

барӯн шигò̀й шāхшà
багхà гхальхѝн болхӯ̀-ни-гӯ?
басагàн шадабàл баиртàй
балӯ́йн шойдӯ̀р ирэхӱ̀-ни-гӯ

хӱндӱ̀йш модò̀н хӱ̄хшà
хӱйтӱ̀н гхалхѝн болхӯ̀-ни-гӯ?
хӱ̄хэн шадабàл баиртàй
хӱхшѝн шойдӯ̀р ирэхӱ̀-ни-гӯ

харà шигò̀й шāхшà
хакшӯ хӱйтӱ̀н болхӯ̀-ни-гӯ
хаиртáйхàн шадабàл баиртàй
хадàм шойдӯ̀р ирэхӱ̀-ни-гӯ?

Переводъ.

Силенъ пронзительный вѣтръ въ степи
Гонитъ онъ и подкованнаго сѣрко;
(То что) позабыла она о своемъ слюбившемся другѣ
Сталось ли отъ кувшинной водочки?

Силенъ пронзительный вѣтръ пади,
Гонитъ онъ стараго, голубаго (коня);
(То, что) забыла она о своемъ болѣзномъ другѣ,
Сталось ли отъ налитой въ мѣху водочки?

Шумитъ западный кустарникъ,
Опять что ли будетъ вѣтеръ?
Дѣвочка Чидабалъ радуется,
Придетъ что ли Чойдуръ Балуевъ?

Шумятъ деревья въ пади,
Будетъ что ли холодный вѣтеръ?

Дѣвочка Чидабаръ радуется,
Придетъ что ли старикъ Чойдуръ?
Шумитъ черный кустарникъ,
Будетъ что ли безвѣтряный холодъ?
Любезная Чидабалъ радуется,
Придетъ что ли свекоръ Чойдуръ?

Я оканчиваю этимъ примѣры бытовыхъ пѣсенъ забайкальскихъ Бурятъ, хотя долженъ сказать, что не представилъ въ этомъ отношеніи и десятой части имѣющаго у меня подъ руками матеріала. Но подробный разборъ пѣсенъ могъ бы затянуть это изслѣдованіе весьма надолго, текстъ же вмѣстѣ съ транскрипціею и переводомъ всѣхъ собранныхъ мною пѣсенъ будетъ обнародованъ мною въ печати въ самомъ непродолжительномъ времени, если мнѣ дозволятъ сдѣлать это средства. Въ настоящемъ случаѣ я могу сказать только то, что старался по преимуществу выбирать тѣ изъ записанныхъ мною пѣсенныхъ произведеній, которыя болѣе другихъ извѣстны въ народѣ и при томъ касаются тѣхъ сторонъ жизни народа, которыя онъ всего болѣе любитъ охранять въ тайнѣ. Я дѣлалъ это съ нарочитою цѣлью дать понять, что если даже объ этихъ сокровенныхъ предметахъ народъ слагаетъ свои пѣсни, то тѣмъ болѣе не будетъ онъ молчать тамъ, гдѣ уста его не сковываются законами приличія и долга, а сердце также глубоко чувствуетъ и потому естественно стремится обнаружить эти чувствованія во внѣ. Дѣйствительно, бытовыхъ пѣсенъ у Бурятъ весьма много и это въ свою очередь есть непреложное свидѣтельство того, что Буряты, не смотря на всѣ усилія ламъ привить къ нимъ отдаляющія духъ отъ мірской жизни идеи буддизма, всетаки влекутся къ этой жизни и беззавѣтно отдаются духомъ совершающимся въ ней событіямъ. Такимъ образомъ мы находимъ у Бурятъ всецѣло сохранившеюся ту жизненность, которая годъ отъ года убываетъ у Ойотовъ и почти совершенно изчезла у Хакасовъ. Буряты до настоящаго времени еще сохранили у себя и слагаютъ свой эпосъ и почти ни одно изъ выдающихся обстоятельствъ ихъ общественной жизни

не проходитъ безъ того, чтобы народъ не отозвался на него эпическою пѣснею. Правда, что чуждая волненій жизнь Бурятъ, даетъ весьма мало матеріала для твореній подобнаго рода, но фактъ существованія у Бурятъ эпическихъ пѣсенъ современнаго намъ происхожденія служитъ при этомъ только болѣе разительныхъ доказательствомъ чуткости Бурятъ къ жизненнымъ событіямъ и способности ихъ вдохновляться всякимъ обстоятельствомъ, выходящимъ изъ ряда обыденной жизни. Вотъ примѣры бурятскихъ эпическихъ пѣсенъ, относящихся по происхожденію къ болѣе позднему времени.

дайбапъхàн сагàн дӱшингы́йи
далайгā гатулхӯ́йги ӱзэ̄-гӱ?
даланхàн губэ̄рии эзэлэхшѝ
эзэ̀н хāпà ӱзэ̄-гӱ?

апъгáра голы́ии угхӯ́н-ни
ахтамхàн тӱргэ̀н урутхалтàй
абàй хāп-дà морилагхàн
ахàй поѝн бапртàй

худуры́йи сагàн талàн-ии
хонъгòр гхáйхан нутӯ́к би
хóйту хāп-да морилагхàн
хорíйи поѝн бапртàй

эркӯ̆ мӱ̆чжíйги ахалахшíйи
эшѝ зарлигā̀р батулугдагхàн
эриишѝи дорчжѝ поѝи-ии
эгэ̀ль албатупáр-а дошхѝи бѝ

олòи гхӱ̆рӯ̆к малӯдā̀р
оморхàн уршѝи гхӯ̆хши
орóйи поѝи тайшà мапѝ
укгхумхàп шӱ̆рӯ̆и запътàй бѝ

амӯ̀р гхӯ̆гхàн албатупáр-а
ачжѝ байдалāгхапии хохидӯлāт
абхӯ̀ идэхӯ̆йи гхапāлāр
айюулāт хӯ̆пӧ̄гӧт цзобогàбай

хорíйи поѝи дампильы́йи
хурāгхàн мӱ̆нъгӯ̆нэ̀ хоридачжѝ

хомогàй гхэтхилы́йн ташийя̄лар̄
хорíйн дӯмэйгэ̄н шатабай

хонъгòр хэ̄рь морѝн-ни
гарихан эбдэ̄т дутабай
хоѝр тӯмэ̀н мӯнъгӯ́йги
хойморлат̄ ӯбӯрло̄т дутабай

эзэ̀н хапай хӯлшагха
эдӯ́й бурӯ̄ ӯйлэдӯгхэ̀н-дэ̄н
эриншѝн дорчжѝ дампилы́йн
эрхэ̀ байдалагха хохидубàй-ла

хан гӯрун-ни хӯлинагха
хазагàй бурӯ̄ ябугхáн-да̄н
хамӯ́к ямбунагха хохидат̄
хáтаржинай хӯдӯльмӯрѝн-дӯ зарукдабàй-ла

энэ̀ мэтӯ́йн ябудалы́йги
ödō ӯйѣ́йн залӯнар
эртэнэ̄гхэ гхэргэ́йлэчжи гхэрэ́мчжилэ̄т
эндӯ̄ ӯгэ̀й ябухтуй та.

Переводъ.

Видѣлъ ли (ты) переплывающимъ море
Плавно покачивающійся, бѣлый пароходъ?
Видѣлъ ли (ты) государя, повелителя,
Управляющаго семьюдесятью губерніями?

Вода рѣки Ангары
Имѣетъ бурливое, быстрое теченіе;
Отправившійся къ батюшкѣ царю
Радостенъ дядюшка нойонъ.

Кударинская, ровная степь —
Низменное, прекрасное кочевье;
Отправившійся къ сѣверному хану
Радостенъ хоринскій нойонъ.

Утвержденный опредѣленіемъ
Начальствующихъ Иркутскою губерніею,
Нойонъ Ринчинъ Дорчжи
Жестокъ къ простымъ подданнымъ.

Живущій грѣша, да гордясь
Своимъ многочисленнымъ скотомъ,

Верховный нойонъ, тайша нашъ
Рѣзокъ и суровъ по нраву.
Нанося убытки въ средствахъ къ жизни
Мирно жившимъ подданнымъ,
Онъ, съ цѣлью получить да взять,
Замучилъ стращая, да безпокоя.
Хоринскій нойонъ Дампиловъ,
Польстившись на собранныя деньги,
По страсти корыстолюбія,
Сжегъ свою хоринскую думу.
Свѣтлогнѣдая лошадь его
Убѣжала, разорвавъ свое кольцо (на уздѣ);
Двадцать тысячь серебромъ,
Положивъ въ подолъ и въ пазуху, убѣжалъ онъ.
Законами хана повелителя
Ринчинъ Дорчжи Дампиловъ,
Въ силу совершенія этакихъ преступленій,
Былъ отрѣшенъ отъ власти и положенія.
Законами государя и государства (онъ)
За совершеніе несправедливыхъ преступленій,
Будучи лишенъ всѣхъ правъ,
Сосланъ былъ въ каторжныя работы.
Остерегаясь и боясь съ ранніхъ поръ
Такого рода поступковъ,
Современные молодые люди
Дѣйствуйте справедливо.

Пѣсня эта по составленію относится къ 1849 г., обстоятельствомъ же, послужившимъ поводомъ къ ея составленію, было преступленіе хоринскаго тайши, подробности о жизни и дѣяніяхъ котораго мы находимъ въ лѣтописи Тугултуръ Тобосва. Лѣтопись эта разсказываетъ, что въ 1835 году, по смерти хоринскаго главнаго тайши Чикичжита Дамба Дугарова, хоринское общество въ выборѣ главнаго тайши раздѣлилось на двѣ партіи: одна сторона выбрала въ главные тайши сына предшественника Дугарова въ должности тайши, — Галсанова, который назывался Ринчинъ Дорчжи Дампиловъ; другая же

партія своего кандидата не представила, но и не соглашалась на выборъ первой. По всей вѣроятности отсутствіе другаго кандидата на должность и было причиною, по которой Ринчинъ Дорчжи Дампиловъ былъ вскорѣ же утвержденъ главнымъ тайшею. Неудача въ выборѣ дѣйствительно обнаружилась почти съ перваго раза и въ первые годы. Суровое обращеніе съ народомъ, лихоимство и разнаго рода незаконные поборы такъ возбудили все общество противъ новаго тайши, что оно рѣшилось просить иркутскаго генералъ-губернатора произвести слѣдствіе объ его поступкахъ. Провѣдавъ объ этомъ, Ринчинъ Дампиловъ, какъ ловкій политикъ, уѣхалъ въ Петербургъ и, съ засвидѣтельствованіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, представился императору Николаю I, а въ 1842 г. здѣсь же въ Петербургѣ принялъ святое крещеніе, при чемъ самъ императоръ былъ его воспріемникомъ отъ купели. Такимъ образомъ погасивъ возбужденное противъ него дѣло водою крещенія, Дампиловъ возвратился въ степи не только не наказаннымъ, но еще награжденнымъ (при крещеніи ему былъ пожалованъ чинъ эсаула) и началъ свою прежнюю дѣятельность въ отношеніи къ инородцамъ. Послѣдніе снова возбудили противъ него дѣло, но и по этому дѣлу Дампилову не пришлось понести наказанія, такъ какъ вскорѣ открылось участіе его въ болѣе тяжкомъ преступленіи *). Въ 1848 г., въ ночь на 26-е декабря, сгорѣла хоринская степная дума и подозрѣніе въ поджогѣ пало на тайшу Дампилова. Произведенное слѣдствіе доказало, что тайша Дампиловъ съ крещенными инородцами: Петромъ Мелентьевымъ, Николаемъ Олхоевымъ и Степаномъ Соболевымъ, похитивъ хранившіеся въ хоринской степной думѣ 11,636 р. 45¼ к. ясашнаго сбора и 233 р. 51¼ к. изъ суммъ отъ другихъ сборовъ, сожгли зданіе думы съ цѣлью скрыть слѣды своего преступленія; за симъ по рѣшенію иркутскаго суда Дампиловъ былъ сосланъ на работы въ Россію, а товарищи его въ Нерчинскіе заводы **).

*) Хори Буріядун туруйн тухэ. Л. 37.

**) Дѣло хоринской степной думы по описи № 9, стр. 293.

Еще къ болѣе позднему и ближайшему къ намъ времени по своему происхожденію относится слѣдующая эпическая пѣсня, которая составлена въ честь великаго князя Алексѣя Александровича. Путешествуя по Азіи, Его Высочество въ 1873 году проѣзжалъ чрезъ восточную Сибирь и останавливался въ Агинскомъ дацанѣ Хоринскихъ Бурятъ. Здѣсь при громадномъ стеченіи народа принималъ отъ Хоринцевъ, осматривалъ бурятскіе храмы и ознакомился съ образомъ жизни и бытомъ инородцевъ. Событіе это Буряты воспѣли въ слѣдующихъ словахъ:

ару́йн нӯры́йн хо́ймурӧр
алта̀н хошъхо́йн зангинана̀
албату-на́р-ту заларӑ́т ирэгхэ̀н
аба̀й ха̄най та́йчжи-ла

албату̀ зо̀н-ни бидэ̀ бэр
ана̄гі́йн сага̀н дасан-ду
алта̀н тугӑр ухтучжѝ
амугула́нги эричжѝ гхӯгӯтбэ̀й

алу̀с гэго́ни ӱзэчжѝ
албату́йн гхэтхѝль ханубай
алта̀н зарли́ги хӯлӗчжи
пагхуна̀й чжиргалѝ олбо̀й

хулугхуту̀ нӯры́ни хо́ймурӧр
хоринха̀н хошхо́йн запъгинана̀
хорѝ-ду заларӑ́т ирэгхэ̀н
хуа̀нъ-та́йчжи эрдэнѝ

хори́йн зо́н-ни би́дэ̀ бэр
хӯшина̀й сага̀н дасанъ-ду
хонӧ́т ба́йчжи ухтучжѝ
хутула̄р ушира̄т гхӯгӯтбэ̀й

хубилга̀н гэго́н ни ӱзэчжѝ
хутала́йн гхэтхѝль ханубай
хошъгорха̀н зарли́ги хӯлӗчжи
хо́йтуйн чжиргала́лѝ олбо̀й

шили́йн нӯры́йн хо́ймурӧр
шинэхэ̀н хошъхо́йн зангинана̀

сибѝри-дӱ̄ заларӑ̄т ирэгхэ̀н
сэсэ̀н хуа̀нъ-та́йчжи-ла̄

сибѝрийн зо́н-ни бидэ̀ бэр
шѝль мӱрэн-нэ̀й хӧбӧ̄-дӱ̄
сэнгэлгэлэ̄р ухтучжѝ
гхӱ̄гӱ̄дӧ̄т ба́йчжи мӱ̄ргӱ̄бэ̀й

шимэктӱ̄ гэгэ́нни ӱ̄зэчжѝ
гхэтхѝль зӱ̄рӱ̄хэ̀н ханубэ̀й
сэсэ́н зарлѝги хулѣчжи
гхэльтэ́йн чжиргэ́ли олбдо̀й.

Переводъ.

По сѣверной сторонѣ сѣвернаго озера
Звенитъ золотой колокольчикъ,
Пріѣхалъ къ своимъ подданнымъ
Принцъ батюшки царя.

Мы, его подданный народъ
Въ бѣломъ Анинскомъ дацанѣ,
Встрѣтили (его) съ золотымъ знаменемъ
И колѣнопреклоненно желали здравія.

Повидавши далекій ликъ,
Удовлетворилось желаніе подданныхъ,
Дождавшись золотаго слова,
Получили (мы) блаженство на весь вѣкъ.

По сѣверной сторонѣ поросшаго тростникомъ
озера
Звенятъ двадцать колокольчиковъ,
Пріѣхалъ къ Хоришамъ
Драгоцѣнный, царственный принцъ.

Мы, хоришскій народъ его,
Въ старишномъ бѣломъ дацанѣ
Переночевавъ, повстрѣчали (его),
И увидавшись, всѣ стали на колѣна.

Повидавши воплощенный ликъ,
Удовлетворилось желаніе всѣхъ,
Дождавшись любезнаго слова
Получили (мы) блаженство на будущую жизнь.

По сѣверной сторонѣ стекловиднаго озера
Звенитъ новенькій колокольчикъ,
Пріѣхалъ въ Сибирь
Мудрый царственный принцъ.

Мы, его сибирскій народъ,
На берегу стекловидной рѣки
Повстрѣчали (его) съ ликованіемъ и
Стоя на колѣнахъ поклонились.

Повидавши изукрашенный ликъ,
Удовлетворилось желаніе и сердце,
Дождавшись мудраго слова
Получили мы всеобщее блаженство.

Все что было говорено нами о Бурятахъ до сего времени относится почти исключительно до такъ называемыхъ Забайкальскихъ Бурятъ, составляющихъ какъ уже было сказано выше, только одну часть бурятскихъ родовъ; другая часть ихъ поколѣній и при томъ превышающая первую по своей численности, живетъ на сѣверной сторонѣ Байкала. Эти послѣдніе Буряты значительно разнятся отъ забайкальскихъ какъ по своему вѣроисповѣданію, такъ и по образу своей жизни, своимъ народнымъ обычаямъ и даже по языку, отличающемуся своею грубостію отъ нарѣчій всѣхъ прочихъ монголовъ. Утверждаютъ, что это нарѣчіе и было поводомъ, почему сѣверо-байкальскіе Буряты получили отъ своихъ соплеменниковъ прозваніе Баргу-Бурятовъ, т. е. грубыхъ, неотесанныхъ Бурятовъ*). Всѣ эти различія побудили меня говорить о Баргу-Бурятахъ отдѣльно, тѣмъ болѣе, что, познакомившись лично съ ихъ бытомъ только въ самой незначительной степени, я и не имѣю о нихъ такого яснаго представленія, какъ о Бурятахъ забайкальскихъ. Баргу-Буряты занимаютъ своими кочевьями пространство отъ впаденія рѣкъ Оки и Ии въ Нижнюю Ангару на западѣ, вплоть до оз. Байкала на востокѣ, а съ юга на сѣверъ тянутся отъ границъ Рос-

*) Землевѣд. Азіи. Риттера. Восточ. Сибирь. Перев. Семенова. Спб. 1879 года, стр. 141—142. — Asia polyglotta, v. S. Klaproth, 276—284.

сіи съ Монголіею почти до параллели города Киренска на Ленѣ и въ своихъ устныхъ преданіяхъ считаютъ свои роды аборигенами этой мѣстности. Преданій о происхожденіи баргу-бурятскихъ родовъ разсказывается въ народной массѣ весьма много, и хотя всѣ они довольно разнорѣчивы въ своихъ подробностяхъ, однако же всѣ сходствуютъ въ одномъ, именно въ первоначальномъ происхожденіи баргу-бурятскихъ родовъ отъ поколѣній Ойратъ-Бурятъ, обитавшихъ у Байкала еще во времена Чингисъ-хана*). Въ числѣ необнародованныхъ еще у насъ преданій по этому предмету мнѣ удалось узнать слѣдующія.

Однажды шаманка по имени Асуханъ, происходившая отъ племени Ойратъ-Бурятъ, въ то время уже поддавшагося Чингисъ-хану, шла по берегу Байкала и на берегу озера увидала быка, который мычалъ, извергая изо-рта пѣну. Предположивъ, что это божественный гость, предопредѣленный ей небомъ, она соединилась съ нимъ въ томъ же мѣстѣ и, сдѣлавшись немедленно беременною, родила двухъ сыновей: старшій назвался Бурядай, а младшій Хоридай. Бурядай, однажды, во время охоты взошедши на высокую гору, нашелъ сидящую на ней дѣвушку и женился на ней. Отъ нея имѣлъ онъ двухъ сыновей, старшій назывался Икиридъ, а младшій Болгодъ. Икиридъ имѣлъ восемь сыновей и родъ, произшедшій отъ нихъ, составилъ поколѣнія многихъ баргу-бурятскихъ фамилій, живущихъ на сѣверной сторонѣ Байкала: Буряты верхоленскіе, балаганскіе, идинскіе, всѣ принадлежатъ къ роду Икирида. Потомки Болгода и Хоридая живутъ по обѣимъ сторонамъ Байкала, смѣшавшись съ бурятскими выходцами изъ Монголіи. Въ частности же Болгодъ имѣлъ у себя шесть сыновей, въ числѣ потомковъ которыхъ почитаются и Кударинскіе Буряты. Вотъ почему въ своихъ шаманскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ они часто поминаютъ быка и дерево иву, а при совершеніи кропленій молокомъ Кударинскіе Буряты поютъ:

---

*) Geschichte der Ost. Mongolen, S. 75.

бухà нойи абà
будàнъ хатӯи ибӣ
хāи ӯлаи жодò-ду
залама нойи

т. е. «государь батюшка — быкъ, государыня матушка — будан; на ивѣ царя горы залама князь».

Что касается Хоридая, то о немъ разсказываютъ, что ходя однажды по острову Ольхону, онъ увидалъ какъ слетѣли съ неба три лебедя и, на берегу озера превратившись въ дѣвицъ, стали купаться. Хоридай укралъ одежду одной изъ дѣвицъ, почему она искупавшись и не могла, по примѣру своихъ подругъ, снова превратиться въ лебедя и улетѣть на небо, а должна была остаться человѣкомъ и сдѣлаться женою Хоридая. Отъ нея Хоридай прижилъ одиннадцать сыновей, сдѣлавшихся родоначальниками одиннадцати хоринскихъ родовъ. Такъ. образомъ Баргу-Буряты производятъ Хоринцевъ и говорятъ, что въ глубокую старину Хоринцы жили вмѣстѣ съ ними и не заходили на востокъ дальше Ольхона, что только потомъ они перешли въ Монголію, занявъ по началу мѣста нынѣшнихъ Урянхаевъ. Отсюда часть Хоринцевъ якобы снова перешла въ Россію, а другая часть, оставшаяся въ Монголіи, составила такъ называемыхъ Баргу-Монголовъ *). Когда Хоридай состарѣлся, продолжаетъ далѣе легенда, жена его попросила у него свое старое платье и, надѣвъ его, снова превратилась въ лебедя и улетѣла на небо. Приношеніемъ жертвъ своей прародительницѣ и объясняютъ Баргу-Бурятты происхожденіе обычая, записаннаго Спасскимъ какъ простое шаманское обыкновеніе плескать вверхъ чай и молоко, когда летитъ орелъ или лебедь **). Чудесная сторона этихъ легендъ, конечно измышленная, повторяется на различные маневры въ легендарныхъ сказаніяхъ почти всѣхъ народовъ во-

*) См. выше преданія Хоринцевъ и сказанія лѣтописи Тугултуръ Тобоева.

**) Сибирск. Вѣстн. 1822 г. Ч. I. «Буряты», стр. 67.

стока; таковы легенды о происхожденіи Маньчжуровъ *), Ölöтовъ **) и др., но реальная часть этой бурятской сказки носитъ въ себѣ весьма много правдоподобнаго относительно происхожденія и первопачальнаго мѣстожительства Бурятъ-Хори и до нѣкоторой степени подтверждается письменными сказаніями Юаньчао-ми-ши ***) и Рашидъ эддина ****). Что касается Баргу-Бурятовъ, о которыхъ начали мы свою рѣчь, то они, оставшись на своихъ мѣстахъ послѣ откочеванія отъ нихъ Хоринцевъ, кажется и до настоящаго времени не предпринимали ни какихъ перекочевокъ; это подтверждается для насъ съ одной стороны тѣмъ, что сами они не сохранили у себя ни какихъ преданій о перемѣнѣ когда либо своего мѣстожительства, а съ другой и еще болѣе тѣмъ, что они сообщаютъ множество легендъ о своихъ смѣнившихся сосѣдяхъ: такимъ образомъ у нихъ уцѣлѣло въ памяти воспоминаніе о Киргизахъ (Хиргизъ-Хасакъ), какъ народѣ, жившемъ къ югу отъ береговъ Байкала, а равно разсказываются повѣсти о приходѣ Солоновъ, Солонгутовъ, Якутовъ, Сойотовъ, Самоѣдовъ. Саганъ (бѣлыхъ) Торгӯтовъ, Татаръ и другихъ народцевъ, живущихъ нынѣ по Ангарѣ, Енисею, Иртышу и Ленѣ.

Русскіе познакомились съ Баргу-Бурятами впервые, кажется, въ 1612 году, а въ 1628 году первые изъ нихъ, живущіе по Окѣ, были обложены ясакомъ. Впрочемъ Буряты сильно сопротивлялись этому подчиненію: уже въ 1629 г. они не хотѣли платить наложенной на нихъ дани, а въ 1635 г. перебили русскихъ казаковъ и разграбили Братскій острогъ, построенный въ 1631 г. съ нарочитою цѣлью, чтобы «Бурята въ послушаніе приведены были». Только тогда, когда съ построеніемъ остроговъ: Канскаго въ 1640 году, Верхоленскаго въ 1641, Удинскаго въ 1648, и Балаганскаго въ 1654, Русскіе окружили Бурятъ со всѣхъ сторонъ, они должны были подчиниться силѣ и

*) Труды членовъ Россійской духов. миссіи въ Пекинѣ. Т. I, стр. 27, 195.
**) Эрдэнійн эрихэ. Л. 39.
***) Труды членовъ духов. миссіи въ Пекинѣ. Т. IV, стр. 2.
****) Сборникъ лѣтописей Березина, стр. 86—87.

мало по малу прекратили свои возстанія и набѣги. Съ тѣхъ поръ они наслаждались полнѣйшимъ миромъ, не предпринимая ни какихъ походовъ сами и не испытывая ни чьихъ набѣговъ на свои кочевья. Снисходительность Русскихъ къ образу жизни, который ведутъ Буряты и терпимость ихъ вѣроисповѣданія были конечно главнѣйшими причинами, по которымъ они не были ни чѣмъ смущаемы и во внутренней своей жизни. Такимъ образомъ Баргу-Буряты остались и въ настоящее время почти тѣмъ же, чѣмъ были за два вѣка тому назадъ. Нѣкоторыя частности быта конечно измѣнились подъ вліяніемъ русскихъ административныхъ, юридическихъ и экономическихъ порядковъ, но общій строй домашней жизни, характеръ и понятія народа остались тѣже. Единственнымъ событіемъ, имѣвшимъ вліяніе на самыя основы народныхъ воззрѣній и жизни Баргу-Бурятъ, представляется пропаганда между ними буддизма забайкальскими ламами въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, но эта миссіонерская дѣятельность буддійскихъ монаховъ была вскорѣ же остановлена Русскими и такимъ образомъ Буряты спаслись и отъ этого зла. Впрочемъ какъ ни кратковременно было пребываніе ламъ въ этомъ краѣ, имъ все-таки удалось посѣять сѣмена своего ученія и результатомъ этого было построеніе въ 1834 году Аларскаго дацана, въ числѣ прихожанъ котораго числится въ настоящее время до 8,000 Баргу-Бурятъ. Эти то прозелиты буддизма и представляютъ своими обычаями и воззрѣніями нѣкоторое исключеніе изъ общей народной массы. Правда, что удаленіе отъ Монголіи и незнакомство Баргу-Бурятъ съ монгольскою письменностію значительно задерживаетъ у нихъ успѣхи буддизма и конечно теперь онъ никогда уже не достигнетъ здѣсь до той силы, и не будетъ имѣть того вліянія на сердца людей, какія удалось пріобрѣсти ему въ забайкальи; но за всѣмъ тѣмъ Баргу-Буряты буддисты и Баргу-Буряты шаманы теперь представляются уже весьма отличными другъ отъ друга. Мы знаемъ напр. что въ прежнее время звѣроловство и охота составляли одно изъ важнѣйшихъ занятій Баргу-Бурятъ; нынѣ тѣ изъ нихъ,

которые приняли буддизмъ, уже почти совершенно оставили этотъ промыслъ и конечно главнѣйшею причиною этому было запрещеніе ихъ новой религіи убивать животныхъ. Исключительное занятіе скотоводствомъ естественно смягчило нравы Баргу-Бурятъ буддистовъ, пріучило ихъ къ большему постоянству, сдѣлало гражданственнѣе, научило уважать духовныя силы выше физическихъ, считать умственное развитіе выше тѣлесной ловкости и пр. Съ другой стороны хотя бы только въ средѣ ученой и болѣе развитой народной массы буддизмъ и непосредственно способствовалъ развитію болѣе облагороженныхъ и возвышенныхъ понятій обо всемъ, начиная съ ученія о Богѣ и служеніи ему и оканчивая нравственнымъ ученіемъ о значеніи человѣка и міра, а равно долженствующихъ быть отношеніяхъ къ нимъ. То что большинство Баргу-Бурятъ въ знакомствѣ съ буддизмомъ не пользуется книгою, а только устными наставленіями ламъ, пожалуй даже служитъ имъ ко благу, потому что они знакомятся главнѣйше съ самыми элементарными, жизненными сторонами буддизма, не касаясь развитія его въ высшихъ формахъ и почти не имѣютъ понятія о буддійскомъ подвижничествѣ, созерцаніяхъ, умерщвленіяхъ плоти и пр. Въ общемъ итогѣ нужно сказать, что Баргу-Буряты знакомятся съ теоріею догматическаго и нравственнаго ученія буддизма еще меньше чѣмъ Ölöты, оттого естественно, что понятія ихъ о предметахъ и истинахъ буддійскаго вѣроученія въ большинствѣ случаевъ не заходятъ дальше тѣхъ внѣшнихъ и пластическихъ формъ, въ которыя воплотилъ буддизмъ свои отвлеченныя идеи и истины. Понятно отсюда, что вся религіозная дѣятельность Баргу-Бурятъ ограничивается однимъ исполненіемъ обрядовъ, высшая преданность буддизму дышетъ у нихъ ханжествомъ, и всѣ религіозныя размышленія не приводятъ ни къ чему другому, какъ къ сантиментальности. Таковы черты характера, составившіяся у Баргу-Бурятъ подъ вліяніемъ буддизма, но естественнымъ же и воспитывающимся жизнью наклонностямъ духа, Баргу-Буряты кажутся ни чѣмъ не разнящимся отъ другихъ монгольскихъ племенъ: таже любовь

къ домашнему очагу, глубочайшая почтительность къ родителямъ и старшимъ, услужливость, радушіе и гостепріимство къ равнымъ себѣ и крайняя сострадательность въ отношеніи къ бѣднымъ членамъ своей общины, вотъ отличительныя и невольно вселяющія къ нимъ симпатію черты Баргу-Бурятъ. Замѣтимъ еще, что сравнительно слабое развитіе буддизма и удаленіе отъ монголовъ порождаетъ у нихъ гораздо больше связи съ Русскими, чѣмъ это находимъ мы въ забайкальи; отъ того эти Баргу-Буряты и казались русскимъ изслѣдователямъ ихъ быта менѣе скрытны и въ самомъ дѣлѣ они искреннѣе и сильнѣе преданны Россіи. Вотъ нѣсколько пѣсенъ Баргу-Бурятъ буддистовъ, свидѣтельствующихъ истинность сказаннаго.

I.

дāши ӱгэ̀й шарà зулà
далà̀й ламáйн гхӱмэ̀-дӱ̀
дабашѝ ӱгэ̀й буѝн хутӯ̀к
эсэгэ̀ бурхани урӯ̀н-дӱ̀
хайлашѝ ӱгэ̀й шарà зулà
хāпи манà̀й гхӱмэ̀ дӱ̀
гханашѝ ӱгэ̀й буѝн хутӯ̀к
эсэгэ̀ бурханѝ урӯ̀н-ду
эргӯ́шѝ ӱгэ̀й шарà зулà
эжѝн хāни гхӱмэ̀-дӱ̀
ӱзэшѝ ӱгэ̀й буѝн хутӯ̀к
эжѝн бурханѝ урӯ̀н-дӱ̀.

Переводъ.

Непостижимая желтая лампада
Въ кумирнѣ Далай ламы,
Не нарушаемыя добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца — будды.

Не растопляемая желтая лампада
Въ храмѣ нашего царя,
Не вообразимыя добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца — будды.

Не возносимая желтая лампада
Въ храмѣ государя повелителя,
Невиданныя добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца, — будды.

* *
*

II.

арада̀ хӱрсэ̀ татахо̀
алта̀н хайлӯр номото̀й бӣ
алда̀н ӱгэ̀й харбохо̀
абиду́ин хӱбӯн шӧшхи
эбӱртэ̀ хӱрсэ̀ татахо̀
мӱнъгӱ̀н хайлӯр номото̀й бӣ
мэкдэ̀н ӱгэ̀й харбохо̀
абиду́ин хӱбӯн шӧшхи
хагхада̀ хӱрсэ̀ татахӧ
хатӯ болӧ̀т гхумута̀й бӣ
харӯ ӱгэ̀й харбохо̀
абиду́ин хӱбӯн шӧшхи
ӯла́ин шинэ̄н зэп-тэ̀й бӣ
ӯдэпи шинэ̄н гхумута̀й бӣ
ӱлишӣ ӱгэ̀й харбохо̀
абиду̀йин хӱбӯн шӧшхи

Переводъ.

Натягивающій до заду (поясницы),
Имѣющій литой, золотой лукъ,
Стрѣляющій безъ промаха
Шошхи, сынъ Абиды.
Натягивающій до пазухи,
Имѣющій литой, серебряный лукъ,
Стрѣляющій не торопясь,
Шошхи, сынъ Абиды.
Натягивающій въ мѣру,
Имѣющій стрѣлу изъ закаленной стали,
Стрѣляющій такъ, что не разгибается (лукъ)
Шошхи, сынъ Абиды.

Имѣющій оконечность стрѣлы величиною съ гору,
Имѣющій стрѣлу величиною съ дверь,
Стрѣляющій несравненно
Шошхи, сынъ Абиды.

* *
*

III.

харà мӧнъхӧ̄ тэнгрѝ манàй
хайлалашѝ ӱгэ̀й нарàн гэрэлтэ̀й
хамӧ̀к гхӯхши зӧ́н манàй
дэ́йду бурха́нду мӱргӱлтэ̀й

хӧхӧ̄ мӧнъхӧ̄ тэнгрѝ манàй
хӱрэ́н нарàн гэрэлтэ̀й
хӱтхӧ̄рӧ̈ гхӯхши зӧ́н манàй
дэ́йдӱ бурха́нду мӱргӱлтэ̀й

тӱмӯр хӧхӧ̄ тэнгрѝ манàй
тӧгӧрӧ̄к нарàн гэрэлтэ̀й
тӱдӯй гхӯхши зӧ̀н манàй
дэ́йдӱ бурха́нду мӱргӱлтэ̀й.

Переводъ.

Наше темное, вѣчное небо
Освѣщается нерастопляемымъ солнцемъ,
Весь живущій народъ нашъ
Покланяется высокому буддѣ.

Наше синее, вѣчное небо
Освѣщается темно-краснымъ солнцемъ,
Живущій массою народъ нашъ
Покланяется высокому буддѣ.

Наше желѣзно-синее небо
Освѣщается круглымъ солнцемъ,
Весь живущій народъ нашъ
Покланяется высокому буддѣ.

* *
*

IV.

октоpгóй-н шимэглэхэ̀
одòн мэшѝн гэлэ̀й лэ́
олòн зó-йи томѝрахò
эжѝн сагàн хāн гэлэ̀й-лэ̀

гхаридà-йи гэгэ́йлэхэ̀
гхарà нарàн гэлэ̀й лэ̀
гхáйт зóйи томирахò
эжѝн сагàн хāн гэлэ̀йлэ̀

ӱргӱн дэлэхэ̀й-йи ӱпъгӱжӱлхэ
ӱлэн борṑн гэлэ̀й лэ̀
ӱдӱй зо-йи томирахò
эжѝн сагàн хāн гэлэ̀й лэ.

Переводъ.

Украшаютъ небо,
Говорятъ, звѣзды;
Управляетъ множествомъ народа,
Говорятъ, повелитель — бѣлый царь.

Освѣщаетъ скалы, покрытыя лѣсомъ,
Говорятъ, солнце, да луна;
Управляетъ вельможами и народомъ,
Говорятъ, повелитель — бѣлый царь.

Украшаетъ обширную вселенную,
Говорятъ, облака, да дождь;
Управляетъ эстолькимъ народомъ,
Говорятъ, повелитель бѣлый ханъ.

* * *

V.

хадàйн манàй шулӯн гэ̄т
хамхарашѝ ӱгэ̀й бӧхӧ̄ бѝ
хāн бабáйн хӯли гэ̀т
сусаралтà ӱгэ̀й мӧпъхӧ̄ бѝ

ӯлаин манàй шулӯн гэ̄т
ӱмдэрэлтэ̀ ӱгэ́й бӧхӧ̄ бѝ
ӱбӱгэ̀т баба́ин хӯли гэ̄т
сусаралтà ӱгэ̀й мӧнъхӧ̄ бѝ

бӧ̄рійн манàй шулӯн гэ̄т
бутаралтà ӱгэ̀й бӧхӧ̄ бѝ
бурхàн баба́йн хӯли гэ̄т
бутаралтà угэ̀й мӧнъхӧ̄ бѝ.

Переводъ.

Говоритъ о камнѣ нашей скалы, —
Онъ не раздробимо крѣпокъ;
Говоритъ о законахъ царя батюшки, —
Они неизмѣнно вѣчны.

Говоритъ о камнѣ нашей горы, —
Онъ не разрушимо крѣпокъ;
Говоритъ о законахъ старцевъ батюшекъ, —
Они неизмѣнно вѣчны.

Говоритъ о камнѣ нашей подошвы горы, —
Онъ нераздробимо крѣпокъ;
Говоритъ о законахъ будды батюшки, —
Они не измѣнно вѣчны.

* * *

VI.

мӧнъхӧ̄ сагàн тӧрӧ̄ манàй
мӧнъгӧ̄нгхӧ бӧхӧ̄р бӱтэ̄гхэй
эдӱ̀й ба́йгхан зòн манàй
ӧрӧ̄ртòй гха́йхан зугалāгхай

хāн сагàн тӧрӧ̄ манàй
хатӯ болóтгха бӧхӧ̄р бӱтэ̄гхэй
хамàк ба́йхши зòн манàй
амàр гха́йхан зугалāгхай

энъхэ̀ сагàн тӧрӧ̄ манàй
тӱмӱ̈ргхэ бӧхӧ̄р бӱтэ̄гхэй
эдӱ̀й ба́йхши зòн манàй
эбтэ̀й гха́йхан зугалāгхай

Переводъ.

Да устроится крѣпче серебра
Вѣчное бѣлое наше правленіе;
Да будетъ веселиться въ довольствѣ и благословеніи
Этакое количество нашего народа.

Да устроится крѣпче твердой стали
Царское, бѣлое наше правленіе;
Да веселится покойно и хорошо
Весь нашъ народъ.

Да устроится крѣпче желѣза
Мирное, бѣлое наше правленіе;
Да веселится въ безмятежіи хорошенько
Этакое количество нашего народа.

* * *

VII.

харà далáйи йорӧри
харāгхай-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
хāн бабáйи хӯли-йѝ
ойлгӧгхой-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
хӧхӧ̆ далáйи йорӧри
хӯрэ̄гхэй-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
хӯхшѝи бабáйи хӯли-йѝ
ойлгӧгхой-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
шарà далáйи йорӧри
шагāгхай-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
сагàн хāпи хӯли-йѝ
ойлгӧгхой-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ.

Переводъ.

Я желалъ бы посмотрѣть
Дно черпаго моря;
Я желалъ бы постигнуть
Законы царя батюшки.
Я желалъ бы достигнуть
До дна синяго моря;

Я желалъ бы постигнуть
Законы старичковъ-батюшекъ
Я желалъ бы пристально посмотрѣть
На дно желтаго моря;
Я желалъ бы постигнуть
Законы бѣлаго царя.

* *
*

VIII.

угхàн дундỳ харахỳ-ду
элэгхэ̀н шорòй илэрхэ̀й
улàт дундỳ харахỳ-ду
эрдэмтэ̀й хӯн илэрхэ̀й
харгѝ дундỳ харахỳ-ду
хабтагà̀й шулӯн илэрхэ̀й
хамàк хӯн-дӯ харахỳ-ду
ноѝн хӯн илэрхэ̀й
хулугхỳн дундỳ харахỳ-ду
хӯжѝ шулӯн илэрхэ̀й
хӯтхӯл зóн-ду харахỳ-ду
хӯрши хӯн илэрхэ̀й.

Переводъ.

Какъ посмотришь въ воду,
Ясны (для глаза) глина и песокъ;
Какъ посмотришь въ народъ,
Видѣется мудрый человѣкъ.
Какъ посмотришь въ мелкій ключь,
Видѣются выдающіеся камни;
Какъ посмотришь на весь народъ,
Видѣется господинъ.
Какъ посмотришь въ тростникъ,
Видны плоскіе камни;
Какъ посмотришь въ народную массу,
Виденъ человѣкъ, умѣющій играть на музыкальныхъ инструментахъ.

* *
*

IX.

сага̀н шубӯн ирэнэ̀ ль
шаля́кдушни гха́йхан бѝ
гха́йгхи мана̀й хӯбӯ̄т гэ̄т
зугà дэ́йрэ гха́йхан бѝ
ногогхо̀н шубӯн ирэнэ̀ ль
нӯр дэ́йрэ гха́йхан бѝ
ноягхѝ мана̀й хӯбӯ̄т гэ̄т
па́ир дэ́йрэ урахàн бѝ
хӯхӯ̄ шубӯн ирэпэ̀ ль
хотхо̀ дэ́йрэ гха́йхан бѝ
хӯхшѝн баба́йн хӯбӯ̄т гэ̄т
бӯгӯдэ̀ дэ́йрэ зугалā̄т.

Переводъ.

Прилетаетъ бѣлая птица, —
Хороша она на своемъ болотѣ;
Говорить объ юношахъ нашихъ господъ,
Хороши они на увеселеніяхъ.
Прилетаетъ утка, —
Хороша она на озерѣ;
Говорить объ юношахъ нашихъ господъ,
Ловки они на пирушкахъ.
Прилетаетъ кукушка, —
Хороша она на зелени;
Говорить объ юношахъ нашихъ старичковъ-господъ,
Веселятся они предъ всѣми (= въ обществѣ).

* *
*

X.

баба̀й мана̀й эргӯхэ̀ дэ
баярѝ тола̀ эргӯнэ̀
тэрэ̀ гха́йхан баярѝ
ӧдӧ̄ ю̄гā̄р харю̄лху-бдѝ
ибѝ мана̀й эргӯхэ̀-дэ
ӧрӧ̄ри тола̀ эргӯнэ̀

тэрэ̀ гха́йхан ӧрӧ̄рн
ӧдӧ̄ ю̄га̄р харю̄лху бдѝ
аха̀ мана̀й эргӱ́хэ̀ дэ
ахо́йн тола̀ эргӱ́нэ̀
тэрэ̀ гха́йхан эргӱ́лн̀
ӧдӧ̄ ю̄га̄р харю̄лху́ бдѝ.

Переводъ.

Когда возвышаетъ нашъ батюшка,
Возвышаетъ ради радости,
Теперь какимъ образомъ отплатимъ мы
Эту прекрасную радость.
Когда возвышаетъ наша матушка,
Возвышаетъ ради благословенія,
Теперь какимъ образомъ отплатимъ мы
Это прекрасное благословеніе.
Когда возвышаетъ нашъ старшій братъ,
Возвышаетъ ради существованія,
Теперь какимъ образомъ отплатимъ мы
Это прекрасное возвышеніе.

Пѣсни Баргу-Бурятъ шаманистовъ носятъ на себѣ совершенно особый характеръ, подобно тому какъ и сами эти Буряты разнятся отъ своихъ соплеменниковъ, принявшихъ буддизмъ. Всѣ ученые и путешественники, наблюдавшіе жизнь Бурятъ и оставившіе намъ описанія ихъ быта, единогласно заявляютъ, что тѣ изъ кочевыхъ бурятскихъ инородцевъ, которые исповѣдуютъ шаманство, гораздо менѣе буддистовъ развиты въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Щаповъ объяснилъ этотъ фактъ даже и физически, выставляя шаманство и его обряды какъ начало, растлѣвающее организмъ Бурятъ и убивающее ихъ умственныя способности *). Само собою разумѣется, что ученый бралъ въ основаніе своихъ заключеній главнымъ образомъ обрядовую сторону шаманства. Предоставляя однако естествоиспы-

*) Бурят. улус. родов. община. Изв. Спб. Отд. Географ. Общ. 1875 г. Т. V. №№ 3—4.

тателямъ указаніе вліяній шаманскихъ оргій на физическій составъ человѣка, мы скажемъ съ своей стороны, что шаманство какъ религія по самому своему составу никогда не могла имѣть никакого образовательнаго значенія для народа. Содержанія ея составляетъ смѣсь общечеловѣческихъ истинъ съ суевѣріями, которыми обыкновенно бываетъ полна жизнь народовъ, проходящихъ, такъ сказать, періодъ младенческаго состоянія. Изъ сказаній Плано Карпини *) и Рубруквиса **) мы можемъ выводить, что шаманство основною идеею имѣло идею единаго высочайшаго существа; но изъ замѣчаній Іоанна Мандевильскаго можно полагать, что понятіе это не было общенароднымъ. Дорчжи Банзаровъ пытался опровергнуть это послѣднее мнѣніе и представилъ намъ довольно подробный, систематическій очеркъ черной вѣры, но едва ли кто изъ знакомыхъ съ современнымъ шаманствомъ у Бурятъ будетъ сомнѣваться въ томъ, что религія эта является у нихъ въ настоящее время совершенно въ другой формѣ, чѣмъ представлена она у Банзарова, да притомъ и едва ли хоть одинъ изъ жрецовъ шаманства знаетъ свое вѣроученіе съ такою отчетливостію въ представленіяхъ, съ какою изложено оно въ монографіи нашего ученаго Бурята. Это предположеніе, что шаманство никогда не могло быть у Бурятъ отчетливо сознаваемымъ вѣроученіемъ, кажется намъ тѣмъ болѣе достовѣрнымъ, что религія эта никогда не имѣла ни своего священнаго кодекса ***), ни правильной іерархіи ****): всякій жрецъ этой религіи могъ понимать ее иначе, составлять свои правила и толкованія на ея догматы, установлять и измѣнять по своему произволу обрядовые законы. Если въ основѣ шаманства дѣйствительно лежало высокое понятіе о высочайшемъ существѣ, которое признавалось творцемъ и правителемъ міра, вѣчнымъ, правосуднымъ,

*) Языковъ. — Собр. путеш. къ Татарамъ. Спб. 1825 г., стр. 83—89

**) Bergeron. — Voyages faits principalement en Asie. Haye. I. 1735. p. 27.

***) Описаніе всѣхъ обитающ. въ Рос. Госуд. народовъ. Спб. 1799. Ч. III, стр. 98.

****) Иркут. Губ. Вѣдом. 1858 г. № 14.

источникомъ всякаго бытія и распорядителемъ міровыхъ судебъ, то это единое понятіе еще не возвышаетъ шаманство какъ религію. Дѣло въ томъ, что шаманисты почти не развили этого понятія въ своемъ вѣроученіи и совершенно не сдѣлали изъ него практическаго примѣненія къ нравственнымъ требованіямъ человѣка. Так. обр. въ религіозныхъ обрядахъ Бурятъ шаманистовъ въ настоящее время вмѣсто помянутаго высочайшаго существа, является цѣлый сонмъ духовъ добрыхъ и злыхъ, различествующихъ между собою по значенію, по виду, по силѣ, по мѣстонахожденію и пр. Эти то духи и суть главные предметы почитанія и вѣры, потому что имъ приписывается постоянное вліяніе на судьбу человѣка съ самаго начала его жизни и до гроба; высочайшее же существо остается въ сторонѣ, о немъ даже и не говорятъ шаманы. Всѣ религіозные обряды, какіе только существуютъ у шамановъ, совершаются для того, чтобы снискать благоволеніе добрыхъ духовъ или умилостивить злыхъ и все это для выгодъ только настоящей жизни. Въ молитвахъ шамановъ и шаманистовъ не видно, чтобы они заботились о своемъ духовномъ существѣ, совершали бы какіе либо очистительные обряды, просили бы чего либо относящагося до спасенія: всѣ молитвы ихъ ограничиваются просьбами о здоровьи, долголѣтіи, продолженіи потомства, обиліи скота и пр. Лучшимъ образцемъ такой молитвы представляется мнѣ молитва, записанная Шпфнеромъ въ грамматикѣ Кастрена *):

хуруй, хуруй, хуруй-ла
хуруйлхада билэйлэ хутук кэшик хурулба
дэлэжилэ байхула тэнъри ноянгха хурулба
дэлгэжи байхула ӱльгэнкэпи дайдагха
барӯлажи байхула йэрэи хӑдгха
йэгхӧнхэпи саганла эбӱгэтгхэ
буху ноян бӑбӑл бойногагха (?)
будан хани хатунла ибп-ѣ умайгагха

*) Castren's. Versuch einer Burjätischen Sprachlehre. 1857. p. 238—239.

тӯпи нāпа билэй-гэ
хуруйлхада билэйлэ пэрэту кӯндулэ
уту нагхай хуруйлба
удāн жарган хуруйлба
тӧ зусāн аргхуйи хуруйлба
тӧмӧр бӯкӯ амі-йи хуруйлба
кэрэги кӯсэкӯй
кэтэ заāн орхойн хуруйлба
тахали тарāхуй
ӯлбэри эдэгэкиги хуруйлба
адӯтай баян болхойи хуруйлба
ашитай ӯнӯр болхойн хуруйлба.
иль хуруй!

Переводъ.

Собирайся, собирайся, собирайся-же
Призывая къ собранію, мы приглашаемъ собраться счастіе и милость!
Призываемъ отъ господина неба, распростершагося.
Отъ пространства — земли, широко раскинувшейся.
Отъ находящихся на западной сторонѣ девяноста царей,
Отъ (существующихъ въ количествѣ) только девяти бѣлыхъ старцевъ,
Отъ (?) отца нашего Буху нояна,
Отъ утробы матери нашей царицы Будань-ханъ,
При семъ присутствовалъ (здѣсь помнается имя призываемаго духа),
При призываніи былъ (такой то духъ) по имени помѣхою;
Призываемъ — долгую жизнь,
Призываемъ — долгое благоденствіе,
Призываемъ — кожу толщиною въ четверть.
Призываемъ — жизнь, крѣпкую какъ желѣзо,
Призываемъ — дѣйствительность жертвоприношенія.
Вступленіе въ счастливую судьбу,
Призываемъ — прогнаніе заразы,
Исцѣленіе болѣзни,
Призываемъ — богатство стадами,
Призываемъ — многочисленное потомство.
Скорѣе соберись!

Представленный образецъ имѣетъ однако еще форму молитвы безъ сомнѣнія потому, что «кэрэкъ», на которомъ она была произносима, принадлежитъ къ числу общихъ молебствій, совершаемыхъ одинаково всѣми и безъ всякой особенно побудительной причины; но шаманисты заставляютъ еще своихъ шамановъ совершать у себя случайныя жертвоприношенія и, по свидѣтельству Банзарова, количество совершенія ихъ даже превышаетъ количество отправленія жертвоприношеній постоянныхъ *). Поводомъ къ этимъ частнымъ жертвоприношеніямъ можетъ послужить все: начало какого нибудь предпріятія, болѣзнь кого либо изъ членовъ семьи, падежъ скота, упадокъ благосостоянія и проч. **). Отсутствіе служебниковъ и незнакомство съ письменностью вообще породило то, что шаманы не имѣютъ у себя опредѣленныхъ молитвъ; а необходимость имѣть молитву въ свою очередь служитъ причиною того, что шаманы составляютъ на каждое жертвоприношеніе свою молитву уже при самомъ совершеніи обряда. Такъ какъ всякая такая молитва излагается непремѣнно въ стихотворной формѣ, то едва ли можно противорѣчить тому, что главнѣйшее мѣсто въ общей массѣ стихотворныхъ произведеній Баргу-Бурятъ должно принадлежать именно этимъ молитвамъ. Говорить о содержаніи этихъ произведеній весьма трудно и именно въ силу его разнообразія; необходимо сказать только одно, что шаманы не стѣсняются предметомъ рѣчи въ своихъ молитвенныхъ причитаніяхъ и, слушая молитву шамана, невольно приходишь къ заключенію, что человѣкъ просто говоритъ то, что взбрѣло ему на умъ: на ряду съ призываніемъ и восхваленіемъ божествъ, онъ вводитъ подробный разсказъ о томъ частномъ событіи, которое послужило поводомъ для совершенія жертвоприношенія, а иногда присоединяетъ къ тому еще и упоминаніе обо всемъ, начиная съ картинныхъ видовъ окружающей природы, до частныхъ случаевъ изъ мелкой домашней

*) Ученыя записки Казан. Универ. 1846 г. Кн. III, стр. 113.
**) Иркут. Губ. Вѣд. 1858 г. № 14.

жизни. Вотъ для примѣра пѣснь бурятскаго шамана при совершеніи имъ обряда «Сага табяху».

арюханай арюхан, арюн сэбэр гэхэдэ, аман дорор шорого; айя мини, айя да!

ӱнӱрхэнэй ӱнӱрхэн, ӱнӱр гхайхан гэхэдэ, ӱрӱгӱн дорор шорого; айя мини, айя да!

арбан тайгыйни модонгхо, арсалин ӱнӱр гханънаба, йорон тайгыйни модонгхо йогогой ӱнӱр гханънаба; айя мини, айя да!

булиха́й бэйѣ хонгодо, унгӯлхайя болёбо, урӯл аман хонгодо, утха́ заяни дурдӯла; айя мини, айя да!

хэлэмгэй бэйѣ хонгодо, хэбтӯлхэйѣ болёбо, хэлэн аман йоролор, хэлэгэ зали дурдӯла; айя мини айя да!

гхана гэхэй-ш гхана би, гхайхан заяни дурда би; хэлэ гэхэй-ш хэлэ би, хэлэгэ зая дурда би; айя мини, айя да!

хэлэнэй торгор хэлэ ӱгэй-б, хэлэгэйни йогхор хэлэ-би; урулай торгор хэлэ угэй-б утха́йни йогхор хэлэ-би; айя мини, айя да!

аллдагха́н да́йда-ла, арюн талйи-тараса; алхулагха́н да́йда-ла тайлага́тай ӱнӱр-тэ; айя мини, айя да!

мӱльхӱлэгхэн да́йда-ла мӱнъгӱн таляи-тараса; мӱнхӱрӱгхэн да́йда-ла тайлага́тай ӱнӱр-тэ; айя мини, айя да!

тарасая тологой-до, табан галӱн боложи гӱнгӱнӱжи гхӱхыйни, хэнэй нӱрп харабя; айя мини, айя да!

арадая тологой-до арбан галӱн боложи гӱнгӱнӱжи гхӱхыйни хэнэй нӱрп харабя; айя мини, айя да!

ондорорө гӱйдэлтэй сагаи сэнхэн морин-до мори́ндони гарта́гха, дӱрбэн хара турӯга́ мултаражи унагхай дӱшни сагаи гхобойо айралдажи унагхай; айя мини, айя да!

ӱлӱнъгэрэ гӱйдэлтэй, шугхӱн зэрдэ морин-до мори́н-дони гарта́гха, дӱрбэн хара турӯга́ мултаражи унагхай дӱшни сагаи гхобойо айралдажи унагхай; айя мини, айя да!

буягайни буйншхи, буйншхни торгои шобхоног шамай гэжи дурда́ би; айя мини, айя да!

алāгайин йэхэдэ̀, абахай шаргāр дӯлэлэ̀й; хӧлӧхӧйī йэхэдэ̀, хошхѝ шаргāр дӯлэлэ̀й; айя̀ минѝ, айя̀ да! 15

зáйдан шаргāр дӯлэлэ̀й, забӯд*) ӧдӧ дӯлэлэ̀й, забуданйѝн арахи, шāлàн хя̀рàн шāлай-ла̀ оштōборон ӯлай-ла̀; айя̀ минѝ, айя̀ да! 16

батӯ шаргāр дӯлэлэ̀й, бӯхӯлѝ хабàк эргюлэй, бӯхӯлѝ хабагàйѝ арахѝ-йи, бутӯлхэрэ̄н шāлай-ла̀, бутӯлхэтэ̀й архи-да̀, бӯдӯн бэрхэ̀ шобхонòг шамàй гэжѝ дурдапàм; айя̀ минѝ, айя̀ да! 17

скляйкатàй архип-да̀ шадамàр бэрхэ̀ шобхонòгъ шамàй гэжѝ дурдапàм; айя̀ минѝ, айя̀ да! 18

ӯхайѝ ядха-да̀, охторгòйдо гаралàй-б, одòн мэшйѝн бололòй-б, олòн зóндо гайхӯла-б гайхӯлагхàн хōрондò, газардажѝ уналàй-б; айя̀ минѝ, айя̀ да! 19

шӧнӧгхӧ̀н-дӧни уналàй-б, шулугхӯ̀й татàн уналàй-б; хугхӯндуш уналàй-б, хорохòй татàн уналàй-б; айя̀ минѝ, айя̀ да! 20

хара̀ далàй гугшалгàн, хадарàн загагхàн идэлгэ̀н; угхàн далàй гугшалгàн, ӧмоли загагхàн идэлгэ̀н; айя̀ минѝ, айя̀ да! 21

хадара́на дуран-да̀, хара далàй гугшалàй-б; харàб захáйѝн халяжѝ; харà йэхэ̀ гхальхип-да̀ хагàгдажи хӧмӧрлӧ̆й-б; āйя̀ минѝ, айя̀ да! 22

харà йэхэ̀ далаяр, хӧнжӧ̄л хижѝ хӧмӧрлӧ̆й-б, хабтага́йи шулӯгāр дэрэ̀ хижи́ хӧмӧрлӧ̆й-б айя̀ минѝ, айя̀ да! 23

ӧмӧлӧ-йӧ̄ дуран-да̀ угхàн далàй гугшалàй-б; охторго́йи гхальхинда̀ оройдожѝ уналàй-б. айя̀ минѝ, айя̀ да! 24

угхàн йэхэ̀ далаяр хӧнжӧ̆л хижѝ хӧмӧрлӧ̆й-б; улāн йэхэ̀ шулӯгāр дэрэ̀ хижѝ хӧмӧрлӧ̆й-б айя̀ минѝ айя̀ да! 25

харà йэхэ̀ далāн хашалàг дундӯ хӧмӧрлӧ̆й-б, хапъга́йи йэхэ̀ ӯлāн хоромòй дундӯ хӧмӧрлӧ̆й-б; айя̀ минѝ, айя̀ да! 26

арӯйи на́йман шандагхàй, атхулахы́ ни āха бíй; арàй багà бэйӗ́йи уятхахы́ йи яха бíй; айя̀ минѝ айя̀ да! 27

эбэрэ̀й дӯрбэ́н шандагхàй, эбхӯлэхы́ йи яха бíй, эне́ багà бэйӗ́йи уятхахы́ йи яха бíй; айя̀ мини, айя̀ да! 28

газагāра орожѝ, гэнэлгэхы́ йи яха бíй, гэнэ̀н багà бэйӗ́йи уятхахы́ йи яха бíй; айя̀ минѝ, айя̀ да! 29

*) Такъ называется у Бурятъ нынѣшнее селеніе Никольское, гдѣ прежде былъ Николаевскій заводъ, нынѣ уже не существующій.

доторо̄ро орожѝ, догхолгохо́ йи я̄ха бі́й, дӯса багà бэйѣ́йи уятхахы́ йи я̄ха-бі́й; айя̀ мини айя̀ да!

бо̄лӧхэ́й-б шамай гэгхэ̄рэ, бохилгохò йи я̀ха бі́й; гханагхай-б шамà̀й гэгхэ̄рэ, гилайгахы́ йи я̀ха бі́й; айя̀ минѝ, айя̀ да!

харанъхӯ́й-да хабатà̀й, халӯи ӧдо̄р залишѝ, бӯ̄рӯнъхӯ́йдӯ бӯдӯтэ̀й бӯлэ̄н ӧдо̄р залишѝ айя̀ минѝ, айя̀ да!

аилà̀йи тал-дà аин-дà арю̄и гэртэ̀ залишѝ, зоно́й тал-дà зуга̄ши золтò гэрто́ залишѝ; айя̀ минѝ айя̀ да!

эиѣхэдэ идэтэ̀й эго̄и манда хужартà̀й, уйлахадà урамтà̀й, эгэи мандà хужартà̀й; айя̀ мини́ айя̀ да!

хэлэхэнѝи хэлэгдэ̀ хэлэго̄ заяи мэдӯ́чжи хӧрӧхӧнѝи хӧрӧгдо̄ хӯли заго̄и мэдӯжѝ айя̀ минѝ айя̀ да!

табà̀и шорò̀й зорӯла̄б, та̄тà̀й хонѝ шорлӯлаб, хугха̄р шорò̀й зорӯла̄б, хусà хурилà̀й шорлӯлаб айя̀ минѝ айя̀ да!

парѝи голò̀ урудà, намшогхà̀и бӯтӯ̀ хійдэлэ̀, ӱрӯгӯи голо̄ урудà ӱбӯгхӯ́и бӯтӯ̀ хійдэлэ̀; айя̀ минѝ, айя̀ да!

гушка́л ӱнѣ гха̄гхаи шѝи гушѝи хотò̀и дӯрэгхэ̀й гунтà̀й ашѝ оргогхò̀н-ш гушѝи гха̄дак дӯрэгхэ̀й; айя̀ минѝ, айя̀ да!

дӯнтэ̀й ӱнѣ гха̄гхаи ши́и, дӯшѝи хотò̀и дӯ̄рэгхэ̀й дӯнтэ́й ашѝ орогхò̀и ш дӯшѝи гха̄дак бологхо́й; айя̀ мини́, айя̀ да!

дэ̄рэхэни дэгдэ̀, холò̀хони хологдò̀!

Переводъ.

Чистенькое изъ чистенькихъ, коль чистенькое и опрятное, проскользай по низу рта: ахъ мои ашиньки!

Потомство изъ потомствъ, коль потомство хорошенькое, проскользай по низу подбородка; ахъ мои ашиньки!

Отъ деревьевъ десяти лѣсовъ повѣялъ запахъ можевельника; отъ деревьевъ девяноста лѣсовъ повѣялъ запахъ вереска; ахъ мои ашиньки!

Легкомысленное существо при (своей) вѣтряности лишилось сна; вслѣдствіе легкости рта губъ, на всегда заставило вспоминать (себя), ахъ мои ашиньки!

Болтливое существо при (своей) вѣтряности, лишилось (спо-

собности) лежать, чрезъ благожеланія устъ языка, на всегда оставило воспоминаніе на словахъ.

Сказалъ ты — подумай, я подумалъ; вспоминалъ я всегда доброе; сказалъ ты — говори, я сказалъ; вспоминалъ я всегда въ словахъ; ахъ мои ашиньки!

Не говорилъ я по мягкости языка, говорилъ по законамъ рѣчи; не говорилъ я по мягкости губъ, говорилъ по законамъ смысла; ахъ мои ашиньки!

Мѣстность, на которой (мы) играли, чистая Талянъ-Тараса; мѣстность, по которой мы шагали, (имѣла) запахъ жертвенный; ахъ мои ашиньки!

Мѣстность, по которой (мы) ползали, серебряная Тялянъ-Тараса; мѣстность, по которой (мы) лазили, (имѣла) запахъ жертвенный; ахъ мои ашиньки!

На вершинѣ Тарасайской появилось пять гусей; какое высмотрѣли они озеро, чтобы сѣсть горкуя? ахъ мои ашиньки!

На вершинѣ Арадайской появилось десять гусей; какое высмотрѣли они озеро, чтобы сѣсть горкуя? ахъ мои ашиньки!

У способной бѣгать по вершинамъ, изсиня бѣлой лошади, коль будетъ она превзойдена (другою) лошадью, да отвалятся и отпадутъ четыре черныя ея копыта, да искрошатся и выпадутъ сорокъ ея бѣлыхъ зубовъ; ахъ мои ашиньки!

У способной бѣгать по низовымъ лугамъ, искрасна рыжей лошади, коль будетъ она превзойдена (другою) лошадью, да отвалятся и отпадутъ четыре черныя ея копыта, да искрошатся и выпадутъ сорокъ ея бѣлыхъ зубовъ; ахъ мои ашиньки!

Добродѣтельный изъ добродѣтельныхъ, добродѣтельный, толстый Шопхопогъ я вспомнилъ тебя; ахъ мои ашиньки!

При обиліи шаловливости, скакали (мы) на легкихъ саняхъ; при обиліи кутежей, скакали мы на парныхъ саняхъ; ахъ мои ашиньки!

Скакали на бѣговыхъ саняхъ, скакали въ верхъ отъ завода; принуждая, заставляя, вливая, пили (мы) штофами заводскую водку; ахъ мои ашиньки!

Скакали на крѣпкихъ саняхъ, переѣздили всѣ кабаки; водку всѣхъ кабаковъ вливали въ себя бутылками. На водкѣ, находящейся въ бутылкѣ, толстый, здоровый Шобхоногъ, я вспоминаю тебя; ахъ мои ашиньки!

На водкѣ налитой въ стклянку, способный, здоровый Шобхоногъ я вспоминаю тебя; ахъ мои ашиньки!

Когда не могъ (уже) пить, я взошелъ на небо, я сдѣлался созвѣздіемъ обезьяны, я доставилъ удивленіе множеству людей, и, въ то время какъ они удивлялись, я упалъ, ударившись о землю; ахъ мои ашиньки!

Упалъ я на лиственницу, упалъ таща (за собой) паутину; упалъ я на березу, упалъ таща (за собой) червяка; ахъ мои ашиньки!

Черное море — тоня, рыба окунь — пища; водяное море — тоня, рыба омуль — пища; ахъ мои ашиньки!

Любя окуней, неводилъ я черное море; осматривая край большой лодки и будучи задержанъ сильною бурею, я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

Изъ чернаго великаго моря, сдѣлавъ одѣяло, я перепрокинулся, изъ плоскихъ камней сдѣлавъ подушку я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

Любя омулей, неводилъ я водяное море, при небесномъ вѣтрѣ взобравшись вверхъ я опрокинулся; ахъ мои ашиньки!

Изъ великаго водянаго моря сдѣлавъ одѣяло, я перепрокинулся, изъ большихъ красныхъ камней сдѣлавъ подушку, я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

Перепрокинулся я среди утесовъ своего великаго чернаго моря, перепрокинулся я среди подошвы своихъ большихъ лѣсистыхъ горъ; ахъ мои ашиньки!

Задніе восемь сухожилій сжимаются, — какъ быть?! молодое юное тѣло слабѣетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки!

Четыре грудныхъ сухожилія свертываетъ, — какъ быть?! это маленькое тѣло слабѣетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки!

Вошедши наружу (дома, т. е. въ степь), соболѣзнуется, —

какъ быть; глупое маленькое тѣло слабѣетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки! 29

Вошедши внутрь (дома)-трясетъ, — какъ быть; совершенно молодое тѣло ослабѣваетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки! 30

Когда хочу о тебѣ шаманить, (начинаю) суетиться, — какъ быть, когда хочу о тебѣ подумать, заставляю смотрѣть косо (другихъ) какъ быть?! ахъ мои ашиньки?! 31

Находящій удовольствіе во мракѣ, имѣетъ обыкновеніе спать въ жаркій день, находящій удовольствіе въ темнотѣ, имѣетъ обыкновеніе спать въ теплый день; ахъ мои ашиньки! 32

При походѣ въ жилыхъ мѣстахъ имѣетъ обыкновеніе спать въ чистомъ домѣ; находящій удовольствіе въ людной мѣстности, имѣетъ обыкновеніе спать въ счастливомъ домѣ; ахъ топ ашиньки! 33

Аппетитно смѣющійся — солонъ для насъ простыхъ; искустный въ плачѣ—солонъ для насъ простыхъ; ахъ мои ашиньки! 34

Долженствующее быть сказаннымъ должно быть сказано, я заявлялъ всегда свои слова; долженствующее быть воспрещеннымъ должно быть воспрещено, я заявлялъ всегда законное; ахъ мои ашиньки! 35

Я выстругалъ пять вертѣловъ, я зажарилъ на вертѣлѣ хоронаго барана; я выстругалъ вертѣлъ изъ березы, я зажарилъ на вертѣлѣ барашка; ахъ мои ашиньки! 36

Внизъ по узкой рѣкѣ развѣялись лиственные кустарники, внизъ по широкой рѣкѣ развѣялись травяные кустики; ахъ мои ашиньки! 37

Трехлѣтнія коровы, которыхъ ты доишь, да наполнятъ тридцать хотоновъ (загоновъ), возвращенные тобою потомки въ третьемъ колѣнѣ да составятъ сполна тридцать колчановъ; ахъ мои ашиньки! 38

Четырехлѣтнія коровы, которыхъ ты доишь; да наполнятъ сорокъ хотоновъ, возвращенные тобою потомки въ четвертомъ колѣнѣ да составятъ сполна сорокъ колчановъ; ахъ мои ашиньки! 39

Возвышайся высокое, удаляйся далекое!

Съ совершеніемъ шаманскихъ обрядовъ и жертвоприношеній

у Баргу-Бурятъ соединяются еще обыкновенно и гаданія о будущей судьбѣ, какъ объ этомъ сообщаетъ и Георги *). Свои предсказанія шаманы излагаютъ также всегда въ стихотворной формѣ, при чемъ нельзя не удивляться той способности къ импровизаціи, которую они обнаруживаютъ у себя въ этихъ случаяхъ. Содержаніе шаманскихъ ворожебныхъ, или пророческихъ пѣсенъ вообще также многоразлично, какъ многоразличны личности для которыхъ производятся гаданія и поводы, по которымъ они могутъ гадать, но въ частности каждая изъ ворожебныхъ пѣсенъ дышетъ однообразіемъ по содержанію, что конечно вызывается и самымъ назначеніемъ произведеній этого рода. Съ внѣшней стороны ворожебныя пѣсни являются, не говоря уже о всегдашней правильной постановкѣ ритмъ, еще и съ соблюденіемъ нѣкотораго размѣра, что способствуетъ гладкости ихъ стиха. Вотъ примѣръ такой пѣсни:

барӯн хада́йн модо̀н
багāгхан бадайрà
ӱнъгӯ хӧхо̄р ӱнъгӱжѝ
сэсэ̀к хӧхо̄р сэсэглэ̀
ахà́й тэнърй́ абы́-ш
бӯгà шомпӯр хэхэ̀ бэлэ́й-ш
бугà гхого̀ алахӯ бэлэ́й-ш
хāн-да албà табихӯ бэлэ́й-ш
хагхà̀к-тà улā ӱгкӯ бэлэ́й-ш
урдà хада́йн модо̀н
ӱзӱрэгхэн бадайрà
ӱпъгӯ хӧхо̄р ӱнъгӱжѝ
сэсэ̀к хӧхо̄р сэсэглэ̀
ахà́й тэнърй́ абы́-ш
бӯгà шомпӯр хэхэ̀ бэлэ́й-ш
бугà гхого̀ алахӯ бэлэ́й-ш
хāп-да албà табихӯ бэлэ́й-ш
хагхà̀к тà улā ӱгкӯ бэлэ́й-ш

*) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. 1799 г. Спб. ч. III, стр. 115. Иркут. Губ. Вѣд. 1858. № 14.

хо́йту хада̀йи модо̀и
гэшӯгхэи бадаи̯рà
ӱнъгӯ хӧхӧр ӱиъгӯжи
сэсэ́к хӧхӧр сэсэ́глэ̀

ахà̀й тэшърй̀ абы́ш
бӯгà шомпу́р хэхэ̀ бэлэ́й-ш
бугà гхого̀ алахӯ бэлэ́й-ш
хāн-да алба̀ табихӯ бэлэ́й-ш
хагхà̀к тà улā ӱгкӯ бэлэ́й-ш.

Переводъ.

Дерево западной скалы
Распространяйся съ молоду,
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками!

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполъ,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Дерево южной скалы
Распространяйся съ своего корня;
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками.

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполъ,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Дерево сѣверной скалы
Распространяйся съ своихъ вѣтвей,
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками.

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполъ,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Изъ разсмотрѣнія представленныхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ шаманами при совершеніи ихъ религіозныхъ обрядовъ, можно хотя отчасти выводить, какъ долженъ быть высокъ по своимъ основамъ и воздѣйствію на своихъ поклонниковъ шаманизмъ, разсматриваемый въ той формѣ, въ которой является онъ какъ религія, исповѣдуемая Баргу-Бурятами. Не говоря уже о нелѣпостяхъ его догматическаго ученія, представляющаго какую то смѣсь понятій о духовномъ съ самымъ грубымъ матеріализмомъ, и не могущаго ни удовлетворить, ни возбудить серіозную дѣятельность ума, даже нравственное ученіе его очевидно не способно оказывать никакого содѣйствія къ облагороженію человѣческаго духа. Мы знаемъ, что высшіе нравственные идеалы каждой религіи, можемъ находить мы въ ея молитвахъ; изъ разсмотрѣнія же молитвъ шамановъ оказывается, что онѣ, рисуя образцы человѣческой дѣятельности, не переходятъ границу дѣйствительныхъ отношеній человѣка къ окружающему; а потому совершенно не способны отторгнуть духъ отъ мірской суеты, привести его въ умиленіе нравственною высотою представляемыхъ правилъ и примѣровъ и возбудить такимъ образомъ нѣжныя и благородныя чувствованія въ огрубѣломъ сердцѣ. При болѣе строгомъ взглядѣ можно сказать даже, что напротивъ, преслѣдуя ту же обыденную, да притомъ самую чувственную жизнь, эти молитвы дѣйствительно могутъ только растлить внутреннее существо человѣка и, вмѣсто возбужденія его духа къ торжеству надъ чувственными влеченіями, развратить его картинами самаго грубаго сладострастія. Мы видѣли уже съ какимъ увлеченіемъ рисовалъ шаманъ въ своей молитвѣ картину своихъ безнравственныхъ кутежей: его разсказъ о безобразномъ пьянствѣ и шатаньи по кабакамъ, лучше всего доказываетъ какіе нравственные идеалы жизни проповѣдуютъ шаманы своимъ послѣдователямъ. Естественно вытекаетъ отсюда, что если шаманизмъ и не можетъ быть вполнѣ признанъ развращающимъ началомъ для жизни Баргу-Бурятъ, то во всякомъ случаѣ онъ и не служитъ для нихъ ни облагорожпвающимъ, ни сдерживающимъ началомъ. Нравственная

природа Баргу-Бурята представлена такимъ образомъ исключительно самой себѣ и духовная жизнь его течетъ только подъ вліяніемъ естественно совершающихся событій. Понятно далѣе, что умственный кругозоръ Баргу-Бурятъ, при условіи вліянія на полудикую жизнь ихъ такой религіи, необходимо долженъ быть еще болѣе узокъ, чѣмъ у Бурятъ буддистовъ. По свойственному всему монгольскому племени созерцательному направленію духа, мысль Баргу-Бурята шаманиста иногда наталкивается и на отвлеченные вопросы, стремится къ познанію и уясненію для себя мировыхъ событій, причинъ и законовъ, но конечно никогда не рѣшаетъ своихъ вопросовъ, какъ по недостаточности данныхъ, такъ и потому что не можетъ остановиться на этихъ разсужденіяхъ, будучи не привычна ни къ какимъ глубокимъ, аналитическимъ изслѣдованіямъ. Въ домашней и общественной жизни Баргу-Бурята, какъ и въ жизни вообще всякаго полудикаря, духовная природа котораго не сдерживается ни какою силой, господствуютъ эгоистичныя стремленія, преданность чувственнымъ наслажденіямъ, страхъ и раболѣпное поклоненіе предъ силой и гордое презрѣніе къ слабому. Георги, описывая Баргу-Бурятъ, характеризуетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «народъ сей предпочитаетъ всему любострастное и бездѣйственное спокойствіе; разумъ его косенъ и разсужденіе весьма слабое» *). Тоже самое только въ другихъ словахъ повторяютъ всѣ позднѣйшіе изслѣдователи Баргу-Бурятъ и самые сородичи ихъ — Буряты, обитающіе на южной сторонѣ Байкала, желая изобразить сравнительную степень духовно-нравственнаго развитія бурятскихъ поколѣній вообще, представляютъ баргу-бурятскіе роды въ общемъ рисункѣ плодовитаго и вѣтвистаго дерева бурятскихъ родовъ, не болѣе какъ въ формѣ безплодныхъ девяти отростковъ этого дерева: шесть изъ этихъ отростковъ покрыты свидѣтельствующею еще о нѣкоторой жизни зеленью, а остальные три, изображая конечную мертвенность, или въ переносномъ значеніи грубость, торчатъ какъ го-

*) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Рос. госуд. народовъ, ч. IV. стр. 26-я.

лыя, обгорѣлыя сучья *). Весь этотъ низкій уровень развитія ясно отражается и въ баргу-бурятской народной литературѣ, содержаніе которой даже болѣе чѣмъ что либо свидѣтельствуетъ намъ, что основныя проявленія баргу-бурятской жизни суть: безпечность, эгоизмъ и грубая чувственность, доходящая до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Вотъ образцы пѣсенъ Баргу-Бурятъ шаманистовъ:

I.

ӧбӧ̄ль гэжѝ ю̄нин би́
ӱргӱ̄льжи́ пажи́р ба́йгхан я̄гà̀б?!
ӧтӧ̄льхӧ̄ гэжѝ ю̄нин би́,
ӱргӱ̄льжѝ залӯ̄ ба́йгхан я̄гà̀б?!
намà̀р гэжи́ ю̄нин бѝ,
намтагà̀й хабà̀р ба́йгхан я̄гà̀б?!
нагхатӯ̀ гэжи́ ю̄нин бѝ
нагхудà̀ залӯ̄ ба́йгхан я̄гà̀б?!

Переводъ.

Зима, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы было всегда лѣто?!
Старость, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы быть всегда молодымъ?!
Осень, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы была постоянная весна?!
Престарѣлый, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы всю жизнь быть молодымъ?!

* * *

II.

са́йги би́ болгхà̀ сагалагѝ
гха́йхан зӱ̄рхэ̄р зугалайѝ
идэ̄ни бѝ болгхà̀ идэлэги́
ишà̀к зӱ̄рхэ̄р зугалайѝ
тамахѝн би́ болгхà̀ татагѝ
таилдажѝ гхӯ̄гат̄ зугалайѝ

*) Запис. Сиб. отд. общ., кн. VIII, стр. 124-я.

Переводъ.

Коли есть чай — будемъ пить чай,
Повеселимся добрымъ сердцемъ;
Коли есть пища, поѣдимъ,
Повеселимся товарищескимъ сердцемъ.
Коли есть табакъ, покуримъ,
Повеселимся, сидючи по дружеству.

* * *

III.

талáйн гансà модонгхò
тамагáйн модò дарӯлайнà
шинэ̀ гхонйн дӯ̈хэйэ́гхэ
гхонйн зугà дӯлайнà
шибэрй́ захáйн модонгхò
шинэ̀ тамагà абуйнà
шинэ̀ гхонйн дӯ̈хэйэ́гхэ
гхонйн зу́гà дӯлайнà
гōли захáйн модонгхò
голй́ тамагà абуйнà
алӣ гхальхйн дӯ̈хэйэ́гхэ
гхонйн зугà дӯлайнà

Переводъ.

Изъ одинакого, степнаго дерева
Вырѣжемъ (кусочекъ) дерева для печати;
Отъ новой, неизвѣстной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.
Изъ дерева (растущаго) на окраинѣ кустарника
Вырѣжемъ новую печать;
Отъ новой, неизвѣстной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.
Изъ дерева (растущаго) на берегу рѣки
Вырѣжемъ стержневую печать;
Отъ рѣзвой, вѣтряной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.

* * *

IV.

нарату̀ налага̀й тэнърѝ
на̄дату̀ налага̀й дӯхэ̀й

* * *

хо̄роту́ налага̀й тэнърѝ
хуримту̀ налага̀й дӯхэ̀й

* * *

ӯлэту̀ налага̀й тэнърѝ
ӱйѣту̀ налага̀й дӯхэ̀й

* * *

сагхату̀ налага̀й тэнърѝ
сасуту́ налага̀й дӯхэ̀й

Переводъ.

Солнечное, веселое небо,
Игривая, веселая дѣвочка.

* * *

Дожденосное, весе́лое небо,
Сговоренная, всселая дѣвочка.

* * *

Облачное, веселое небо,
Сверстница, веселая дѣвочка.

* * *

Снѣжное; веселое небо,
Ровестница, веселая дѣвочка.

* * *

V.

хо̆тӧло̆ танигха̀н онгосо̀
гара̄т ошигхо̀н харамта̀й,
хэлэ̀ зугалагха̀н дӯхэ́йн
уйла̄т ошигхо̀н харамта̀й.

угху̀н дэ́йрэхи онгосо̀
ургугха̄т ошигхо̀н харамта̀й
ушира̄т зугалагха̀н дӯхэ́йн
уйяра̄т ошигхо̀н харамта̀й.

далàй дэ́йрэхи онгосò
далдà орогхòн харамтàй
дасāт хэлсэгхэ̀н дӯхэ́йн
уйярāт ошигхóн харамтàй

Переводъ.

Всесторонне знакомая лодочка
Вышла и ушла, — жалко!
Жалко, что плачетъ дѣвица,
Съ которою забавлялись мы въ бесѣдахъ.

Жалко, что ушла внизъ по теченію
Лодка (стоявшая) на водѣ;
Жалко, что крушится дѣвица,
Съ которою забавлялись мы при встрѣчѣ.

Жалко, что скрылась
Лодка, стоявшая на морѣ;
Жалко, что крушится дѣвушка,
Съ которою забавлялись мы по привычкѣ.

***

IV.

турāгха ирэгхэ̀н склянка
тогóни архидà идэ̄шэ.
томтóй гхэлэ̀й дӯхэ̀й
ахаян öбöртӧ̄ идэ̄шэ

эжингхэ̀ ирэгхэ̀н склянка
идэ̄ни архидà идэ̄шэ
уйѣлэгхэ́н дӯхэ̀й
ахаян öбöртӧ̄ идэ̄шэ

хāигхà ирэгхэ̀н склянка
харà архидà идэ̄шй
ханй болгхáн дӯхэ̀й
ахаян öбöртӧ̄ идэ̄ши.

Переводъ.

Стклянка, привезенная изъ города,
Привыкла къ тогонной водкѣ;

Скромная, миловидная (?) дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

Стклянка, привезенная отъ повелителя,
Привыкла къ водочкѣ;
Сверстница дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

Стклянка, привезенная отъ хана,
Привыкла къ черной водочкѣ;
Сдѣлавшаяся подругою дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

* * *

VII.

харсагàй шубӯн эрэ̀
харсагàйн тологòй шабардā
хапилагхàн дӯхэ́й эрэ̀
хапъгàй хажӯ шабардā

больжимӯ̀р шубӯн эрэ̀
бӧрин тологòй шабардā
болзӧртò дӯхэ́й эрэ̀
болсóйн хажӯ шабардā

хольборжѝ унтахòйн
холтòй орӧ̄ сабшāрай
хӯзэ̄дэжи́ унтахóйн
дӯ̈хэйэ̄гхэн ӧгӧ̄рӧ̂й

мӯхурижѝ унтахóйн
модòн орò сабшāрай
гхӯгӯдӯ̈жѝ унтахòйн
дӯхэйэ̄гхэн ӧгӧ̄рӧй

дэлэрэжѝ унтахóйн
тэнихӣ̀р орò сабшāрай
дэбэрижѝ унтахóйн
дӯ̄хэйэ̄гхэн ӧгӧ̄рой.

Переводъ.

Птица ястребъ мужескаго пола
Загрязнилась на Харсагайскомъ пригоркѣ;

Слюбившійся малюточка
Загрязнился на отлогѣ Хангая.

Птица жаворонокъ мужескаго пола
Загрязнилась на Бѣрянскомъ пригоркѣ;
Малюточка, о которомъ назначенъ срокъ (свадьбы)
Загрязнился на отлогѣ Болсойскихъ горъ.

Чтобы спать поворачиваясь,
Сруби-ка двуспальную кровать;
Чтобы спать обнявшись за шею,
Дай-ка (одну) изъ своихъ малюточекъ.

Чтобы спать свернувшись,
Сруби-ка деревянную кровать;
Чтобы спать, стоя на колѣняхъ,
Дай-ка (одну) изъ твоихъ малюточекъ.
и пр.

Чтобы покончить предпринятый нами литературный обзоръ пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ, мы необходимо должны сказать, что разсматриваемая въ цѣломъ своемъ составѣ поэзія эта никакъ не можетъ быть ограничиваема одними только произведеніями народными, незаключенными въ письменность. Выше уже было говорено, что монголы имѣютъ на своемъ языкѣ довольно обширную литературу; теперь можно добавить, что эта литература обилуетъ у нихъ стихотворными произведеніями ничуть не меньше, чѣмъ и у другихъ литературныхъ народовъ востока. Отсюда естественно возникаетъ предположеніе, что составлявшія до сего времени предметъ нашей рѣчи устныя произведенія народнаго творчества монголовъ представляютъ собою только одну половину единаго цѣлаго — монгольской пѣсенной поэзіи, другую же половину его должны искать мы въ монгольской литературѣ. Предположеніе это далѣе несомнѣнно должно было бы и переходить въ область дѣйствительнаго факта, если бы монгольская литература по своему характеру походила на литературы другихъ народовъ; но дѣло въ томъ, что почти вся она составляется изъ сочиненій переводныхъ съ различныхъ ино-

странныхъ языковъ и при первомъ взглядѣ на такой своеобразный составъ ея невольно порождается вопросъ, слѣдуетъ ли даже считать пѣсни и стихотворенія, встрѣчающіяся въ литературѣ монгольской, монгольскими произведеніями и должно ли потому разсмотрѣніе ихъ въ трактатѣ о пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ стоять на ряду съ изученіемъ устныхъ произведеній народнаго творчества монголовъ? Вопросъ этотъ однако, кажется мнѣ, едва ли и можетъ быть иначе рѣшенъ, какъ утвердительно; хотя я и самъ не думаю признавать за каждымъ изъ литературныхъ стихотвореній монголовъ достоинство произведенія національнаго. Въ пользу сказаннаго рѣшенія, говоритъ прежде всего то, что литературныя произведенія каждаго народа (будутъ ли они самостоятельными или переводными, являются ли какъ плодъ, свидѣтельствующій намъ о степени уже достигнутаго народомъ развитія въ какомъ либо духовномъ направленіи, или какъ сѣмя, долженствующее еще возрасти на почвѣ народнаго духа) во всякомъ случаѣ и всегда служатъ въ извѣстной степени самымъ характеристичнымъ выраженіемъ духовной жизни народа. Это первая причина, по которой литературныя стихотворенія монголовъ должны имѣть несомнѣнное право къ изслѣдованію ихъ на ряду съ произведеніями народными даже въ томъ случаѣ, если бы литература монголовъ была переводною вся сполна и слѣдовательно таковыми же были бы и всѣ литературныя стихотворенія монголовъ. А между тѣмъ мы далеко не можемъ сказать этого обо всѣхъ литературныхъ монгольскихъ стихотвореніяхъ: въ общей массѣ монгольской литературы встрѣчаются не только переводныя стихотворенія и пѣсни, но и образцы оригинальнаго монгольскаго творчества. а оттого, отстранивъ отъ себя изслѣдованіе литературы монголовъ съ цѣлью изученія ихъ пѣсенной поэзіи, мы необходимо осудили бы себя и на неполноту знаній по этому предмету. Можетъ показаться, пожалуй, что настоящее заявленіе противорѣчитъ съ тѣмъ, что говорено было на первыхъ порахъ объ отношеніяхъ пѣсенной поэзіи монголовъ къ ихъ литературѣ; но въ объясненіе

сего нужно только замѣтить, что тогда была рѣчь о произведеніяхъ простонародныхъ, безыскуственныхъ, а также объ образцахъ древней народной поэзіи; ни того ни другаго въ буквальномъ смыслѣ въ литературѣ монголовъ дѣйствительно не находится, какъ сейчасъ мы и увидимъ то изъ болѣе подробнаго разбора.

Оригинальныя монгольскія пѣсни вообще находить въ литературѣ монголовъ очень трудно: цѣльныхъ и систематическихъ сборниковъ изъ произведеній этого рода монголы у себя никогда не составляютъ, а обыкновенно пѣсни и стихотворныя произведенія встрѣчаются у нихъ записанными по одиночкѣ гдѣ либо въ срединѣ громадныхъ прозаическихъ сочиненій. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ ихъ въ произведеніяхъ историческихъ, лѣтописяхъ, отдѣльныхъ историческихъ разсказахъ, біографіяхъ частныхъ лицъ; — но и здѣсь пѣсни не составляютъ собою чего либо отдѣльнаго, — онѣ являются разбросанными въ разныхъ мѣстахъ произведенія, послѣдуя за изложеніемъ событій и какъ бы дополняя прозаическій разсказъ о томъ или другомъ фактѣ *). Въ такомъ видѣ мы находимъ пѣсню халхаскаго дархань цинь-вана «тӳмэнӣ эхӣ», выписка о составленіи которой изъ лѣтописи Эрдэнійн эрихэ была уже представлена вмѣстѣ съ текстомъ самой пѣсни на стр. 77—78, и это, повторяю, самый обыкновенный способъ, въ которомъ являются у монголовъ пѣсни записанными въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ. Этого же способа придерживаются очевидно и наши забайкальскіе Буряты, ибо, занося въ свои лѣтописи извѣстіе о проѣздѣ по степямъ В. К. Алексѣя Александровича, они приложили къ этому разсказу и составленную по сему случаю, извѣстную намъ пѣсню. Про твореніе дархань цинь вана говорятъ, что оно записано также и въ

*) Таково же положеніе въ литературѣ и переводныхъ стихотвореній свѣтскаго содержанія. Примѣръ сего читатели найдутъ въ нашемъ сочиненіи «Города Сѣверной Монголіи» гдѣ въ трактатѣ о монастырѣ Шара Сӳмэ стр. 113—115 привели мы стихи, текстъ которыхъ взятъ нами изъ лѣтописи Эрдэнійн эрихэ.

біографіи этого князя и это весьма неудивительно, потому что подобный примѣръ записыванія пѣсенъ въ біографіяхъ находимъ мы въ сказаніи объ ургинскихъ хутухтахъ, извѣстномъ подъ именемъ Чжибцзун дамба хутухтуйн цā-цзы (стр. 13); мнѣ передавали также, что въ біографіи эфу Цэрэна (цинь-ванъ сайнъ-нойновскаго аймака) помѣщена пѣсня, составленная въ честь походовъ этого князя на Ölötовъ при Цянь-лунѣ, однимъ изъ его княжескихъ тѣлохранителей. Эта пѣсня начинается словами «ӱбӱръ хошӯнай аруду» и въ безсвязномъ отрывкѣ, кажется повторяется въ китайскомъ историческомъ сочиненіи «Шэнъ-у-цзи»*); я же записалъ ее сполна со словъ одного изъ монгольскихъ чиновниковъ, который обѣщалъ мнѣ доставить и самую біографію эфу Цэрэна, но не исполнилъ своего обѣщанія. Изъ этихъ краткихъ указаній явствуетъ, что пѣсни, появляющіяся въ монгольской литературѣ, носятъ на себѣ главнымъ образомъ эпическій характеръ, хотя нельзя не сказать, что встрѣчаются между ними и произведенія чисто лирическія. По своему мѣстонахожденію тѣ и другія творенія болѣе всего свойственны сочиненіямъ историческимъ, но въ текстѣ ихъ они не имѣютъ другаго значенія какъ вставки съ цѣлью пояснить разсказъ и произвести болѣе сильное впечатлѣніе на читателей и слушателей. Въ біографіяхъ пѣсни способствуютъ выясненію достоинствъ описываемой личности: ибо если пѣсня, относящаяся до героя біографіи, была составлена кѣмъ либо посторонимъ, то она непремѣнно содержитъ въ себѣ картинное описаніе всѣхъ подвиговъ героя; если же напротивъ сама она по своему составленію приписывается герою, то въ этомъ случаѣ служитъ ни чѣмъ инымъ, какъ доказательствомъ его всесторонняго, высокаго развитія. Въ поясненіе сего нужно замѣтить, что, относясь съ небрежностію и даже презрѣніемъ къ пѣснямъ народнымъ, монголы однако составленіе пѣсенъ и стихотвореній искуственныхъ считаютъ дѣломъ высокой важности и авторамъ ихъ приписывается всегда

*) Шэнъ-у-цзи, Цзюань III, отд. Санн. Нонн. айм. Л. 16.

большая ученость. Гдѣ должно искать основы такого высокаго мнѣнія монголовъ о поэтахъ указать положительно трудно: весьма вѣроятно, что здѣсь имѣетъ свое примѣненіе тотъ общечеловѣческій законъ, по которому люди вообще дорожатъ всѣмъ тѣмъ, что у нихъ рѣдко, у монголовъ же появленіе какого либо искуственнаго стихотворенія можетъ быть названо дѣйствительно литературнымъ событіемъ, а отдѣльныхъ писателей поэтовъ, стихотворцевъ они не имѣютъ у себя во все, составляя въ этомъ совершенную противуположность съ древними классическими и современными намъ европейскими народами. Обстоятельство это въ свою очередь можетъ служить весьма естественною причиною того, что у монголовъ нѣтъ систематически собранныхъ стихотворныхъ произведеній; ибо, если бы были у нихъ писатели стихотворцы, то произведенія ихъ, безъ сомнѣнія, могли бы также образовать собою цѣлые томы и являться въ видѣ сумбумовъ, какъ мы находимъ то въ монгольской литературѣ по отношенію къ сочиненіямъ прозаическимъ. Мнѣ кажется, что всѣ оригинальныя пѣсни, монголовъ разбросаны въ различныхъ произведеніяхъ ихъ литературы по одиночкѣ именно потому, что и сами онѣ бывали чуть ли не единственными стихотворными произведеніями ихъ авторовъ и являлись какъ плодъ случайнаго вдохновенія своихъ пѣвцевъ. Въ рукописяхъ правда иногда можно повстрѣчать сборники такихъ пѣсенъ числомъ отъ пяти до десяти, но при этомъ нельзя не замѣтить, что эти сборники, если только можно дать имъ такое имя, попадаются только у родовыхъ князей и ихъ приближенныхъ, при чемъ побудительною причиною для составленія и храненія ихъ является, вѣроятно, гораздо больше уваженіе къ личностямъ, воспѣваемымъ пѣснями и составителямъ ихъ, чѣмъ дѣйствительное сочувствіе къ самому тексту пѣсни.

Гораздо больше симпатіи замѣчается у монголовъ, по видимому, къ искуственнымъ пѣснямъ духовнаго содержанія, или же къ написаннымъ на религіозно-поучительныя темы. Образцы этого отдѣла пѣсенной литературы въ рукописяхъ можно находить въ юртѣ почти каждаго монгола, а нѣкоторые изъ нихъ

встрѣчаются даже и въ печатныхъ изданіяхъ отдѣльными брошурами. Такова напр. пѣсня (собственно не халхаская, а ӧлӧтская по своему происхожденію) приписываемая Цзонхавѣ, изъ которой заимствовали мы большинство примѣровъ въ своемъ трактатѣ о пріемахъ стихосложенія у монголовъ и которая распѣвается постоянно на ургинскомъ рынкѣ странствующими бадарчинами (сборщики подаяній на храмы и монастыри). Поучительныя пѣсни самыя распространенныя въ народѣ. По предмету своего содержанія всѣ онѣ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно однообразны, разсматривая и разбирая одинъ и тѣже нравственныя истины, излагая правила и образцы одинѣхъ и тѣхъ же добродѣтелей; но по характеру изложенія ихъ можно, пожалуй, раздѣлить на два отдѣла: во 1-хъ нравственно-увѣщательныя и во 2-хъ нравственно-описательныя. Въ первомъ случаѣ поучительныя пѣсни кромѣ отдѣльныхъ указаній видовъ добродѣтели заключаютъ въ себѣ еще и увѣщанія слѣдовать по пути ея; во второмъ — онѣ исключительно занимаются изложеніемъ свойствъ добродѣтели (преслѣдуя подробный разборъ этихъ свойствъ, выясняя частности ученія о нихъ путемъ историческихъ примѣровъ, или буддійскихъ разсказовъ) и могутъ быть названы по преимуществу произведеніями дидактическими. Лучшимъ примѣромъ сему мы находимъ пѣсню, приписываемую гэгэну Тоба, весьма распространенную въ средѣ монголовъ и въ рукописи встрѣчающуюся довольно часто, печатный же экземпляръ ея (изданъ въ курѣни Бандида-ламы) мнѣ пришлось видѣть всего только одинъ разъ. Пѣсня эта будетъ представлена мною во второмъ выпускѣ этого сборника, теперь же о ней, какъ и о другихъ произведеніяхъ этого рода, слѣдуетъ сказать, что всѣ они вообще такъ сухи по своему содержанію и въ изложеніи своемъ такъ близки къ прозѣ, что едва могутъ быть названы поэтическими, стихотворными произведеніями. Разбирая истины, занимающія разумъ, онѣ уже по самому своему предмету естественно должны дышать большею или меньшею отвлеченностію; но у монголовъ эта сухая отвлеченность поддерживается еще недостаточностію кар-

тинности въ общемъ изложеніи и отдѣльныхъ словахъ, которая могла бы оживить рѣчь о предлагаемыхъ истинахъ наглядными красотами и вообще представить предметъ разсужденія поучительныхъ пѣсенъ болѣе живописно. Если и встрѣчаются нѣкоторыя изъ этихъ произведеній съ достаточнымъ количествомъ символизма и фигуральности въ короткихъ, поясните льныхъ разсказахъ, то опять таки даже и при этихъ картинахъ главный предметъ рѣчи, т. е. предлагаемыя истины, являются трудными для усвоенія оттого что эти разсказы, служащіе къ уясненію различныхъ видовъ и частей разсматриваемой истины, помѣщаются порознь, отрывками и, по видимому, совершенно безъ всякой логической связи. Наконецъ о пѣсняхъ этого рода нельзя не сказать и того, что онѣ всегда бываютъ чрезвычайно обширны по своему объему и умолительны по продолжительности, такъ что едва ли не одна только всецѣло преданная буддизму натура монгола способна безъ тягости и, пожалуй, даже съ наслажденіемъ слушать это сухое изложеніе отвлеченныхъ и избитыхъ нравственныхъ истинъ.

Такимъ образомъ и въ разсмотрѣніи литературныхъ монгольскихъ пѣсенъ мы встрѣчаемся съ тою же наклонностью монголовъ размышлять объ отвлеченностяхъ и удаляться отъ дѣйствительной жизни, которую замѣчали и въ пѣсняхъ народныхъ. Поразительное меньшинство литературныхъ пѣсенъ съ свѣтскимъ содержаніемъ предъ тѣми, которые заключаютъ въ себѣ различные трактаты о религіозныхъ и нравственныхъ истинахъ, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ, хотя пожалуй и не единственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая памятники оригинальныхъ монгольскихъ историческихъ сочиненій, мы можемъ думать, что въ болѣе отдаленныя отъ насъ эпохи, когда буддизмъ еще не такъ сильно развился въ Монголіи и не овладѣлъ еще всецѣло умами ея обитателей, желаніе сохранить свою старину съ одной стороны и развитіе письменности съ другой побуждали монголовъ включать въ свою литературу какъ народныя пѣсни такъ и другія стихотворенія старины. Съ развитіемъ буддизма

это желаніе очевидно мало по малу угасало, такъ что современная литература этихъ пѣсенъ и стихотвореній уже не знаетъ вовсе и вотъ почему главнымъ образомъ должны были мы сказать, что монголы не хранятъ въ своей письменности образцевъ своей древней поэзіи, считая ихъ, по видимому, недостойными вниманія. Это же самое наблюденіе далѣе побудило насъ признать представляемые Габеленцомъ примѣры изъ Сананъ Сэцэновой лѣтописи не образцами древняго эпоса монголовъ, какими онъ считалъ ихъ *). а жалкими отрывками когда то цѣлыхъ и, можетъ быть обширныхъ твореній, которые нынѣ безъ сомнѣнія уже совершенно для насъ потеряны, благодаря своеобразному вліянію буддизма на умы монголовъ и развившейся у нихъ педантичности. Въ настоящее время, когда есть у насъ бо̀льшее количество древнихъ историческихъ сочиненій (которые, какъ было сказано выше, составляютъ главную литературную сокровищницу пѣсенъ и стихотвореній монголовъ), мы можемъ утверждать свое мнѣніе еще болѣе положительно; ибо имѣемъ средства прослѣдить по результатамъ эту постепенно мертвящую всякій порывъ къ дѣйствительной жизни силу буддизма. Возьмемъ для примѣра древнее стихотвореніе, влагаемое историческими легендами монголовъ въ уста Дай-Сэцэна при встрѣчѣ его съ Йэсугэй-багатуромъ, идущимъ пріискивать невѣсту своему сыну. Въ древнѣйшемъ историческомъ памятникѣ — Юань-чао (1242 г.) оно состоитъ изъ 14 стиховъ (см. прим. на стр. 320); въ текстѣ Алтанъ тобчи (1604 г.) ихъ уже сохранилось только 8 **). а Сананъ Сэцэнъ (1662 г.) едва удерживаетъ у себя 4 ***); тоже самое постепенное сокращеніе можно замѣчать и въ отношеніи другихъ стихотвореній. Замѣ-

*) Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. K. I S. 20.

**) Алт. Тобчи стр. 10—124. Галсанъ Гамбоевъ раздѣлилъ въ своемъ переводѣ это стихотвореніе на семь стиховъ, но это не вѣрно и при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи текста дѣлается очевиднымъ, что его ошибка произошла отъ составленія изъ двухъ первыхъ стиховъ — одного; слѣдуетъ читать: гоа ӧкид-йэн || хасак тэргэн-дур сагулгачжу т. е. прекрасныхъ своихъ дѣвицъ || посадивъ въ одноколку.

***) Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. Absch. 4; 363.

тимъ при этомъ, что новѣйшія историческія сочиненія монголовъ каковы отысканныя мною Эрдэнійн эрихэ перваго и втораго изданія, Алтàнъ Тобчй, Хöхö дэбтэр, Шарà тӯчжи во все не знаютъ этихъ стихотвореній и тѣмъ вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль, что монголы въ настоящее время совершенно не заботятся о храненіи образцовъ своей древней поэзіи. Такимъ образомъ дѣлается само собою ясно, что мы не имѣемъ въ литературѣ монголовъ ни одного цѣльнаго памятника ихъ древняго эпоса, съ мало же содержательными и связными отрывками эпическихъ твореній можемъ ознакомиться болѣе полно только чрезъ посредство немногихъ древнѣйшихъ историческихъ произведеній, да и то не монгольскихъ, а собственно монголо-китайскихъ.

Запись другихъ такихъ же краткихъ стихотвореній и пѣсенъ древности, по характеру содержанія болѣе всего подходящихъ къ отдѣлу лирическихъ, можемъ мы предположить съ неменьшею достовѣрностію хотя бы то на основаніи единственнаго извѣстнаго намъ стихотворнаго сказанія о Чингисъ-ханѣ, которое носитъ у монголовъ названіе «Чингис богдà-йн йисун ӯрлӯгӯт-тӯ ӯнӯчин хӯбэгӯнӯ цэцэлэхсэн шастир» *). Разборъ этого произведенія приводитъ насъ къ положительному заключенію, что оно представляетъ собою сочетаніе нѣсколькихъ народныхъ пѣсенъ въ единое цѣлое; сочетаніе позднѣйшее, имѣвшее цѣлью изъ различныхъ, простыхъ и безыскуственныхъ взглядовъ народа на предметъ составить дидактическое разсужденіе о немъ и такимъ образомъ представляетъ попытку монголовъ ближайшей къ намъ эпохи удержать въ своей памяти слова и разсужденія древнихъ, удовлетворяя въ тоже время и личному педантичному направленію своего духа. Сказаніе это еще и до нынѣ распѣвается иногда на пирушкахъ монгольскихъ князей, но его языкъ и обороты рѣчи свидѣтельствуютъ объ его древности, различный же размѣръ стиха въ отдѣльныхъ частяхъ произведенія яснѣе всего под-

*) Произведеніе это въ текстѣ и переводѣ войдетъ въ содержаніе втораго выпуска.

твержда̀етъ справедливость нашего предположенія относительно его происхожденія.

Что касается втораго отдѣла литературныхъ пѣсенныхъ стихотвореній, именно стихотвореній переводныхъ съ тибетскаго, то они по происхожденію своему принадлежатъ какъ тибетскимъ, такъ, кажется, и еще больше монгольскимъ авторамъ; потому что монгольскіе ламы въ послѣднее время иначе и вообще-то не пишутъ своихъ сочиненій, какъ излагая ихъ первоначально по тибетски, а потомъ уже, и только по мѣрѣ надобности, переводятъ ихъ на монгольскій языкъ. Содержаніе этихъ стихотвореній исключительно религіозное и относится по преимуществу до нравственно-практическаго ученія буддизма. Такимъ образомъ здѣсь на первомъ планѣ выступаютъ хвалебныя пѣсни различнымъ божествамъ и святынямъ буддизма, молитвенныя обращенія къ нимъ, просьбы и заклинанія разнаго рода и на всѣ возможные случаи житейскихъ невзгодъ. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ не маловажную роль играютъ и уцѣлѣвшія въ народѣ шаманскія вѣрованія: заклинательныя молитвы и другія обрядовыя пѣсни, не находящія для себя мѣста въ оффиціальныхъ, ламскихъ изданіяхъ, живутъ въ памяти народа именно въ видѣ этихъ стихотвореній. Наконецъ, кромѣ этихъ произведеній, руководящихъ человѣка въ отношеніяхъ его къ божеству, въ такой же стихотворной формѣ представляются и памятники отношеній божества къ людямъ: такъ являются прежде всего пророческія вѣщанія будды и его святителей къ народу; за симъ еще большее число стихотвореній этого рода содержитъ въ себѣ наставленія, предлагаемыя какъ со стороны святыхъ и «нашедшихъ премудрость» ламъ, хутухтъ и хубилгановъ, такъ и отъ лица различныхъ, одаренныхъ верховною силою звѣрей, птицъ, пресмыкающихся и наконецъ разнаго рода миѳическихъ животныхъ, въ существованіе которыхъ вѣрятъ монголы. Всѣ эти стихотворенія вращаются въ народѣ отдѣльными небольшими брошюрами какъ въ рукописныхъ, такъ и въ печатныхъ изданіяхъ. собранные же въ одно цѣлое эти краткія творенія составятъ со-

бою едва ли не бо̀льшую массу, чѣмъ вся монгольская литература, которая была издана въ Пекинѣ и которая какъ у насъ такъ и у монголовъ по преимуществу и разумѣется подъ именемъ монгольской литературы. Обращаясь къ составу этой послѣдней мы находимъ, что и въ ней запасъ пѣсенныхъ и стихотворныхъ произведеній весьма значителенъ. Почти всѣ богослужебныя и обрядовыя пѣснопѣнія при переводѣ съ тибетскаго были переложены у монголовъ на ихъ языкъ также стихами и потому кромѣ отдѣльныхъ частныхъ молитвъ, изложенныхъ въ стихотворной формѣ духовныхъ пѣсенъ и изданныхъ въ Пекинѣ отдѣльными брошюрами, мы встрѣчаемъ въ стихахъ же цѣлые томы буддійскихъ служебниковъ и обрядниковъ, принятыхъ ламами какъ руководство при совершеніи различныхъ религіозныхъ требъ (конечно въ тѣхъ только мѣстахъ гдѣ богослуженіе совершается не на тибетскомъ, а на монгольскомъ языкѣ). Такъ называемые рапсалы, составляющіе обыкновенно первую часть буддійскихъ молитвенниковъ, всѣ безъ исключенія изложены стихами. По содержанію своему эти духовные гимны въ честь буддъ могутъ быть раздѣлены, да и дѣлятся монголами, на четыре отдѣла: первый изъ нихъ носитъ названіе «Бурхан-ну мактал»; въ гимнахъ этого рода среди пышныхъ похвалъ, возсылаемыхъ буддамъ, находится исчисленіе подвиговъ буддъ на пользу существъ; второй отдѣлъ рапсаловъ, именующійся по тибетски «Харанъгу», а по монгольски «ӱбэрӱн аман-ну бисылгал» есть собственно исповѣданіе вѣры молящагося; третій — заключаетъ въ себѣ мольбы и просьбы, обращенныя къ буддамъ и называется по монгольски именно этимъ именемъ — «цзалбарпль»; наконецъ четвертый — «йороль» содержитъ въ себѣ благочестивыя пожеланія достиженія святости и духовнаго блага на будущее время не только въ этой жизни, но, согласно ученію буддизма о метампсихозѣ, и въ будущихъ перерожденіяхъ. Кромѣ этихъ цѣлыхъ, объемистыхъ томовъ съ духовными пѣснями отдѣльныя стихотворенія встрѣчаются еще разбросанными по частямъ въ различныхъ переводныхъ сочиненіяхъ, особливо же испещрены ими біографіи,

въ которыхъ обыкновенно не только каждая глава заключается стихотвореніемъ, но иногда и къ описаніямъ отдѣльныхъ событій прилагаются тексты стиховъ и пѣсенъ, воспѣтыхъ въ честь описываемаго героя, или событія современниками его, или же позднѣйшими авторами. Неменѣе рѣдко монгольскіе составители книгъ и переводчики имѣли обыкновеніе прилагать также и свои стихотворенія въ концѣ издаваемыхъ ими сочиненій и переводовъ. Содержаніе этихъ стихотвореній по большей части составляетъ похвала издаваемой книгѣ, источникамъ, на основаніи которыхъ она составлена, авторамъ, написавшимъ эти источники и т. п., за симъ здѣсь же излагаются и обстоятельства перевода или составленія книги, время и мѣсто ея написанія и пр. Представлять здѣсь образцы на всѣ указанные отдѣлы монгольскихъ литературныхъ стихотвореній я не считаю нужнымъ; потому что, не нося въ своемъ содержаніи никакихъ чертъ народнаго быта, произведенія эти, по моему мнѣнію, имѣютъ единственное и исключительное значеніе для ознакомленія съ языкомъ монголовъ. Правда, что религіозныя и обрядовыя пѣсни, взятыя въ общемъ своемъ составѣ, могутъ уяснить своимъ содержаніемъ весьма многое какъ въ изученіи буддизма у монголовъ, такъ и въ пониманіи монгольскихъ религіозныхъ вѣрованій вообще (таковы напр. пѣснопѣнія при поклоненіи огню, небу, сѣверной медвѣдицѣ, жертвоприношеніяхъ обо и пр.); но я не думаю чтобы можно было доставить интересъ и пользу разборомъ одного какого либо изъ этихъ произведеній и люди, знакомые съ монгольскою литературою, безъ сомнѣнія, согласятся со мною, что подобный разборъ, въ силу своеобразнаго характера монгольскихъ литературныхъ произведеній, совершенно не можетъ способствовать ни къ составленію точнаго и опредѣленнаго понятія о какомъ либо отдѣлѣ литературныхъ стихотвореній, ни послужить руководствомъ для составленія подобныхъ разборовъ въ будущемъ. Основывается все это на томъ, что произведенія монгольской литературы вообще всегда писались и до нынѣ пишутся безъ всякаго плана, ни когда не соблюдали у себя и не держатся опредѣленнаго образа изложенія, а оттого въ своемъ содержаніи не только

не задаются подробнымъ и основательнымъ разсмотрѣніемъ предмета хотя съ одной какой либо стороны, но зачастую и не имѣютъ опредѣленнаго предмета рѣчи: въ похвальныхъ гимнахъ можно найти въ иномъ цѣлое догматическое разсужденіе, въ другомъ историческій разсказъ, въ третьемъ апологію буддизма, въ четвертомъ, пожалуй, какой нибудь астрономическій, или историко-литературный трактатъ; при томъ одни изъ этихъ гимновъ изла-гаются въ формѣ дидактической, другіе походятъ на эпосъ, третьи являются въ видѣ идиліи; одни представляютъ чистое и плавное стихотвореніе, у другихъ стихотворная рѣчь какъ бы смѣши-вается съ прозой. Само собою разумѣется, что такія поразительныя странности въ содержаніи, когда въ сочиненіи вмѣсто ожидаемой похвалы, — изліянія восторженнаго чувства читатель повстрѣчается съ отвлеченнымъ и сухимъ разсужденіемъ, не могутъ быть находимы въ каждомъ произведеніи и что эти странности могутъ быть замѣчены только при болѣе обширномъ знакомствѣ съ монгольскою литературою; но смѣшеніе сочиненіями сторонъ, съ которыхъ предположено разсматривать предметъ такъ обыкновенно, что оно узнается почти при первомъ знакомствѣ съ литературою. Мы говорили напримѣръ, что свои духовныя нѣсноп-ѣнія монголы обыкновенно дѣлятъ на хвалебныя, просительныя и проч., но такихъ гимновъ, въ которыхъ была бы только хвала, хотя бы они названы были хвалебными, или только просьба, хотя бы они носили названіе мольбы, совершенно не встрѣчается; всѣ указанныя стороны обращенія человѣка къ божеству всегда перемѣшиваются между собою: въ макталѣ непремѣнно попадается и молитва, и исповѣданіе вѣры, и йороль; въ цзалбарилѣ въ свою очередь появляется хвала, исповѣданіе вѣры и проч. Для образца мы представляемъ здѣсь коротенькій макталъ У-тай-шань'скимъ горамъ, составленный и изданный въ Пекинѣ отдѣльною брошурою въ 1794 году.

абурàл хамȳк бурхад-уп
айладулгайн мȳн чинар

арія манцзушири-дор
ашида биширэн мӱргӱмӱй
ом'а-ра-ба-цзан-натай

манцзушири бодотайя
магат-йэр орошихсан
манълай дэдӱ у-тай-шань
маши хэтӱрхэй орон бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

энэ орон-на орошихчи
эрхим сӱмэ шитӱгэт ба
эбэсӱн, модон, чилагут чу
эрхим бурхад-ун хубилган бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

дэгэдӱ хобитан ӱцзэгӱр-тӱ
дэгэдӱ энэ агула-ду
дэгэдӱ эрдэни бэр бӱтӱхсэн
дэгэдӱ ордо харши бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

ордо харшійн дотора
ори манцзушири бэр
олан нӱхӱт сэльтэтэй
орошин бодотайя сагун бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

баса шибагут гӱрӱгэт ба
б'лама гӱйлинчійн дӱри бэр
байху бурхат олан бой
батуда биширэн цзалбарійя
ом'а-ра-ба-цзан-натай

тэймӱ ӯчири мэдэгэт
тэнъсэл ӱгэй цзалбарибасу
тэрэ-хӱ хӱсэхсэн шиддиш-и
тэрэ-хӱ даруй ӱрӱшійѣхӱ
ом'а-ра-ба-цзан-натай

ӱрӱшійѣхчи манцзушири
ӱргӱльчжи сапан цзалбарибасу
ӱтэлэ мини хилинцэ-йги
ӱлил ӱгэй арилга
ом'а-ра-ба-цзан-натай

эртэн-ӱ ӱйлэйн эрхэ-бэр
эбэчин гамшик тэригӱтэн
элдэб цзобалаңъ болбасу
эрхим чи бэр арилга
ом'а-ра-ба-цзан-натай
писванис-ун эрхэ бэр
нигӱль цзӱк-тор шинӱхчи
нилха ойуту намайги
нигӱлэсӱн ӱрӱшийѣ
ом'а-ра-ба-цзан-натай
бодонгой тӱйтхэри арилгагат
бурхану хутуг-и ологат
бусут хамук амитан-и
бурхан болгаху болтогай.

Переводъ.

Непрестанно благоговѣя, покланяюсь
Святителю Маньцзуширію,—
Истинной сущности мудрости
Всѣхъ спасительныхъ буддъ.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Верховная, высокая У-тай-шань,
На которой въ дѣйствительности
Лично обитаетъ Маньцзушири,
Есть величественное мѣсто.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Находящіеся въ этой странѣ
Величественные храмы и кумиры,
Трава, деревья и камни
Суть хубилганы верховныхъ буддъ.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай
На высоко счастливыхъ вершинахъ,
На этой возвышенной горѣ
Находится высокій дворецъ
Полный высокихъ драгоцѣнностей.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Въ глубинѣ дворца
Живетъ, лично поселившись,

Молодой Манцзушири
Вмѣстѣ со множествомъ друзей.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Кромѣ того находится много буддъ,
Живущихъ подъ видомъ птицъ, звѣрей,
Ламъ и нищихъ;
Твердо уповая (на нихъ), помолимся.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Зная объ этихъ обстоятельствахъ,
Если усердно помолиться,
Они тотчасъ же благословятъ
Желанною мудростію.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Если молиться, постоянно памятуя
О милосердомъ Маньцзушири,
Грубые грѣхи мои
Всесовершенно очисти.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Если, по силѣ прежнихъ дѣяній,
Случатся болѣзни, моръ и прочія
Различныя страданья,
Ты верховный очисти.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Помилосердуй и спаси меня
Младенчествующаго умомъ;
И силою писанія
Влекущагося въ сторону грѣха.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Очистивъ темноту порока
И давъ возможность пріобрѣсти святости будды,
Всѣхъ другихъ существъ
Содѣлай буддами.

Изложивъ теперь вкратцѣ любимыя темы народной пѣсенной поэзіи каждаго изъ монгольскихъ племенъ и указавъ характеръ и общее содержаніе большинства стихотвореній монгольской литературы, равно какъ представивъ въ примѣрахъ и различіе въ образѣ изложенія каждымъ изъ монгольскихъ племенъ одуше-

вляющихъ его чувствованій, я закончу теперь свой обзоръ указаніемъ тѣхъ общихъ чертъ въ стихотвореніяхъ монголовъ, которыя въ большей или меньшей степени проглядываютъ въ произведеніяхъ каждаго отдѣльнаго племени и потому необходимо составляютъ характеристичныя черты монгольскихъ стихотвореній вообще.

Съ внѣшней стороны самую рѣзкую и ярко бросающуюся въ глаза особенность монгольскихъ стихотвореній составляетъ то отсутствіе простоты въ изложеніи, быстроты и свободы въ выраженіяхъ мысли и чувства, которыя составляютъ отличительныя черты пѣсенныхъ стихотвореній у другихъ народовъ и давно уже почитаются европейцами за основныя достоинства стихотвореній литературныхъ. Коренная причина этой особенности несомнѣнно лежитъ въ томъ, что большинство пѣсенъ и стихотворныхъ произведеній монголовъ не есть результатъ лирическихъ изліяній одушевленнаго какимъ либо чувствомъ пѣвца, а просто плодъ досужей фантазіи нѣкоторыхъ изъ членовъ общей народной толпы. Чуждые поэтическихъ дарованій и не одушевляемое вдохновеніемъ, такіе стихослагатели монголовъ естественно не могутъ отличаться творчествомъ и отъ того они невольно должны прилагать къ составленію стиховъ тѣ самыя правила, которыя относятъ и къ произведеніямъ прозаическимъ. Въ этомъ полагаю я источникъ всей той натянутости, которая такъ или иначе проглядываетъ въ каждой пѣснѣ монгола. Ясно. Понятія монголовъ о популярныхъ произведеніяхъ вообще, какъ прозаическихъ такъ и стихотворныхъ, можно сказать почти совершенно противуположны нашимъ требованіямъ, по которымъ мы лучшими качествами всякаго сочиненія ставимъ его простоту ясность и живость. По понятіямъ монголовъ только то сочиненіе и достойно популярности, которое блеститъ наборомъ отвлеченныхъ буддійскихъ мыслей и мудрыхъ изрѣченій, облеченныхъ въ напыщенныя фразы и высокопарныя выраженія. Естественно отсюда, что и всякая пѣсня, и всякое стихотвореніе, что бы подходить имъ къ народному вкусу и имѣть шансы на распространенность въ народѣ, должны обладать тѣми

же самыми качествами. Справедливость этого взгляда на вкусъ народа мнѣ кажется тѣмъ болѣе правдивою, что монгольскія пѣсни позднѣйшаго происхожденія именно и отличаются отвлеченностію своего содержанія и надутою изысканностію своего слога. Съ другой стороны извѣстно, что народныя произведенія почти никогда не живутъ въ памяти народа въ той формѣ, въ которой они являются отъ своихъ творцевъ: они постоянно измѣняются, въ устахъ народа, пополняются и улучшаются, т. е. передѣлываются по народному вкусу (ни какой народный пѣвецъ иначе и непредставляетъ сдѣланной имъ передѣлки въ старомъ какъ улучшеніемъ); но достаточно будетъ сравнить ӧлӧтскую пѣсню, представленную мною подъ № 10-мъ съ позднѣйшею редакціею ея у Халхасовъ (№ 11), или такое же исправленіе пѣсни № 31 съ болѣе старою редакціею ея подъ № 32-мъ, что бы видѣть въ чемъ состоитъ по понятіямъ монголовъ отдѣлка и обработка сочиненій. Въ исправленныхъ редакціяхъ мы видимъ обыкновенно большую сжатость изложенія, болѣе громкія фразы, большую высокопарность. Необходимо предположить слѣдовательно, что въ этомъ то и поставляютъ современные монголы достоинство своихъ твореній и оказывается въ самомъ дѣлѣ, что изъ желанія придать сказанныя достоинства своимъ пѣснямъ они жертвуютъ и гармоніею ихъ стиха, и плавностію ихъ рѣчи, и вѣрностію выраженной въ нихъ мысли и даже, пожалуй, самымъ смысломъ; однимъ словомъ презираютъ все ради того, чтобы блеснуть звучною фразой. Затѣйливая чопорность въ оборотахъ рѣчи, по понятіямъ монголовъ, во первыхъ есть вѣрное ручательство за ученость пѣвца, а во вторыхъ она приводитъ простое народное твореніе къ сходству съ сочиненіями буддійскими. Я уже неоднократно повторялъ, что эти послѣднія сочиненія поставляются монголами за идеалъ литературныхъ произведеній: подражать имъ въ формѣ изложенія, заимствовать изъ нихъ, хотя бы то совершенно безъ нужды и въ ущербъ ясности рѣчи, цѣлыя выраженія и даже отдѣльныя слова, значитъ, по понятіямъ монголовъ, придать лоскъ рѣчи; отсюда представляется весьма естественнымъ наплывъ въ народныя пѣсни

буддійскихъ терминовъ и отдѣльныхъ иностранныхъ выраженій, встрѣчающихся въ монгольской литературѣ по заимствованію съ языковъ индійскаго и тибетскаго. Разсматривая на сколько и какимъ образомъ входятъ эти иностранные элементы монгольской рѣчи въ языкъ стихотвореній и народныхъ пѣсенъ, нельзя не замѣтить, что индійскій элементъ есть болѣе слабый. Цѣльныхъ индійскихъ фразъ, если только исключить тарни (дарани), попадающіяся въ стихотвореніяхъ литературныхъ, а также и въ приближающихся къ нимъ религіозно обрядовыхъ пѣсняхъ, въ монгольскихъ стихахъ не встрѣчается вовсе, — попадаются только отдѣльныя индійскія слова. По своему значенію эти послѣднія больше всего относятся къ отдѣлу изображающихъ вѣрованія монголовъ, привнесенныя къ нимъ буддійскою миѳологіею, а въ фонетическомъ отношеніи являются въ самомъ искаженномъ видѣ. Таковы слова: Загарвадонъ вм. литературнаго Чакраварунъ,— санскр. Tchakravartti; Галабъ — отъ санскр. Kalpa; Бухаръ отъ санскр. Vihâra; Галбаравасъ вм. литературнаго — Галбараварсъ отъ санскр. Kalpavrikça; Очиръ вм. литературнаго Вачиръ, отъ санскр. Vadjra; Аршанъ, литературнаго Рашійянъ отъ санскр. Rasâyana и др. Тибетскій элементъ проникъ въ языкъ пѣсенъ — несравненно сильнѣе. Прежде всего здѣсь всецѣло удерживаются всѣ тѣ тибетскія слова, которыя приняты монголами въ ихъ рѣчь какъ разнаго рода научные термины буддизма, а равно и тѣ, которыя вошли въ составъ монгольскаго языка какъ собственныя и нарицательныя имена для обозначенія духовныхъ лицъ, должностей и предметовъ; таковы, цанитъ, чжудъ, шанцзотба, гэсгуй, дацанъ, цанъ, бумханъ, искаженное отъ бунханъ и др. Фонетически нѣкоторыя изъ тибетскихъ словъ представляются въ языкѣ народныхъ пѣсенъ, какъ и слова индійскія, значительно извращенными: такъ произносимое у монголовъ · дуганъ, у бурятъ дугумъ, выговаривается правильно только у Ölöтовъ какъ тибет. бДу-ханъ; гӱрӱмъ, литературнаго гуримъ отъ тибет. — сГуримъ и др. Но неговоря объ этихъ словахъ, давно уже привившихся къ монгольской рѣчи, извѣстныхъ всякому и ставшихъ какъ бы

монгольскими, въ пѣсняхъ замѣчаются еще тибетскія слова, почти вовсе не слышащіеся въ обыкновенномъ говорѣ монголовъ и введеніемъ этихъ то словъ, по убѣжденію монголовъ, и придается красота слогу. Такъ напр. мы видѣли употребляемое въ пѣсняхъ тибетское слово Чжанакъ, хотя въ обыкновенной рѣчи монголы всегда замѣняютъ его своимъ роднымъ словомъ — хитатъ; таково же употребленіе слова банцзаль вм. манкъ или маякъ и др. Еще болѣе ярко бросается въ глаза употребленіе въ монгольскихъ народныхъ пѣсняхъ цѣлыхъ тибетскихъ выраженій, значительно затемняющихъ для простаго народа смыслъ самой рѣчи стихотвореній; таковъ напр. стихъ въ одной изъ приведенныхъ мною пѣсенъ

эцигэ̀ баньчэнъ богдайга̀н
рикдунъ дакбо̀ болху-ду . . . .

Тибетское выраженіе «Рикдӯнъ дакбо̀» кажется включено здѣсь положительно безъ нужды: оно могло быть замѣненнымъ безъ всякаго ущерба для смысла и плавности рѣчи монгольскими словами «Хан ӱцзӱ ргӱ» и нахожденіе его въ данномъ стихѣ именно только и возможно объяснить желаніемъ автора щегольнуть своимъ знаніемъ тибетскаго языка. Какъ результатъ этого увлеченія монгольскихъ стихотворцевъ иностранными выраженіями въ рѣчи, въ монгольскихъ пѣсняхъ является множество недостатковъ: одинъ изъ этихъ пѣсенъ носятъ темноту въ выраженіяхъ, отчего далеко не каждый монголъ можетъ съ пониманіемъ читать ихъ легко и свободно; другія, имѣя у себя ясный и чистый слогъ, не имѣютъ живости красокъ, потому что предметъ описывается ими не съ натуры и въ описаніяхъ его не берутся тѣ качества, которыя могутъ служить къ живѣйшему его изображенію, а напротивъ о немъ говорится въ общихъ отвлеченныхъ формахъ и притомъ о тѣхъ только сторонахъ, которыя извѣстны автору изъ книги. Наконецъ, благодаря тому-же увлеченію стихотворцевъ буддійскою книжною фразой, пѣсни монголовъ въ большинствѣ случаевъ утомительны по своему однообразію, и это

весьма естественно, такъ какъ заимствуя всякаго рода эпитеты, сравненія и картины изъ буддійской книги, стихотворцы необходимо ограничиваютъ массу своихъ представленій и своего лексикона; за симъ, вставляя всюду буддійскую фразу, они лишаютъ себя возможности говорить о каждомъ предметѣ такъ, какъ должно говорить о немъ, сообразуясь съ его свойствами. Возмемъ для примѣра хвалебную пѣсню лошади, составленную дарханъ цинь-ван'омъ и мы увидимъ, что монгольскіе поэты о лошадяхъ говорятъ точно также какъ и о гэгэнахъ, употребляютъ тѣже самые обороты рѣчи и чуть не тѣже самыя выраженія.

Все сказанное впрочемъ относится по преимуществу къ пѣснямъ, принадлежащимъ по происхожденію къ болѣе позднѣйшему времени, или же къ подвергшимся большей передѣлкѣ и цензурѣ со стороны ламъ. Процентъ этихъ пѣсенъ въ общемъ составѣ пѣсенной монгольской литературы въ настоящее время весьма великъ, безъ сомнѣнія потому, что къ нему именно и замѣтно теперь влеченіе народныхъ симпатій; но за всѣмъ тѣмъ у каждаго изъ монгольскихъ племенъ уцѣлѣлъ еще и другой родъ народныхъ пѣсенъ, дышащихъ патріархальною простотою и изображающихъ кочевника монгола именно такимъ, какимъ онъ есть по своей природѣ. Въ пѣсняхъ, принадлежащихъ къ этому отдѣлу, въ совершенную противуположность первымъ замѣтна чрезвычайная живость и близость къ природѣ: здѣсь выступаетъ чистая, стремящаяся ко благу, любвеобильная и сострадательная душа монгола; оттого и въ изложеніи ихъ вмѣсто напыщенныхъ фразъ являются простые, но чрезвычайно ловкіе обороты, множество метафоръ, легко объясняемыхъ изъ понятій монголовъ и чрезвычайно картинно рисующихъ предметъ. Такимъ образомъ смерть, на которую монголы давно уже привыкли смотрѣть какъ на фактъ временнаго разлученія души съ настоящимъ матеріальнымъ міромъ, представляется здѣсь не иначе какъ простымъ уходомъ,— «нагхутан байзыш гэхэрэ, мордохойи ӣхаб»; она-временное возвращеніе духа въ отчизну изъ короткаго странствованія—жизни въ мірѣ. Харӣл болосо̀н эчжӣ минѝ (№ 14). Такого рода мета-

форы придаютъ не затѣйливую но геніальную живость общему теченію рѣчи. Далѣе той-же живости способствуетъ образность выраженій: Хабутай чжиргал (распухлый, раздувшійся, большой). «Сула цагаи шудутэй» (свободный, открытый, осклабленный). Въ метафорахъ, говорю я, вполнѣ выражается затѣмъ добрая и сострадательная душа кочевника: его любовь по преимуществу сосредоточивается на беззащитномъ и слабомъ, оттого слово бага—малый равносильно въ языкѣ его пѣсни понятію—милый: Хурхэй бага эчжи манай, (№ 15) «Алин бахан нухур-ни», хухэи бахань Чэбчжит-ту (№№ 54, 58) и др. Нарощеніе флексій, производящихъ имена уменьшительныя, съ тою же цѣлью придать рѣчи нѣжность и выразить свою любовь и расположеніе къ предмету, такъ-же обыкновенно въ пѣсняхъ монголовъ но особенно преимуществуетъ у Бурятъ, гдѣ уменьшительныя встрѣчаются подъ часъ чуть ни въ каждомъ стихѣ: халтархан, харахан, хотогорхан, унцзатхан, чжикчжитхен, хухухэн, и пр. Въ этихъ пѣсняхъ вполнѣ открывается близость монгола къ природѣ: ему понятенъ языкъ птицъ, звѣрей и даже шумъ растеній: онъ одухотворяетъ предметы неодушевленные, и смотритъ на нихъ какъ на существа живыя, придавая имъ тѣ особенности, которыя прямо отличаютъ животныхъ, (цзулцзага цэцэкъ). Съ другой стороны онъ воплощаетъ отвлеченныя понятія, смотря на нихъ какъ на подчиненные тѣмъ же законамъ и условіямъ жизни, которымъ подчиненъ онъ самъ (ундучин му). Не меньше выразительности придаетъ рѣчи въ этихъ пѣсняхъ обиліе эпитетовъ, при чемъ количество это обусловливается не тѣмъ, чтобы какимъ либо избраннымъ предметамъ приписывалось множество различныхъ эпитетовъ: въ пѣсняхъ монголовъ трудно найти даже, чтобы какой либо предметъ имѣлъ три или четыре эпитета; но за то почти ни одинъ предметъ и не остается у нихъ безъ описательныхъ словъ; болѣе часто попадаются въ приложеніи къ понятію о матери слова—«бурал, хайртай»; къ солнцу—алтанъ, шара, уланъ; къ лунѣ—цаганъ, мунъхэ цаган; къ небу—хохо, хохо мунъхэ; къ ночи—бодонъту; къ родственникамъ и друзьямъ вообще—

хапртай; къ глазамъ—хара, алак хара, алак эрѣнъ; къ косѣ (волосы)—хара, алда хара; все дурное и несчастное въ природѣ оттѣняется словомъ хара: хара сальхи, хара бага насун, хадун хара архи и пр. Наконецъ многое множество сравненій, подобій и символовъ, которые поэтическій духъ пѣвца находитъ какъ для отдѣльныхъ предметовъ, такъ и для сложныхъ дѣйствій завершаетъ способы, при посредствѣ которыхъ придается изобразительность въ монгольскихъ пѣсняхъ. Впрочемъ къ ограниченію этого послѣдняго способа должно замѣтить, что сравненія и уподобленія извѣстны у монголовъ только положительныя, и что отрицательныя сравненія, такъ обыкновенныя въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, въ стихотвореніяхъ монголовъ не встрѣчаются вовсе.

II.

Стихотворство есть искуство изложенія внутреннихъ мыслей и чувствованій человѣка въ изящныхъ и благозвучныхъ формахъ. Эта послѣдняя особенность изысканности во внѣшней формѣ изложенія всегда была признаваема у всѣхъ народовъ необходимымъ условіемъ стихотвореній и отсюда то появилось множество разнообразныхъ способовъ стихосложенія, законы которыхъ зиждутся на индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго изъ многоразличныхъ языковъ и нарѣчій обитателей земнаго шара. У большинства изученныхъ нами народовъ отличительную черту стихотворнаго языка составляетъ его мѣрность; но трудно сказать относится ли это условіе къ стихотвореніямъ всѣхъ народовъ, или оно составляетъ принадлежность только нѣкоторыхъ. Трудно сказать это не только потому, что мы имѣемъ за собою цѣлую массу не изслѣдованнаго и не извѣстнаго, но еще болѣе потому, что и въ самой средѣ изслѣдованнаго нами находится множество стихотвореній, мѣра которыхъ такъ нечувствительна, законы которыхъ такъ безпорядочны и трудны для наблюденій и выводовъ, что мы совершенно не можемъ сказать есть ли опре-

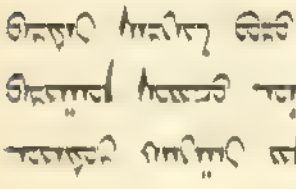
дѣленная мѣрность и какая именно въ нѣкоторыхъ такихъ стихотвореніяхъ.

Начало стихосложенія у монголовъ, безъ сомнѣнія такъ же какъ и у другихъ извѣстныхъ намъ народовъ, относится къ глубокой древности. Древнѣйшій памятникъ монгольской литературы, который имѣемъ мы въ настоящее время и который по времени своего составленія относится къ 1242 году нашего лѣтосчисленія, — Юань-чао-ми-ши уже изобилуетъ стихами; но какъ разсмотрѣніе этихъ древнихъ остатковъ творчества монголовъ, такъ и изученіе ихъ новѣйшихъ стихотвореній не даетъ намъ положительно ни какой возможности ни вывести какую либо опредѣленную метрику въ монгольскомъ стихѣ, ни установить правила, на основаніи которыхъ соединяются у монголовъ стихи отдѣльныхъ размѣровъ *). Сами монголы въ извѣстныхъ намъ грамматическихъ и риторическихъ сочиненіяхъ ихъ никогда не писали правилъ своего стихосложенія и единственную замѣтку по этому поводу нашли мы въ терминологическомъ словарѣ «Мэргэт гархуйн орон», излагающемъ вкратцѣ правила переводовъ

*) Чтобы познакомить читателей съ стихосложеніемъ монголовъ временъ Юань-чао-ми-ши представляемъ здѣсь образчикъ ихъ въ русской транскрипціи; копію же подлиннаго текста сего, изображенную китайскими іероглифами, мы представимъ въ приложеніяхъ къ изслѣдованіямъ о языкѣ пѣсенъ:

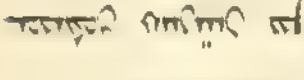
ха-ча-р хо-а о-ки-ди
ха-хань бэ-лу-*к*-са-на та-но
ха-са-*к* тѣ-р-гэнь—ту-р у-но-у-*л*-чжоу
ха-ра бу-у-ра ко-*л*-гэ-чжоу
ха-та-ра-у-*л*-чжоу от-чоу
ха-тунь са-у-риньту-р
хан-ту са-у-лу-му.
ба у-лус и-р-гэнь у-лу тѣ-мѣ-чэ-т
ба онъ-гэ са-и-т о-ки-ди-ень о-р-гэ-чжоу
о-*л*-чжи-гэ-тэй тѣ-р-гэнь-ту-р у-но-у-*л*-чжоу
о-лэ бу-у-ра ко-*л*-гэ-чжоу
э-у-*с*-кэ-чжоу от-чоу
унь-ду-р са-у-риньту-р
о-рѣ-э-лѣ-э-тѣ-т са-у-*л*-хуй ба

съ тибетскаго языка на монгольскій, составленныя коммисіею переводчиковъ Данъчжура при Цянь-лунѣ. По словамъ этой замѣтки ламы, при трактатѣ о переводѣ тибетскихъ стиховъ, постановили такое правило: «хотя и не возможно сдѣлать при дословномъ переводѣ на монгольскій языкъ также какъ и въ тибетскомъ ровно — коротко и длинно; однако должно стихи переводить пріятными для слуха и удобопонятными словами: длинные и короткіе стихи (въ строфѣ), по возможности, нужно дѣлать ровными» *). Эти заботы ламъ о ровности стиха а равно и самый характеръ монгольскаго языка могутъ, по первоначалу, привести къ мысли, что стихосложеніе монголовъ должно быть силлабическимъ; но именно эта то форма и оказывается менѣе всего приложимою въ ихъ стихотворныхъ произведеніяхъ, такъ что читая нѣкоторыя творенія, видишь различное число слоговъ въ каждомъ стихѣ строфы. Нѣкоторыя, чисто народныя стихотворенія, правда, соблюдаютъ, хотя приблизительно, равносложность въ отдѣльныхъ стихахъ строфы: или точнѣе, мѣра ихъ не нарушается такъ осязательно для слуха, какъ въ другихъ стихотвореніяхъ, почитаемыхъ монголами собственно за болѣе отдѣланныя; но это совпаденіе числа слоговъ скорѣе всего случайное, такъ какъ оно не проходитъ никогда чрезъ все сочиненіе во первыхъ, а во вторыхъ и порядка въ размѣщеніи равносложныхъ стиховъ въ строфѣ опять таки положительно не возможно найти ни какого. Напр.:



всего 7 слог. при одномъ долгомъ

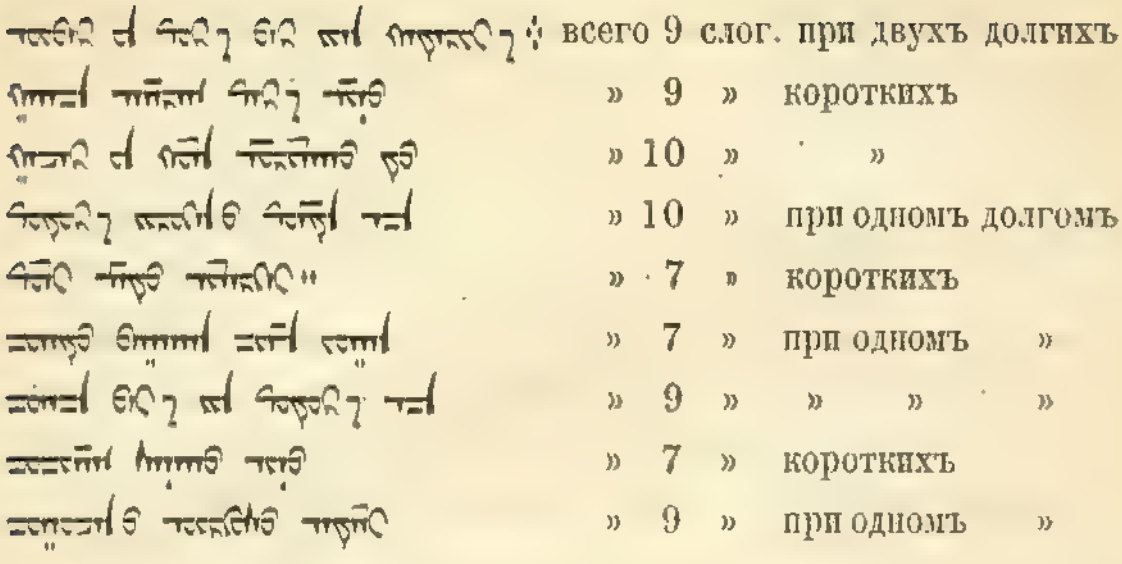
» 7 » » » »



» 7 » короткихъ

При самомъ тщательномъ и внимательномъ разборѣ я не могъ ни подвести стиховъ Юань-чао-ми-ши подъ законы силлабическаго стихосложенія, ни отыскать въ нихъ что либо общаго со стихами, слагаемыми по законамъ стихосложеній метрическаго или тоническаго; единственная же и очевидная принадлежность стиховъ — рифма является здѣсь со всѣми тѣми особенностями, которыя замѣчаются въ современныхъ стихотвореніяхъ монголовъ и изложены мною ниже.

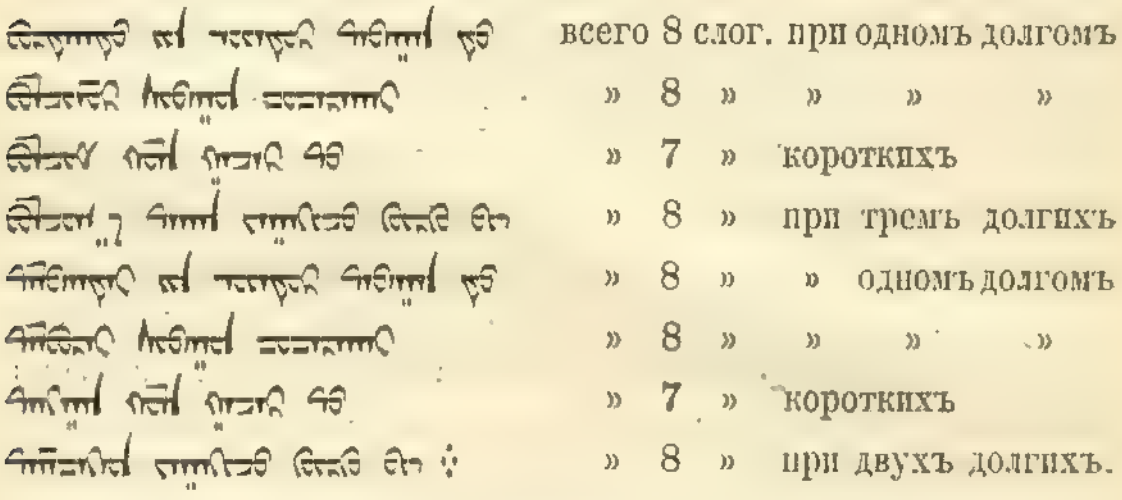
*) Мэргэт. гархуйн. орон. Отдѣлъ «Барамит.». Л. 17.



всего 9 слог. при двухъ долгихъ
» 9 » коротких
» 10 » »
» 10 » при одномъ долгомъ
» 7 » коротких
» 7 » при одномъ »
» 9 » » » »
» 7 » коротких
» 9 » при одномъ »

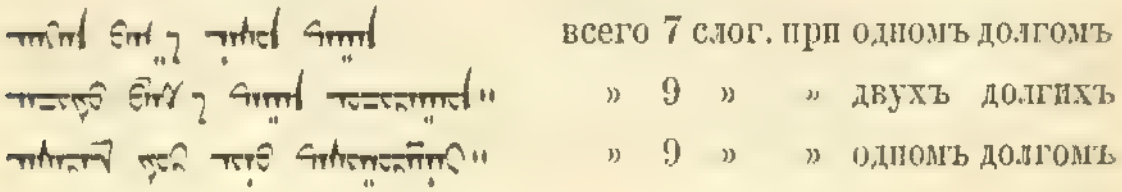
и т. д.

или даже болѣе плавные стихи:

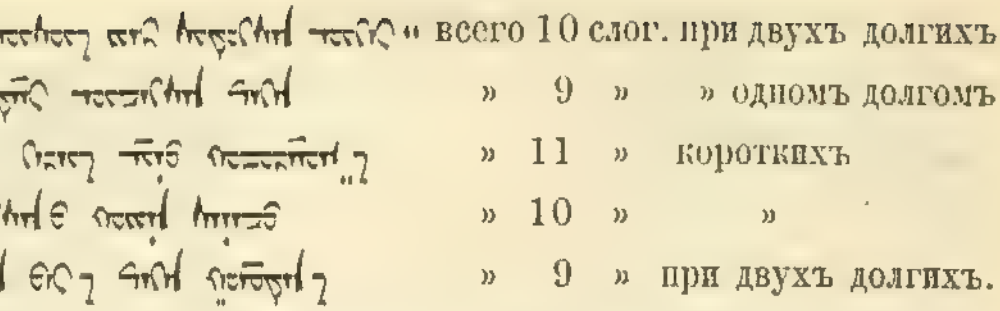


всего 8 слог. при одномъ долгомъ
» 8 » » » »
» 7 » коротких
» 8 » при тремъ долгихъ
» 8 » » одномъ долгомъ
» 8 » » » »
» 7 » коротких
» 8 » при двухъ долгихъ.

Законы метрическаго стихосложенія не болѣе приложимы къ монгольскимъ стихотвореніямъ какъ и законы стихосложенія силлабическаго. Уже по свойству своего языка, имѣющаго ударе-ніе по преимуществу на послѣднемъ слогѣ, монголы могутъ имѣть у себя только два размѣра — ямбъ и анапестъ; однако и эти раз-мѣры положительно не могутъ быть приписаны стихотвореніямъ монголовъ. Возмемъ въ примѣръ для разбора хотя слѣдующую строфу:



всего 7 слог. при одномъ долгомъ
» 9 » » двухъ долгихъ
» 9 » » одномъ долгомъ



Первый стихъ этой строфы состоитъ изъ чистаго ямба, второй представляетъ чистый анапестъ, въ четырехъ послѣдующихъ за симъ ямбы и анапесты перемѣшаны между собою совершенно безпорядочно, наконецъ два послѣднихъ стиха даже совершенно не подходятъ ни подъ размѣръ ямба, ни подъ размѣръ анапеста, а въ отдѣльныхъ стопахъ скорѣе представляютъ хорей и пеонъ четвертый.

Тоническое стихосложеніе языку монголовъ во все не свойственно и слѣдовательно ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ способовъ стихосложенія не можетъ быть приложенъ къ стихотвореніямъ монголовъ. Можетъ быть въ нихъ есть что либо своеобразное, оригинальное, но при аналитическомъ разборѣ съ этой стороны монгольскихъ твореній я не пришелъ до сего времени ни къ какому положительному выводу: законы мѣры монгольскихъ стихотвореній, если они и существуютъ, остаются для меня не опредѣленны; какъ результатъ же своихъ изслѣдованій я могу сказать только то, что стихотворная рѣчь монголовъ подчасъ такъ близко граничитъ съ изложеніемъ прозаическимъ, что было бы трудно отличить стихи отъ прозы, если бы не напоминала о нихъ риома.

Соблюденіе риомы монголы поставляютъ, кажется, главнѣйшимъ закономъ своихъ стихотвореній и въ образцахъ чисто народнаго творчества едва ли и находятся даже какіе либо другіе законы стихосложенія. Правила стихосложенія литературнаго также дозволяютъ опускать риому только въ каноническихъ текстахъ, каковы рѣченія Будды и пр., и это въ виду того что бы за перестановкою и излишнимъ накопленіемъ словъ не затемнился и не извратился истинный смыслъ рѣчи; во всѣхъ же

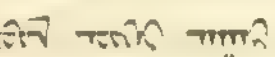
прочихъ случаяхъ они требуютъ исполненія принятаго обычая риомовать стихи, т. е. согласовать въ звукахъ ихъ начальные слоги *). Впрочемъ, основываясь на этомъ правилѣ, было бы весьма ошибочно думать, что именно такъ не сложены и вообще стихотворные пріемы монголовъ въ ихъ литературѣ. Я говорилъ уже, что литература монголовъ постоянно бывала заимствованною отъ Тибетцевъ и Китайцевъ и что въ большей или меньшей степени она продолжаетъ быть таковою же и до настоящаго времени. При томъ уваженіи монголовъ къ буквѣ, которое существуетъ у нихъ, какъ и вообще у всякаго малоразвитаго народа, естественно предположить, что въ своихъ переводныхъ сочиненіяхъ они сполна приняли въ свою литературу законы стихосложенія тѣхъ языковъ, съ которыхъ они переводили. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ и въ этомъ то коренится основная причина развитія многочисленныхъ пріемовъ монгольскаго стихосложенія. Развитіе этихъ пріемовъ и усвоеніе ихъ въ монгольской литературѣ совершалось конечно послѣдовательно и первоначально они введены были можетъ быть даже противъ желанія и обычая ламъ, иначе по крайней мѣрѣ трудно объяснить причину, по которой коммисія переводчиковъ Даньчжура при Цянь-лунѣ сочла своимъ долгомъ рекомендовать дословность переводовъ и возможно полное соблюденіе всѣхъ оттѣнковъ изложенія. Такъ вѣроятно было по первоначалу; но впослѣдствіи монгольскіе ламы, отчасти потому что образецъ всего прекраснаго видѣли они въ Тибетѣ, а отчасти, можетъ быть, и потому что постоянно занимаясь изученіемъ тибетскаго языка уже и сроднились съ особенностями чуждой народу тибетской рѣчи, перенесли и въ свой народный языкъ способы стихосложенія тибетскаго. Такимъ образомъ законы тибетскаго стихосложенія начали фигурировать и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя по своему происхожденію всецѣло принадлежатъ Монголіи и монголамъ. Но, оставляя пока въ сторонѣ эти сложные пріемы стихосложенія, относящагося все таки исклю-

*) Мэргэт. гархуйн орон. л. 21.

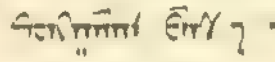
чительно до литературы, мы займемся прежде всего подробнымъ разсмотрѣніемъ образцевъ народнаго стихосложенія. Въ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ этому отдѣлу, сохраняются слѣдующіе пріемы:

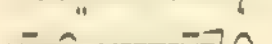
α) Все стихотвореніе раздѣляется на отдѣльные стихи (бадакъ), первыя слова которыхъ согласуются между собою единозвучіемъ ихъ начальныхъ слоговъ. Напримѣръ:

a) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

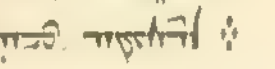

тогóрбил ӱгэ̀й агарāса

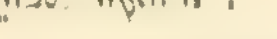
тодò тупгалàк лама̀ минѝ


толѝ мэтӱ̆ ургума́ли

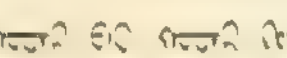

топилгачжѝ адисла̀

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ:

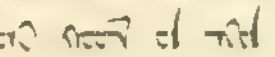

ба́й-хōр, ба́й-хōр хэчжини хо


бай-чаи́ голы́йи эхи́ндӱни

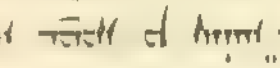
ба́йдак улусы́йи сапā-ни

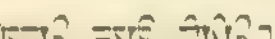

ба́й-хōр чама́й дэ̄рэ бишӱ̆

c) изъ ölötскихъ пѣсенъ:

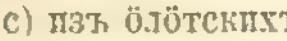

хада́йн чинѝ усӱ̆п-ни

ха́йлан, ха́йлан урусупа̀й

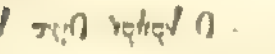

хани́йи бичихàн чамада̄н


хадага̄ран бэлэгэ̄н өгөнэ̀й.

d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:


хадатайхàн ӱндӱ̆ри дабахóйя

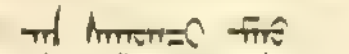
хаза̄ртӱ̆ мориндў найданàм


ханиласàн хӱхӱ̆т-ту ушпрахóйя

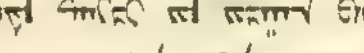
халӱ̆хуи гхэтхиль-дӱ̆ найданàм

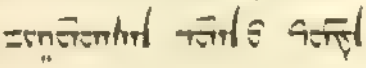
β) Иногда рѣчма обнимаетъ собою не весь первый слогъ, а только входящій въ составъ его начальный согласный звукъ. Напр.:

a) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

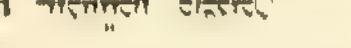

хурачжѝ энэ̀ сӯхчѝ манàй

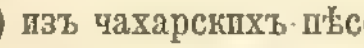
хормустà тэнгрíйн чжиргàл бáйна

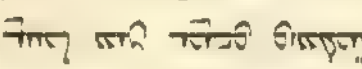

хамтӯ̀ цугласàн олонáй дундӯ̀


хӯрьúйн аплгус баринà

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

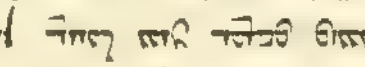

чжӯн лангāр ольчжѝ бáйги

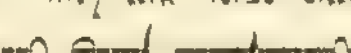

чжоболòн ӱгэ̀й мэндӯ̀ ябáги

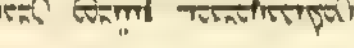

минъган лангāр ольчжи бáйги

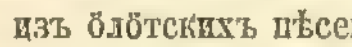
манцзӯ̀шри бурхан öрöшöги

c) изъ бöтскихъ пѣсенъ:

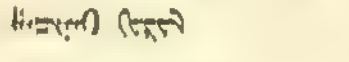

бухàн шачжиндàй гэрэ̀л

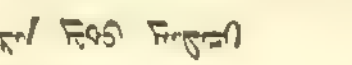

бӯ́м нарàн мэтӯ̀ мандачжѝ


богдò хāнай тöрȫ-ин

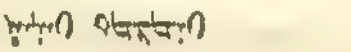

барӯн хадà мэтӯ̀ батудачжѝ

d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:


гхāралхáн-на унучжѝ,


гхэлэнъгэ́йн нāдум-ду ошúйя

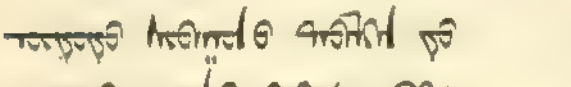
гхэтхильúйн нӱхӱ̄дэ̄н ӱзэчжѝ


гханáнн гхáйнн мэдӱ̄чжим.

γ) Какъ гласныя буквы такъ и согласныя въ стихотвореніяхъ имѣютъ значеніе чисто звуковое и въ составленіи стиховъ монголы не обращаютъ вниманія на различіе знаковъ, употребляемыхъ въ письменности иногда для выраженія положительно однихъ и тѣхъ же звуковъ въ языкѣ, а иногда для болѣе точнаго изображенія оттѣнковъ одного и того же звука. На этомъ основаніи гласные звуки *o* и *y* и согласные *к*, *г*, *х*, различаемые въ правописаніи монголовъ отдѣльными знаками для твердыхъ и мягкихъ звуковъ ихъ, въ стихотвореніяхъ принимаются безразлично; такъ что изображаемые знаками для твердыхъ гласныхъ

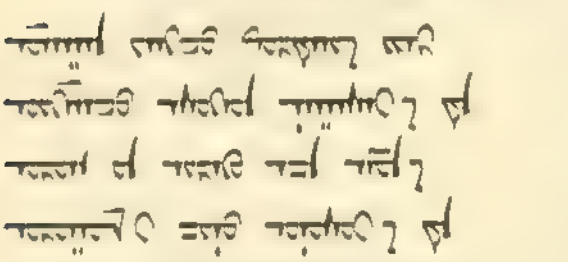
o и *y* и согласныхъ *к*, *г*, *х* считаются рюмами для таковыхъ же звуковъ мягкихъ, хотя послѣдніе и имѣютъ свое особое начертаніе. Напр.:

a) изъ халхаской пѣсни:



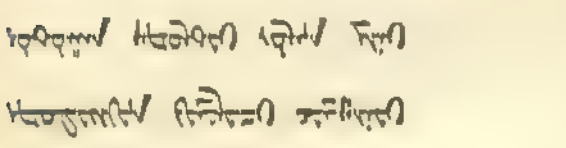
ӱдӱтӱ̄ шубӯнай дэбэлгэ́н-дӱ̄
ӱндӱ̄р ю̄пай даба̄ бѝ
ӧбӧро̄н шинчжихӱ̄ хӱмӱ́н-дӱ̄
орчила̀нъ ю̄пай̀ холо̀ бѝ

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ:



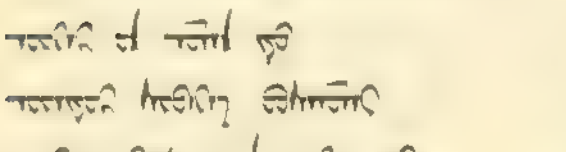
ула̄н я́нцзӯ дурдангар̄
ӱгӱ́льчжи эсэ̄т на̄сайяда̀
уругу́йн ирэхэсэ ӧмӧпӧ
урулы́йги чинѝ унусуйя̀ да̀

c) изъ ӧлӧтской пѣсни:



утуха̀н сӱ̄льтэ̀й ула̄н минѝ
ӱ̄дэйгэ̄н кэмэлэчжѝ цэмшинэ̀й
учиртà̀й ба̄хан эчжѝ минѝ
улум хо̀йпо-ни санакдана̀й.

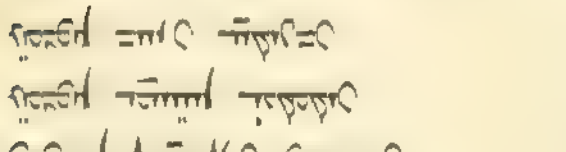
d) изъ бурятской пѣсни:



ӱхэры́йн олан-дӱ̄
ӱндӱ̄р шибэ̄ ботхола̀й
ӱйӗ̄ бага́йн эрхэ-дӱ̄
обо̄ хили́ алхула̀й

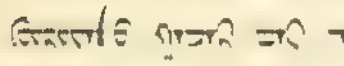
или въ примѣръ безразличія мягкихъ и твердыхъ согласныхъ:

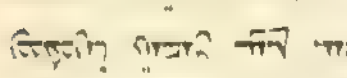
a) изъ халхаской пѣсни:

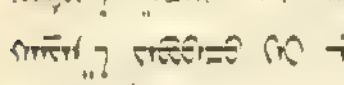


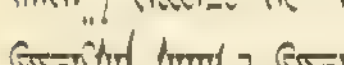
гурбӯ́н цагы́йги мэдэхчѝ
гурбӯ́п ула̄н июдӱ̄тэ̀й
гӱ̄бчин шумнусы́йги дарухчи
гэгэ̀н цага̀н сойо̄той.

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

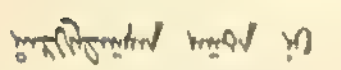

хӱрѣ гачжѝр чай арбинта̀й

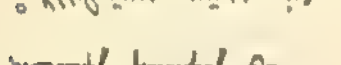

хӱдӧ̄ гачжѝр ма̀л арбинта̀й

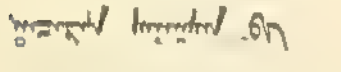

ха̀ яӧубу̀чиги хій моринта̀й

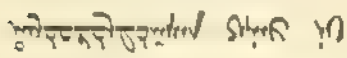

хӱсэсэ̀н сана̄ чинй гӱйцэтӱгэ̀й

c) изъ ӧлӧтскихъ пѣсенъ:

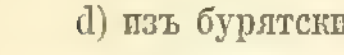

гаргй́лдасан акта̀-ни

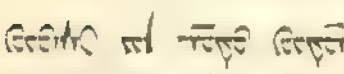

гацзара̄н санаса̀н бй̀

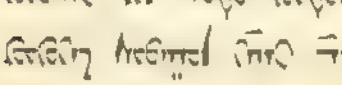

галӯрулдуса̀н ка̄нар-нй̀

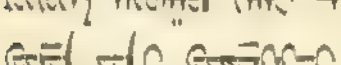

гэгэмсэ̀к таныйга̄н санаса̀н би

d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:


гӱишйѝн модӧ̀ хӱдӱ̀лгэхшй̀


хӱхӧ̄ шубӯи гэлэ̀й-лэ


хӱмӱ̀и зо́и-и хӱдӱ̀лгэхши


хаду́н хара̂ архй̀ бй́.

Вообще народныя пѣсни всецѣло основываютъ свои рнемы на законахъ произношенія словъ и совершенно не имѣютъ въ виду того выговора ихъ, который навязываетъ монгольской рѣчи литературное правописаніе. На этомъ основаніи въ народныхъ стихотвореніяхъ можно встрѣтить на ряду съ словами, начинающимися съ короткой гласной, слова, начинающіяся съ долгой, которыя, какъ можетъ казаться по внѣшнему виду начертанія и всецѣлому произношенію ихъ, не имѣютъ ни какого сходства и созвучія между собою: рнема получится только тогда, когда слово будетъ произнесено согласно живому выговору въ языкѣ народа. Это замѣчаніе распространяется не на одни только слова, начинающіяся съ долгихъ гласныхъ, но одинаково относится и ко всѣмъ тѣмъ, которые начинаясь короткими гласными звуками, измѣняютъ ихъ литературное произношеніе по законамъ ассими-

ляціи гласныхъ звуковъ въ устной рѣчи народа. Извѣстно также, что ассимилированіе гласныхъ слога отражается иногда въ живой рѣчи народа и на входящихъ въ составъ того же слога согласныхъ звукахъ: такимъ образомъ *цз*, будучи соединено съ *и* составляетъ по законамъ монгольскаго произношенія уже не слогъ *цзи*, а *чжи*. Если теперь въ народномъ выговорѣ *и* будетъ ассимилировано по законамъ созвучія гласныхъ слова, то оно измѣнятъ вмѣстѣ съ собою и согласную, обращая ее изъ *чж* въ *цз*. Посему литературныя слова „ᠴᠠᠭᠠ" „ᠴᠡᠪᠦᠷᠬᠠᠢ" звучащія въ народѣ какъ — цзаха, цзурухай, рифмуются со всѣми словами, начинающимися словами *цза*, *цзэ*, *цзо*, *цзу*, но не могутъ быть рифмованы съ тѣми, которыя, по свойству языка не измѣняютъ своего *чж* въ эти звуки; каковы „ᠴᠠᠷᠢᠮ" „ᠴᠡᠭᠡᠭᠡᠨ" и др. Иностранныя слова, искуственное изображеніе которыхъ потребовало въ свое время даже особой азбуки, извѣстной подъ именемъ галика, въ народныхъ стихахъ всегда рифмуются съ тѣми звуками, каковыми звучитъ ихъ собственное начало въ обыкновенномъ произношеніи простолюдина, хотя нельзя сказать чтобы какой нибудь простолюдинъ не понялъ этого слова, если бы оно было сказано ему и сохраняя въ полнотѣ звуки согласно его литературному начертанію. Вотъ примѣры для подтвержденія всего сказаннаго и прежде всего относительно рифмованія словъ начинающихся съ долгихъ гласныхъ звуковъ:

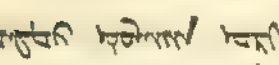
a) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

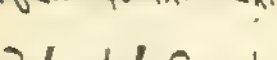
ᠤᠰᠤᠭᠤᠨ ᠤᠰᠤᠭᠤᠨ ᠤᠯᠠᠭᠠᠨ ᠤᠨᠢ	ушугун, ушугун улаан ин
ᠤᠯᠠᠭᠠᠨ ᠲᠤ ᠬᠥᠳᠥᠭᠡᠨ ᠬᠦᠳᠦᠯᠭᠡᠲ	улаан тӧсу хӱдӱлгэ̄т
ᠤᠷᠳᠠ ᠰᠤᠮᠤᠨᠠ ᠴᠠᠩᠭᠠ ᠤᠨᠢ	урда̀ сумына̀й цзангы̀-ин
ᠤᠬᠠᠨ ᠴᠡᠭᠦᠷᠬᠡᠢᠭᠢ ᠮᠢᠨᠤ ᠪᠤᠯᠢᠶᠠᠭᠠᠲ ᠃	ухā̀н цзӱрӱхэ̀йги минӳ̀ буля̀гат

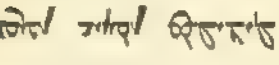
b) изъ чахарскихъ пѣсенъ:

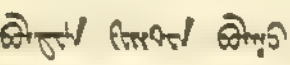
ᠤᠶᠢᠨ ᠭᠡᠰᠡᠨ ᠳᠤᠷᠠᠨ ᠳᠤ ᠴᠢᠨᠤ	ӱйы̀ гэсэ̀н дуран-ду̀ чинӳ̀
ᠤ ᠴᠠ ᠭᠠᠢ ᠳᠤ ᠪᠠᠷᠢᠯᠠ᠂	ӯ-чжа-на̀йги барила̄

c) изъ ӧлӧтскихъ пѣсенъ:

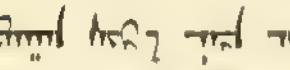

ӧндӧр ӯлаин оргӣл дэ̄гурэ̀сэ

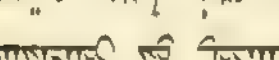

ӧлэн цасӯ будара̄т

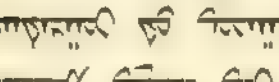

ӱбӯль-дэ̄п кэ́йтэп болхӯ гэ̀м-маин

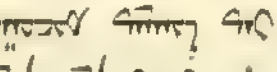

ӧсӧсӧ̀н дулаха̄н нутук-та̄н харипа̀й би.

d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:


улаа̄н шара̀ ха́ран ни

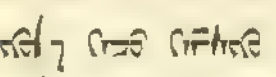

октогрсо̀й-ду туя̄ра̄т

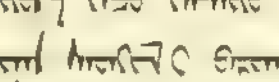

ӯчжим дэлэнътэ̀й бурхан-да̄п

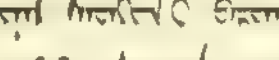

олсо̀н цзула̀ барӣя̀

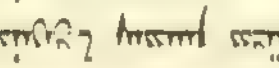
Какъ примѣръ рнѳмованія короткихъ гласныхъ согласно произношенію ихъ въ живомъ языкѣ народа, а не изображенію въ письменности, можно указать на̄ слѣдующіе образцы:

a) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

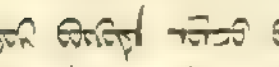

ӱбӯтбэ̀чиги цзобохӯ ӱгэ̀й

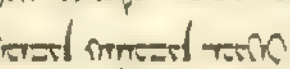

ӱхӱнэ̀ гэчжѝ гэмшихӯ угэ̀й

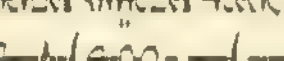

ӱнэ̀п сэтхилӣ барихчѝ

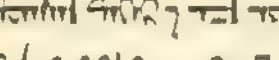

унэ̄рэ̀ са̀йхан чжиргалта̀й би

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

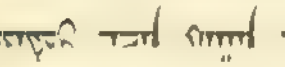

ӱдӯр бӱгӱдэ̀ олчжѝ ба́йги

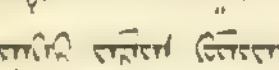

ӱбӱчѝн хӯчин угэ̀й мэндӯ ибаги

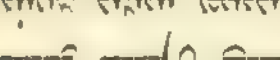

олосо̀п дэ̄рэ̄сэ ни олчжѝ ба́йги

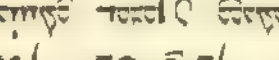

олсо̀н дэ̄шэ̄п мандачжѝ ба́йги.

c) изъ бурятскихъ пѣсенъ:

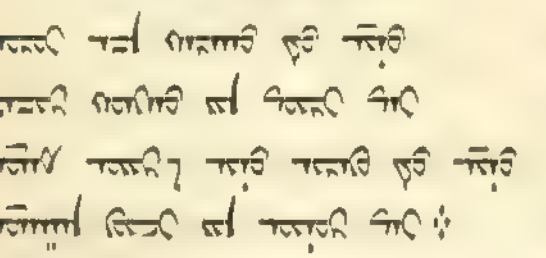

ӱндӯр эзэ̀п хаа̄гха


ӱнэхэ̀р зарлѝк хӱлѣ̄чжи


ӱнэнтӯ орои-нѝ бӱтэ̄гхэн

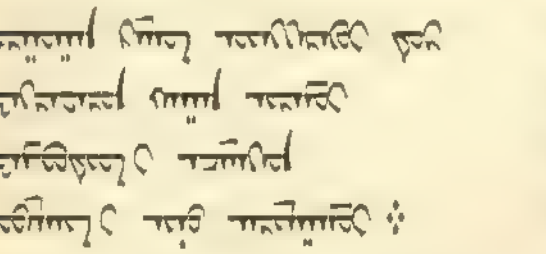

ӱбӱгӱ̀н хамбо̄ ламаха̀й.

Наконецъ рѳмованіе иностранныхъ словъ не по письменному ихъ произношенію, а по выговору народа, видимъ въ слѣдующей строфѣ бурятской пѣсни:



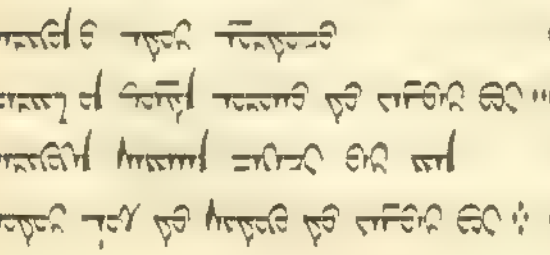
оройгӧсо харахӱ-ду минӣ
ошӣр хонъхӧйн дӱритэй
улӑм ӧйра ни прэхӱ дӱ минӣ
улӑн хӱчжӣйн ӱнӱр-тэй.

или еще — примѣръ, взятый мною изъ халхаскаго народнаго стихотворенія, носящаго названіе «Орчилапъ-эцэ уйтху пэрэту сургал»:



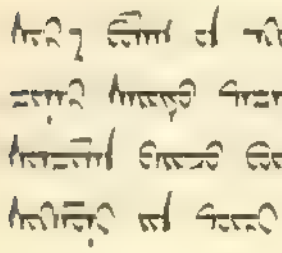
цзургӑн галӑб ӱшгӱрэхӱй-дӱ
цзагарвадӧн хӑн прэмӱй
цзамбутӣби эцзэлэ̄т
цзоболонгы̆й ни арилгамӱй.

Такъ какъ всѣ племена, говорящія различными нарѣчіями монгольскаго языка, составляютъ свои стихотворенія по этому общему закону — основывать рѳму на созвучіи словъ въ произношеніи народа, то еще большее уклоненіе отъ литературной правильности правописанія и произношенія словъ, составляющихъ рѳму, замѣчается въ народныхъ стихотвореніяхъ отдѣльныхъ монгольскихъ племенъ. Хоринскіе Бурята напр., по особенности своего нарѣчія, произносятъ монгольскій звукъ *ц* какъ *с* и *ч* какъ *ш*; на этомъ основаніи и въ стихотвореніяхъ ихъ слова, начинающіяся съ звука *ц*, служатъ рѳмою къ словамъ, начинающимся съ *с* и имѣющія въ началѣ согласную *ч* принимаются за однозвучныя съ начинающимися звукомъ — *ш*. Напр.:



сэрюнэй ӱдӱр мордочжӣ
«сэрнгы̆йн дунду орохӱ ду ямӑр би
сэрюхэн сӑйхан сэ̄чжирэ̄рэ
судӱр нӧм-ду шӱтӱхӱ дӱ ямӑр би

Какъ образецъ второй особенности языка, по которой звукъ *ч* является гармонирующимъ *ш* представляемъ слѣдующую строфу:

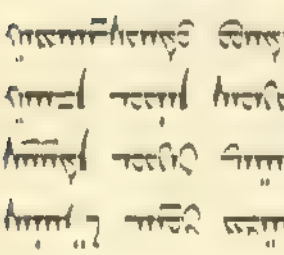


шарà булугàй эхин-дӳ
шанàр сàйту дасàнъ би
шинчжилэ̀н бàйчжи бӳтэ̀сэн
шигэмӳнӣйн дӳрӣ лэ

Отъ разсмотрѣнія состава рѣчемъ монгольскихъ народныхъ стихотвореній перейдемъ теперь къ способамъ расположенія ихъ въ строфахъ. Въ представленныхъ примѣрахъ мы уже могли наблюдать эти способы хотя и не въ достаточной полнотѣ и ясности; а потому скажемъ, что монгольскіе стихотворцы любятъ риомовать и по большей части риомуютъ цѣлыя строфы въ своихъ стихотвореніяхъ однимъ начальнымъ звукомъ, — этотъ, самый обыкновенный способъ расположенія риомъ болѣе всего и видѣли мы въ представленныхъ примѣрахъ. Кромѣ же сего риомы чередуются иногда въ различныхъ порядкахъ, а именно:

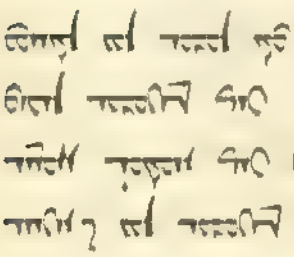
а) соединяютъ въ строфѣ непосредственно два стиха одною буквою, и два стиха другою. Напр.:

изъ халхаскихъ пѣсенъ:



гайхамшӣктӳ богдойгàн
гахцà ӳнэ̀н сэтхилэ̀р
салалтà ӳгэ̀й дагамнàй
сана̀ амӳ̀р чжиргайà

изъ чахарскихъ пѣсенъ:



богдóйн орон-дӳ̀ ӯлчжинà гэчжӣ
байн йӧрӧ̄льтӧй
алӳ̀с цутук-тàй болбачиги
анъхáйн йӧрӧ̄льтӧй

изъ ölötскихъ пѣсенъ:

эпэ̀ цагы́йн цо̄б-тöни	
э́йми ламар учира̄т	
са̄т зэткэ̀р ари́льчжи	
сàйхан тӱ̈ндӱ̈ мöргöйѣ̀	

изъ бурятскихъ пѣсенъ:

тугулы́йн анъга́йма халӯн- ду	
тӯрга́йн хэ́йсэмэ сальхи́н-ду	
ани-да̀ мордосо̀н аха́йга̄	
амурха̀н мэндӱ́йги-ни дӯла̄сай би.	

б) чередуютъ рѣчи перемѣшивая ихъ одна другою. Напримѣръ:

а) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

тунъгала̀к хöхö охторго̀й	
хо̀б хо̄суи байтала̀	
тупума̀л цага̀н ӱ̈лэн-ни	
хэ́н ха̄на̄са цокцалаба̀й.	

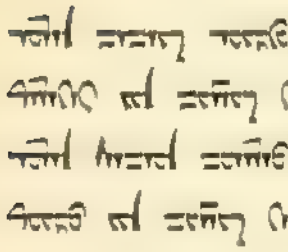
b) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

насӱ́н насӱ́н-да̄н чжирачжѝ яба̀	
ӱ̈рэ ачила̄ран сайха̀н нӱ́чжи	
пара̀н тэнъгрѝ ӱ̈рушіѣкдэ̀	
ӱ̈льчжѝ хутӱ́к орошига̀й	

с) изъ ölötскихъ пѣсенъ:

асагату́йн чинѝ ца́сунни	
ӱ̈ѣрлэ̀н ӱ̈ѣрлэ̀н уруена̀й	
амара̀к дагина́нн а̄ба-да̄н	
ӱ̈зӱ́мы́йн дэ̄чжійги амсӯлана̀й-би	

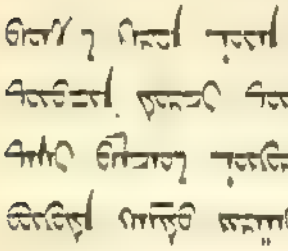
d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:



олӧн цэцэ̀к ургубà̀ла
дэлэхэ̀йн шимэ̀к гэдэ̀к бӥ̀
олӧн сэсэ̀т цуглабà̀ла
тӱрӯ̀йн шимэ̀к гэдэ̀к бӥ̀

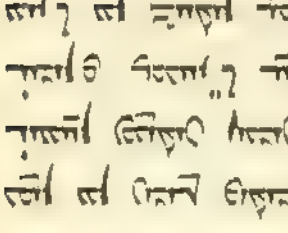
в) соединяютъ на ряду два средніе стиха подъ одною рѳмою, начальному же стиху даютъ созвучіе съ конечнымъ. Напр.:

изъ халхаскихъ пѣсенъ:



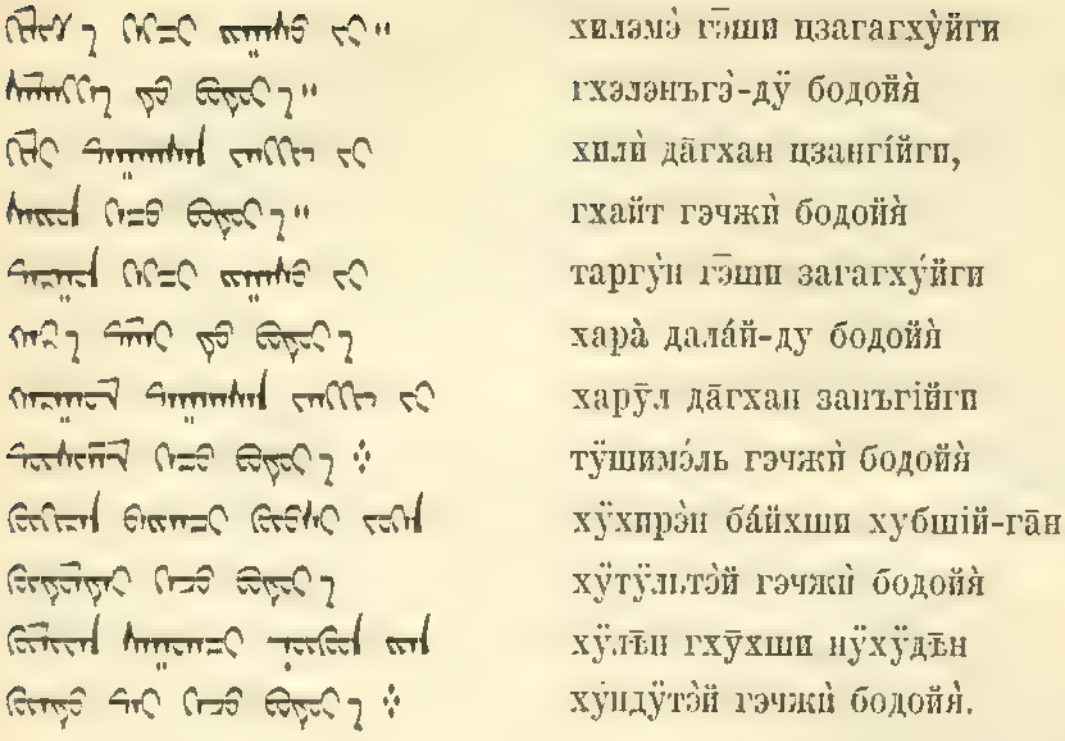
бадмà-гарвà ноинтà̀й
дубчӥ̀н-дорчжӥ̀ тӱшимэ̀льтэ̀й
дашӥ̀ балчжà̀б нӱхӱртэ̀й
бӱгӱдэ̀ хамтӯ чжиргайя̀.

изъ бурятскихъ пѣсенъ:



цзахà̀йн ӱндӯ̀р модон-дӯ̀
наранà̀й гэрэ̀ль мандана̀
на̀йман хӱльтэ̀й ширӭ̀н-дӯ̀
цзулà̀йн гэрэ̀ль бадарана̀.

Въ заключеніе трактата о рѳмахъ нужно замѣтить, что единственно только въ силу того, что монголы болѣе всего любятъ соединять строфы стиховъ одною буквою, можно встрѣчать у нихъ стихотворенія, написанныя по одному пріему; въ большинствѣ же случаевъ стихотворенія ихъ никогда не послѣдуютъ одному какому либо принятому расположенію рѳмъ въ стихахъ. Иначе сказать, монгольскіе стихотворцы никогда не стѣсняются измѣнять въ своихъ стихотвореніяхъ способъ расположенія рѳмъ, принятый ими въ первой строфѣ: они пишутъ одну строфу по одному способу, другую по другому, третью по третьему и т. д. Вотъ для примѣра нѣсколько строфъ изъ бурятской пѣсни:



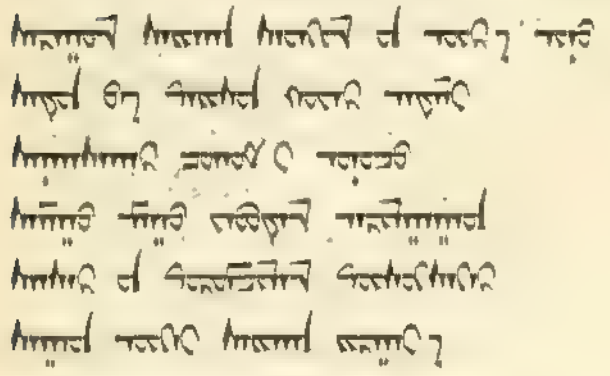
хилэмэ гэшш цзагагхүйги
гхэлэнъгэ-дү бодойя
хилй дагхан цзангийги,
гхайт гэчжй бодойя
таргүй гэшш загагхүйги
хара далай-ду бодойя
харүл дагхан занъгийги
түшимэль гэчжй бодойя
хүхпрэш байхши хубший-ган
хүтүлтэй гэчжй бодойя
хүлэн гхүхши нүхүдэн
хүндүтэй гэчжй бодойя.

Какъ видно изъ этого примѣра всѣ три строфы, рядомъ стоящія въ стихотвореніи, представляютъ собою три отдѣльные пріема расположенія риѳмъ; въ первой строфѣ мы видимъ перемѣжающееся попарное соединеніе поэтическихъ строкъ риѳмами; во второй — риѳмы поэтическихъ строкъ представляются соединенными въ срединѣ; третья строфа имѣетъ у себя всѣ четыре стиха соединенными однимъ слогомъ. Эта непослѣдовательность не составляетъ даже и исключительнаго свойства стихотвореній народныхъ, но всецѣло имѣетъ свое мѣсто и въ литературныхъ произведеніяхъ монголовъ: наблюдать это мы можемъ въ любомъ йӧрӧлѣ, макталѣ и цзалбарилѣ, написанныхъ въ стихотворной формѣ.

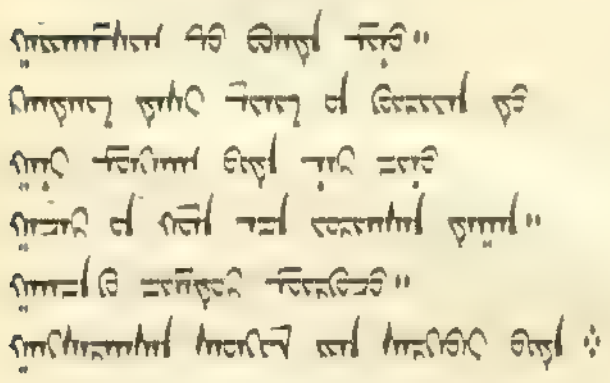
Пѣсни и стихотворенія монголовъ, подобно и европейскимъ произведеніямъ этого рода, дѣлятся на строфы (шүлүкъ), которыя по большей части составляются изъ четырехъ отдѣльныхъ стиховъ (бадакъ). Образцы сего мы уже достаточно видѣли въ представленныхъ примѣрахъ, которые всѣ представляли собою строфы, состоящія изъ четверостишій. Впрочемъ иногда строфы заключаютъ въ себѣ и пять стиховъ, а иногда и шесть, при чемъ то и другое количество одинаково замѣчается какъ въ народныхъ

стихотворныхъ произведеніяхъ, такъ равно встрѣчается и въ литературныхъ стихотвореніяхъ монголовъ. Напр.:

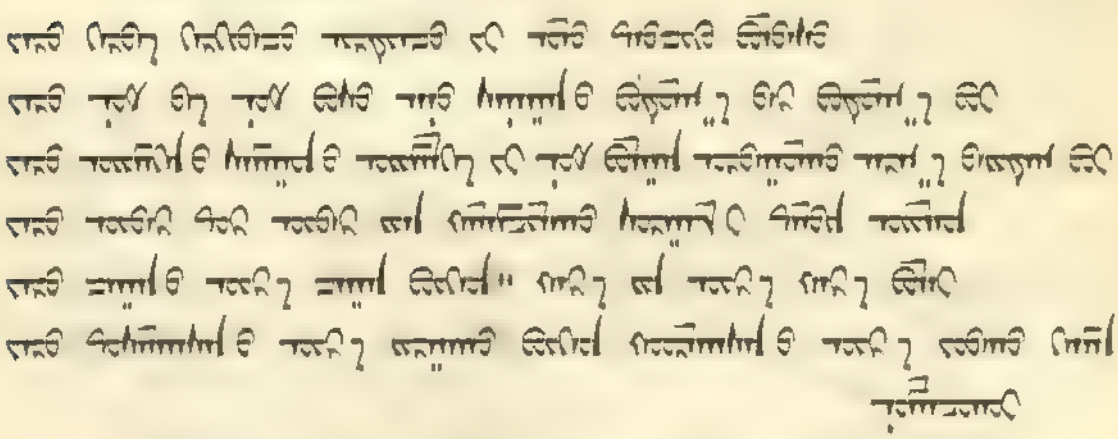
a) изъ народной халхаской пѣсни:



b) изъ бурятской пѣсни:

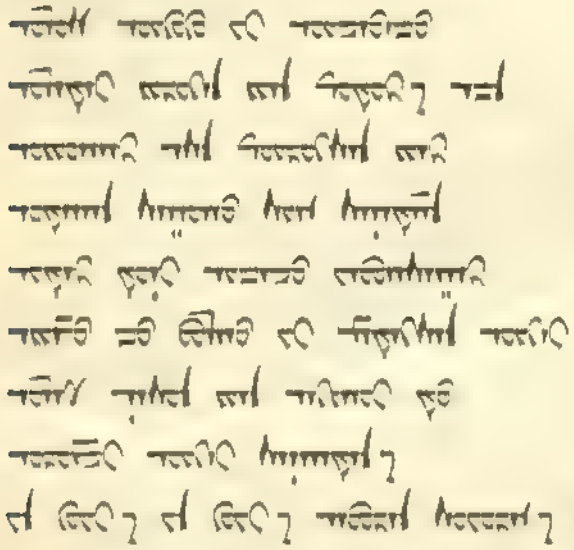


c) изъ біографіи Цзонъхавы:



Болѣе шести стиховъ въ строфѣ бываетъ рѣдко и по большей части строфы такой величины встрѣчаются тогда, когда въ стихотвореніе вводятся припѣвы, которые поставляются обыкновенно или за шестымъ или за восьмымъ стихомъ. Въ послѣд-

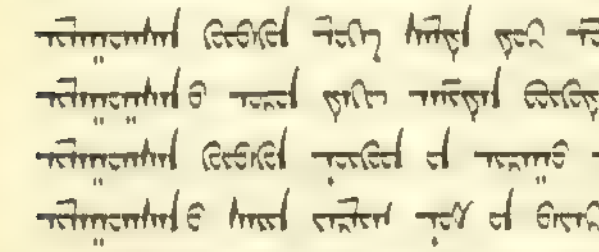
немъ случаѣ будетъ однако едва ли не вѣрнѣе предположить, что припѣвъ повторяется черезъ двѣ строфы, или черезъ два четверостишія и не считать одну строфу состоящею изъ восьми стиховъ. Къ этому положенію приводитъ насъ съ одной стороны то соображеніе, что эти восемь стиховъ никогда не соединяются одною риомою и гармонія ихъ начальныхъ звуковъ дѣлится по большей части на два четверостишія, съ другой весьма часто можно встрѣтить, что припѣвы эти, слѣдующіе во всей пѣснѣ за восьмистишіемъ, въ началѣ или въ концѣ стихотворенія заключаютъ собою строфы, состоящія только изъ четверостишій. Въ примѣръ такихъ строфъ изъ восьми стиховъ представляемъ слѣдующую:



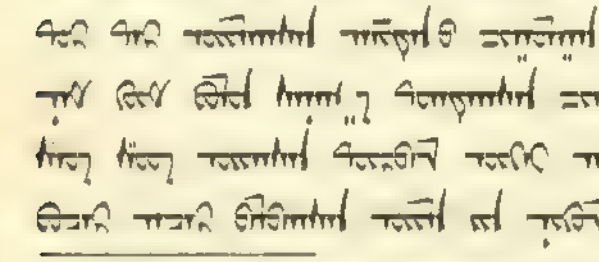
Законы тибетскаго стихосложенія, усвоенные монголами и привзошедшіе въ монгольскую литературу, отличаются большею требовательностію искуства. По первоначалу они безъ сомнѣнія были гораздо болѣе трудны для монголовъ къ выполненію чѣмъ ихъ собственныя правила стихотворства, но за то они принесли съ собою болѣе изысканные пріемы, и сдѣлали рѣчь монгольскихъ литературныхъ стихотвореній гораздо болѣе витіеватою и гибкою, чѣмъ видимъ мы ее въ сочиненіяхъ прозаическихъ, или въ образцахъ народной поэзіи. Отсутствіе всякихъ изслѣдованій о законахъ тибетскаго стихосложенія не дозволяетъ мнѣ ничего сказать о томъ, въ какой степени воспользовались ими монголы, т. е.

перенесли ли они всѣ ихъ сполна на свою почву, или усвоили себѣ только извѣстную часть ихъ; поэтому оставляя въ сторонѣ помянутый вопросъ, я считаю долгомъ указать только на тѣ пріемы тибетскаго стихосложенія, которые усвоили себѣ монголы по преимуществу и которые потому болѣе часто могъ я наблюдать при чтеніи разнаго рода монгольскихъ сочиненій. Пріемы эти слѣдующіе:

a) Вмѣсто того чтобы по законамъ монгольскаго народнаго стихосложенія рифмовать бадакъ начальнымъ слогомъ, или даже начальною согласною перваго слова, стихи (бадакъ) литературныхъ произведеній, взятыхъ съ тибетскаго, рифмуются всѣмъ начальнымъ словомъ; иначе сказать: по этому закону, въ четырехъ бадакахъ строфы начальное слово должно быть одно и тоже. Примѣръ сего мы уже могли наблюдать въ вышепредставленномъ образцѣ строфъ, состоящихъ изъ шести стиховъ, а равно и въ четвертой строфѣ стихотворенія — похвалы У-тай-шан'у; теперь же представимъ образецъ такого же четверостишія изъ извѣстнаго у Халхасовъ и въ средѣ вашихъ Бурятъ стихотворенія, составленіе котораго приписывается у нихъ Цзонъхавѣ *). Авторъ приноситъ поклоненіе Маньцзушри въ слѣдующихъ словахъ:

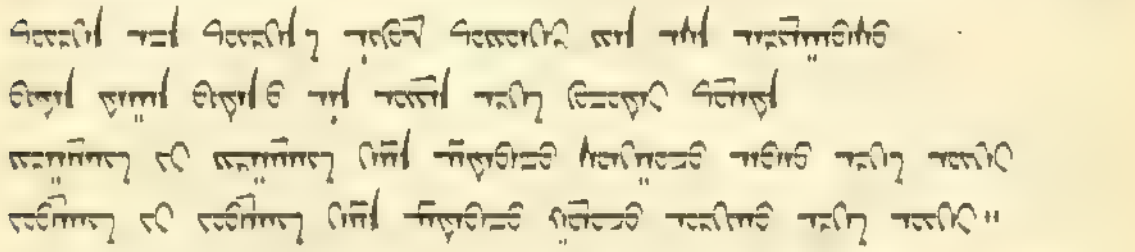


b) Оставляютъ совершенно рифму въ смыслѣ созвучія звуковъ начальныхъ слоговъ и въ замѣнъ сего въ началѣ каждаго стиха поставляютъ по два звукоподражательныхъ слова. Напр.:

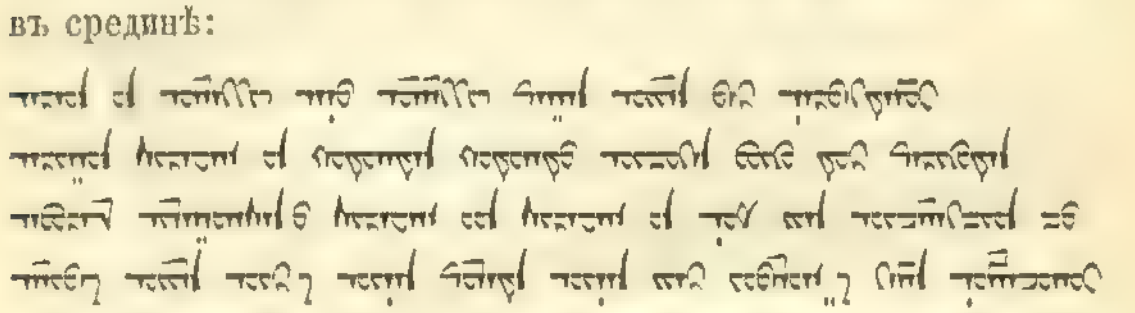


*) Богда цзонкавайн цзохіяхсан шүлүк орошибай — въ рукописи имѣется въ моей библіотекѣ.

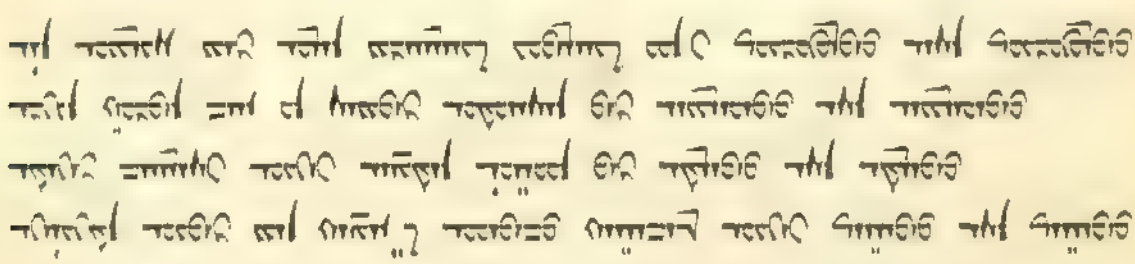
c) Подобнымъ образомъ употребляютъ попарное соединеніе одинаковыхъ словъ въ каждомъ отдѣльномъ бадакѣ; при томъ соединеніе это можетъ быть весьма разнообразно по своему положенію въ общемъ составѣ стиха: оно можетъ занимать мѣсто иногда въ началѣ, иногда въ срединѣ, а иногда и въ концѣ. Напр. въ началѣ:



въ срединѣ:

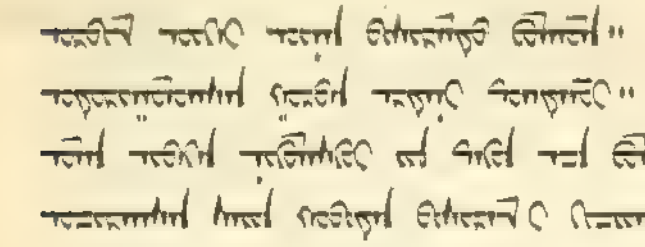


Какъ можно замѣтить въ этомъ послѣднемъ четверостишіи кромѣ соблюденія принятаго отъ тибетцевъ пріема попарнаго соединенія двухъ одинаковыхъ словъ соблюдается еще и основной пріемъ монгольскаго стихосложенія рпомовать рѣчь начальнымъ звукомъ каждаго стиха. Подобное обоюдное согласованіе пріемовъ тибетскаго и монгольскаго стихосложенія находимъ и въ слѣдующемъ стихѣ, гдѣ попарное сочетаніе одинаковыхъ словъ полагается въ концѣ:



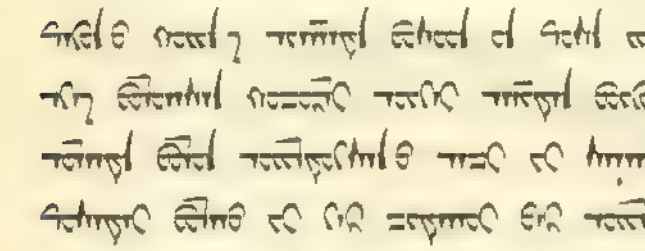
Замѣчаются и еще особые пріемы парнаго соединенія словъ, по которымъ иногда во всемъ стихотвореніи отдѣльные стихи, изъ которыхъ составлены его строфы, оканчиваются одними и тѣми же словами.

Такъ въ біографіи Райчжунба-хутухты:

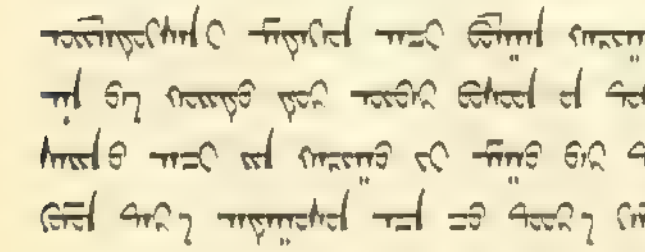


Во всемъ стихотвореніи, первая строфа котораго сейчасъ представлена, проходитъ та особенность, что второй стихъ каждой строфы оканчивается словомъ «токтамуй», третій — «боломуй-цза», четвертый — бүгүдэгэр:

Иногда парное соединеніе словъ выражается въ томъ, что каждый бадакъ или стихъ въ строфѣ долженствуетъ начинаться и оканчиваться однимъ и тѣмъ же словомъ. Такова напримѣръ слѣдующая строфа изъ вышеупомянутаго стихотворенія Цзонхавы:



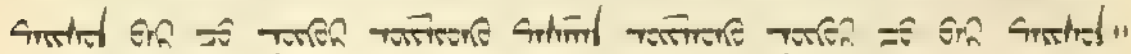
Или же конечное слово перваго стиха въ строфѣ бываетъ тѣмъ самымъ, которымъ начинается второй стихъ ея, въ свою очередь оканчивающійся тѣмъ словомъ, которымъ начинается третій и такъ далѣе по всей строфѣ. Напр.:



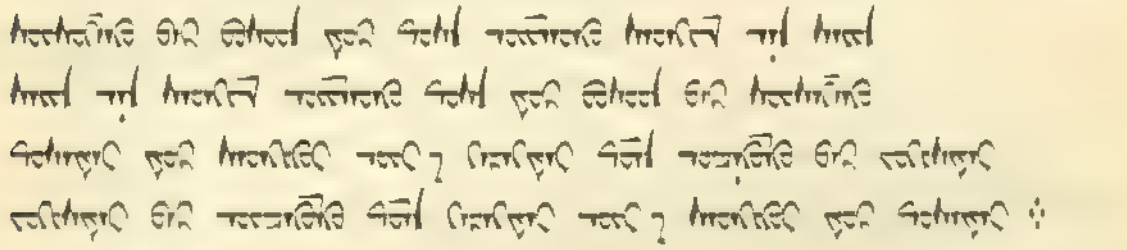
*) Хатагу чинъ цзорикту бэрхэ хатагучилъ йэр гакцахан насун даган номун бэйги олохсан Богда Милайн хамук хубэгуд'ун манълай алдарцихсан богда райчжунба вачир'ун гайхамшикту бэлгэ билиг'ун гэлэн толи нэрэтү түчжи орошиба. Глава 10 Л. 4-й.

**) Богда Цзонъхабайн цзохіясанъ щүлүк.

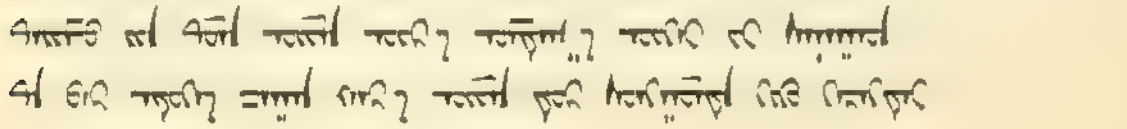
Наконецъ вѣнцемъ попарнаго соединенія строфъ въ стихахъ является пріемъ, по которому каждый стихъ строфы раздѣленный по поламъ одинаково читается съ начала и съ конца. Напр.:

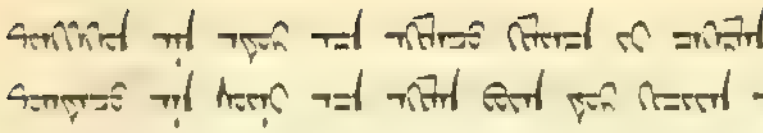


Пріемъ этотъ практикуется не только по отношенію отдѣльныхъ стиховъ, но и цѣлыхъ строфъ. Яснѣе сказать, существуютъ такого рода строфы, въ которыхъ первый стихъ состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ словъ, которыя составляютъ и второй стихъ, только въ этомъ послѣднемъ они должны быть прочитаны на оборотъ. Напр.:

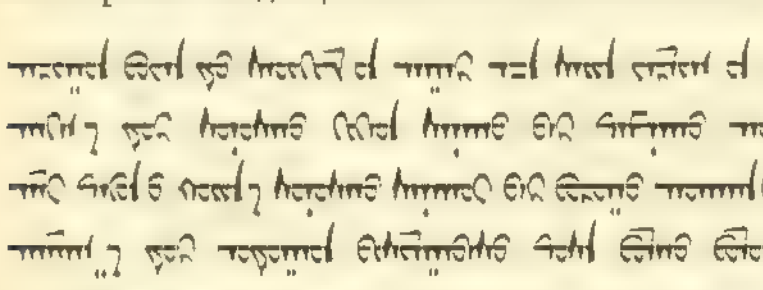


Такого рода ухищренные пріемы встрѣчаются однако въ переводахъ довольно рѣдко, безъ сомнѣнія потому что они трудны для выполненія; гораздо чаще въ переводныхъ стихахъ литературы монгольской соблюдается основной законъ монгольской рѣчи, т. е. соединеніе начальныхъ звуковъ первыхъ словъ стиха будутъ ли эти звуки гласными или согласными, какъ на это я уже указывалъ въ нѣкоторыхъ предыдущихъ примѣрахъ. Однако при внимательномъ разсмотрѣніи стихотвореній, составленныхъ по сказанному пріему, оказываются и въ этомъ случаѣ нѣкоторыя особенности, не встрѣчаемыя въ образцахъ монгольскаго народнаго стихотворства. Такъ въ нѣкоторыхъ изъ литературныхъ стихотвореній, при соединеніи всѣхъ стиховъ одной строфы единствомъ начальной согласной въ то же время поставляютъ за правило не повторять слѣдующихъ за этою согласною гласныхъ звуковъ, но послѣдовательно измѣнять ихъ въ каждомъ стихѣ строфы, Напр.:





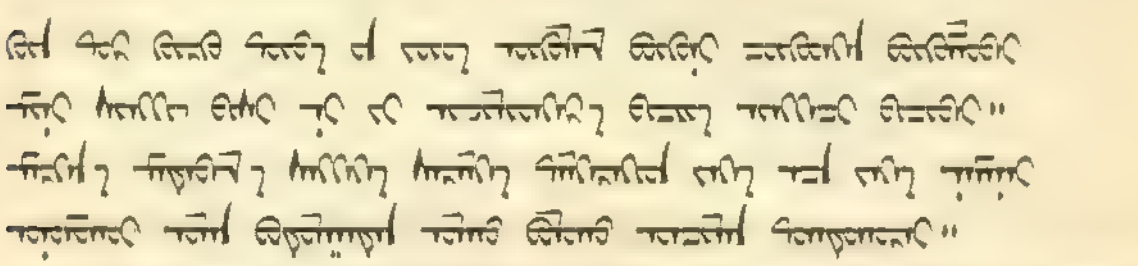
Рифма этой строфы составляется согласнымъ звукомъ «т» единымъ для начала каждаго стиха, но, какъ сказано уже выше, стихотворецъ задался цѣлою разнообразить соединяющіеся съ этимъ — *т* гласные звуки, оттого начальный слогъ въ первомъ стихѣ этой строфы его стихотворенія есть *тэ*, во второмъ — *та*, въ третьемъ — *ти* въ четвертомъ — *то*. Послѣдовательность гласныхъ при выполненіи этого пріема бываетъ весьма разнообразна, и опредѣленнаго азбучнаго порядка ихъ, стихотворцы не держатся, кажется, никогда; что же касается положенія слоговъ, составляющихъ такого рода рифму, то его можно встрѣчать въ различныхъ стихотвореніяхъ какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ стиховъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ стихахъ по большей части соблюдается въ началѣ монгольской законъ стихосложенія, основывающійся на единозвучіи начальныхъ слоговъ, а въ концѣ исполняется сказанный тибетскій пріемъ единства согласныхъ послѣдняго слога, при не повторяемости въ разныхъ стихахъ той же строфы входящихъ въ составъ этихъ слоговъ гласныхъ. Напр.:



Конечные слоги въ стихахъ этой строфы суть: въ первомъ — *тэ*, во второмъ — *та*, въ третьемъ — *ту* въ четвертомъ — *то*.

Этотъ послѣдній пріемъ созвучія согласныхъ въ концѣ стиховъ встрѣчается однако чрезвычайно рѣдко, потому что монгольскіе стихотворцы главное вниманіе обращаютъ на рифму первоначальнаго слога въ стихѣ и около этого начальнаго слога группируются по преимуществу всѣ особенности ихъ стихосложенія. Такъ, обращая вниманіе на особенности этихъ первыхъ слоговъ и отношеніе ихъ къ послѣдующимъ слогамъ стиховъ, мы замѣ-

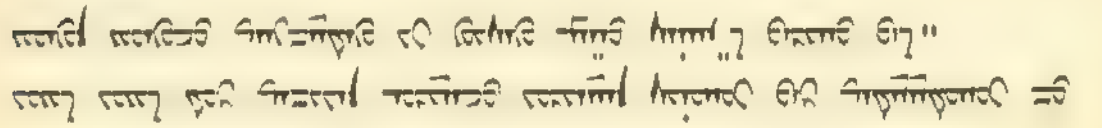
тили и еще одинъ пріемъ, по которому стихотворцы, удерживая разнообразіе гласныхъ звуковъ перваго слога въ стихахъ, иногда берутъ еще на себя задачу провести эту начальную гласную перваго слога въ стихѣ по начальнымъ слогамъ всѣхъ словъ входящихъ въ составъ этого стиха. Напр.:

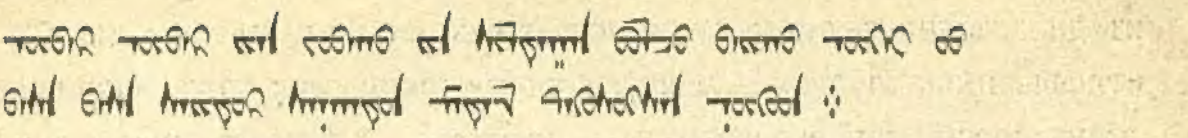


При такой ухищренности законовъ стихосложенія составители стихотвореній у монголовъ естественно должны были для удовлетворенія ихъ прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ изворотамъ рѣчи и мы дѣйствительно замѣчаемъ весьма многое противорѣчащее истинной чистотѣ, точности и ясности языка даже въ произведеніяхъ народнаго творчества. Еще въ большемъ количествѣ такого рода поэтическія волности выступаютъ въ литературныхъ стихотвореніяхъ монголовъ и въ стихахъ переведенныхъ съ тибетскаго. Соблюденіе чуждыхъ языку законовъ рѣчи заставляютъ здѣсь переводчиковъ прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ для удовлетворенія требованіямъ рѳомы и внѣшнихъ красотъ изложенія. Съ этою цѣлью они мѣшаютъ здѣсь разговорныя выраженія съ литературными, употребляютъ всякаго рода провинціализмы на-равнѣ съ формами рѣчи, принятыми исключительно въ языкѣ книжномъ, наконецъ навязываютъ въ предложеніе слова и формы совершенно произвольно въ ущербъ правильному и плавному теченію рѣчи и ясности ея смысла. Примѣры всего этого мы безъ труда можемъ видѣть въ представленныхъ уже образцахъ и для своихъ указаній возьмемъ двѣ строфы, изъ которыхъ въ одной указывается способъ соединенія стиховъ единствомъ согласной начальнаго слова при различіи слѣдующихъ за нею гласныхъ, а во второй представляется образецъ того, какъ гласная начальнаго слова перваго стиха проводится по всѣмъ начальнымъ слогамъ словъ, входящихъ въ составъ этого

стиха. Разсматривая первую изъ этихъ строфъ, мы находимъ въ ней на-равнѣ съ чисто-литературными оборотами какъ «тэймуйи тула», извращенное быстротою народнаго выговора выраженіе «гинъгэт» (вм. тэйи гэгэт) въ слѣдующемъ за симъ бадакѣ того-же шўлўка начальное слово «тохточжу» стоитъ какою то угловатою одиночкою, не имѣя ни какой внѣшней связи съ общимъ ходомъ рѣчи. Очевидно, что стихотворецъ хотѣлъ здѣсь выразить мысль «рѣшившись воздерживаться отъ грѣховъ», но въ такомъ случаѣ ясность рѣчи требовала, чтобы предыдущій глаголъ «уйлэт» стоялъ не въ повелительномъ наклоненіи, а имѣлъ бы форму отглагольнаго существительнаго, связь котораго съ глаголомъ «тохточжу» выражалась бы винительнымъ падежемъ по требованію этого глагола. Всѣми этими условіями правильности рѣчи переводчикъ очевидно пожертвовалъ ради соблюденія ухищренныхъ пріемовъ стихосложенія. Въ другомъ указанномъ мною примѣрѣ находимъ также перемѣшанными выраженія литературныя и разговорныя, каковы напр, чисто народныя слова «шинъги» вм. литературнаго «мэту»; «бишп» — вм. «бусу»; ингэчжи вм. эйи гэчжу и др.

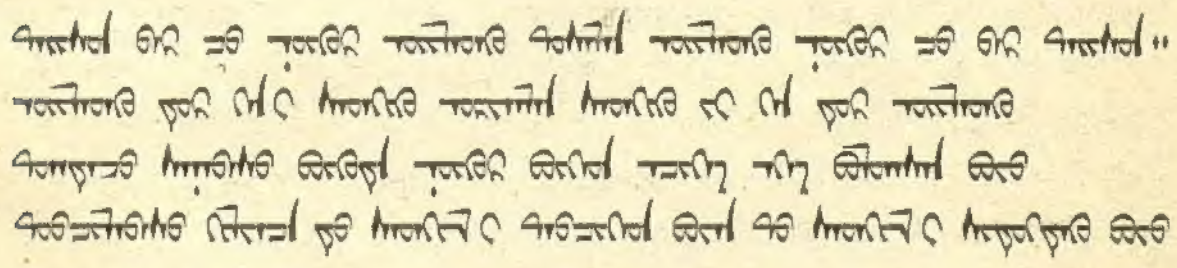
Такого рода поэтическія вольности встрѣчаются рѣшительно при каждомъ пріемѣ стихосложенія, но какъ, по общему міровому закону, чѣмъ больше требованій тѣмъ больше опущеній, — отступленій отъ правильности языка встрѣчается конечно больше въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя ставятъ себѣ болѣе трудныя задачи въ искуственномъ сочетаніи словъ и звуковъ. Такимъ образомъ если уже при требованіи сочетанія единственно слоговъ мы находили противорѣчіе правильности построенія рѣчи, то мы можемъ съ достовѣрностію предположить существованіе тѣхъ же самыхъ противорѣчій и въ тѣхъ стихахъ, которые требуютъ сочетанія не слоговъ, а цѣльныхъ словъ. Оно такъ и оказывается въ дѣйствительности. Напр.:





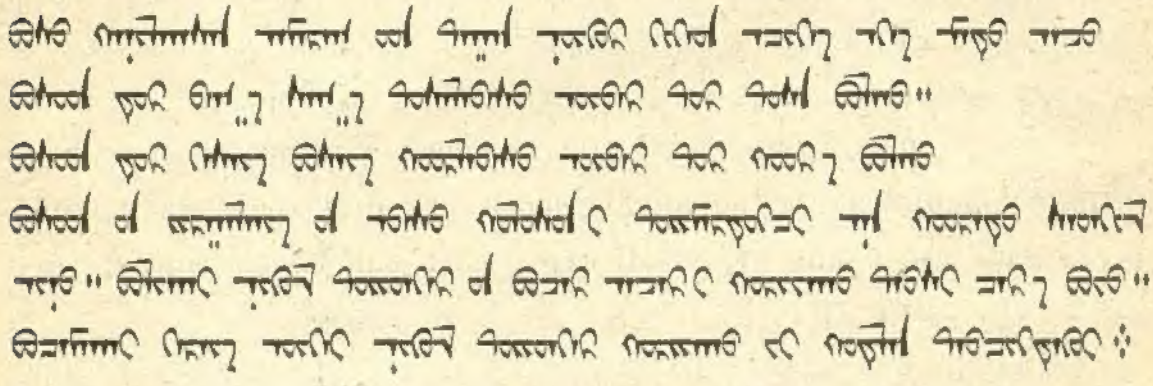
Слова: «мэдэл тэгусўхсэн нўгўт», такъ какъ составляютъ они подлежащее предложенія, никогда не могутъ занимать въ немъ послѣдняго мѣста: отступленіе это допущено очевидно вслѣдствіе необходимости выполнить принятый переводчикомъ способъ стихосложенія. Ту-же неправильность въ расположеніи словъ мы находимъ и въ другихъ представленныхъ нами образцахъ, а именно: таково положеніе послѣдняго слова «бўгўдэгэр» въ строфѣ стихотворенія, заимствованнаго нами изъ біографіи Райчжунбахутухты (см. выше стр. 340 стр. 5-я); или слова «окто» (стр. 342 стр. 23) и др.

Наконецъ, говоря о переводныхъ литературныхъ стихотвореніяхъ монголовъ, нельзя не сказать, что монголы иногда, будучи не въ состояніи совладать совершенно съ принятыми въ строфѣ пріемами стихотворенія чужаго языка и не желая опустить выражаемой въ этой строфѣ мысли, часто оставляютъ въ своихъ переводахъ извѣстный стихотворный пріемъ на половинѣ строфы и дальнѣйшую рѣчь продолжаютъ по законамъ своего роднаго стихосложенія; иногда наконецъ они и вовсе прерываютъ стихотвореніе и на половинѣ строфы низводятъ изящную, гармоническую рѣчь на степень простой прозы. Прозаическая форма изложенія является въ этомъ случаѣ то какъ бы дополненіемъ къ мысли выраженной въ стихахъ, то просто продолженіемъ того же предложенія, которое по своему началу выражалось стихами. Напр.:



Здѣсь два первые стиха строфы имѣютъ у себя ту особенность, что, раздѣленные пополамъ, они читаются одинаково сверху и снизу; но, не будучи въ состояніи совладать съ этимъ пріемомъ

въ дальнѣйшихъ стихахъ, переводчикъ оставляетъ его на полострофы и заканчиваетъ свою стихотворную рѣчь по обыкновенному способу монгольскаго стихосложенія. А вотъ примѣръ того, что переводчикъ, начавъ стихотвореніе по способу сочетанія стиховъ единствомъ для всѣхъ ихъ начальнаго слова, оканчиваетъ строфу совершенно прозаическою формою изложенія:



ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
5	4		
—	5		
7	10		
—	11		
13	11		
14	8		
20	9		
21	12		
23	7		
24	7		
32	8		
64	15	хояра̄н	хоира̄н
80	10	буддинскихъ	буддійскихъ
182	36	развалистою	развилистою
328	5		
330	21		
337	16		
338	30		
339	12		
—	24		
340	2		
343	6		
—	8		
—	9		

2007096202